МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISSN 2664-7362 (PRINT)
ISSN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
XI Международной научной конференции

Донецкие чтения – 2026:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 5 | **Экономические науки. Часть 2**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

XI Международная научная конференция

Материалы конференции

Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 2

г. Донецк
10–12 ноября 2026 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2026

ББК У.я431
УДК 33(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), А.В. Белый (зам. гл. ред), Ю.Н.Полшков, О.Ю. Сердюк, Е.Г. Кошелева, О.Л. Некрасова, Е.С. Шилец, А.А. Кужелева, В.В. Важинская, Л.А. Гладкова, В.В. Капыльцова, Т.В. Костина, В.В. Кравченко, Ю.С. Воробьёва, М.В. Фоменко

Д672 **Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы XI Международной научной конференции (Донецк, 10–12 ноября 2026 г.). – *Том 5: Экономические науки. Часть 2* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2026. – 426 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

Во вторую часть пятого тома материалов XI Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2026: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам экономических наук. Рассматриваются вопросы в области управления персоналом и экономики труда, прикладной экономики, математических методов и моделей, национальной и региональной экономики, мировой экономики и международных экономических отношений, международного бизнеса и делового администрирования.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, преподавателям, специалистам-практикам, проводящим исследования в сфере экономики.

ББК У.я431
УДК 33(043.2)

© Коллектив авторов, 2026
© Донецкий государственный университет, 2026

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Панченко Владислав Яковлевич, вице-президент Российской академии наук, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Сопредседатель:

Беспалова Светлана Владимировна, ректор Донецкого государственного университета, руководитель Представительства Российской академии наук на территории Донецкой Народной Республики, д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Донецк).

Члены программного комитета:

Алексеев Игорь Александрович, ведущий научный сотрудник лаборатории физической географии и биогеографии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, д-р геогр. наук (г. Иркутск).

Андреев Дмитрий Александрович, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва), д-р ист. наук, доцент (г. Москва).

Аноприенко Александр Яковлевич, ректор Донецкого национального технического университета, канд. техн. наук, профессор (г. Донецк).

Бабурин Сергей Николаевич, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, профессор, почётный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва).

Бахтин Станислав Геннадиевич, декан химического факультета Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Белозеров Геннадий Александрович, заместитель генерального директора Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

Белый Александр Владимирович, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого государственного университета, канд. хим. наук, доцент (г. Донецк).

Блинова Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности Херсонского государственного педагогического университета, д-р психол. наук, профессор (г. Херсон).

Вартанова Елена Леонидовна, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, академик РАО (г. Москва).

Варюхин Виктор Николаевич, научный руководитель Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корр. РАН, (г. Донецк).

Воронова Ольга Евгеньевна, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р филол. наук, профессор (г. Рязань).

Ганиева Ирина Александровна, директор АНО «Научно образовательный центр „Кузбасс“», д-р экон. наук, доцент (г. Кемерово).

Глухов Александр Захарович, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета, д-р биол. наук, профессор (г. Донецк).

Головчан Алексей Витальевич, директор Донецкого физико-технического института им. А. А. Галкина, канд. физ. мат. наук, доцент (г. Донецк).

Данилюк Даниил Анатольевич, и. о. директора Института прикладной математики и механики, канд. физ. мат. наук (г. Донецк).

Журавлёва Екатерина Васильевна, Советник президента РАН, советник Председателя Совета директоров ГК «ЭФКО», д-р с.-х. наук, профессор РАН (г. Белгород).

Зенченко Светлана Вячеславовна, проректор по научной работе Северо-Кавказского федерального университета, д-р экон. наук, профессор (г. Ставрополь).

Зинченко Юрий Петрович, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р психол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик РАО (г. Москва).

Игнатенко Григорий Анатольевич, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького, д-р мед. наук, профессор, академик РАН (г. Донецк).

Ильинский Владимир Викторович, и. о. зав. кафедрой общей экологии и гидробиологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор (г. Москва).

Исаков Владимир Борисович, профессор НИУ «Высшая школа экономики», д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Калмыков Степан Николаевич, вице-президент Российской академии наук, д-р хим. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Керимов Александр Джангирович, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, д-р юрид. наук, профессор (г. Москва).

Кирпичников Михаил Петрович, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Кожухов Игорь Борисович, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники», д-р физ. мат. наук, профессор (г. Москва).

Крамаренко Артём Александрович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики, Министр сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности (г. Донецк).

Красильников Павел Владимирович, декан факультета почвоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р биол. наук, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Липгарт Андрей Александрович, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р филол. наук, профессор (г. Москва).

Лубков Алексей Владимирович, ректор Московского педагогического государственного университета, д-р ист. наук, профессор, академик РАО (г. Москва).

Макаров Кирилл Борисович, заместитель Председателя Правительства Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Матишов Геннадий Григорьевич, заместитель президента РАН, научный руководитель Южного научного центра РАН, д-р геогр.наук, профессор, академик РАН (г. Ростов-на-Дону).

Месхи Бесарион Чохоевич, ректор Донского государственного технического университета, председатель Совета ректоров вузов Ростовской области, д-р техн. наук, профессор, академик РАО (г. Ростов на Дону).

Минаев Андрей Иванович, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, д-р ист. наук, доцент (г. Рязань).

Некипелов Александр Дмитриевич, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Нечаев Владимир Дмитриевич, ректор Севастопольского государственного университета, д-р полит. наук, доцент (г. Севастополь).

Овечко Сергей Викторович, заместитель Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Пармон Валентин Николаевич, научный руководитель Института катализа СО РАН, д-р хим. наук, академик РАН (г. Новосибирск).

Плугатарь Юрий Владимирович, директор Ордена Трудового Красного Знамени Никитского ботанического сада – Национального научного центра РАН, председатель Совета ботанических садов России, д-р с.-х. наук, профессор, академик РАН (г. Ялта).

Половян Алексей Владимирович, директор Института экономических исследований, д-р экон. наук, доцент, (г. Донецк).

Понедельников Алексей Борисович, руководитель отдела «Северо-Азовский» Южного филиала ФГБНУ «ВНИРО» (г. Мариуполь).

Приходько Светлана Анатольевна, директор Донецкого ботанического сада, канд. биол. наук, ст. науч. сотр. (г. Донецк).

Прутцков Григорий Владимирович, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», д-р филол. наук (г. Москва).

Рябичев Виктор Дронович, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля, д-р техн. наук, профессор (г. Луганск).

Садовничий Виктор Антонович, ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН (г. Москва).

Секиринский Дмитрий Сергеевич, заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации.

Скуратовская Екатерина Николаевна, врио директора Института биологии южных морей имени А. О. Ковалевского РАН, канд. биол. наук (г. Севастополь).

Сократов Сергей Альфредович, зам. декана географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, канд. геогр. наук, доцент (г. Москва).

Тедеев Вадим Ботазович, ректор Юго Осетинского государственного университета имени А. А. Тибилова, канд. техн. наук, профессор (г. Цхинвал).

Тохтарь Валерий Константинович, директор Ботанического сада Белгородского государственного национального исследовательского университета, д-р биол. наук, с. н. с. (г. Белгород).

Трофимов Олег Владимирович, Министр образования и науки Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Тулупов Владимир Васильевич, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, д-р филол. наук, профессор (г. Воронеж).

Туранина Неонила Альфредовна, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры, д-р филол. наук, профессор (г. Белгород).

Федянин Андрей Анатольевич, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, д-р физ. мат. наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва).

Харламенкова Наталья Евгеньевна, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора Института психологии РАН, д-р психол. наук, профессор (г. Москва).

Хомутова Екатерина Валерьевна, директор Института физико-органической химии и углехимии им. Л. М. Литвиненко, канд. биол. наук (г. Донецк).

Шебалков Алексей Викторович, Министр природных ресурсов и экологии Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Управление персоналом и экономика труда

УДК 331.101.05

КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Балтачеева Н.А., д-р экон. наук, проф., ORCID 0000-0002-6531-1972,
Андреев С.С.,ORCID 0009-0008-5125-1279
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.baltacheeva@donnu.ru, stanislavandreyev90@yandex.ru

Введение. Масштабная цифровизация всех сфер и отраслей экономики подвергает серьезным структурным изменениям человеческий капитал. Это проявляется в том, что цифровизация, с одной стороны, расширяет возможности для развития человеческого капитала за счет увеличения и расширения доступа к образовательным ресурсам, в результате чего появляются новые форматы профессиональной и личностной самореализации и саморазвития; с другой стороны, цифровизация порождает новые проблемы и вызовы для человека, среди которых необходимость постоянного обновления компетенций для соответствия требованиям выполняемых трудовых процессов, потребность в адаптации образовательных систем к новым запросам, усиление цифрового неравенства между различными социальными группами и вероятность возникновения технологической безработицы.

Цель исследования – систематизация ключевых факторов и выявление характера их влияния на человеческий капитал организации в условиях цифровой трансформации.

Основная часть. Цифровизация – это результат научно-технического прогресса, где человек – главный источник и генератор инноваций. При этом важно отметить, что те условия работы, которые создаются человеком в результате цифровизации, ставят перед человеком новые требования к его компетенциям и знаниям. Цифровая экономика формирует новый «спрос» на человеческий капитал через поляризацию на рынке труда высококвалифицированных специалистов и появление новых форм занятости, таких как дистанционная, платформенная занятость, фриланс, гиг-экономика, краудворкинг, аутсорсинг, аутстаффинг.

Изменение роли работника под влиянием новых технологий и повышение стратегической значимости управленческих процессов обусловливают необходимость пересмотра факторов, влияющих на человеческий капитал организации. На основе анализа научных концепций человеческого капитала [1 – 5 и др.] и комплексного подхода, учитывающего не только профессиональные компетенции, но и личностные качества, мотивацию, способности к обучению и адаптации, определены детерминанты человеческого капитала организации в условиях цифровой трансформации (рис. 1).

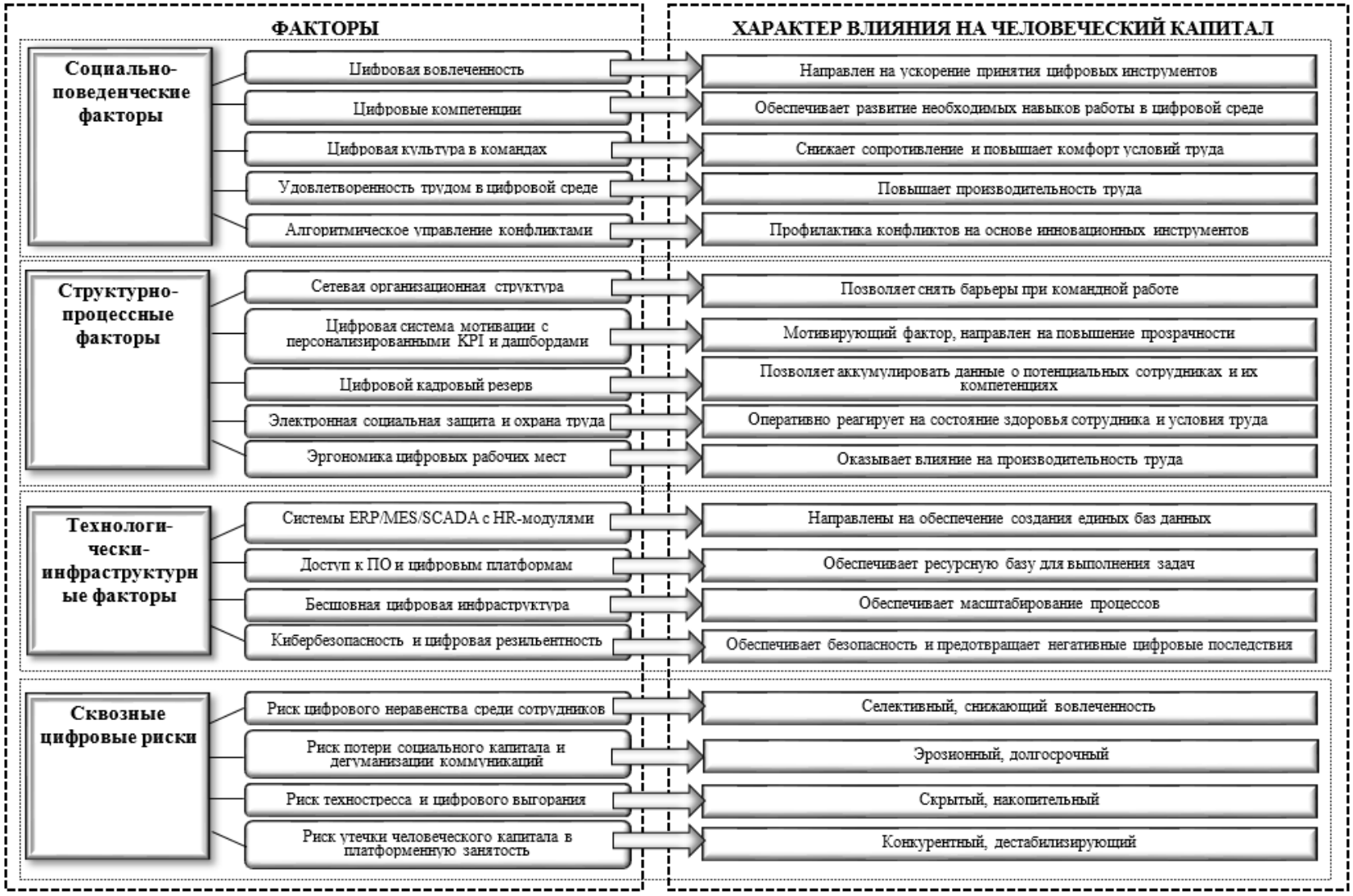

Рис. 1. Детерминанты человеческого капитала организации в условиях цифровой трансформации

(разработано авторами)

Предложенные группы факторов представляют собой комплексную систематизированную базу данных, практическое использование которой позволит не только развивать персонал в долгосрочной перспективе, но и оперативно реагировать на текущие изменения и тенденции с учетом процессов цифровой трансформации. Авторами выделена новая группа факторов – «сквозные цифровые риски», отражающая риски цифровой среды. Данная группа сопоставляет характер влияния факторов с конкретными кадровыми процессами и может быть использована для выявления «узких мест» и «точек роста» в управлении человеческим капиталом, а также для разработки методики оценки и формирования цифровых индикаторов в дальнейшей перспективе и программ поддержки и развития персонала, адаптированных к вызовам цифровой трансформации.

Заключение. Цифровая трансформация имеет высокую степень влияния на человеческий капитал, так как «перекраивает» требования к компетенциям работника в процессе выполнения его трудовых обязанностей, появляется необходимость постоянного обучения и работы в командах, создаются новые должности и профессии, повышается психологическая нагрузка. Вместе с тем возникает риск обесценивания человеческого капитала тех, кто не может переобучиться и подстроиться к новым реалиям и запросам. В условиях цифровизации на человеческий капитал организации влияет комплекс факторов, которые сгруппированы в четыре группы: социально-поведенческие, структурно-процессные, технологически-инфраструктурные, сквозные цифровые риски.

Список литературы

1. Андрющенко, Г. И. Анализ факторов, определяющих качество человеческого капитала в условиях цифровизации экономики / Г. И. Андрющенко, М. В. Савина, И. П. Хоминич // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 955-970. – DOI 10.18334/ce.17.3.117409. – EDN: UJOZBR.
2. Колмыкова, Т. С. Цифровая компетентность человеческого капитала в условиях развития инновационных экосистем / Т. С. Колмыкова, А. В. Зеленов // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 3. – С. 13-15. – EDN: EUMYTX.
3. Махмудова, М. М. Развитие человеческого капитала в условиях цифровой экономики и технологического перевооружения / М. М. Махмудова. – Текст: электронный // Теоретическая экономика. – 2023. – № 6. – С. 38-53. – EDN: TLLGUU.
4. Сопилко, Н. Ю. Особенности управления человеческим капиталом в условиях цифровой трансформации предприятия / Н. Ю. Сопилко, В. В. Горбачева // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 9. – С. 50-52. – EDN: WPOHWP.
5. Ягудина, Е. В. Человеческий капитал в условиях цифровой трансформации: проблемы и перспективы / Е. В. Ягудина, Р. Х. Ягудин // Экономические науки. – 2024. – № 12 (241). – С. 446-450. – DOI: 10.14451/1.241.446. – EDN: GJOIEJ.

УДК 331

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОГО ВЫГОРАНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Бельчик Т.А., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-5729-8475
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, РФ
t.a.belchik@mail.ru

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью проведения операционализации понятия «профессиональное выгорание молодых специалистов» в контексте экономики труда и управления человеческими ресурсам. В психологии термин «профессиональное выгорание» связывают с физическим и психическим истощением, возникающим на фоне длительного выполнения профессиональных обязанностей и высокого эмоционального напряжения [1]. Дальнейшее развитие эта концепция получила в трудах К. Маслач и С. Джексон, которые дополнили характеристики профессионального выгорания профессиональной неэффективностью, возникающей в результате эмоциональных нагрузок, связанных с трудовой деятельностью [2]. Но если в прежнее время о выгорании говорили тогда, когда работник уже длительное время трудится, особенно на одном месте (учителя, врачи), то в настоящее время стали говорить о выгорании молодых специалистов. И это уже может свидетельствовать о неэффективности сложившейся системы найма и дальнейшей адаптации работников. Потеря интереса молодых сотрудников к профессии, увольнение и «поиск себя» приводят к колоссальным издержкам, к невозможности повышать производительность труда и т.д. В августе 2026 года ВЦИОМ провел исследование методом телефонного интервью и получил результаты, показывающие, что у 28% работающих по найму причиной увольнения стало именно психологическое, эмоциональное состояние (стресс, выгорание, депрессия и т.п.) [3]. Аналитики ВЦИОМ утверждают, что растет уровень выгорания у работников 25-34 года. 44% респондентов заявили о накопившемся психологическом выгорании.

Цель: проанализировать причины преждевременного профессионального выгорания и сформулировать предложения по экономической оценке потерь, связанных с проблемами адаптации молодых специалистов в профессии.

Основная часть. В соответствии с нормативными актами РФ к молодым относят людей в возрасте до 35 лет. Молодой специалист – это человек еще более молодой, недавно окончивший учебное заведение. В целом работники до 35 лет – это люди, чей трудовой потенциал еще не сформировался, в этот период человек еще развивается, набирается опыта,

учится, приобретает навыки, в него еще требуется много инвестировать. И если наступает так называемое «профессиональное выгорание» в молодом возрасте, то можно с высокой долей вероятности утверждать, что инвестиции в его трудовой потенциал не окупятся, они обесценятся. Классический взгляд на эту проблему все-таки подразумевает выгорание «старых, опытных» сотрудников, от которых уже была получена большая отдача. Выгорание молодых – это скорее противоречие между завышенными ожиданиями и пока еще низкой отдачей, которая выражается, прежде всего, в невысоком уровне оплаты труда.

Данная проблема уже обострилась на макроуровне: молодежь без желания идет в реальный сектор экономики, снижается интерес к рабочим специальностям, в вузах невысокий спрос на инженерные направления, особенно в региональных вузах. В данном исследовании больше внимания уделено проблеме на микроуровне, где профессиональное выгорание приводит к прямым потерям: работники демонстрируют низкий уровень вовлеченности и, как следствие, производительности труда. Эмоционально уставшие и вечно напряженные работники не могут сосредоточиться, вникнуть в рабочие задачи, что приводит к стрессовой ситуации, которая приводит к нарушениям здоровья, больничным и увольнениям. Предприятия не могут сформировать замену пожилым профессионалам, которые готовы делиться опытом, выступать наставниками.

Текучесть кадров среди молодых работников переводит проблему выгорания в проблему неэффектной работы по найму и адаптации сотрудников. Ряд исследований в области экономики труда посвящены использованию в работе HR-служб положений «теории поколений». Остановимся на поколении зумеров, для которых здоровье и свободное время становятся высшими ценностями, для них заработная плата уже не является приоритетом при выборе работы, они болезненно реагируют на рутину и переработки, стремясь сохранить баланс между личной жизнью и занятостью. В таких условиях службам, отвечающим за управление человеческими ресурсами необходимо перестраивать свою работу по данным направлениям.

В контексте достижения национальных целей государства, необходимо, с одной стороны, развивать потенциал каждого, и, прежде всего, молодежи. А для обеспечения экономического роста необходимо существенно повышать экономическую отдачу от каждой единицы ресурса труда. В условиях кадрового дефицита повышение эффективности сотрудников и профилактика раннего профессионального выгорания молодых специалистов становятся важными задачами менеджмента. Таким образом, решение данной проблемы находится на разных уровнях (рис. 1).

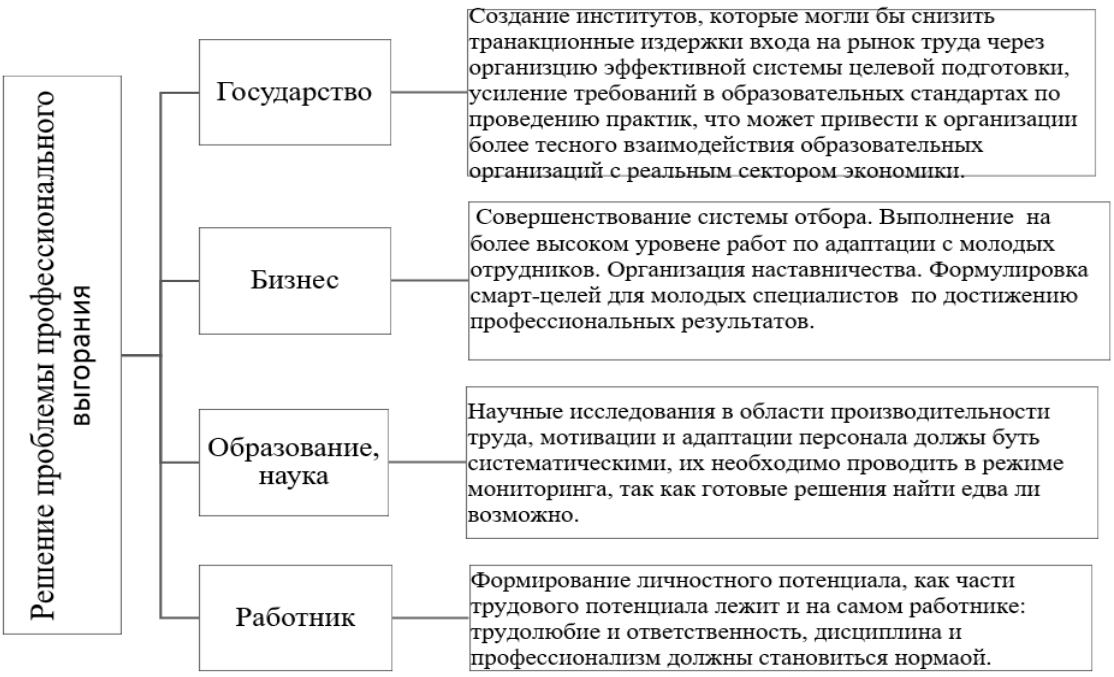

Рис. 1. Направления деятельности по решению проблемы профессионального выгорания молодых специалистов (*составлено автором*)

Заключение. Профессиональное выгорание молодых специалистов – это уже не психологическая проблема, а показатель неэффективности инвестиций в человеческий капитал. Корнями она уходит в проблему профессиональной ориентации еще на этапе школы. Вузы и колледжи, уделяя больше внимания благоприятной среде, чем качеству подготовки, выпускают специалистов, не готовых к трудностям адаптации. Размытые критерии эффективности выполнения работы на начальном этапе повышают неопределенность новичка и приводят к эмоциональному напряжению. Внедрение стандартов, нормирования труда и понятных штрафных или поощрительных санкций на старте, наоборот, мобилизует сотрудника и ускоряет его реальную профессиональную адаптацию.

Список литературы

1. Ковалева, М. А. Роль адаптивности в снижении эмоционального выгорания у менеджеров по продажам с разным стажем работы / М. А. Ковалева, И. А. Кость // Вестник МГУТУ имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия прикладных научных дисциплин. – 2026. – № 1. – С. 110-124. – DOI 10.69540/2949-4079.2026.21.66.010.
2. Платицина, А. В. Взаимосвязь личностных ресурсов и эмоционального выгорания у работающей молодежи / А. В. Платицина, Е. А. Родионова // International Journal of Medicine and Psychology. – 2026. – Т. 9, № 5. – С. 315-321. – DOI 10.58224/2658-3313-2026-9-5-315-321.
3. Официальный сайт ВЦИОМ Исследование: Смена работы: причины, следствия, риски. – Текст: электронный. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/smena-raboty-prichiny-sledstvija-riski (дата обращения: 07.10. 2026).

УДК 331.53

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРУКТУРНОГО ДИСБАЛАНСА РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА: МЕРЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАКТИКИ БИЗНЕСА

Брюхина Н.Г., канд. экон. наук, ORCID 0009-0004-2646-8223,
Тимошенко В.С., ORCID 0009-0003-5620-9006,
Баранникова А.А., ORCID 0009-0003-0080-034X
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный технический университет»,
г. Алчевск, ЛНР, РФ
anka033@yandex.ru, eiy2023@yandex.ru, barannikovaanast@yandex.ru

Введение. Современный российский рынок труда переживает фундаментальную трансформацию. Если ранее основной проблемой была высокая безработица и избыток предложения рабочей силы, то сегодня на первый план вышел устойчивый структурный дефицит кадров. Согласно, данным, приведенным в исследованиях Масленниковой Е.В., Антоновой О.А., Колесник Е.А., Елисеевой Е.Н., уровень безработицы в РФ достиг исторического минимума (по итогам 2024 года составил 2,3-2,5%) [1], тогда, как количество вакансий увеличивается рекордными темпами. Данный дисбаланс, усугубляемый демографическим спадом, миграционным оттоком и разрывом между образовательными программами и потребностями экономики, превращается в главное препятствие для устойчивого развития регионов. В этих условиях особую значимость приобретает выработка эффективных механизмов взаимодействия государства и бизнеса, направленных на обеспечение баланса спроса и предложения рабочей силы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра сложившихся подходов к кадровой политике в условиях структурного дисбаланса региональных рынков труда.

Цель работы – систематизировать меры государства и практики бизнеса по преодолению структурного дисбаланса регионального рынка труда и определить направления их взаимодействия в этом процессе.

Основная часть. Как отмечают Лаврикова Ю.Г., Котлярова С.Н., Васильева Е.В., «конкуренция за квалифицированные кадры выходит за пределы отдельных компаний, становясь территориальной: специалисты выбирают не только место работы, но и качество городской среды» [2]. Ахапкин Н.Ю. подчеркивает, что традиционные методы закрытия вакансий стали неактуальны, а рост заработных плат не решает проблему дефицита из-за структурного характера дисбаланса, а напряженность на рынке труда сменила направление – главной угрозой экономическому росту стала не безработица, а дефицит кадров, вызванный демографическим спадом, старением рабочей силы, оттоком молодежи в крупные центры и разрывом

между образовательными программами и потребностями экономики [3]. Более того, Узякова Е.С. указывает на значительный потенциал снижения напряженности через легализацию неформальной занятости и внедрения трудосберегающих технологий. По ее оценкам, для обеспечения долгосрочного экономического роста необходимо повысить производительность труда как минимум на 15 млн рабочих мест, приоритетными отраслями для модернизации являются строительство и торговля. Значительным резервом сферы неформальной занятости с учетом скрытой занятости в организациях вне формального сектора достигает 30,6 % от всех занятых, что создает колоссальные потери человеческого капитала и недополучение бюджетных доходов [4]. В этих условиях государство призвано активировать скрытые резервы рабочей силы, т.к 65,4% респондентов пенсионного возраста готовы продолжить трудовую деятельность при условии гибких форм занятости (неполный день, удаленная работа и т.д.) Таким образом, современная разработка интегральных механизмов преодоления дисбаланса с четким разделением ролей государства и бизнеса является критически важной для обеспечения социально-экономического развития региона.

Государство должно легализовать неформальную занятость, адаптировать систему образования, особенно среднее профессиональное образование, к запросам работодателей и стимулировать территориальную мобильность рабочей силы через субсидии на переезд и развитие инфраструктуры. Однако одних государственных мер недостаточно. Крупные промышленные компании переходят от пассивного найма к активному формированию собственного человеческого капитала, создавая корпоративные университеты и инженерные школы (ПАО «ММК», «Норникель», УГМК), внедряя расширенные социальные пакеты и смягчая возрастные требования [1]. Особого внимания заслуживает анализ конкретных инструментов, применяемых крупными индустриальными компаниями для привлечения и удержания персонала. Как показывают исследования, компании комбинируют социальные, образовательные и финансовые инструменты, создавая комплексные программы развития территорий. Так, например, ПАО «ММК» реализует проект «Притяжение» в Магнитогорске, инвестируя в создание рекреационных и культурных объектов, а ПАО ГМК «Норильский никель» вкладывает значительные средства в развитие Норильска (2,9 млрд. руб. в 2023году) [5]. Данные меры не только повышают качество жизни, но и снижают миграционный отток, что подтверждается статистическими данными – в регионах с активной социальной политикой бизнеса наблюдается высокий уровень удовлетворенности населения условиями жизни и рост числа квалифицированных специалистов. В качестве системного шага по решению проблемы с 1 января 2025 г. государством запущен национальный проект «Кадры», нацеленный на формирование кадрового резерва в

регионах [2]. Однако принимаемые меры пока не привели к полному устранению дисбаланса: они либо не проявили себя в полной мере, либо недостаточны и нуждаются в совершенствовании [1].

Заключение. Структурный дисбаланс регионального рынка труда носит системный характер и не может быть преодолен усилиями только государства или только бизнеса. Государство создает институциональные условия, легализует неформальную занятость, адаптирует образование к запросам экономики, стимулирует территориальную мобильность и вовлекает скрытые резервы – пенсионеров и молодежь. Бизнес выступает драйвером на местах: инвестирует в корпоративное обучение, социальную инфраструктуру и качество жизни, что повышает привлекательность регионов. Долгосрочным решением является структурно-технологический маневр с внедрением трудосберегающих технологий и ростом производительности труда. Ключевое условие успеха – переход от пассивного «закрытия вакансий» к активной стратегии развития человеческого капитала на основе государственно-частного партнерства.

Список литературы

1. Дефицит работников на рынке труда: возможности преодоления для устойчивого развития региона / Е. В. Масленникова, О. А. Антонова, Е. А. Колесник, Е. Н. Елисеева // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: Сборник научных статей. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 259-270. – DOI 10.17059/udf-2024-2-10. – EDN WLPACA.
2. Лаврикова, Ю. Г. Роль крупных индустриальных компаний в кадровом обеспечении экономики регионов / Ю. Г. Лаврикова, С. Н. Котлярова, Е. В. Васильева // Экономическое возрожде-ние России. – 2025. – № 3(85). – С. 38-50. – DOI 10.37930/1990-9780-2025-3-85-38-50. – EDN RWEEVE.
3. Ахапкин, Н. Ю. Структурная динамика российского рынка труда: эффекты санкционных ограничений / Н. Ю. Ахапкин // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – №6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnaya-dinamika-rossiyskogo-rynka-truda-effekty-sanktsionnyh-ogranicheniy (дата обращения: 17.09.2026).
4. Узякова, Е. С. Неформальная занятость и структурные дисбалансы на рынке труда / Е. С. Узякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – №6. –URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnaya-zanyatost-i-strukturnye-disbalansy-na-rynke-truda (дата обращения: 17.09.2026).
5. Социальные инвестиции бизнеса в развитие территорий: стратегия конкуренции за трудовые ресурсы / А. В. Фирсов, Н. Ю. Белякова, О. Т. Ергунова, Н. Ю. Омарова // Beneficium. – 2025. – №2 (55). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-investitsii-biznesa-v-razvitie-territoriy-strategiya-konkurentsii-za-trudovye-resursy (дата обращения: 17.09.2026).

УДК 331.5

УДАЛЕННАЯ РАБОТА КАК ФОРМА НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Бунтовская Л.Л., д-р экон. наук, проф., ORCID 0009-0003-8749-4516
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
l.buntovskaya@mail.ru

Введение. Проблема нестандартной занятости в настоящее время приобретает все большую актуальность, что обусловлено современными трендами в экономике и на рынке труда России. В последнее десятилетие наблюдается увеличение количества нестандартно занятых работников, к числу которых можно отнести работающих на цифровых платформах, самозанятых, неформально занятых, фрилансеров, занятых в домашних и фермерских хозяйствах, временно занятых. Все большую популярность обретают поливоркинг и коворкинг, проектная занятость, лизинг, аутсорсинг и аутстаффинг, множественная занятость и другие формы нестандартной занятости. Недостаточная социальная защищенность большинства из этих категорий работников, элементы прекаризации их труда требуют пристального внимания с точки зрения правовой защищенности и регламентации их трудовой деятельности.

Цель исследования – анализ нестандартной занятости и разработка предложений по ее регулированию.

Основная часть. Одной из наиболее распространенных форм нестандартной занятости является удаленная работа, определение которой в научной литературе неоднозначно. Так, если изначально удаленную работу связывали исключительно с работой в домашних условиях, то в настоящее время такой труд может осуществляться, к примеру, и в арендованных помещениях, что получило название «коворкинг». В связи с этим сегодня в России набирает популярность строительство жилых домов с помещениями, которые могут использоваться для коворкинга.

Удаленная занятость предполагает различные варианты. Так дистанционные (штатные) работники могут работать по трудовому договору или соглашению, что предусматривает определенные социальные гарантии. Фрилансеры, работающие по договорам гражданско-правового характера или в статусе самозанятых, таковых не имеют.

Статистика показывает, что пик удаленной работы пришелся на период пандемии (25-30% всех работающих трудились удаленно), после чего процент удаленной занятости заметно снизился (в 2022 г. до 4, 2%, в 2023 г. до 1,4% и до 1% в текущий период) [1]. После пандемии все больше используется гибридный формат работы, предполагающий занятость как в удаленном, так и в очном формате. Основными сферами, в которых

используется удаленная работа, являются, по оценкам специалистов, IT, маркетинг, дизайн, бухгалтерский учет и финансы, образование, консалтинг, управление персоналом.

Анализируя портрет удаленного работника, можно отметить основные его характеристики. Так, наибольшее количество удаленно работающих составляют работники в возрасте 30-39 лет (671,5 тысяч человек); несколько меньшая группа (504,9 тысяч человек) – это возрастная категория от 40 до 49 лет. Количество людей старшего поколения снижается в соответствии с возрастом – от 301,2 тысяч 50-59-летних до 93,5 тысяч 60-69-летних и 6,4 тысяч работников 70-и лет и старше. Молодых работников 20-29 лет насчитывается около 335,6 тысяч, а в возрасте от 15 до 19 лет работают удаленно 3,6 тысячи человек [3]. Такое распределение удаленных работников вполне объяснимо и закономерно с точки зрения имеющегося у них опыта и возрастных особенностей. Установлено, что полный день работают 38% мужчин и 30% женщин [2] (всего 851,8 тысяч человек), а частично заняты 1065 тысяч работников. Большее количество частично занятых может объясняться желанием работников установить необходимый для них баланс между рабочим и свободным временем или выполняемой ими в других сферах работой. К тому же следует принимать во внимание бытовые обязанности, возлагаемые преимущественно на женщин, также требующие определенного времени, что предопределяет выбор ими частичной, а не полной занятости.

Соотношение удаленных работников в соответствии с их уровнем образования примерно одинаково для мужчин и женщин в категориях «Руководители», «Специалисты высшего уровня квалификации», «Специалисты среднего уровня квалификации» и других группах, однако доля мужчин в сфере дистанционной занятости несколько (хотя и незначительно) выше, чем доля женщин (69,6% против 68,5%) [3].

Преимущества удаленной занятости как для работников, так и для работодателей очевидны. Удаленная занятость позволяет работодателям экономить средства на оформление рабочих мест, охрану труда, обучение персонала, клининг помещений; расширяет географию круга работников; решает вопрос нехватки кадров. Для удаленно работающих это прежде всего гибкий график, отсутствие расходов на транспорт, баланс между личной жизнью и работой, возможность одновременной работы с несколькими компаниями или совмещение работы с обучением, отсутствие постоянного контроля текущего процесса со стороны работодателя.

Однако также очевидны риски и угрозы, формируемые удаленной занятостью. Так, привлекая стороннего работника к информационным ресурсам своей компании, работодатель не может быть уверен в безопасности бизнеса из-за возможной утечки информации к конкурентам. Кроме того, работодатель не имеет гарантии качества работы и ее

выполнения в установленные сроки, особенно если отсутствует трудовой договор с работником [3; 4].

Для работника удаленная работа нередко связана с низкой социальной защищенностью или отсутствием таковой, нестабильностью заработков, самостоятельной оплатой обучения (если имеется такая необходимость), невключенностью в трудовой коллектив, а соответственно, низкой лояльностью и большим объемом работы.

Несмотря на то, что удаленная занятость прекрасно вписывается в тренды отечественного рынка занятости, имеются определенные ограничители потенциала ее развития, к которым нужно отнести невозможность перевода работников определенных сфер (например, сферы обеспечения безопасности или сельхозработ) в удаленный режим; снижение качества дистанционного образования; сложность обеспечения информационной безопасности, субъективные факторы, связанные со снижением мотивации работников, и др. [5].

Заключение. Новая парадигма рынка труда, основанная на использовании новых форм занятости, изменении требований к работникам, гибкости и многоформатности трудовой деятельности, определяет повышение значимости нестандарной, в том числе, удаленной, занятости, для регулирования которой необходимо соответствующее нормативно-правовое обеспечение, поддержка обучения населения цифровой грамотности, социальные гарантии и достойная оплата труда.

Список литературы

1. Мануйлова, А. Традиционные трудовые ценности / А. Мануйлова // Коммерсантъ: сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6953294 (дата обращения 10.09.2026 г.).
2. Бегин, А. Актуальная статистика удаленной работы в 2025 году. – Текст: электронный / А. Бегин. – URL: https://inclient.ru/remote-work-stats/ (дата обращения 12.09.2026 г.).
3. Забелина, О. В. Институт дистанционной занятости: особенности и характеристики развития в российской экономике // О. В. Забелина, Ф. И. Мирзабалаева // Экономика труда. – 2023. – № 10. – Т. 10. – С. 1553-1568. – URL: – https://1economic.ru/lib/119263 (дата обращения 12.09.2026 г.). – DOI 10.18334/et.10.10.119263. – EDN TWQIZP.
4. Воротынская, А. М. Новые формы занятости и информационная безопасность / А. М. Воротынская // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 1. – С. 5-9. – URL: https://giefjournal.ru/articles/novye-formy-zanjatosti-i-informacionnaja-bezopasnost/?ysclid=mrth9e8p1q439130773 (дата обращения 14.09.2026 г.).
5. Янков, К. В. Подходы к измерению и прогнозированию удаленной занятости / К. В. Янков // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 4 (187). – С. 89-99. – URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2021/07/izmerenie-udalennoj-zanyatosti.pdf (дата обращения 10.09.2026 г.) ORCID 0000-0002-8474-4036.

УДК 331.108.45

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ

Важинская В.В., канд. экон. наук, доц., ORDID 0009-0006-8877-4298
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.vazhinskaia@donnu.ru

Введение. Начало профессиональной деятельности требует от выпускника освоения трудовых операций, включения в организационную культуру, профессиональных коммуникаций и перехода от теоретической подготовки к самостоятельной работе. Для работодателя привлечение молодых специалистов создаёт возможности формирования кадрового резерва, но требует затрат на обучение и сопровождение.

Цель исследования − определить значение наставничества в адаптации молодых специалистов на основе анализа доступных статистических данных о практике российских работодателей.

Основная часть. В научной литературе наставничество рассматривается как форма трудовой адаптации, при которой опытный работник оказывает молодому специалисту профессиональную, организационную и психологическую поддержку [1; 2]. В процессе сопровождения работник осваивает должностные обязанности и учится самостоятельно выполнять трудовые функции.

Для человеческого капитала молодого специалиста наставничество переводит теоретические знания в практические навыки, формирует профессиональные модели поведения и способность принимать решения, помогает включиться в коллектив и освоить нормы организационной культуры [1 − 3].

В июне 2024 г. на портале «Работа России» опрошено более 2 тыс. компаний, организаций и предприятий из всех регионов Российской Федерации. 94% работодателей готовы принимать на работу и обучать молодых специалистов с недостаточным опытом, 68% готовы инвестировать в работников, которым требуется дополнительное профессиональное развитие, а 57% используют систему наставничества [4].

Данные таблицы показывают высокую готовность работодателей компенсировать недостаток опыта посредством обучения: 94% готовы трудоустраивать и обучать молодых специалистов.

При этом существует разрыв между готовностью обучать и использованием инструментов развития: при 94% работодателей, готовых обучать молодых специалистов, наставничество применяют 57% организаций. Можно предположить, что различие связано с отсутствием

подготовленных наставников, ограниченными временными ресурсами опытных сотрудников, отсутствием критериев оценки результатов и недостаточной организационной регламентацией процесса [3; 5].

Таблица 1 – Формы привлечения и развития молодых специалистов в практике российских работодателей (*составлено автором на основе* [4])

Направление работы	Доля работодателей, %
Готовы трудоустраивать и обучать молодых специалистов с недостаточным опытом	94
Готовы инвестировать в специалистов с недостаточным опытом	68
Используют систему наставничества	57
Организуют практику с последующим трудоустройством	13
Оплачивают профильные курсы	11
Используют корпоративные курсы	11

Наставничество − наиболее распространённая из представленных форм дополнительного развития: его используют 57% работодателей, практика с последующим трудоустройством охватывает 13%, профильные и корпоративные курсы − по 11%. Инструмент позволяет обучать непосредственно на рабочем месте и связывать подготовку с реальными задачами организации [1, 2, 5].

Сопоставление двух исследований показывает значение наставничества для работодателей и работников: первые связывают его с восполнением дефицита практических компетенций, вторые − с повышением уверенности и включением в рабочий процесс [4; 6]. Показатели 57% и 40% не следует трактовать как прямое противоречие, поскольку исследования проводились на разных выборках и с различными единицами анализа.

Для повышения результативности наставничества целесообразно определить категории работников, критерии отбора наставников и индивидуальный план адаптации; затем знакомить молодого специалиста с рабочими задачами, контролировать результаты и давать обратную связь; на заключительном этапе оценивать самостоятельность работника и достижение целей адаптации.

Эффективность наставнической программы может оцениваться по продолжительности адаптационного периода, скорости достижения самостоятельности, количеству ошибок, результатам индивидуального плана, оценке качества поддержки и продолжению работы в организации через шесть и двенадцать месяцев [3; 5].

Особое значение имеет мотивация наставников. Наставническая деятельность требует временных и интеллектуальных затрат, поэтому её следует учитывать при оценке трудового вклада опытного сотрудника. Федеральным законом от 09.11.2024 № 381-ФЗ в Трудовой кодекс

Российской Федерации введена статья 351.8, регулирующая особенности труда работников, выполняющих работу по наставничеству в сфере труда. Согласно установленным положениям, наставничество осуществляется с письменного согласия работника, а его содержание, срок, форма выполнения и размер выплаты должны определяться трудовым договором или дополнительным соглашением к нему [7].

Заключение. Наставничество востребовано как инструмент адаптации молодых специалистов и развития их профессионального человеческого капитала. 94% работодателей готовы обучать молодых специалистов с недостаточным опытом, однако систему наставничества используют 57% организаций. Для распространения практик необходимы подготовка наставников, индивидуальные планы адаптации, обратная связь и оценка результатов.

Список литературы

1. Кукушкина, М. Л. Наставничество как инструмент трудовой адаптации молодых специалистов / М. Л. Кукушкина // Личность в современном мире : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург :2008. – С. 84–88. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/50082/1/klovsm_2008_01_084.pdf (дата обращения: 22.09.2026).
2. Киселева, Г. С. Наставничество как ключевой элемент адаптации молодого специалиста / Г. С. Киселева, Э. Е. Воронин // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 2 (51). – С. 133−137. – DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.229. – URL: https://vestnik.volbi.ru/webarchive/251/yekonomicheskie-nauki/nastavnichestvo-kak-klyuchevoi-yelement-.html (дата обращения: 22.09.2026).
3. Коробкин, М. А. Наставничество и адаптация молодых специалистов / М. А. Коробкин, И. И. Русакова, А. Ф. Чернавский // Вестник Уральского государственного медицинского университета. – 2020. – № 2. – С. 94–98. – URL: http://elib.usma.ru/bitstream/usma/3124/1/USMU_Sbornik_statei_2020_2_094.pdf (дата обращения: 22.09.2026).
4. Опрос «Работы России»: большинство работодателей готовы трудоустраивать молодых людей с недостающим опытом работы и обучать их // Федеральная служба по труду и занятости : официальный сайт. – 2024. – 3 июля. – URL: https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/1257058/ (дата обращения: 22.09.2026).
5. Зазнобова, Т. Н. Организация наставничества в адаптации молодых специалистов / Т. Н. Зазнобова // Актуальные исследования. – 2024. – № 48 (230), ч. II. – С. 90–92. – URL: https://apni.ru/article/10659-organizaciya-nastavnichestva-v-adaptacii-molodyh-specialistov (дата обращения: 22.09.2026).
6. 79% россиян назвали программы адаптации фактором успеха на новом месте работы // Forbes : [сайт]. – 2024. – 29 октября. – URL: https://www.forbes.ru/novosti-kompaniy/524059-avito-rabota-79-rossian-nazvali-programmy-adaptacii-faktorom-uspeha-na-novoj-rabote (дата обращения: 22.09.2026).
7. О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 09.11.2024 № 381-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 47. – Ст. 7018. – URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 22.09.2026).

УДК 331.2:332.1(477.62)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ОПЛАТЫ ТРУДА В РЕГИОНЕ

Васильев А.С., канд. экон. наук, ORCID 0009-0004-6059-643X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vasiliev0592@yandex.ru

Введение. Формирование единого экономического и правового пространства Донецкой Народной Республики (ДНР) с Российской Федерацией сопровождается масштабной трансформацией всех элементов социально-трудовых отношений, среди которых центральное место занимает система оплаты труда [1].

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена тем, что именно уровень, структура и своевременность выплат заработной платы выступают ключевыми индикаторами социально-экономического благополучия региона, определяющими качество жизни населения, миграционные настроения и трудовую мотивацию. Переход от национальных стандартов оплаты труда, сложившихся в предыдущий период развития республики, к нормативно-правовой базе Российской Федерации, в частности к положениям Трудового кодекса Российской Федерации, потребовал не только формальной адаптации законодательства, но и глубокой перестройки механизмов тарификации, начисления и финансирования фонда оплаты труда на всех уровнях – от федеральных трансфертов до конкретного предприятия. В этих условиях выявление, систематизация и анализ современных проблем в сфере оплаты труда приобретают особую научную и практическую значимость, поскольку позволяют сформулировать обоснованные рекомендации по совершенствованию региональной социально-экономической политики.

Целью исследования является комплексный анализ современных проблем, возникающих в сфере оплаты труда на территории Донецкой Народной Республики в условиях её интеграции в экономическое и правовое поле Российской Федерации.

Основная часть. Анализ современного состояния системы оплаты труда в ДНР позволяет выделить ряд взаимосвязанных проблем, носящих как объективный, так и организационный характер [2]. Фундаментальной проблемой выступает структурная зависимость региональной системы оплаты труда от федерального финансирования, поскольку бюджет ДНР сохраняет высокий уровень дотационности. Данная зависимость непосредственным образом проявляется в регулярных задержках выплаты заработной платы, особенно в бюджетном секторе экономики. Практика последних лет свидетельствует о том, что сбои в поступлении трансфертов

из федерального центра незамедлительно сказываются на выплате вознаграждения работникам образования, здравоохранения, социальной защиты, культуры, а также работникам градообразующих предприятий, в частности угольной отрасли. Подобные задержки, носившие массовый характер в 2024-2025 гг., затрагивали сотни предприятий и тысячи работников, формируя устойчивую социальную напряженность и подрывая доверие населения к институтам государственной власти.

Второй существенной проблемой выступает состояние оплаты труда в бюджетном секторе. Заработная плата работников образования, здравоохранения, социальной сферы и культуры традиционно остается ниже среднерегионального уровня, что порождает хронический кадровый дефицит, отток квалифицированных специалистов в более благополучные регионы Российской Федерации и снижение качества предоставляемых общественных услуг [3 – 4]. Особую остроту данной проблеме придает гендерный аспект, поскольку именно в бюджетных отраслях социальной сферы преобладает женская занятость, что объективно воспроизводит устойчивый гендерный разрыв в оплате труда.

Третьей проблемой является распространенность теневой занятости и «серых» схем выплаты заработной платы. Значительная доля работников малого бизнеса, сферы торговли и услуг получает вознаграждение полностью или частично вне правового поля, что лишает их социальных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством, снижает объем отчислений в Пенсионный фонд и фонды обязательного медицинского страхования, а также искажает официальную статистическую картину рынка труда [5]. Борьба с данным явлением осложняется как организационными факторами, так и экономической незаинтересованностью части работодателей и самих работников в легализации трудовых отношений.

Четвертой значимой проблемой остается выраженная внутрирегиональная дифференциация в уровне оплаты труда [6]. Заработная плата в городе Донецке объективно превышает соответствующие показатели в малых городах и сельских территориях республики, что усиливает внутреннюю миграцию, дисбалансирует рынок труда и затрудняет равномерное социально-экономическое развитие региона.

Заключение. Подводя итоги проведенного анализа, следует констатировать, что современное состояние сферы оплаты труда в Донецкой Народной Республике характеризуется комплексом взаимосвязанных проблем, коренящихся как в объективных экономических ограничениях региона, так и в организационно-институциональных сложностях переходного периода. Ключевыми из них являются структурная зависимость от федерального финансирования, проявляющаяся в систематических задержках выплат, диспропорция между минимальным,

средним и медианным уровнем заработной платы, низкая оплата труда в бюджетном секторе, распространенность теневых схем вознаграждения, незавершенность интеграционных процессов в сфере трудовых отношений и выраженная территориальная дифференциация. Решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, включающего диверсификацию собственной доходной базы бюджета региона, последовательное повышение минимального размера оплаты труда и тарифных ставок в бюджетной сфере, ужесточение контроля за соблюдением трудового законодательства, ускорение перехода всех предприятий на российские стандарты оплаты труда, а также реализацию целевых программ по развитию периферийных территорий. Только системные и согласованные действия в указанных направлениях способны обеспечить формирование в ДНР социально справедливой, экономически обоснованной и правовой системы оплаты труда, соответствующей статусу субъекта Российской Федерации и отвечающей интересам трудящихся.

Список литературы

1. Половян, А. В. Ключевые аспекты интеграции Донецкой Народной Республики в социально-экономическое пространство Российской Федерации / А. В. Половян, К. И. Синицына // Россия: общество, политика, история. – 2024. – № 2(11). – С. 146-172. – DOI 10.56654/ROPI-2024-2(11)-146-172. – EDN NTKWQD.
2. Половян, А. В. Региональная политика в области оплаты труда в бюджетной сфере: опыт Донецкой Народной Республики / А. В. Половян, К. И. Синицына // Уровень жизни населения регионов России. – 2026. – Т. 22, № 1. – С. 105-116. – DOI 10.52180/1999-9836_2026_22_1_7_105_116. – EDN BXNIGQ.
3. Васильев, А. С. Структура и сегментация рынка труда Донецкой Народной Республики: эмпирический анализ вакансионного поля / А. С. Васильев, К. И. Синицына // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 3, № 1(166). – С. 179-187. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.01.03.016. – EDN KOFHSI.
4. Теоретико-методологические основы и прикладные аспекты математического моделирования экономической деятельности и процессов управления регионально-отраслевым развитием / Ю. Н. Полшков, А. В. Половян, М. Ю. Терентьева [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 392 с. – ISBN 978-5-00261-168-3. – EDN EWHALK.
5. Мониторинг минимального уровня потребительских расходов населения промышленных регионов / А. В. Половян, Н. В. Шемякина, М. В. Борисенко [и др.]. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – 257 с. – ISBN 978-5-00261-080-8. – EDN VMJZWH.
6. Половян, А. В. Оценка влияния повышения прожиточного минимума на экономику Донецкой Народной Республики / А. В. Половян, К. И. Синицына // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2017. – № 1. – С. 103-119. – EDN YMMVKD.

УДК 331.44:316.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РАБОТНИКОВ В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ В УСЛОВИЯХ ПОСТКОНФЛИКТНОГО РАЗВИТИЯ

Васильев А.С., канд. экон. наук, ORCID 0009-0004-6059-643X,
Еверзов Н.М., ORCID 0009-0008-3535-3670,
Белякович Е.А., ORCID 0009-0001-7317-1025
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.vasilev@donnu.ru, nikita.everzov@mail.ru, elizavetabelyakovich@mail.ru

Введение. Социально-психологическая адаптация работников приобретает особое значение для предприятий, действующих в условиях постконфликтного развития. Различия в опыте сотрудников, психоэмоциональная напряжённость и трудности взаимодействия могут осложнять совместную работу и формирование устойчивого коллектива. В связи с этим необходимы меры поддержки, учитывающие не только состояние отдельных работников, но и особенности отношений внутри команды.

Цель – представить подход к созданию комплексной системы социально-психологической адаптации работников предприятий ДНР в условиях постконфликтного развития.

Основная часть. В настоящее время, в постоянно и активно меняющихся условиях жизнедеятельности, человеку всё чаще приходится сталкиваться с проблемами смены места работы, должности, перехода в новый коллектив внутри предприятия, что предполагает естественный процесс профессиональной и личностной адаптации. Неотъемлемой частью профессиональной деятельности сотрудника выступает его социально-психологическая адаптация к условиям предприятия [1].

Социально-психологическая адаптация – это взаимодействие личности и социальной среды, которое приводит к оптимальному соотношению целей и ценностей личности и группы, а результат социально-психологической адаптации – сформированность социальных и профессиональных качеств общения, поведения и деятельности, принятых в обществе [4].

Социально-психологическая адаптация в профессиональной среде представляет собой ключевой аспект успешной интеграции нового сотрудника в коллектив, его профессионального становления и удовлетворенности трудовой деятельностью [3].

В условиях постконфликтного развития ДНР предприятиям необходимы системные программы адаптации работников, так как психоэмоциональная напряжённость и неоднородность коллективов

затрудняют взаимодействие и снижают эффективность труда. По статистике, 22-27% жителей регионов, затронутых военными конфликтами, в течение последующих 10 лет страдают от депрессии, тревоги, посттравматического стрессового расстройства [2]. В связи с этим реализуется проект по разработке и внедрению комплексной системы социально-психологической адаптации работников предприятий ДНР в рамках Школы молодых исследователей Азовского форума развития 2026.

Предлагаемая система объединяет четыре взаимосвязанные программы, направленные на основные проблемные области социально-психологической адаптации работников (рис. 1).

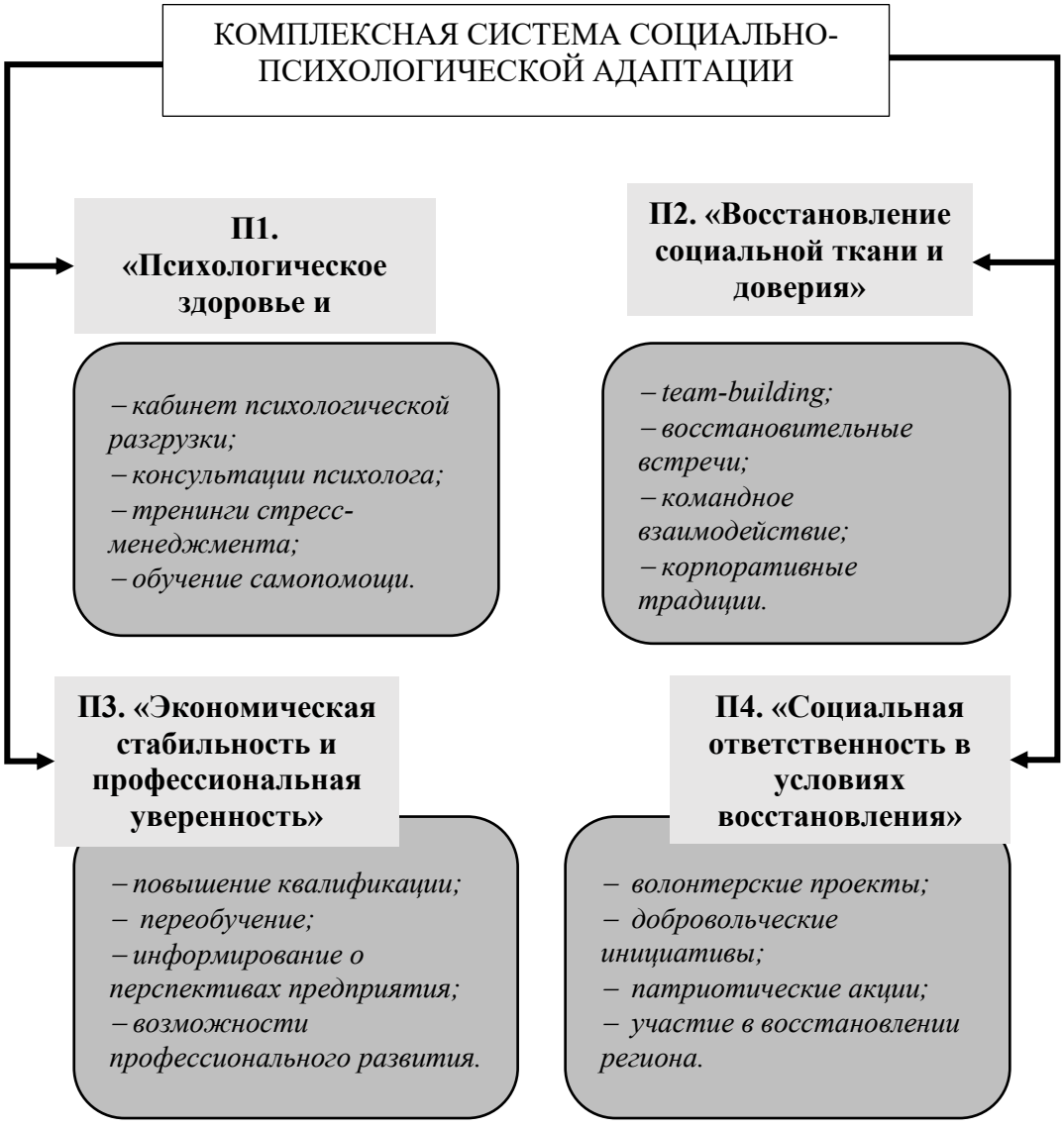

Рис. 1. Система социально-психологической адаптации

Представленные программы направлены на решение взаимосвязанных проблем, возникающих в трудовых коллективах в условиях постконфликтного развития. Программа №1 ориентирована на

снижение психоэмоционального напряжения и повышение стрессоустойчивости работников, что создаёт условия для более стабильного выполнения профессиональных обязанностей. Программа №2 способствует преодолению отчуждённости и снижению напряжённости во взаимодействии сотрудников, формируя основу для восстановления доверительных отношений и командного взаимодействия.

Программа №3 позволяет снизить тревожность, связанную с неопределённостью профессиональных перспектив, за счёт повышения компетентности и информированности работников. Программа №4 направлена на укрепление чувства принадлежности к коллективу и социальной значимости труда, связывая профессиональную деятельность сотрудников с процессами восстановления региона. В совокупности программы позволяют воздействовать одновременно на психологическое состояние работников, отношения внутри коллектива, профессиональную уверенность и социальную вовлечённость.

Ожидаемый результат проекта − набор программ, которые образуют единую систему, которую можно адаптировать к потребностям конкретного предприятия. После пилотного внедрения планируется повторно оценить состояние трудовых коллективов, сравнить показатели до и после реализации программ, доработать предложенные меры и подготовить методические рекомендации для их дальнейшего применения.

Заключение. Таким образом, адаптация работников требует сочетания психологической поддержки, укрепления доверия в коллективе, профессионального развития и наставничества. Разработанные направления реализации программ составляют основу системы, которую предстоит апробировать и уточнить с учётом потребностей предприятий.

Список литературы

1. Едиханова, Ю. М. Сопровождение процесса социально-психологической адаптации сотрудников на предприятии / Ю. М. Юдиханова // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-2. – С. 383-386. – EDN: NWXXGG.
2. Нестик, Т. А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований / Т. А. Нестик // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 5-22. – EDN: PYCAPP.
3. Сафонова, М. В. Психологическое консультирование как инструмент повышения социально-психологической адаптации сотрудников в организации / М. В. Сафонова, В. В. Аксенова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-3 (97) – С. 233-237. – DOI:10.24412/2500-1000-2024-10-3-233-237.
4. Степанюк, Е. И. Структура программы социально-психологической адаптации будущих педагогических работников в условиях интеграции в общероссийское образовательное пространство / Е. И. Степанюк // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10, № 3. – С. 275-282. – DOI: 10.30853/ped20250034. – EDN: VHACHQ.

УДК 338.2:351:331.1

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР СВОЕВРЕМЕННОСТИ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ «ИДЕАЛЬНОГО ШТОРМА»

Волошина Е.И., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-3274-8369,
Вагнер А.Б.
ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет», г. Геническ, Херсонская обл., РФ
alenka_agro@mail.ru, annavagner27@mail.ru

Введение. Под «идеальным штормом» понимается одновременное воздействие нескольких неблагоприятных факторов, последствия которых взаимно усиливаются. Для предприятия значение государственной помощи определяется не только её объёмом и условиями, но и моментом, когда она становится доступной для использования. Если рассмотрение заявления, согласование решения и перечисление средств занимают больше времени, чем предприятие располагает для преодоления кассового разрыва, экономический эффект поддержки может снижается. Отсюда возникает вопрос о кадровых и организационных предпосылках своевременного публичного реагирования.

Цель исследования – разработать модель влияния кадрового потенциала органов власти в обеспечении своевременности антикризисной поддержки предприятий.

Основная часть. Организационная устойчивость понимается как способность предприятия предвидеть угрозы, справляться с нарушениями и адаптироваться после них [1]. Кадровый потенциал органов власти – как совокупность профессиональных компетенций, доступной рабочей мощности, преемственности знаний и возможности перераспределять сотрудников между задачами. В отличие от численности штата это понятие учитывает готовность выполнить конкретную функцию в заданный срок.

Исследования динамических способностей публичного сектора обращают внимание на способность осмысливать изменения, выстраивать связи и преобразовывать способы действия [2]. Концепция policy capacity разделяет индивидуальный, организационный и системный уровни возможностей публичной политики [3].

Метод исследования включает целевой анализ публикаций, построение последовательности административного реагирования и условный сценарий. Авторские показатели предлагаются для апробации, а не представлены как действующий стандарт.

В докризисный период основное значение имеют наблюдение за изменениями, подготовка сценариев и знание экономики отраслей. Служащие должны различать временный недостаток ликвидности и структурную

нежизнеспособность бизнес-модели. Во время кризиса повышается роль операционных компетенций: распределения потока заявлений, проверки сведений, взаимодействия между ведомствами и сопровождения решения до фактического исполнения. После острой фазы требуется разбор решений и обновление процедур, превращение знаний в инструкции [4]. Быстрота действий не является достаточным критерием. T. Christensen, P. Lægreid и L. H. Rykkja подчёркивают ускорение поддержки должно сочетаться с обоснованностью решений, равным доступом и возможностью последующей проверки [5].

Для анализа предлагается измерять период от идентификации потребности предприятия в конкретной мере до фактической доступности соответствующего ресурса. Обозначим его Тп. В простейшей модели последовательного процесса:

$$Тп = Ти + Тз + Тр + Тд, \quad (1)$$

где Ти – время поиска информации и выбора меры;

Тз – время подготовки заявления;

Тр – время проверки, согласования и принятия решения;

Тд – время исполнения решения и доведения ресурса до предприятия.

Указанное разложение является аналитическим упрощением: при параллельном выполнении операций общая продолжительность определяется критическим путём.

Обозначим через Н доступный предприятию горизонт реагирования – период, в течение которого конкретная помощь ещё способна предотвратить неблагоприятное событие. Значение Н зависит от денежных резервов, ожидаемых поступлений, обязательств и альтернативного финансирования.

Авторский показатель временного разрыва определяется как $\Delta = Тп - Н$. При $\Delta > 0$ поддержка поступает за пределами выбранного горизонта, при $\Delta \leq 0$ – укладывается в него. Отрицательное значение само по себе не доказывает достаточность помощи: необходимы также соответствие её формы проблеме, достаточный размер и возможность использования.

Условный пример: предприятию требуется помощь в течение 30 дней; Ти = 5, Тз = 7, Тр = 14, Тд = 10. Тогда Тп = 36 дней, $\Delta = 6$ дней. Если уточнение инструкций сокращает подготовку до 4 дней, а организационное изменение уменьшает рассмотрение до 9 дней, Тп = 28 дней, $\Delta = -2$ дня. Эти значения вымышлены и лишь показывают логику расчёта.

Первый показатель кадровой готовности − доля критических функций с основным исполнителем и заместителем. Второй − время развёртывания дополнительной команды. Для процесса учитываются медиана и 90-й процентиль Тп. Показатель временной совместимости − доля случаев с $Тп \leq Н$. Качество решений − доля существенных ошибок по независимой

проверке. Итоговые показатели предприятия − восстановление платёжеспособности, продолжение деятельности, сохранение занятости.

Для проверки модели сформулированы два положения. H1: взаимозаменяемость по критическим функциям ослабляет связь между всплеском нагрузки и ростом длительности рассмотрения. H2: сокращение административных задержек сильнее связано с сохранением деятельности у предприятий, для которых помощь поступает вблизи границы Н.

Практическая мера – создание ограниченного резерва сотрудников, подготовленных к смежным задачам. Модель ограничена программами, для которых можно определить моменты начала потребности, доступности ресурса и хотя бы приблизительный горизонт реагирования.

Кадровый потенциал органов власти может рассматриваться как условие своевременной антикризисной поддержки предприятий. Значение имеют не только квалификация и численность сотрудников, но и взаимозаменяемость, координация, сохранение знаний и способность перераспределять нагрузку. Следующий этап исследования – проверка модели на административных данных с учётом характеристик предприятий, сложности обращений и альтернативных причин изменения результатов.

Заключение. Кадровый потенциал органов власти является фактором своевременности антикризисной поддержки предприятий. Предложенный показатель временного разрыва ($\Delta = Тп – Н$) позволяет оценить, успевает ли помощь в горизонт реагирования предприятия. Для повышения готовности необходимо заблаговременно определять критические функции, обеспечивать взаимозаменяемость и формировать резерв сотрудников. Практическая значимость – оценка узких мест в административных процессах; перспективы – эмпирическая проверка модели.

Список литературы

1. Duchek S. Organizational resilience: a capability-based conceptualization // Business Research. 2020. Vol. 13. P. 215–246. DOI: 10.1007/s40685-019-0085-7.
2. Kattel R. Dynamic capabilities of the public sector: Towards a new synthesis. Working paper. UCL Institute for Innovation and Public Purpose, 2022. – URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10196044/ (дата обращения: 07.10.2026).
3. Wu X., Ramesh M., Howlett M. Policy capacity: A conceptual framework for understanding policy competences and capabilities // Policy and Society. – 2015. – Vol. 34, no. 3–4. – P. 165–171. DOI: 10.1016/j.polsoc.2015.09.001.
4. OECD. Public Employment and Management 2023: Towards a More Flexible Public Service. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 121 p. DOI: 10.1787/5b378e11-en.
5. Christensen T., Lægreid P., Rykkja L. H. Organizing for Crisis Management: Building Governance Capacity and Legitimacy // Public Administration Review. – 2016. – Vol. 76, no. 6. – P. 887–897. DOI: 10.1111/puar.12558.

УДК 004.9:330

ПЛАНИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Гайдай И.Ю.[1], канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-7972-8162,
Бондин В.В.[1], ***Гайдай Р.Р.[2]***
[1]Автомобильно-дорожный институт (филиал) ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет» в г. Горловка, г. Горловка, ДНР, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону, РФ
gaidaiirina@mail.ru, bondina.tatyana79@mail.ru, gaidairodionwork@mail.ru

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий традиционные подходы к планированию рабочего времени сотрудников претерпевают существенные изменения.

Цель – выявить ключевые изменения в процессах организации, планирования, нормирования, учете и контроле эффективности использования рабочего времени под влиянием цифровизации.

Основная часть. В научных исследованиях планирование рабочего времени трактуется как функция управления [1]. Новые подходы к проблемам планирования рабочего времени связаны с появлением цифровых технологий последнего поколения: искусственного интеллекта, робототехники, Интернета вещей, технологий беспроводной связи и других. Их использование способно повысить производительность труда в компаниях на 40% [2].

С приходом цифровой экономики изменились как структура, так и сущность затрат рабочего времени, изменения претерпели подходы к его нормированию и контролю, в частности:

инструменты для нормирования рабочего времени (хронометраж, фотография рабочего дня) могут применяться с использованием специальных программ и форм, заполняемых в электронном виде;

контроль за рабочим временем работников может осуществляться с применением специального программного обеспечения, которое способно контролировать реальные затраты времени во время работы.

Цифровые технологии трансформируют планирование рабочего времени, и в первую очередь изменения претерпевают:

1. Рутинные процессы. WFM-системы (Workforce Management) автоматически составляют графики, учитывая данные прошлых периодов, сезонность, правила компании и пожелания сотрудников [3]. Программные роботы (RPA) берут на себя монотонные задачи: заполнение табелей, создание отчётов, напоминания о встречах и тому подобное.

2. Прогнозирование нагрузки. Алгоритмы анализируют большие данные (продажи, поток клиентов, трафик) и предсказывают пики спроса.

Это позволяет заранее планировать численность персонала и формировать оптимальные рабочие графики.

3. Аналитика и отчётность. Цифровые инструменты собирают данные о фактической загрузке сотрудников, эффективности процессов и соблюдении норм труда. На их основе формируются отчёты, которые помогают принимать управленческие решения.

4. Корректировка рабочих графиков. Системы позволяют в реальном времени корректировать графики при изменении условий. Это особенно важно в контакт-центрах, розничной торговле и других сферах с высокой изменчивостью спроса.

5. Способы осуществления работы. Цифровые инструменты (таск-трекеры, системы управления проектами) обеспечивают синхронизацию действий рабочей команды, независимо от местоположения сотрудников. Они также облегчают контроль дедлайнов и распределение нагрузки.

Распространение удалённой и гибридной занятости требует использования новых методов учёта рабочего времени, не привязанных к физическому присутствию сотрудников в офисе. Всё чаще используются облачные сервисы, где сотрудник самостоятельно фиксирует начало и конец рабочего дня, а руководитель может отслеживать загрузку в режиме реального времени. Примеры цифровых инструментов для планирования и учёта рабочего времени приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Цифровые инструменты планирования и учёта рабочего времени

Инструменты	Назначение
WFM-системы (Naumen WFM, IBM Workforce Analytics)	Комплексное планирование графиков, прогнозирование потребности в персонале, контроль соблюдения норм труда.
Таск-трекеры (Битрикс24, Яндекс Трекер, Todoist)	Постановка задач, отслеживание прогресса, учёт времени, интеграция с другими сервисами.
Системы учёта времени (CrocoTime, Time Doctor, Kickidler)	Фиксация активности сотрудников, анализ продуктивности, формирование отчётов.
ИИ-решения (Timely, решения на базе ИИ)	Автоматический сбор данных из календарей, задач, приложений, помощь в составлении отчётов о проделанной работе.
Системы бизнес-аналитики (Power BI, Tableau)	Визуализация данных для наглядного анализа загрузки ресурсов и эффективности процессов.

Современные системы позволяют не только фиксировать фактическое время работы, но и анализировать продуктивность, выявлять «узкие места» в процессах и оптимизировать распределение задач; появлением гибких графиков и проектного подхода, где акцент смещается с контроля часов на оценку результатов и выполнение KPI [4]. Это требует внедрения новых показателей эффективности, основанных на достигнутых целях, а не на времени, проведённом за работой.

Цифровые инструменты позволяют более гибко управлять временем, но одновременно стирают границы между рабочим и личным пространством. Поэтому современные подходы к его нормированию должны включать меры по профилактике выгорания и защите личного времени сотрудников [5].

Все технологические и технические новшества, накопленный опыт, возможности комбинации традиционных подходов и новых методов позволяют проводить анализ и подбирать актуальные инструменты для управления главным ресурсом – временем.

Заключение. Новые подходы к планированию рабочего времени связаны с развитием цифровых технологий, что кардинально меняет процесс его планирования, делая более гибким, точным и основанным на объективных данных. Компании все активнее внедряют автоматизированные системы, которые анализируют большие массивы информации и помогают принимать оптимальные управленческие решения. В итоге цифровизация даёт мощный импульс для повышения эффективности, но её успех зависит от грамотного внедрения и соблюдения баланса интересов всех участников рабочего процесса.

Список литературы

1. Определение сущности организации труда персонала и системный подход к ее изучению / В. В. Бондин, Я. А. Добровольская, Т. А. Жежерун, И. Ю. Гайдай // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты : Материалы XI Международной научно-практической конференции, Горловка, 20 марта 2026 года. Часть 2. – Горловка: Донецкий национальный технический университет, 2026. – С. 23-27. – EDN JSDLFB.
2. Управление рабочим временем как способ повышения производительности труда / А. А. Емельянович, С. В. Коваль, А. Н. Галимова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2021. – Т. 6, № 2(20). – С. 208-218. – DOI 10.21603/2500-3372-2021-6-2-208-218. – EDN WQKHQS.
3. Григорян, А. А. Workforce management системы как инструмент цифровой трансформации бизнеса / А. А. Григорян // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. – 2020. – №4 (112). – С. 187-194. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/workforce-management-sistemy-kak-instrument-tsifrovoy-transformatsii-biznesa (дата обращения: 07.09.2026).
4. Симонова, А. А. Планирование качественных показателей использования рабочего времени в условиях цифровизации / А. А. Симонова // Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики : сборник научных трудов 3-й Международной научно-практической конференции, Курск, 19 марта 2021 года / Юго-Западный государственный университет, Председатель организационного комитета Колмыкова Татьяна Сергеевна. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 252-254. – EDN CTKYRO.
5. Попов, Е. В. Формирование эффективных межфирменных взаимодействий в условиях цифровизации / Е. В. Попов, В. Л. Симонова, А. Д. Тихонова // Лидерство и менеджмент. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 287-300. – DOI 10.18334/lim.7.2.106058. – EDN OPETXR.

УДК 331.1

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЛА

Гальдикас Л.Н., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-7389-7133,
Гусева А.В., ORCID 0000-0002-7723-5620
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков, РФ
galdikaslarisa@rambler.ru, n65t1a@gmail.com

Введение. В условиях цифровизации экономики всё большую популярность набирают технологии искусственного интеллекта (ИИ) как со стороны научного, так и бизнес-сообщества. Растёт число научных публикаций, всё чаще бизнес внедряет ИИ в свою деятельность, что говорит об актуальности и значимости рассматриваемого вопроса. Применение ИИ в бизнесе приводит к существенному изменению организационных процессов, что не может не влиять на персонал организации. ИИ как инструмент способствует оптимизации задач, росту производительности труда, но наряду с этим приводит к опасениям и сомнениям у сотрудников.

Цель исследования – изучить влияние искусственного интеллекта на социально-психологические аспекты организационного поведения персонала.

Основная часть. Останавливаясь на понятии искусственного интеллекта, следует отметить, что на сегодняшний день существуют различные интерпретации данного термина. На рисунке 1 представлены дефиниции термина «искусственный интеллект».

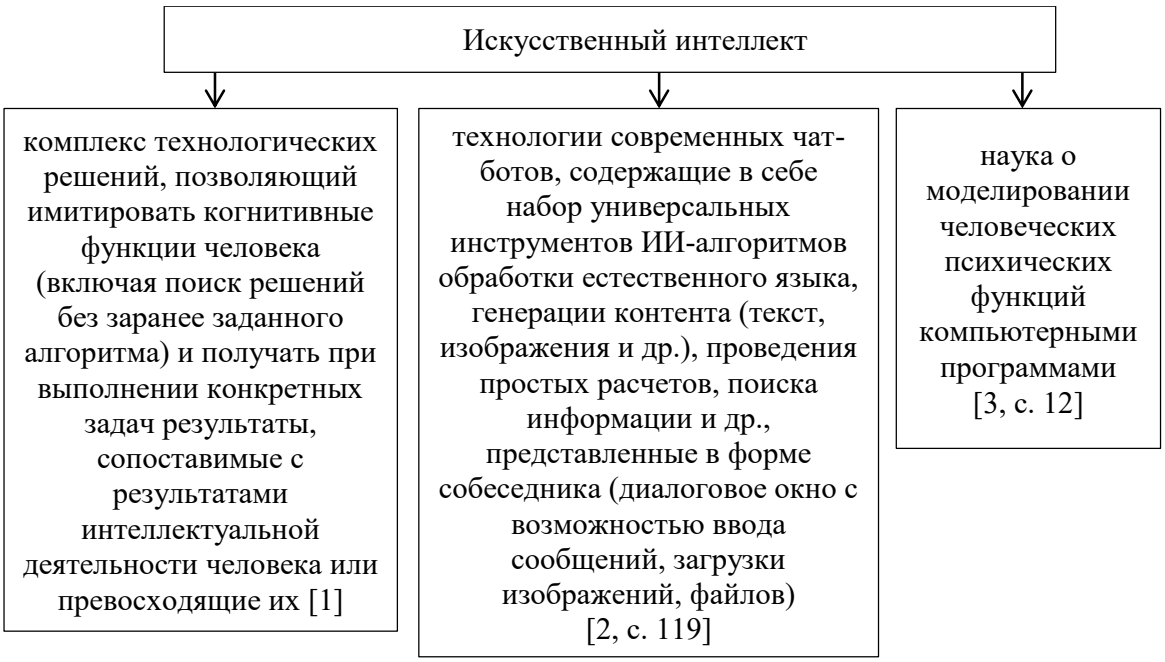

Рис. 1. Дефиниции термина «искусственный интеллект»

Понятие искусственного интеллекта применяется в различных областях деятельности, меняя при этом способы работы и управления организациями, позволяя руководителям находить новые возможности и потенциал для оптимизации бизнес-процессов. ИИ на современном этапе можно рассматривать как важнейший ресурс цифровизации, позволяющий значительно повысить эффективность и конкурентоспособность бизнеса.

Именно ИИ дает менеджменту возможность принимать более обоснованные решения на основе имеющихся данных, управлять персоналом, прогнозировать возможные сценарии развития событий, выбирать подходящее альтернативное решение.

Применение ИИ для процессов управления, в том числе персоналом, существенным образом меняет социально-психологический климат в коллективах, влияет на межличностные отношения, групповые процессы, мотивацию, психологический климат и в целом на эффективность работы как коллектива, так и организации. Перечень некоторых положительных и отрицательных социально-психологических эффектов применения ИИ представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Положительные и отрицательные социально-психологические эффекты применения ИИ

Положительные социально-психологические эффекты	Отрицательные социально-психологические эффекты
объективность решений при распределении задач или поощрений	дефицит эмпатии
стимулирование познавательной активности	стресс, страх потери рабочего места
развитие новых компетенций	опасения потерять квалификацию
формирование гибкости мышления	технологическая тревожность
снижение уровня профессионального выгорания у сотрудников	проблема доверия к алгоритмам
улучшение психологического климата в коллективе	снижение уровня лояльности, демотивация
снижение конфликтности	отсутствие живой эмоциональной поддержки
упрощение решения задач	трансформация роли руководителя

Таким образом, с распространением ИИ получаем социально-психологический портрет работника с новыми профессиональными качествами, мышлением и возможными навыками, что в свою очередь приводит к изменению как поведения индивида, так и организации в целом.

Под организационным поведением понимают: 1) совокупность результатов (эффектов), позиционируемых организацией во внешней среде; 2) совокупность действий персонала, направленных на достижение данных результатов [4, с. 7].

Следовательно, искусственный интеллект, с одной стороны, влияет на функционирование персонала (например, позволяет автоматизировать выполнение задач, тем самым повышая производительность труда), с

другой стороны, на повышение эффективности работы организации. ИИ позволяет наилучшим образом согласовать цели индивида, группы и организации в целом (рис. 2).

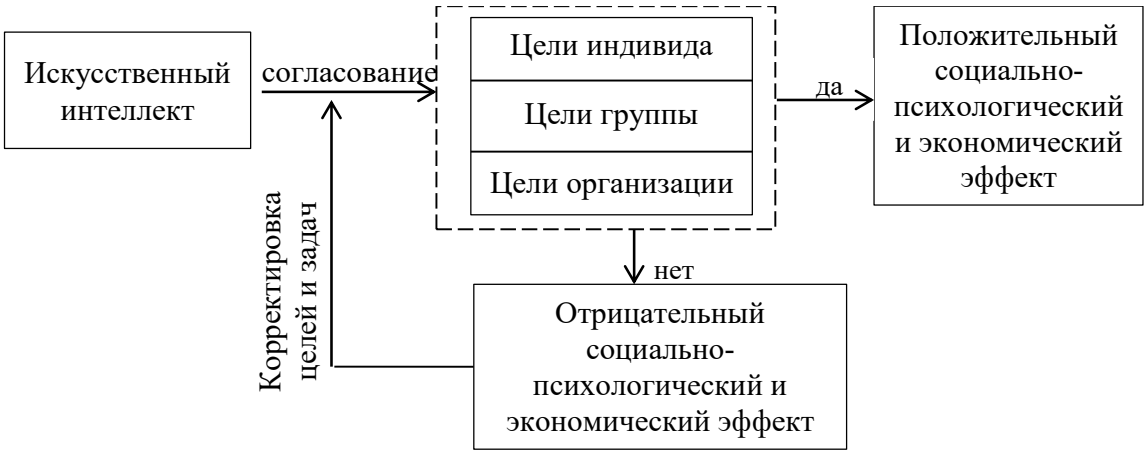

Рис. 2. Влияние ИИ на результативность деятельности организации

Заключение. Очевидно, что внедрение ИИ в организации имеет как положительные, так и отрицательные стороны, однако всё возрастающий интерес к передовым технологиям говорит о невозможности игнорирования цифровизации процессов. Таким образом, на сегодняшний момент и в перспективе роль ИИ в управлении будет повышаться, что окажет положительное влияние на все аспекты функционирования хозяйствующего субъекта.

Список литературы

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490.
2. Дорф, Т. В. К вопросу о применении искусственного интеллекта в управлении персоналом: адаптация, сопровождение, обучение / Т. В. Дорф // Друкеровский вестник. − 2025. − № 3 (65). − С. 114-128. − ISSN 2312-6469. − Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. − URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/371769. − Режим доступа: для авториз. пользователей.
3. Архиереев, Н. В. Искусственный интеллект: понятие, характеристики / Н. В. Архиереев // Правовое государство: теория и практика. − 2025. − № 3 (81). − С. 5-20. − ISSN 2500-0217. − Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. − URL: https://e.lanbook.com/journal/issue/376821. − Режим доступа: для авториз. пользователей.
4. Гальдикас, Л. Н. Анализ и оценка эффективности организационного поведения : специальность 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством: теория управления экономическими системами : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Гальдикас Лариса Николаевна. – Санкт-Петербург, 2006. – 18 с. – EDN NJYBON.

УДК 331

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЛАНОВ МОЛОДЕЖИ В ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ УСЛОВИЯХ

Ганич Л.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-9290-9542
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
l.ganich@donnu.ru

Введение. Данное исследование направлено на выявление ключевых отличий и общих черт в формировании жизненных ориентиров и карьерных стремлений у молодежи, в зависимости от их социального и экономического положения. Также будет проанализировано влияние факторов городской и сельской жизни на выбор профессии и определение главных жизненных ценностей. Исследование может способствовать более глубокому осмыслению потребностей и мотивов молодежи в разных сферах жизни, а также послужить основой для создания действенных программ поддержки и развития молодежной политики.

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа жизненных ценностей и профессиональных планов молодежи, проживающей в городских и сельских условиях.

Основная часть. Изучение жизненных стратегий молодежи представляет несомненный интерес для социологической науки. Современная российская молодежь достаточно неоднородна, а это означает, что сложно выделить группу молодежи, жизненные стратегии которой являлись бы доминирующими и отражали бы жизненные стратегии молодежи как целого. В этой связи необходимо с научных позиций изучить ориентации, жизненные приоритеты и планы молодежи, их устремления и желания, реализовать комплексный и системный подход к данной проблеме. На основе знания жизненных стратегий молодежи можно более успешно и адекватно прогнозировать будущие социальные процессы, учитывая при этом социальные и исторические условия, в которых растет, социализируется и действует молодежь [1].

Для молодежи из сельской местности характерно стремление к изменению социального статуса, приобретенного родителями, уровня благосостояния. Для одних молодых людей город даст возможность получить образование, для других – эффективно трудоустроится. В результате миграционного оттока молодежи в город трансформируется половозрастная структура сельского населения, происходят изменения в распределении трудовых ресурсов по всем видам занятости во всех отраслях экономики. Проблема каждый раз усугубляется тем, что молодежь трудоспособного возраста, являясь основным источником пополнения

трудовых ресурсов за счет выбывания старших поколений из трудовой профессиональной деятельности, уезжает в город в поисках работы, создавая еще больший дисбаланс между потребностью в молодых специалистах на селе и имеющимися рабочими местами. К сожалению, эффективного решения данной проблемы пока не найдено [2].

В октябре 2024 года Аналитический центр НАФИ запустил масштабное исследование, охватившее 1600 молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет по всей России. Опрос был проведен с учетом данных Росстата и направлен на отражение структуры молодого населения страны по признакам пола, возраста, уровня образования и типа населенного пункта. Ошибка статистического расчета не превышает 3,1%.

Согласно статистике, подавляющее большинство молодых россиян (94%) видят плюсы в сельском образе жизни. При создании надлежащих условий – достойной оплаты труда, качественной инфраструктуры для детей и доступной медицины – 87% горожан готовы сменить мегаполис на деревню. Тренд на деурбанизацию становится все более заметным: в 2023 году в 29 субъектах РФ зафиксирован приток сельского населения, а каждый третий россиянин сегодня отдает предпочтение жизни за городом.

Аналитический центр НАФИ совместно с РССМ представили результаты исследования, приуроченного к форуму «Сообщество». Эксперты проанализировали взгляды россиян в возрасте 14–35 лет на жизнь в сельской местности и сравнили приоритеты городских и сельских жителей. Выяснилось, что ценностные ориентиры молодежи практически идентичны вне зависимости от места проживания. В топ приоритетов вошли забота о здоровье (95%), финансовая стабильность (89%), качественный досуг (88%), а также создание семьи, экология, образование и развитие родного региона (по 85%) [3].

С возрастом система ценностей молодежи претерпевает изменения: если для подростков ключевым ориентиром является карьера (82%), то к 30–35 годам смещается на здоровье (96%), финансовую стабильность (94%), семейные ценности (91%) и полноценный отдых (90%).

Наблюдается также разрыв в приоритетах между городскими и сельскими жителями: горожане больше нацелены на высокий доход (91% против 86%), профессиональный рост (77% против 71%) и творческую реализацию (76% против 67%).

В ближайшей перспективе большинство молодых людей стремятся к трудоустройству (63%), карьерному продвижению (61%), обучению (57%) и путешествиям (53%). Примечательно, что амбиции в карьере чаще выражают жители городов (30% против 25% в селах). Что касается личной жизни, то создание семьи и рождение детей планируют менее половины респондентов (37% и 43% соответственно), при этом мужчины проявляют больше готовности к браку, чем женщины (23% против 15%).

Большинство молодых россиян (83%) оптимистично оценивают перспективы самореализации в стране, однако доступность этих возможностей зависит от места проживания. Если 60% респондентов видят потенциал для роста в своем регионе, то 31% (преимущественно сельские жители) сталкиваются с нехваткой инфраструктуры [3].

Несмотря на это, жизнь в селе привлекает 94% опрошенных. Главными аргументами «за» выступают экология, размеренный темп жизни и возможность иметь собственный дом. При этом ценностные ориентиры молодежи в городах и селах схожи: все стремятся к стабильности и благополучию, хотя горожане делают больший упор на карьеру. Наблюдается интересный тренд: многие городские жители готовы переехать в сельскую местность при условии создания там комфортной среды. В целом, молодежь сегодня ставит на первое место профессиональную реализацию, часто откладывая создание семьи на второй план, но при этом сохраняет уверенность в своем будущем.

Заключение. Требуется разработка комплексных программ, направленных на поддержку профессионального и личностного роста молодежи вне зависимости от места проживания. Ключевыми инструментами должны стать системы наставничества, стажировки и профильное обучение. Параллельно необходимо обеспечить развитие социальной инфраструктуры в сельских территориях − повысить доступность качественного образования, медицинского обслуживания и культурного досуга. Данные меры позволят стабилизировать демографическую ситуацию и повысить инвестиционную привлекательность сельских поселений.

Список литературы

1. Акулич, М.М. Жизненные стратегии современной молодёжи / М.М. Акулич, В.В. Пить. – Текст: электронный. – URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/23547/1/socia_2011_8_34_43.pdf (lata обращения: 04.09.2026).
2. Перминова, М.С. Социальная адаптация сельской молодежи к условиям города. – Текст: электронный. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/51SCSK419.pdf (дата обращения: 04.09.2026).
3. Аналитический центр НАФИ. Городская и сельская молодежь. – Текст: электронный. – URL: https://nafi.ru (дата обращения: 04.09.2026).

УДК 331.553

ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ И ГРАЖДАН СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Елисеева Н.А., ORCID 0009-0006-9358-2266,
Демиденко О.И.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.yelysieieva@donnu.ru

Введение. Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, что кардинально меняет структуру рынка труда. С одной стороны, цифровая экономика создает новые возможности для гибкой занятости, удаленной работы и предпринимательства. С другой стороны, она усиливает риски социально-трудовой исключенности для граждан, не обладающих достаточным уровнем цифровых компетенций. Наиболее уязвимыми группами в этом процессе выступают молодежь, только вступающая на рынок труда, и граждане старшего поколения, чьи профессиональные навыки часто не соответствуют требованиям цифровой среды.

Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска эффективных механизмов регулирования занятости, способных обеспечить баланс между инновационным развитием и социальной стабильностью. Государственная политика должна не только стимулировать экономический рост, но и предотвращать рост структурной безработицы среди указанных демографических групп.

Целью исследования является разработка предложений по совершенствованию регулирования занятости молодежи и граждан старшего поколения в условиях развития цифровой экономики на основе анализа современных вызовов и существующих практик.

Основная часть. Проблематика занятости в условиях цифровизации активно исследуется как зарубежными, так и отечественными учеными. В работах Гужиной Г.Н и соавторов рассматриваются вопросы трансформации социально-трудовых отношений под влиянием технологических изменений [1]. Авторы отмечают рост прекаризации занятости и необходимость пересмотра институтов социальной защиты.

Исследования Чайковской А. М. посвящены анализу цифрового разрыва между поколениями [2]. Ученые подчеркивают, что низкий уровень цифровой грамотности пожилых людей является ключевым барьером для их полноценного включения в экономику.

Отдельный пласт литературы касается молодежной занятости. В публикациях Аманова О. А. анализируются вызовы, с которыми сталкиваются выпускники вузов: несоответствие образовательных

программ реальным запросам цифрового рынка, рост временной и неполной занятости [4]. Несмотря на широкий спектр исследований, остается недостаточно разработанной комплексная модель регулирования, учитывающая одновременно специфику обеих возрастных групп в условиях цифровизации.

Цифровая экономика предъявляет новые требования к качеству человеческого капитала. Для молодежи ключевой проблемой становится разрыв между получаемым образованием и динамично меняющимися требованиями работодателей. Многие выпускники не обладают навыками работы с большими данными, искусственным интеллектом, облачными сервисами, что снижает их шансы на трудоустройство. Кроме того, распространение платформенной занятости (гиг-экономика) создает риски нестабильного дохода и отсутствия социальных гарантий [1].

Для граждан старшего поколения основным барьером выступает низкий уровень цифровой грамотности и возрастная дискриминация (эйджизм) при приеме на работу. Даже при наличии профессионального опыта пожилые люди часто не могут конкурировать с молодыми специалистами в цифровых профессиях. Это ведет к преждевременному выходу с рынка труда и росту нагрузки на пенсионную систему.

Совершенствование регулирования занятости должно носить комплексный характер и включать следующие направления:

Адаптация системы образования и обучения. Необходимо внедрение непрерывного образования для всех возрастов. Для молодежи – интеграция цифровых компетенций в образовательные стандарты, развитие дуального образования. Для старшего поколения – создание специализированных программ «цифровой грамотности» и переквалификации, учитывающих психологические особенности восприятия информации [4].

Развитие гибких форм занятости и удаленной работы. Государство должно стимулировать работодателей к созданию рабочих мест с гибким графиком, что особенно востребовано среди пожилых сотрудников и студентов. Необходимо законодательно урегулировать платформенную занятость, обеспечив базовые социальные гарантии для самозанятых [5].

Противодействие возрастной дискриминации. Требуется усиление контроля за соблюдением трудового законодательства, а также реализация информационных кампаний, направленных на разрушение стереотипов о низкой продуктивности старших работников. Введение налоговых льгот для компаний, нанимающих граждан предпенсионного и пенсионного возраста, может стать эффективным стимулом.

Создание цифровых платформ для трудоустройства. Разработка специализированных государственных порталов, объединяющих вакансии для молодежи и лиц старшего возраста, с функцией подбора по компетенциям и возможностям обучения, позволит снизить транзакционные издержки поиска работы [4].

Развитие наставничества и обмена опытом. Создание программ, в которых молодые специалисты обучают пожилых цифровым навыкам, а старшее поколение передает им профессиональный опыт, способствует межпоколенческому сотрудничеству и повышению общей производительности труда [6].

Заключение. Таким образом, регулирование занятости молодежи и граждан старшего поколения в условиях цифровой экономики требует перехода от пассивных мер поддержки к активной политике, основанной на развитии человеческого капитала. Предложенные меры – адаптация образования, развитие гибкой занятости, борьба с эйджизмом и создание цифровых платформ позволят не только снизить социальную напряженность, но и обеспечить экономику необходимыми трудовыми ресурсами. Дальнейшие исследования должны быть направлены на оценку эффективности конкретных инструментов регулирования в регионах с разным уровнем цифровизации.

Список литературы

1. Аманов О. А. Рынок труда молодежи в контексте перехода к цифровой экономике / О. А. Аманов. – Текст: электронный // Экономика и социум, 2025. – №12-2 – (139). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-molodezhi-v-kontekste-perehoda-k-tsifrovoy-ekonomike (дата обращения: 03.10.2026).
2. Гужина Г. Н. Трансформация рынка труда под влиянием цифровой экономики / Г. Н. Гужина, В. Г. Ежова. – Текст: электронный // Инновации и инвестиции. – 2019. – №9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rynka-truda-pod-vliyaniem-tsifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 01.10.2026).
3. Платформенный труд в России: Особенности занятости. – Текст: электронный. – URL: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D76308825%26ysclid%3Dmupeyfj5f8501343821 (дата обращения: 03.10.2026).
4. Татаринов К. А. Образование пожилых людей как способ защиты от социальной маргинализаци / К. А. Татаринов, А. Ф. Зверев. – Текст: электронный // БГЖ. – 2020. – №3 (32). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-pozhilyh-lyudey-kak-sposob-zaschity-ot-sotsialnoy-marginalizatsii (дата обращения: 05.10.2026).
1. 5.Чайковская, А. М. Преодоление цифрового разрыва в России: региональный аспект проблемы реализации человеческого потенциала в условиях неравного доступа к информационно-коммуникационным технологиям / А. М. Чайковская. – Текст: электронный // Социология, 2022. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-tsifrovogo-razryva-v-rossii-regionalnyy-aspekt-problemy-realizatsii-chelovecheskogo-potentsiala-v-usloviyah-neravnogo (дата обращения: 01.10.2026).
5. Age Platform Europe. (2025). Digital Transition - Barometer 2025. – Текст: электронный. – URL: https://www.age-platform.eu/barometer-2025/digital-transition-barometer-2025/ (дата обращения: 03.10.2026).

УДК 331.538

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ НА СОСТОЯНИЕ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Елисеева Н.А., ORCID 0009-0006-9358-2266,
Мартынова А.Е.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.yelysieieva@donnu.ru

Введение. Цифровизация экономики трансформирует рынок труда, повышая требования работодателей к профессиональным и цифровым компетенциям работников. В данных условиях уровень цифровых навыков населения становится значимым условием трудоустройства, профессионального развития и сохранения конкурентоспособности. При этом цифровые компетенции населения имеют различия в зависимости от возраста, образования и места проживания.

Цель исследования – определить взаимосвязь между уровнем цифровых компетенций населения и состоянием занятости в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации экономики.

Основная часть. Распространение цифровых технологий приобрело всеобщий характер: по данным We Are Social, в 2022 г. число пользователей Интернета в мире достигло 5,16 млрд человек (64,4% населения планеты) увеличившись за год на 98 млн. чел. (1,9%) [1].

В 2025 г. интернетом было охвачено 92% российских домохозяйств, что на 1,5 процентных пункта выше уровня 2024 г. Высокая распространённость интернет-доступа свидетельствует о приближении цифровой инфраструктуры к уровню насыщения [2].

Однако наличие доступа к цифровым технологиям не гарантирует их эффективного использования, поэтому дальнейший анализ целесообразно сосредоточить на уровне цифровых навыков населения.

Анализируя данные Росстата за 2024 г. можно сделать вывод о том, что широкое распространение доступа к Интернету не сопровождается столь же высоким уровнем сформированности цифровых навыков населения. Доля лиц в возрасте 15 лет и старше, обладающих цифровыми навыками на уровне не ниже базового, составила лишь 11% (рис. 1). Таким образом, наличие возможности пользоваться цифровыми технологиями и наличие достаточных навыков для их эффективного применения представляют собой различные характеристики цифровизации населения.

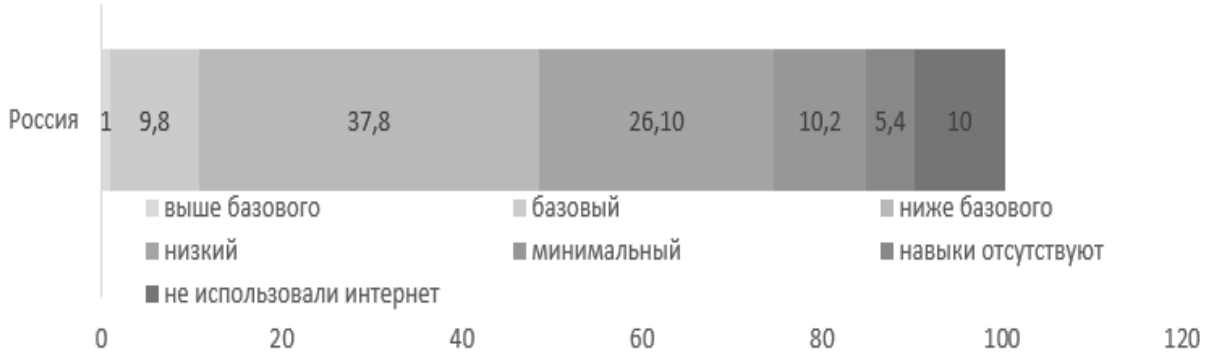

Рис. 1. Уровень цифровых навыков (в % от всех респондентов в возрасте 15 лет и старше) Данные по России 2024г. (Росстат) [3]

Наиболее высокий уровень цифровых навыков отмечается у молодежи 20–24 лет – 18%, а также среди лиц, имеющих высшее образование: выпускники бакалавриата − 22,8%, магистратуры – 22,9%. Существенный территориальный разрыв наблюдается между городским и сельским населением: базовым или более высоким уровнем цифровых навыков обладают 12% и 6% соответственно, тогда как их отсутствие отмечается у 4% городских и 9% сельских жителей.

Дополнительную оценку уровня цифровой грамотности населения позволяют получить результаты ежегодной всероссийской акции «Цифровой Диктант», организуемой Российской ассоциацией электронных коммуникаций (РАЭК). В 2023 г. в тестировании приняли участие около 1,4 млн. чел., а средний результат составил 6,43 балла из 10 возможных. При этом наиболее высокий результат был зафиксирован по направлению цифровой безопасности (6,84 балла), тогда как уровень цифровых компетенций составил 6,00 балла [4].

В 2024 г. количество участников увеличилось до 2,12 млн человек, а средний уровень цифровой грамотности повысился до 6,65 балла. Наиболее заметный рост числа участников наблюдался среди лиц старше 60 лет – в 3,1 раза [5].

Таким образом, результаты «Цифрового Диктанта» свидетельствуют о росте вовлечённости населения в оценку собственных цифровых навыков и некотором повышении среднего уровня цифровой грамотности в 2024 г. Вместе с тем данные акции характеризуют результаты её участников и потому рассматриваются в исследовании как дополнительный источник оценки цифровой грамотности населения.

Для оценки динамики цифровой грамотности населения целесообразно использовать Индекс цифровой грамотности НАФИ – сводный показатель знаний, навыков и установок, определяемых по результатам специального тестирования. Индекс рассчитывается в диапазоне от 0 до 100 процентных пунктов, где более высокое значение соответствует более высокому уровню цифровой грамотности (рис. 2).

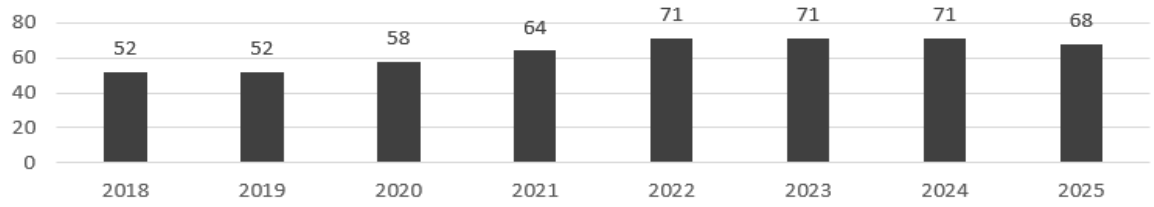

Рис. 2. Динамика индекса цифровой грамотности населения России в 2018–2025 гг., п.п. [6]

Данные НАФИ показывают, что после роста в 2018–2024 гг. значение Индекса цифровой грамотности в 2025 г. снизилось с 71 до 68 п.п. Одновременно доля населения с продвинутым уровнем цифровой грамотности сократилась до 21%, тогда как доля лиц с базовым уровнем увеличилась до 75%, что указывает на смещение структуры цифровой грамотности в сторону более низкого уровня.

Снижение показателя может быть связано с быстрым обновлением цифровых технологий и необходимостью постоянного освоения новых инструментов и сервисов. Таким образом, цифровизация экономики сама по себе не гарантирует повышения уровня цифровой грамотности и требует регулярного развития и обновления цифровых компетенций населения.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что ключевой проблемой цифровизации российского общества становится не столько обеспечение доступа к цифровой инфраструктуре, сколько формирование и постоянное обновление цифровых компетенций, которые в современных условиях могут рассматриваться как потенциально значимый фактор положения человека на рынке труда, поскольку различия в способности осваивать новые технологии способны отражаться на возможностях трудоустройства, профессионального развития и сохранения конкурентоспособности.

Список литературы

1. Интернет в России в 2022–2023 годах. – Текст: электронный. – URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf (дата обращения: 05.10.2026).
2. Кузина, Л. С. Интернет стал нормой жизни россиян / Л. С. Кузина, Р. А. Щербаков. – Текст: электронный // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 2026. – URL: https://issek.hse.ru/news/1143575318.html (дата обращения: 05.10.2026).
3. Попов, Е. В. Цифровые навыки россиян / Е. В. Попов // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 2025. – URL: https://issek.hse.ru/news/1038822258.html (дата обращения: 05.10.2026).
4. Результаты «Цифрового Диктанта» – 2024. – Текст: электронный. – URL: https://цифровойдиктант.рф/2024-result.pdf (дата обращения: 05.10.2026).
5. Индекс цифровой грамотности россиян. – Текст: электронный // Anti-Malware.ru. – URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/Digital-Literacy-Index (дата обращения: 05.10.2026).

УДК 65.01

АНАЛИЗ И СРАВНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Захаров В.Ю.[1], канд. техн. наук, доц., ORCID 0009-0002-3746-6237,
Щелкунова П.И.[2], ORCID 0009-0007-8837-0442
[1]ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного», г. Санкт-Петербург, РФ
[2]ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», г. Санкт-Петербург, РФ
p.schelkunova@mail.ru, zakharov-vit@yandex.ru

Введение. Проблема правильного выбора и адаптации релевантной модели управления человеческими ресурсами (далее – УЧР) для российских компаний из множества предлагаемых не теряет своей актуальности в условиях цифровой экономики, политической нестабильности и санкционных мер, переориентации рынков сбыта и дефицита кадров.

Цель статьи – выявление общих закономерностей и характеристик в ранее разработанных моделях УЧР для построения базового «скелета» универсальной модели и его дальнейшей модификации с учетом существующих экономических реалий.

Основная часть. Точкой отсчета для развития методологии управления кадровыми ресурсами принято считать конец XIX – начало XX века и произошедший переход от аграрного к индустриальному обществу. В процессе эволюции концепций различных школ управления предлагались различные вариации инструментов и методов, а также постепенное изменение роли человеческих ресурсов: от объекта эксплуатации и издержек до стратегического ресурса и инвестиционного конкурентного актива [1].

Ориентируясь в первую очередь на страны с высоким уровнем экономического развития и анализируя применяемые в них механизмы УЧР, не сложно заметить, что в основе современного менеджмента лежат три базовые модели: Соединенных Штатов Америки, Европейского союза (Германия, Франция и Великобритания) и Японии. Для наглядного сравнения в таблице отражены основополагающие характеристики указанных исторических моделей, а также основные компоненты транслируемых современными экспертами моделей УЧР [2 - 4]. Определение данных элементов необходимо для выявления ключевых показателей эффективности новой модели УЧР в рамках дальнейших исследований.

Таблица 1 – Анализ ключевых составляющих различных моделей УЧР

Исторические (базовые) модели		
Американская модель - персонал с высоким потенциалом - инициативность и самостоятельность - инновационность - ориентация на прибыль - конкуренция внутри компании	**Европейская модель** - социальное развитие - условия труда - социальные гарантии - дифференциация постоянных и временных работников	**Японская модель** - долгосрочные семейные отношения - управление знаниями - развитие потенциала - стабильность трудовых отношений - корпоративная сплоченность - преданность сотрудников - жесткая дисциплина
Современные (гибкие) модели		
- эмоциональный интеллект - гибридные рабочие места - управление по целям - управление знаниями	- управление инновациями - управление карьерой - лидерский пример - процессный подход	- развитие потенциала - корпоративная культура - проектное управление - гибкое управление (фокус на компетенциях и навыках)

В результате комплексного анализа и сравнения научных публикаций на рисунке отражена универсальная базовая модель управления человеческими ресурсами, отражающая первичные общие составляющие, учтенные в предлагаемых другими авторами моделях управления, все элементы, составляющие различия, при этом из сравнения исключены [5 – 7]. Данный базовый «скелет» предлагается детализировать в рамках дальнейших научных исследований.

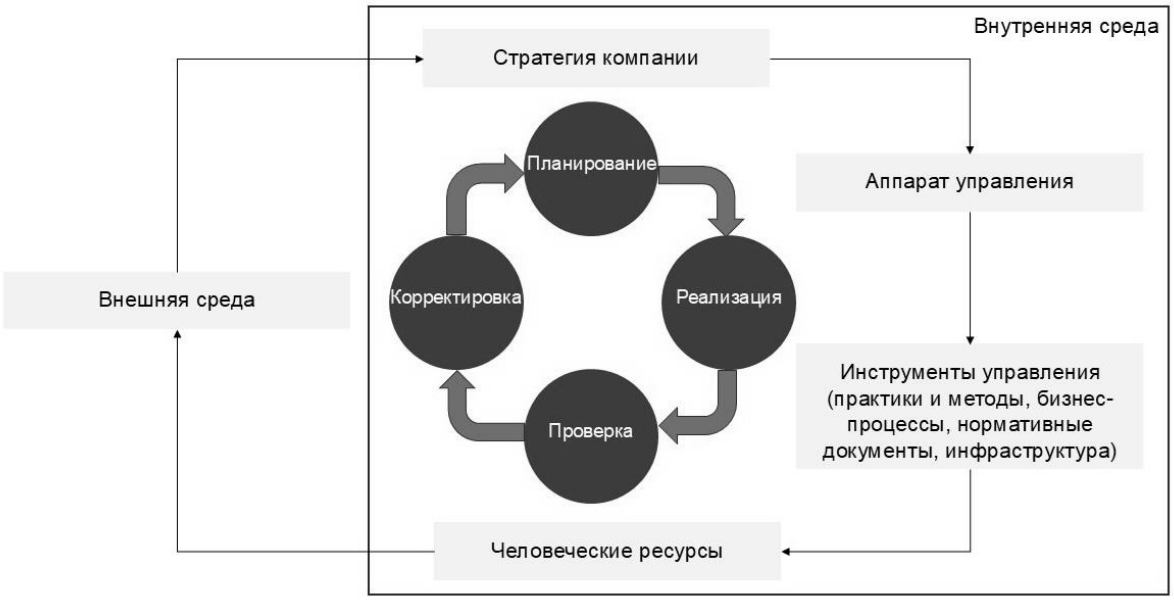

Рис. 1. Универсальная модель УЧР

При этом, по мнению авторов, при разработке новой модели управления УЧР важно сделать акцент на первоисточники ресурсов, определяющие состояние показателей эффективности деятельности, и четко разграничить их влияние.

Заключение. Построена упрощенная универсальная модель УЧР как основа для дальнейшей детализированной адаптации и определения актуальных метрик эффективности.

Список литературы

1. Алтунина, В. В. Модели управления человеческими ресурсами в цифровой экономике / В. В. Алтунина, А. А. Амбарцумян // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13, № 11А. – С. 666–674. – DOI 10.34670/AR.2023.48.57.073. – EDN IWFKLV.
2. Устинова, Л. Н. Технологии управления человеческими ресурсами на основе цифрового подхода / Л. Н. Устинова, А. О. Аракелова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 40-52. – DOI 10.18721/JE.14603. – EDN SVRMNZ.
3. Стрих, Н. И. Управление человеческими ресурсами в условиях инновационной экономики на основе современных моделей / Н. И. Стрих, А. А. Фомин // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 3-2(141). – С. 130-136. – EDN SVGVZS.
4. Исмаилзаде, А. А. А. о. Анализ базовых моделей управления человеческими ресурсами для повышения конкурентоспособности экономики / А. А. А. о. Исмаилзаде // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2014. – № 1(187). – С. 191-199. – EDN RXANDN.
5. Алиева, Э. С. Современные модели управления человеческими ресурсами и их влияние на реализацию творческого и трудового потенциала сотрудников компании / Э. С. Алиева // Социодинамика. – 2022. – № 7. – С. 1–10. – DOI 10.25136/2409-7144.2022.7.38348. – EDN LNKZTC.
6. Кокуйцева, Т. В. Методические подходы к управлению человеческими ресурсами компании в условиях цифровой трансформации и построения эффективных бизнес-процессов / Т. В. Кокуйцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 82-93. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2024.1.7. – EDN FDWUTT.
7. Смолькин, В. П. Теоретическая модель управления человеческим потенциалом организации / В. П. Смолькин, О. Ф. Удалов, И. П. Фадеева // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 5(55). – С. 615-618. – EDN NCJJDO.

УДК 331.5:004.8(575.2)

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Калмамбетова А.Э., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0008-6304-1906,
Донченко О.А., ORCID 0000-0002-9852-9660
НИУ «Кыргызский экономический университет имени М. Рыскулбекова»,
г. Бишкек, Кыргызская Республика
donchenko_olga@inbox.ru, ainur.220479@mail.ru

Введение. В современных условиях искусственный интеллект (ИИ) и цифровые технологии становятся значимыми факторами преобразования экономики и системы управления человеческими ресурсами. Цифровая трансформация меняет содержание трудовых функций, требования к профессиональным компетенциям работников и подходы к организации кадровых процессов. Управление персоналом постепенно переходит от преимущественно административной модели к аналитической системе, основанной на использовании данных, автоматизации операций и прогнозировании потребностей организации в трудовых ресурсах. Международный опыт свидетельствует, что применение искусственного интеллекта в кадровом менеджменте может повышать оперативность управленческих решений, однако требует контроля за объективностью оценки работников, прозрачностью алгоритмов и соблюдением их трудовых прав [5; 6].

Для Кыргызской Республики данное направление приобретает особую актуальность в связи с реализацией Концепции цифровой трансформации на 2024-2028 годы, предусматривающей развитие цифровой инфраструктуры, электронного управления и искусственного интеллекта [1]. При этом цифровизация кадрового менеджмента должна рассматриваться не только как внедрение программного обеспечения, но и как изменение организационной культуры, компетенций руководителей и принципов взаимодействия работодателей с сотрудниками.

Цель исследования заключается в определении возможностей и проблем применения искусственного интеллекта и цифровых технологий в управлении персоналом организаций Кыргызстана и разработке практических рекомендаций по повышению эффективности кадровой деятельности.

Основная часть. Одним из наиболее перспективных направлений выступает цифровизация подбора персонала. Специализированные информационные системы позволяют формировать базы резюме, автоматически сопоставлять требования вакансий с компетенциями

кандидатов, организовывать дистанционные собеседования и поддерживать электронный документооборот. Инструменты искусственного интеллекта могут ускорять первичный анализ заявок и подготовку описаний вакансий. Вторым направлением является аналитика персонала. Использование цифровых HR-платформ позволяет систематизировать сведения о текучести кадров, посещаемости, производительности, профессиональном развитии и удовлетворённости сотрудников. На основании таких данных руководство может выявлять кадровые риски, планировать потребность в специалистах и оценивать результативность мероприятий по развитию персонала. Третье направление связано с цифровым обучением.

Анализ рынка труда Кыргызстана показывает, что цифровая трансформация управления персоналом происходит на фоне изменения структуры спроса на работников и повышения значимости профессиональных компетенций. Согласно данным аналитики HeadHunter Кыргызстан, в 2025 году на платформе было размещено более 44 тыс. активных вакансий, что на 3,6 % больше, чем в 2024 году. Доля вакансий в сфере информационных технологий составила 4,8 %, при этом их количество увеличилось на 19,2 %. В сфере науки и образования прирост вакансий достиг 27,9 %, тогда как в категории «Управление персоналом, тренинги» он составил 1,2 % [2].

Приведённые показатели свидетельствуют о неодинаковой динамике профессиональных направлений и возрастающей значимости цифровых компетенций. При этом статистика вакансий не позволяет напрямую определить фактический уровень внедрения искусственного интеллекта в кадровые службы организаций[2]. Поэтому для оценки цифровизации управления персоналом необходимо учитывать не только спрос на IT-специалистов, но и распространение автоматизированных кадровых процессов, использование аналитических систем и развитие цифровых навыков работников.

В Кыргызской Республике одним из институциональных оснований цифровой трансформации выступает Концепция цифровой трансформации на 2024–2028 годы [1]. Её реализация создаёт предпосылки для расширения применения цифровых решений в организациях, в том числе при ведении кадровой документации, подборе сотрудников, планировании обучения и оценке результатов труда. Вместе с тем практическая эффективность таких решений зависит от финансовых возможностей предприятий, технической инфраструктуры и готовности руководителей изменять традиционные подходы к управлению.

Систематизация данных направлений позволяет определить приоритеты совершенствования кадрового менеджмента с учётом современных требований рынка труда. Основные результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Направления применения искусственного интеллекта и цифровых технологий в управлении персоналом Кыргызстана

Направление	Возможности применения	Ожидаемый эффект	Основной риск
Подбор персонала	Электронные базы резюме, анализ заявок, подготовка вакансий с помощью ИИ	Сокращение времени поиска кандидатов	Алгоритмическая предвзятость
Кадровое администрирование	Электронный документооборот, автоматизация отчётности	Снижение трудоёмкости рутинных операций	Утечка персональных данных
Оценка персонала	Анализ показателей производительности и выполнения задач	Повышение обоснованности управленческих решений	Формальная оценка по количественным показателям
Обучение и развитие	Онлайн-курсы, интеллектуальные помощники	Развитие цифровых компетенций	Неравный доступ к обучению
Планирование трудовых ресурсов	Анализ кадровой потребности, прогнозирование текучести	Более эффективное распределение работников	Ошибки прогнозирования
Мотивация и удержание	Анализ обратной связи и причин увольнения	Своевременное выявление кадровых проблем	Чрезмерный контроль сотрудников

Результаты анализа позволяют выделить три приоритетных направления совершенствования управления персоналом в Кыргызстане. Первое – автоматизация рутинных кадровых операций, позволяющая сократить временные затраты специалистов. Второе – систематическое развитие цифровых компетенций работников, необходимое для адаптации к изменяющимся требованиям рынка труда. Третье – формирование ответственной модели использования искусственного интеллекта, при которой автоматизированные системы помогают принимать решения, но не подменяют профессиональную оценку руководителя.

Для оценки результативности цифровизации организациям рекомендуется применять следующие показатели: среднее время закрытия вакансии, затраты на подбор одного сотрудника, текучесть кадров, продолжительность обучения, производительность труда и удовлетворённость работников [6]. Сопоставление этих показателей до и после внедрения цифровых инструментов позволит определить реальный эффект автоматизации и обосновать дальнейшие инвестиции в кадровые технологии

Заключение. Цифровизация управления персоналом в Кыргызской Республике должна основываться на сочетании технологического развития и инвестиций в человеческий капитал. Приоритетом является не

механическое внедрение искусственного интеллекта, а его целевое использование для повышения качества кадровых решений, производительности труда и профессиональной адаптации работников. Особое значение имеют защита персональных данных, прозрачность алгоритмов и сохранение человеческого контроля над решениями, влияющими на трудовые права сотрудников[3].

Согласно прогнозам Всемирного экономического форума, технологические изменения будут усиливать потребность в цифровых навыках, аналитическом мышлении, гибкости и непрерывном профессиональном обучении. Для организаций Кыргызстана это означает необходимость сочетать внедрение цифровых HR-инструментов с систематическим повышением квалификации персонала [7].

Внедрение искусственного интеллекта и цифровых технологий формирует новые возможности для повышения качества управления персоналом в Кыргызской Республике. Основной эффект цифровизации заключается не в полном замещении кадровых специалистов, а в перераспределении их функций от рутинных операций к стратегическому планированию, развитию человеческого капитала и поддержанию профессионального взаимодействия в коллективе.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы: Указ Президента Кыргызской Республики от 5 апреля 2024 года № 90. – Текст: электронный. – URL: https://www.gov.kg/index.php/ru/p/sa_electronic_control_introduction.
2. Рынок труда в Кыргызстане: итоги 2025 года // HeadHunter Кыргызстан. 9 января 2026 г. – Текст: электронный. – URL: https://bishkek.headhunter.kg/article/34172.
3. Цифровой кодекс Кыргызской Республики. Официальный реестр нормативных правовых актов в сфере персональных данных. – Текст: электронный. – URL: https://reestr.dpa.gov.kg/ru/npa/59.
4. Gmyrek P., Berg J., Kamiński K. et al. Generative AI and Jobs: A Refined Global Index of Occupational Exposure. Geneva: International Labour Organization, 2025. – Текст: электронный. – URL: https://www.ilo.org/publications/generative-ai-and-jobs-refined-global-index-occupational-exposure.
5. OECD. OECD Employment Outlook 2023: Artificial Intelligence, Job Quality and Inclusiveness. Paris: OECD Publishing, 2023. – Текст: электронный. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-employment-outlook-2023_08785bba-en.html .
6. OECD. How Widespread Is Algorithmic Management in Workplaces? Paris: OECD Publishing, 2025. DOI: https://doi.org/10.1787/cda7a114-en.
7. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2025. Geneva: World Economic Forum, 2025. – Текст: электронный. – URL: https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/.

УДК 331.54; 004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ ТРУДА

Коваленко Н.В., д-р экон. наук, проф., ORCID 0000-0002-0417-912x,
Тимошенко А.Г., ORCID 0009-002-2160-9539
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный технический университет»,
г. Алчевск, ЛНР, РФ
sonatak96@gmail.com, timoschenko.anechka@yandex.ru

Введение. Искусственный интеллект прочно вошел в число технологий общего назначения, определяющих облик экономики XXI века. В Указе Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами его интеллектуальной деятельности» [1]. Экономика труда как институциональная система включает в себя не только отношения найма и занятости, но и сложный комплекс формальных и неформальных правил: профессиональные стандарты, трудовое законодательство, системы оплаты и мотивации, социальные гарантии, образовательные траектории и механизмы перераспределения доходов. Внедрение ИИ оказывает воздействие на каждый из этих элементов, подчас ставя под сомнение их эффективность и адекватность новым реалиям.

Цель работы − анализ институциональных изменений в сфере экономики труда, обусловленных внедрением технологий искусственного интеллекта, а также выявление ключевых направлений адаптации социально-трудовых отношений к новым технологическим условиям.

Основная часть. Анализ научной литературы последних лет позволяет выделить несколько ключевых направлений трансформации. Происходит пересмотр самой природы трудовых функций: ИИ автоматизирует не только физический, но и интеллектуальный рутинный труд, высвобождая ресурсы для творческих и управленческих задач, но одновременно создавая угрозу для целых профессиональных групп [2]. Внедрение ИИ ведёт не столько к тотальному сокращению рабочих мест, сколько к их перераспределению и изменению содержания труда. Исследования показывают, что рост безработицы может компенсироваться созданием новых рабочих мест, а компании всё чаще выбирают стратегии переобучения и перераспределения персонала, а не прямые увольнения. Формируется новая реальность, где работник выполняет функции «интеллектуального партнёра» для ИИ, контролируя, обучая и

интерпретируя результаты его работы. Воздействие ИИ на рынок труда носит ярко выраженный отраслевой и профессиональный характер. Наибольшему влиянию − автоматизации и росту производительности − подвержены сферы с преобладанием рутинных, алгоритмизируемых задач: транспорт и логистика, финансы, обрабатывающая промышленность и ИТ-сектор. Однотипность выполняем задач уже не отождествляется с низкой квалификацией. Генеративные модели способны брать на себя отдельные функции даже высококвалифицированных специалистов – юристов, бухгалтеров, дизайнеров. В тоже время отрасли, где труд сочетает интеллектуальную и физическую составляющие (строительство, сельское хозяйство, здравоохранение), менее восприимчивы к автоматизации в краткосрочной перспективе [3]. Требования к человеческому капиталу трансформируются. В России наблюдается нехватка специалистов в сфере информационных технологий, при этом устойчиво увеличивается потребность в гибридных компетенциях. Все отчетливо формируется институциональный запрос на кадры, которые наряду с техническими знаниями в области ИИ обладают развитыми «мягкими» навыками – умением критично мыслить, креативностью, социальны интеллектом и способностью находить решения в нестандартных ситуациях. Кадровый дефицит отражается и на систему вознаграждения: сотрудники, владеющие навыками работы с ИИ, получают заметную прибавку к заработной плате даже на фоне другим специалистов в сфере информационных технологий. Вложения в человеческий капитал превращается в важнейшее условие экономической устойчивости – как для отдельного работника, так и для компании в целом.

ИИ стимулирует развитие новых, более гибких и зачастую менее стабильных форм занятости. Растет доля проектной работы и платформенной занятости в таких областях, как разработка ПО, анализ данных и консультирование по внедрению ИИ – решений. Это создает институциональный вызов: существующие правовые рамки, ориентированные на стандартные трудовые отношения, не успевают адаптироваться к новой реальности, что ведет к росту незащищенных категорий работников [4].

На микроуровне внедрение ИИ меняет целеполагание компаний. Если в краткосрочной перспективе эффект выражается в снижении операционных издержек и росте производительности, то в долгосрочной − ИИ становится основой для создания новых бизнес моделей и источников дохода. Компании, рассматривающие ИИ только как способ экономии на персонале, проигрывают стратегически, тем, кто инвестирует в трансформацию бизнес-процессов и развитие человеческого капитала. Экономический эффект от ИИ смещается из плоскости локальной эффективности в плоскость устойчивого роста и технологического лидерства [5].

В условиях технологической трансформации рынка труда государство вынуждено брать на себя новые функции: адаптацию образовательной политики (запуск программ переподготовки, изменение образовательных стандартов для подготовки кадров с ИИ-компетенциями), разработку механизмов компенсации (предложения по созданию специализированных фондов (например, за счет отчислений от прибыли от внедрения ИИ для выплаты пособий и поддержки высвобождающихся работников), формирование правого поля (разработка нормативной базы для регулирования платформенной занятости), защиты данных и этического использования ИИ, а также предотвращения роста социального неравенства [6].

Заключение. Искусственный интеллект является ключевым фактором институциональных изменений в сфере экономики труда. Он трансформирует трудовые функции, требования к компетенциям и формы занятости, способствуя перераспределению рабочих мест и росту потребности в гибридных навыках. Экономический эффект от ИИ смещается в сторону устойчивого роста и технологического лидерства. Успешная адаптация социально-трудовых отношений возможна при согласованном взаимодействии государства, бизнеса и работников.

Список литературы

1. Анфалова, А. В. Влияние искусственного интеллекта на сферу труда и политика его регулирования в России / А. В. Анфалова // Экономика труда. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 249-266. – DOI 10.18334/et.12.3.122795.
2. Божкова, Е. О. Влияние искусственного интеллекта на трудовые функции работников промышленного предприятия / Е. О. Божкова, В. Ю. Земзюлина // Весенние дни науки ИнЭУ : Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 24–26 апреля 2025 года. – Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2025. – С. 870-876. – EDN LXLMNM.
3. Биттиев, М. Х. Влияние внедрения искусственного интеллекта на экономику компаний / М. Х. Биттиев, В. С. Маянцев, С. А. Мурзин // Прогрессивная экономика. – 2025. – №5. – С. 106–116. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_106.
4. Карпов, А. В. Искусственный интеллект и его влияние на трудовую мотивацию сотрудников / А. В. Карпов // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами : Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15–16 мая 2023 года / Под научной редакцией О.А. Лузгиной. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 154-160.
5. Урунов, А. А. Влияние искусственного интеллекта и интернет-технологий на национальный рынок труда / А. А. Урунов, И. Б. Родина // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 1. – С. 138-142. – EDN YODSEZ.
6. Сценарии развития рынка труда России с учетом оценки влияния искусственного интеллекта: отраслевой разрез Р.В. Файзуллин, П.Л. Отоцкий, Е.Н. Горлачева [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarii-razvitiya-rynka-truda-rossii-s-uchetom-otsenki-vliyaniya-iskusstvennogo-intellekta-otraslevoy-razrez (дата обращения: 13.09.2026).

УДК 338.24

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Курганская М.Я., канд. социол. наук, ORCID 009-0008-9127-2947,
Сунь Хаоян, ORCID 0009-0004-4596-7060
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
khsun-21@edu.ranepa.ru, kurganskaya-my@ranepa.ru

Введение. В современных условиях ограниченности бюджетных ресурсов и необходимости решения сложных социальных задач, регионы всё чаще рассматривают предприятия не только как источник налоговых поступлений, но и партнёров в реализации социально значимых проектов [1]. Одним из механизмов взаимодействия между государством, бизнесом и обществом и является корпоративная социальная ответственность (КСО).

В регионах можно наблюдать различные модели реализации КСО, их выбор зависит от множества экономических, политических, культурных, социальных и иных факторов. Специфика реализации КСО определяется совокупностью региональных условий, среди которых особое значение имеют уровень экономического развития, структура экономики, состояние рынка труда и характер отношений между предпринимательским сектором и государственными органами [2]. Поэтому важно понять, каким образом социальная ответственность бизнеса может способствовать развитию региона и решению конкретных проблем местных сообществ [3].

Цель работы − выявить механизмы, посредством которых корпоративная социальная ответственность бизнеса может выступать эффективным инструментом социально-экономического развития региона, а также определить условия и барьеры, влияющие на реализацию этого потенциала.

Основная часть. Мы исходим из широкого понимания КСО, когда бизнес реализует программы социальной ответственности по собственной воле, а не потому, что так требует закон. Забота начинается «дома» – компания поддерживает своих сотрудников, помогая им развиваться и расти. Но на этом социальная ответственность не заканчивается. Есть и более широкое поле, когда компания влияет на среду вокруг и на жизнь людей рядом, прежде всего в тех местных сообществах, где она работает [4].

Региональная специфика КСО хорошо заметна на одном простом примере: бизнес вкладывается в первую очередь в ту территорию, где работает сам. Причины вполне практические. Здесь живут его работники и будущие кадры, от состояния дорог, школ и жилья зависит, насколько легко

вести дело, а доверие местных жителей и властей порой выливается в «социальную лицензию на деятельность». Например, в Республике Саха (Якутия) подписано 42 соглашения о социальном партнёрстве, за последние пять лет в социальную сферу региона вложено более 46 млрд рублей [5]. Крупные компании всё реже смотрят на социальные проекты как на обузу, которую приходится тянуть из благотворительных соображений. Для них это способ влиять на развитие региона. Привычную схему «донор и получатель» вытесняет партнёрство, рассчитанное на долгий срок.

Появляются и способы измерить, что бизнес реально даёт территориям. В 2025 году Краснодарский край вошёл в пилотные регионы, где начали применять «Стандарт корпоративного социального капитала»; его представили на Петербургском международном экономическом форуме. Похожие механизмы запускают в Омской, Саратовской и Тульской областях, есть и другие примеры. Так создаётся база для перехода от разовой помощи к КСО как части региональной стратегии.

Отдельная роль у КСО там, где после СВО приходится заново выстраивать экономику и социальную инфраструктуру.

В 2022–2024 годах предприятия региона принимали участие в восстановительных работах, предоставляя строительные материалы, оборудование и топливо для нужд инфраструктуры.

После интеграции региона в российское правовое и экономическое пространство для предприятий стали доступны федеральные инструменты поддержки, в том числе грантовые программы, налоговые меры и механизмы государственно-частного партнёрства. Это расширило возможности участия бизнеса в восстановлении и дальнейшем развитии территории. [6].

Однако развитие КСО сопряжено с рядом системных барьеров. Дефицит ресурсов, разобщённость участников, отсутствие традиций в области реализации актуальных социальных практик усиливает разрыв между публичными целями и реальной практикой. В связи с этим особое значение приобретают мониторинг и оценка региональных проектов КСО, привлечение специалистов для максимально эффективного использования имеющихся ресурсов. Отчётность должна быть открытой, а к оценке привлекаться независимые эксперты и представители локального сообщества, поскольку без доверия к результатам любые социальные инициативы не находят отклик у адресатов.

Заключение. КСО может работать как один из инструментов развития региона, но отдача от неё зависит от нескольких условий. Во-первых, нужны региональные стандарты и соглашения. Во-вторых, бизнесу стоит переходить от разовой благотворительности к долгосрочному партнёрству с властью и местным сообществом. В-третьих, необходим работающий контроль результатов. Особенно это заметно в восстанавливаемых регионах: там КСО помогает обновлять экономику и

восстанавливать социальную инфраструктуру. Дальше стоит изучать, какой вклад КСО вносит в региональное развитие и насколько эффективно ГЧП работает на территориях с особым режимом развития.

Список литературы

1. Астахин, А. С. Повышение устойчивости региональных социально-экономических систем на базе регулируемых элементов чувствительности и реакции / А.С. Астахин, А.И. Новиков, А.В. Кузнецов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14, № 12. – С. 2209–2230. – DOI 10.24891/ni.14.12.2209.
2. Перекрестов, Д. Г. Корпоративная социальная ответственность: вопросы теории и практики : монография / Д. Г. Перекрестов, И. П. Поварич, В. А. Шабашев. − Москва : Академия Естествознания, 2011. − 437 с. − ISBN 978-5-91327-148-8. URL: https://monographies.ru/ru/book/section?id=4588 (дата обращения: 30.09.2026).
3. Гальченко, С. А. Специфика корпоративной социальной ответственности: региональный аспект / С. А. Гальченко. – Текст: электронный // Управленец. − 2020. − URL: https://upravlenets.usue.ru/ru/vipuskido2020/279 (дата обращения: 01.10.2026).
4. Гареева, А. Р. Корпоративная социальная ответственность как фактор устойчивого развития компании / А. Р. Гареева. − Текст : электронный // Инновационная экономика : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). − Казань : Бук, 2014. − С. 147–150. − URL: https://moluch.ru/conf/econ/archive/130/6324 (дата обращения: 02.10.2026).
5. Садыкова, Е. С. Методический подход к оценке социальных инвестиций промышленных предприятий : выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация) / Е. С. Садыкова ; науч. рук. И. С. Пелымская ; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт экономики и управления. − Екатеринбург, 2021. − URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/97955/1/m_th_e.s.sadykova_2021.pdf (дата обращения: 02.10.2026).
6. Государственно-частное партнерство : официальный сайт / Министерство экономического развития Российской Федерации. − Москва. − URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d22/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo/ (дата обращения: 03.10.2026).

УДК 331.53

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ БАРЬЕРОВ ТРУДОУСТРОЙСТВА КИТАЙСКИХ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Курганская М.Я., канд. социол. наук, ORCID 009-0008-9127-2947,
Чжан Юэхан, ORCID 0009-0004-1313-3097
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
kurganskaya-my@ranepa.ru, zyhru@yandex.ru

Введение. По данным Министерства образования КНР, число студентов, вернувшихся в Китай после обучения за рубежом, в 2025 году достигло 535 600 человек, из которых более 60.000 из России. Рост числа возвращающихся студентов происходит на фоне усиливающейся конкуренции на китайском рынке труда: каждый год выпускников становится больше, а количество привлекательных вакансий растет медленнее. В этих условиях зарубежный диплом перестает автоматически служить конкурентным преимуществом. При возвращении на родину, китайские выпускники российских вузов сталкиваются с рядом проблем: низкой узнаваемостью брендов (большинства российских университетов неизвестны на китайском рынке труда), сложностью процедур признания дипломов и высокими издержками, связанными с подтверждением квалификации [2]. Эти трудности накладываются друг на друга и усиливают общий эффект: выпускник тратит время и деньги на оформление документов, а работодатель все равно не получает ясного представления об уровне его подготовки.

Цель работы − выявить барьеры трудоустройства китайских выпускников российских вузов в Китае и предложить пути их преодоления на основе согласованных действий государства, вузов, бизнеса и общества.

Основная часть. Одной из серьезных проблем является «слабая ценность» зарубежных дипломов в Китае. Эксперимент, проведенный Хэ Хаожанем, Ань Лулу и Линь Цзяюэ (с участием 4500 резюме и 2250 вакансий), показал, что соискатели, вернувшиеся из-за границы, получали приглашения на собеседование на 36,2% реже, чем кандидаты, получившие аналогичное образование внутри страны [3]. Это обусловлено так называемой «статистической дискриминацией»: не обладая информацией о качестве зарубежного образования, работодатели склонны сомневаться в профессиональных компетенциях кандидата. Рекрутер, который просматривает большое число резюме за ограниченное время, как правило, отдает предпочтение тем, чьи вузы и программы ему знакомы, поскольку так снижается риск ошибки при найме. Данная проблема особенно актуальна для российских вузов: за исключением МГУ и СПбГУ, потому

что большинство российских учебных заведений малоизвестны китайским работодателям и не имеют аккредитации в Министерстве образования КНР. В результате даже сильный выпускник вынужден доказывать свою квалификацию с нуля, тогда как выпускник местного вуза или известного университета США или Великобритании такой необходимости не испытывает.

Официальным органом, который оценивает и признает иностранные дипломы, является Китайский центр обмена учеными (CSCSE), созданный в 1989 году при Министерстве образования КНР, именно к нему обращаются государственные вузы и работодатели, когда не могут самостоятельно оценить зарубежный документ. Сам Центр не аккредитует вузы или конкретные образовательные программы, а лишь подтверждает квалификацию конкретного выпускника. Размещенный на его сайте перечень проверенных зарубежных учебных заведений носит справочный характер и не является гарантией - вуз включается в него, лишь если центр проверял диплом вуза за последние пять лет, а список обновляется ежегодно. Заранее получить подтверждение, что диплом будет признан, невозможно - процедура начинается только после завершения обучения и подачи заявления. Для региональных российских вузов это означает дополнительную неопределенность. Согласно Совместной директиве, изданной в 2024 году десятью ведомствами КНР, была создана единая платформа для трудоустройства выпускников зарубежных вузов. Директива установила повышенные требования для подтверждения зарубежных дипломов, стремясь сделать их более привлекательными для работодателей [4]. Однако из-за различий между российскими и китайскими образовательными стандартами, работодателям сложно оценить реальные компетенции кандидата, опираясь исключительно на документ об образовании. Формальное подтверждение диплома решает вопрос его подлинности, но не отвечает на главный для нанимателя вопрос: чему именно научился выпускник и насколько его знания применимы в китайской практике.

Еще один ограничивающим фактором являются экзамены для поступления на государственную службу. Успешная сдача «Теста на административные способности» и написание эссе с анализом государственной политики требуют длительной подготовки, опирающейся на китайскую образовательную традицию, – ресурсов, доступ к которым у выпускников российских вузов ограничен [5], [6]. Годы, проведенные за границей, нередко выпадают из привычной среды подготовки: выпускники не участвуют в специализированных курсах, не имеют доступа к сообществам кандидатов и не могут своевременно обмениваться опытом с теми, кто уже проходил отбор. Это сужает для них один из самых престижных и стабильных сегментов рынка труда. Часть этих направлений либо перенасыщена предложением, либо предъявляет к кандидатам

требования, которые трудно подтвердить зарубежным дипломом (например, знание местной нормативной базы или наличие профессиональных сертификатов). Таким образом, к проблеме низкой узнаваемости вузов добавляется структурный дисбаланс между полученными специальностями и реальным спросом работодателей.

Среди вернувшихся в страну в 2025 году выпускников, более 80% получили приглашение на собеседование, если их образование было связано с консалтингом или торговлей. Работодатели проявляли некоторый интерес к выпускникам, имеющим образование в области юриспруденции или бухгалтерского учета зарубежных стран [5]. Выпускники российских вузов чаще специализируются в экономике, менеджменте, иностранных языках или искусстве, из-за чего проблема несоответствия полученной специальности рынку труда стоит особенно остро.

Заключение. Преодоление этих трудностей требует совместных усилий всех заинтересованных сторон. На национальном уровне необходимы совершенствование процессов аккредитации зарубежных образовательных программ, создание единой платформы по трудоустройству для выпускников китайских и зарубежных вузов. Российским и китайским университетам следует разрабатывать совместные программы и организовывать взаимные стажировки. Предприятиям необходимо внедрять программы целевого набора и наставничества. Общественные организации могут задействовать ресурсы ассоциаций выпускников, а самим выпускникам следует заранее планировать карьеру и проходить стажировки в Китае.

В будущих исследованиях целесообразно оценить эффективность принятых мер и провести лонгитюдный анализ карьерных траекторий выпускников зарубежных вузов, сделавших успешную карьеру в китайских компаниях и особенно в государственном секторе.

Список литературы

1. Министерство образования КНР. Статистика по обучению за рубежом в 2025 году. – Текст: электронный. – URL: http://www.moe.gov.cn (дата обращения: 01.10.2026).
2. Peng, Y. When the Halo of My Overseas Credentials Disappeared: Chinese Student Returnees and Their Domestic Employability // British Journal of Sociology of Education. – 2025. – Vol. 46, No. 6. – P. 815–833.
3. He Haoran, An Lulu, Lin Jiayue. Has the Foreign-Educated Advantage Faded? Evidence from a Correspondence Study // China Economic Quarterly. – 2025. – Vol. 25, No. 4. – P. 909–925. DOI: 10.13821/j.cnki.ceq.04.06.2025.
4. О дальнейшем совершенствовании работы по трудоустройству лиц, обучавшихся за рубежом: совместный документ 10 ведомств КНР № 78. Пекин, 12.12.2024.
5. Чжилянь Чжаопинь. Доклад о трудоустройстве китайских выпускников зарубежных вузов в 2025 году. Пекин: Чжилянь Чжаопинь, 2026.
6. Fenbi Education. Отчёт о поступлении на государственную службу в Китае в 2025 году. Пекин, 2025.

УДК 3977

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ И ЭКОНОМИКА ТРУДА

Кушелева Т.Е., ORCID 0009-0001-3015-468X
УВО «Московский художественно-промышленный институт», г. Москва, РФ
kusheleva.ta@mail.ru

Введение. В современных экономических реалиях управление персоналом и финансовые результаты бизнеса стали неразделимы. Любое кадровое решение требует строгого экономического обоснования, а финансовые показатели должны получать управленческую расшифровку. Так как рынки остаются нестабильными, квалифицированных специалистов критически не хватает, а стоимость поиска и найма новых сотрудников постоянно растет, компании больше не могут полагаться на интуицию. Чтобы выжить и сохранить рентабельность, бизнесу приходится переводить HR-процессы на язык цифр: рассчитывать, во сколько обходится потеря сотрудника, какую отдачу приносит каждый вложенный в зарплату рубль и как быстро окупятся затраты на переобучение команды. Причем решать задачу нужно не только внутри офиса. Сегодня требуется системный подход к человеческому капиталу, который связывает работу конкретной компании с глобальной задачей повышения производительности труда во всей стране.

Цель статьи – систематизировать актуальные вызовы, с которыми сталкиваются службы управления персоналом, и предложить для них понятные экономические инструменты. Эти решения рассматриваются в масштабе всей экономической системы: на уровне предприятия, отрасли, региона и государства.

Основная часть. Анализ текущего состояния рынка труда позволяет выделить основные тенденции, которые формируют приоритеты управленческих решений:

прогнозы на 2026 год показывают, что часть организаций (примерно 72,8 %) сделают повышение производительности главным приоритетом – компании одновременно сталкиваются с необходимостью повышения зарплат и требований к отдаче сотрудников.

По данным Росстата и ЦБ РФ, несмотря на уровень безработицы 2,1-2,3%, наблюдается структурный дефицит квалифицированных кадров:

по данным отраслевых опросов, около 93 % работодателей столкнулись с этим в 2025 году. Особенно остро проблема проявляется в розничной торговле, медицине и в производстве (ситуация варьирует по отраслям).

Низкий показатель выработки и отставание производительности труда в России от ведущих стран США и Германии, при этом, монетизация дефицита в отдельных сегментах росла в 2024–2025 годах в диапазоне 13–20 %, что подчеркивает необходимость ускоренных мер по росту производительности

Меняется структура форматов занятости: к 2026 году наблюдается устойчивое возвращение части сотрудников в офис, гибридная занятость сохраняет долю, частичная занятость нарастает. Это требует адаптации HR-стратегий к новым форматам, контрактов и мотивационных схем.

Доля компаний, расширяющих использование IT в HR, растет: в 2024 году она составляла 21 %, к 2026 году – свыше 56 %. Это создает новые возможности для принятия решений на основе данных.

Экономические инструменты обоснования HR-решений Эффективное управление персоналом требует перевода HR-мероприятий в экономические показатели и взаимосвязи с результатами бизнеса:

Стоимость текучести персонала – это полная стоимость замены специалиста, которая включает прямые затраты на подбор, адаптацию, снижение продуктивности и косвенные издержки. По статистическим данным, замена специалиста может достигать 50–200 % от его годовой заработной платы. Стоимость текучести кадров можно определить как сумму затрат на подбор, адаптацию, продуктивность, косвенных издержек с учетом процента текучести. Например, сотрудник с окладом 130 000 руб. в месяц уходит. Прямые затраты: подбор: 200 000 руб., адаптация: 150 000 руб., потеря продуктивности: 390 000 руб., косвенные потери: 250 000 руб. Итого примерно 990 000 руб. Если текучесть 15 % в год, общие годовые потери при штате в 100 человек составят почти 15 млн руб. Это наглядно демонстрирует, как текучесть влияет на затраты компании и почему инвестиции в удержание, персонала могут окупаться.

Рентабельность персонала показывает, какую долю выручки формирует совокупная стоимость затрат на персонал. В российской практике средняя доля фонда оплаты труда в выручке составляет около 16 %, но существенные различия между отраслями сохраняются: в некоторых отраслях этот показатель доходит до 50%. Руководству необходимо постоянно отслеживать рентабельность персонала, чтобы понимать, не обходится ли содержание штата дороже, чем приносимая им прибыль.

Период окупаемости инвестиций в обучение можно рассчитать через увеличение прибыли по сравнению с затратами на обучение. Например, если на обучение затрачено 100 тыс. руб., а ежемесячное увеличение прибыли получено в размере 25 тыс. руб., то окупаемость составила 4 месяца. На предприятиях, участвующих в государственном проекте по повышению производительности, выработка уже выросла на 58%, а сроки производства сократились на треть. Это доказывает, что инвестиции в переобучение окупаются быстрее, чем закупка нового оборудования.

Для отрасли: разрыв в эффективности между сферами огромен. В начале 2026 года морской транспорт показал рост производительности почти на 90%, а металлургия – на 0,1%. Отраслевым союзам необходимо внедрять единые стандарты оценки HR, чтобы понимать, где бизнес теряет деньги на неэффективных процессах.

Для региона: проблема кадров напрямую связана с миграцией и демографией. Число трудовых мигрантов в России за год снизилось на 10%. Регионы, которые активно внедряют федеральный проект «Производительность труда», уже показывают рост ВРП свыше 500 млрд рублей, доказывая, что работа с эффективностью существующих кадров важнее, чем ожидание новых переселенцев.

Для государства: национальная цель – к 2032 году повысить производительность труда на 21%. Чтобы этого достичь, требуются системные меры: доступное переобучение для взрослых, цифровизация служб занятости и программы внутренней трудовой мобильности, чтобы люди могли переезжать туда, где есть работа.

Заключение. Управление персоналом перестало быть социальной функцией и стало инструментом выживания бизнеса. Масштабирование этого подхода до уровня страны − единственный способ преодолеть структурный дефицит кадров и обеспечить экономический рост. Согласованность действий в вопросе производительности труда становится главным условием достижения целевых показателей экономики.

Список литературы

1. Труд и занятость в России: статистический сборник. – М.: Росстат. –2025. – 174 с.
2. Главные тенденции в HR в 2026 году. – Текст : электронный // Ведомости. 24 ноября, 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/ideas/trends/articles/2025/11/24/1157372-glavnie-tendentsii-v-hr-v-2026-godu (дата обращения: 04.10.2026).
3. HR тренды 2026: 10 приоритетов и 8 болей HR директоров: исследование hh.ru. – Текст : электронный. – URL: http://government.ru (дата обращения: 01.10.2026).
4. Мотивация сотрудников и рынок труда России в 2026 году: переход к новой парадигме управления персоналом. – Текст : электронный // Группа «Деловой профиль». – URL: https://delprof.ru/ (дата обращения: 02.10.2026).
5. Росстат впервые опубликовал квартальный индикатор производительности труда // Коммерсантъ. 09.10.2026. URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.
6. По итогам 2025 года выработка на предприятиях в федпроекте «Производительность труда» выросла на 58 %. – Текст : электронный // Минэкономразвития РФ 20 февраля 2026. – URL: https://www.economy.gov.ru/ (дата обращения: 02.10.2026).
7. Решетников: рост производительности труда ускорился до 2,7 % в год. – Текст : электронный // Вести.ru. 2025. – URL: https://www.vesti.ru/article/4694347 (дата обращения: 02.10.2026).
8. Стоимость текучести персонала: расчёт и причины увольнений. – Текст : электронный // МГУТУ, 30.05.2026. – URL: https://mgutu.ru/ (дата обращения: 03.10.2026).

УДК 331.108

ПРЕДИКТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ HR-БЕНЧМАРКИНГА В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ НОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Литвин Р.И., ORCID 0000-0002-0195-1049,
Пьяникова М.Д.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, РФ
mr.r_litvin@mail.ru

Введение. Современное управление человеческим капиталом проходит через значительную эволюцию, меняя вектор от реактивного администрирования к долгосрочному стратегическому планированию. В центре этой трансформации находится HR-бенчмаркинг − управленческий инструмент, который исторически применялся для оценки внутренней эффективности путем сопоставления ключевых метрик с отраслевыми стандартами и показателями конкурентов [4]. Однако в условиях динамичной внешней среды и структурной перестройки социально-экономической системы традиционные практики сравнения демонстрируют существенные ограничения.

Особенно остро данный вопрос стоит перед организациями новых регионов Российской Федерации, сталкивающимися с фрагментарностью данных о рынке труда, дефицитом профильных кадров и высокой неопределенностью. Возникает объективная необходимость перехода от ретроспективного сопоставления показателей к качественно иной модели − предиктивному HR-бенчмаркингу, использующему прогнозное моделирование и передовые аналитические инструменты для принятия упреждающих управленческих решений.

Цель исследования заключается в обосновании применения предиктивного HR-бенчмаркинга как инструмента стратегического управления человеческим капиталом организаций новых регионов Российской Федерации, обеспечивающего прогнозирование кадровых рисков и повышение обоснованности управленческих решений.

Основная часть. HR-бенчмаркинг в классическом понимании предполагает сравнение HR-метрик, затрат, производительности и бизнес-результатов с показателями конкурентов или лидеров рынка для выявления лучших практик и зон улучшения [4]. Он позволяет оценивать текучесть, эффективность подбора и качество HR-услуг, однако отвечает прежде всего на вопрос «Что произошло?». Как отмечают Г. В. Чумаченко, Р. И. Литвин и Н. Ю. Мухина, развитие мультидименсионного бенчмаркинга связано с

переходом от одноаспектных ранжировок к комплексной оценке, повышающей точность сравнений и обоснованность решений [3].

Следующим этапом становится предиктивная аналитика − применение статистических моделей и алгоритмов к историческим и текущим данным для выявления закономерностей и прогнозирования будущих событий [5]. По мнению Р. И. Литвина, инструменты бенчмаркинга являются активными средствами решения задач развития предприятий, оптимизации бизнес-процессов и управления персоналом [1]. В отличие от реактивного подхода, предиктивная модель позволяет не только установить уровень текучести, но и определить вероятность увольнения отдельных категорий сотрудников. Тем самым HR переходит от анализа «что случилось» к диагностике причин, прогнозированию и выбору управленческих действий [6; 7].

Для новых регионов РФ такой переход имеет особое значение из-за фрагментарности данных о рынке труда и постоянных социально-экономических изменений. П. Ю. Ткачук и А. Н. Розмыслов отмечают необходимость учитывать институциональную среду региона и связи между её элементами, влияющие на направление экономического развития [2]. В HR это означает необходимость заранее выявлять риски дефицита специалистов, текучести и несоответствия кадрового потенциала требованиям организаций. Предиктивные инструменты позволяют использовать доступные данные для планирования удержания, развития и подбора персонала.

Теоретическим базисом рассматриваемой концепции выступает ресурсная теория фирмы (Resource-Based View – RBV), согласно которой устойчивое лидерство обеспечивается владением редкими, ценными и трудновоспроизводимыми ресурсами. Человеческий капитал рассматривается в рамках RBV как ключевой стратегический актив организации. Предиктивная аналитика позволяет выявлять уязвимости человеческого капитала и своевременно планировать меры по его сохранению и развитию [6]. Поэтому предиктивный HR-бенчмаркинг представляет собой не просто продолжение классического сравнения, а переход к стратегическому управлению человеческим капиталом.

Важной основой перехода является также цикл аналитической зрелости HR-функции: от описательной аналитики («What happened?») к диагностической («Why did it happen?»), предиктивной («What will happen?») и прескриптивной («What should we do about it?»). Эти уровни соответствуют развитию самого бенчмаркинга: формированию рабочей группы, выбору объектов и системы показателей, исследованию, анализу информации и определению целесообразности изменений [1; 4]. Для организаций новых регионов такой подход задаёт последовательный маршрут от базового кадрового учёта к прогнозированию и обоснованию управленческих решений [6; 7].

Заключение. В настоящее время большинство предприятий новых регионов Российской Федерации находятся на этапе описательной аналитики, располагая первичной отчетностью без развитых прогнозных алгоритмов. Внедрение предиктивного HR-бенчмаркинга предоставляет прикладную маршрутную карту эволюции к зрелым аналитическим ступеням, позволяя управлять человеческим капиталом как динамичным стратегическим ресурсом. В условиях масштабной интеграции и социально-экономических трансформаций способность предвидеть кадровые вызовы становится определяющим условием жизнеспособности и устойчивого развития организаций региона.

Список литературы

1. Литвин, Р. И. Концептуальные положения развития бенчмаркинга / Р. И. Литвин // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 15, № 3(156). – С. 145–152. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.15.017. – EDN RAFIHL.
2. Ткачук, П. Ю. Актуальные вопросы структурирования региональной финансовой системы / П. Ю. Ткачук, А. Н. Розмыслов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 5, № 1(166). – С. 123–139. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.01.05.014. – EDN GQNRPL.
3. Чумаченко, Г. В. Разработка методики мультидименсионного бенчмаркинга для оценки технологической самостоятельности регионов / Г. В. Чумаченко, Р. И. Литвин, Н. Ю. Мухина // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2025. – № 12. – С. 308–316. – DOI 10.26118/2782-4586.2025.32.63.039. – EDN KUQGLN.
4. HR Benchmarking – Improve Workforce Performance // The Hackett Group : официальный сайт. – URL: https://www.thehackettgroup.com/hr-strategy/hr-benchmarking/ (дата обращения: 25.09.2026).
5. What is Human Capital Analytics? The Essential HR Guide // AIHR : официальный сайт. – URL: https://www.aihr.com/blog/human-capital-analytics/ (дата обращения: 25.09.2026).
6. Bridging the gap: why, how and when HR analytics can... // Emerald Insight : база данных. – URL: https://www.emerald.com/md/article/60/13/25/281971/Bridging-the-gap-why-how-and-when-HR-analytics-can (дата обращения: 25.09.2026).
7. Prescriptive Analytics in HR: Strategic Applications // HRbrain.ai : официальный сайт. – URL: https://hrbrain.ai/blog/prescriptive-analytics-in-hr-strategic-applications/ (дата обращения: 25.09.2026).

УДК 331.101.1:005

РАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ТРУДА В СИСТЕМЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: МНОГОКРИТЕРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Лукашевич Н.С., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-5719-4844
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
г. Санкт-Петербург, РФ
lukashevich@spbstu.ru

Введение. Цифровизация, удалённая занятость, мультизадачность и рост когнитивной нагрузки изменяют структуру современного труда. В традиционной логике управления перерыв часто рассматривается как сокращение доступного рабочего времени и потенциальная потеря экономического результата. В исследовании рациональный режим труда включён в систему управления, учитывающую цели организации и трудового коллектива.

Цель исследования состоит в постановке многокритериальной задачи выбора режима труда с учётом различий в критериях рациональности работника и работодателя. Исследование основано на гипотезе, согласно которой в отношениях «принципал – агент» рациональный режим формируется как результат согласования интересов работника и работодателя и поэтому не может определяться универсальным нормативом. Постановка задачи опирается на теоретическую модель М. Саэс Марти [1]. Модель дополнена критериями гуманистического управления, учитывающими интересы работника.

Основная часть. В исследованиях режима труда представлены четыре основных подхода. Нормативно-организационный подход рассматривает рациональный режим труда как научно обоснованную систему норм рабочего времени и отдыха, которая должна соблюдаться в процессе труда. Рациональность здесь определяется соответствием установленным нормативам и организационным требованиям. В отечественной школе важным теоретическим основанием является принцип физиологического оптимума О. А. Ерманского, согласно которому рациональность труда не должна отождествляться с максимальной интенсивностью: оптимальным выступает такое соотношение результата и затрат человеческих сил, которое обеспечивает устойчивую работоспособность [2]. М. И. Бухалков рассматривает рациональный режим как научно обоснованное сочетание времени выполнения производственных функций и регламентированного отдыха, учитывающее интенсивность и динамику работоспособности [3]. Физиолого-эргономический подход переносит основной критерий рациональности с

продолжительности рабочего времени на функциональное состояние человека. В исследованиях В. Ромерта продолжительность восстановительного отдыха определяется с учётом характера нагрузки, степени утомления и последующего восстановления [4]. В экономико-оптимизационных моделях режим труда и отдыха выступает управляемой (эндогенной) переменной. Г. Гентцлер, Т. Халил и Б. Сивазлиан использовали математическое и имитационное моделирование для поиска режима, максимизирующего выпуск на единицу времени [5].

Системно-институциональный подход акцентирует внимание на механизме формирования режима труда: распределении прав принимать решения, выгод от результата и последствий выбранного режима. О. К. Минева и О. В. Арманская предлагают рассматривать современный этап научной организации труда как переход от минимизации временных, физических и когнитивных потерь к сохранению человеческого потенциала и профессиональной идентичности [6]. В российской литературе Д. Т. Курушбаева и Н. М. Оскорбин модифицируют модель оптимального выбора продолжительности рабочего времени, вводя в функцию выбора субъективную привлекательность трудового процесса [7].

Задача выбора рационального режима труда рассматривается в контексте отношений «принципал – агент», где работник и работодатель имеют разные критерии рациональности, требующие согласования. В предлагаемой постановке рациональный режим должен одновременно обеспечивать требуемый производственный результат, сохранять благополучие работника и оставаться институционально реализуемым.

Работник чередует интервалы труда продолжительностью $w_1, w_2, \dots, w_{n+1}$ и имеет перерывы продолжительностью $b_1, b_2, \dots, b_n$. Режим труда тогда задаётся вектором $q = \{n, w_1, \dots, w_{n+1}, b_1, \dots, b_n\}$.
Ограничение по общему времени задаётся следующим образом:

$$\sum_{i=1}^{n+1} w_i + \sum_{i=1}^{n} b_i + nc = T, \qquad T > 0, \qquad L(q) = \sum_{i=1}^{n} b_i.$$

Параметр c характеризует временные издержки переключения между работой и отдыхом, связанные с необходимостью восстановить контекст задачи и повторно включиться в рабочий процесс.

Работник оценивает режим по следующему критерию рациональности

$$R_W(q) = \alpha\left[Y(q) + \frac{u}{\alpha}L(q)\right],\ u \geq 0,\ 0 < \alpha < 1,\ q_W^{opt} = \operatorname*{argmax}_{q \in Q} R_W(q),$$

где $Y(q)$ – производственный результат; u – ценность единицы времени отдыха для работника; α – доля производственного результата, получаемая работником; Q – область допустимых режимов труда.

Для работодателя критерий рациональности имеет вид

$$R_E(q) = (1-\alpha)Y(q), \qquad q_E^{\text{opt}} = \operatorname*{argmax}_{q \in Q} R_E(q).$$

Совокупная ценность определяется суммой критериев работника и

работодателя

$$R_J(q) = \alpha Y(q) + uL(q) + (1-\alpha)Y(q), \qquad q_J^{\text{opt}} = \underset{q \in Q}{\text{argmax}}[Y(q) + uL(q)].$$

Работодатель выбирает число перерывов, максимизирующее его экономический результат. При небольшой доле производственного результата, получаемой работником, и положительной ценности отдыха работник может предпочесть режим с большим суммарным временем восстановления. Параметр α обозначает долю экономического эффекта от изменения режима труда, которую работник учитывает в функции полезности. Возможность каждой стороны выбрать режим, отвечающий её критерию рациональности, ограничена: права работодателя определяются трудовыми и организационными нормами, а автономия работника – требованиями к результату и установленным порядком труда.

Заключение. С позиций гуманистического управления проблема «принципал – агент» проявляется в различии критериев рациональности работодателя и работника. Рациональная организация труда должна учитывать различие критериев и поддерживать баланс интересов работника и работодателя.

Список литературы

1. Sáez Martí, M. Take a Break! Fatigue, Recovery, and the Economics of Remote Work / M. Sáez Martí. – New Haven: Cowles Foundation for Research in Economics, Yale University, 2025. – 20 p. – DOI 10.2139/ssrn.5390551.
2. Ерманский, О. А. Научная организация труда и производства и система Тэйлора / О. А. Ерманский. – Репр. изд. 1923 г. – Москва: Перо; Оника, 2026. – 420 с.
3. Бухалков, М. И. Рационализация режима рабочего времени на производстве / М. И. Бухалков // Нормирование и оплата труда в промышленности. – 2012. – № 3. – С. 11–19. – EDN PVFSRN.
4. Rohmert, W. Problems in determining rest allowances. Part 1: Use of modern methods to evaluate stress and strain in static muscular work / W. Rohmert // Applied Ergonomics. – 1973. – Vol. 4, no. 2. – P. 91–95. – DOI: 10.1016/0003-6870(73)90082-3.
5. Gentzler, G. L. Quantitative models for optimal rest period scheduling / G. L. Gentzler, T. M. Khalil, B. D. Sivazlian // Omega. – 1977. – Vol. 5, no. 2. – P. 215–220. – DOI: 10.1016/0305-0483(77)90104-9.
6. Минева, О. К. Инновационное развитие экономики через внедрение человекоцентричного управления на базе искусственного интеллекта как новый виток эволюции научной организации труда / О. К. Минева, О. В. Арманская // Экономика труда. – 2026. – Т. 13, № 2. – С. 183–196. – DOI 10.18334/et.13.2.124631. – EDN FANVSR.
7. Курушбаева, Д. Т. Модификация математической модели оптимального выбора индивидом продолжительности своего рабочего времени / Д. Т. Курушбаева, Н. М. Оскорбин // Труды семинара по геометрии и математическому моделированию. – 2023. – № 9. – С. 13–17. – URL: https://journal.asu.ru/psgmm/article/view/13852 (Дата обращения: 16.09.2026)

УДК 004.94:364:005.5

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА RAMUS EDUCATIONAL ДЛЯ DFD-МОДЕЛИРОВАНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССА ОБРАБОТКИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В УЧРЕЖДЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Лукьянова Е.Ю., канд. экон. наук, доц., ***Негра Н.А.***
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»,
г. Херсон, РФ
summer06062023@mail.ru

Введение. Современное учреждение социального обслуживания населения решает социальные, организационные и информационные задачи. Прием заявлений, проверка документов, определение степени нуждаемости граждан, межведомственное взаимодействие, подготовка решения и уведомление гражданина образуют единую цепочку, в которой качество результата напрямую зависит от точности и своевременности движения данных. Федеральное законодательство закрепляет требования к доступности, адресности и качеству социальных услуг; порядку рассмотрения обращений граждан [1; 2].

Цель. Для анализа соответствующих процессов целесообразно применять процессный подход и методы структурного моделирования. В отличие от описания деятельности только посредством локальных актов и должностных инструкций, модель позволяет рассмотреть процесс как систему взаимосвязанных входов, действий, хранилищ данных и выходов. В научной литературе моделирование бизнес-процессов рассматривается как средство выявления повторяющихся операций, организационных разрывов и зон, требующих регламентации или автоматизации [3]. Подход эффективен для социальной сферы в своевременной помощи, соблюдении прав граждан и устойчивости работы учреждения, а не в коммерческой прибыли.

Основная часть. В качестве инструмента моделирования используется программный комплекс Ramus Educational, который строит модели в нотациях IDEF0 и DFD, выполняет декомпозицию процессов и наглядно отображает связи между участниками и информационными объектами [7]. Для анализа обработки обращений граждан наиболее показательной является DFD-нотация (Data Flow Diagram), ориентированная именно на движение данных. Ее базовыми элементами выступают процессы обработки информации, внешние сущности, хранилища данных и направленные потоки. Способ описания восходит к методологии структурного анализа информационных систем [4; 5].

Объект моделирования − процесс обработки обращения гражданина в учреждении социального обслуживания населения, где гражданин передает заявление и подтверждающие документы; специалист принимает их и регистрирует обращение, проверяет комплектность сведений, формирует межведомственный запрос; подготавливается решение, проводится консультация, с направлением к ответственному специалисту. Информационные хранилища − журнал регистрации, карточка обращения, личное дело получателя услуг, база шаблонов документов, архив. Внешними сущностями выступают гражданин, органы власти и организации, участвующие в межведомственном обмене информацией.

Модель AS-IS отражает фактическое состояние процесса. Ее анализ − типовые проблемы: повторный ввод сведений в журнал, электронная таблица и проект ответа; разрозненное хранение документов; отсутствие единого идентификатора обращения; ручная передача поручений; отдельный контроль межведомственных запросов; несинхронное обновление статуса исполнения. Руководителю сложнее определить, на каком этапе находится обращение, ответственных, соблюдены ли сроки и какие сведения необходимы.

Для усовершенствования работы предлагается модель TO-BE, основой которой является единая карточка обращения с уникальным идентификатором, связанная с реестром обращений и получателями услуг в три процесса: «Принять и зарегистрировать обращение», «Проверить документы и определить потребность», «Подготовить решение, услугу или мотивированный ответ». После регистрации карточка используется на всех соответствующих этапах. В ней фиксируются исполнитель, срок, результаты проверки, сведения о межведомственных запросах и итог рассмотрения. Дополнительное хранилище «Нормативная база и шаблоны документов» обеспечивает единообразие подготовки ответов и снижает риск технических ошибок.

Переход от AS-IS к TO-BE − управленческий эффект, с повышением прозрачности процесса. Руководство контролирует статус обращения и распределяет нагрузку между специалистами; сокращается повторный ввод данных, так как сведения сохраняются один раз и далее используются в связанных операциях; формализуются контрольные точки: дата поступления, регистрация, направление запроса, получение ответа, передача исполнителю, подготовка результата и уведомление гражданина; унифицируются карточки и шаблоны со снижением зависимости качества работы от индивидуальных привычек сотрудника учреждения. Созданная модель − основа для автоматизации и технического задания электронного реестра.

Практическое внедрение модели целесообразно осуществлять поэтапно, определить границы процесса: от поступления обращения до направления результата гражданину; изучить локальные акты, формы

заявлений, журналы, шаблоны ответов с построением модели AS-IS в Ramus Educational, где потокам присваиваются наименования: «заявление», «комплект документов», «карточка обращения», «межведомственный запрос», «ответ органа», «уведомление гражданину». Далее выявляются точки дублирования, ручная передача с разработкой модели TO-BE [3; 6].

Эффективность процесса оценивается по системе показателей: срок регистрации обращения; доля обращений, исполненных в установленный законом срок; количество повторных запросов документов; число просроченных обращений; нагрузка на одного специалиста; количество обращений без назначенного ответственного лица; доля граждан, получивших необходимую помощь.

Заключение. Применение Ramus Educational для DFD-моделирования процесса обработки обращений граждан позволяет перевести описание деятельности учреждения социального обслуживания из текстовой формы в систему потоков данных. Сопоставление моделей AS-IS и TO-BE способствует выявлению дублирования, разрозненности хранения, слабых точек контроля и неопределенности ответственности. Научно-практическая ценность подхода состоит в том, что он одновременно поддерживает регламентацию, повышение качества исполнения обращений и подготовку учреждения к дальнейшей цифровизации.

Список литературы

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.
3. Dumas M., La Rosa M., Mendling J., Reijers H. A. Fundamentals of Business Process Management. – 2nd ed. – Berlin : Springer, 2018. – 527 p.
4. DeMarco, T. Structured Analysis and System Specification / T. DeMarco. – New York: Yourdon Press, 1979. – 348 p.
5. Калянов, Г. Н. Концептуальная модель DFD-технологии / Г.Н. Калянов. – Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-model-dfd-tehnologii (дата обращения: 03.06.2026).
6. Штейнбрехер, О. А. Моделирование бизнес-процессов: методические указания по организации самостоятельной работы / О.А. Штейнбрехер. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2020. – 54 с.
7. Ramus Educational: описание программного продукта для построения диаграмм IDEF0 и DFD. – Текст: электронный. – URL: https://www.work5.ru/spravochnik/informatika/ramus_educational_prakticheskoe_rukovodstvo (дата обращения: 05.06.2026).

УДК 331.108.2

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ КАДРОВОГО РЕСУРСА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПОДЧИНЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Мингалеева Г.А., ORCID 0009-0009-4282-8272
ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, РФ
galinna-mingaleeva@yandex.ru

Введение. Кадровый голод в сфере науки на текущем этапе восстановления и развития научно-технологического потенциала Республики, наиболее острая проблема. Наличие квалифицированных научных кадров гарантирует достаточные темпы развития исследовательской деятельности, внедрения инноваций и развитие конкурентоспособности Республики в целом.

Цель – проанализировать причины и размеры кадрового дефицита в сфере научных организаций регионального подчинения, а также определить возможные направления решения данной проблемы.

Основная часть. В последнее десятилетие проблема кадрового дефицита в секторе «генерации мысли» приобрела особую значимость в связи с миграцией молодых ученых в более безопасные регионы, недостаточным количеством вновь подготовленных молодых специалистов, высокой конкуренцией за «таланты» между научной, образовательной и коммерческой сферами. Данные факторы приводят к резкому старению кадрового ресурса.

Общая минимальная (текущая) кадровая потребность составила 143,25 штатных единицы. В наиболее дефицитной группе сотрудников (непосредственно участвующие в создании научного продукта) организаций НИИ регионального подчинения существенный дефицит прослеживается в четырех профессиях: инженер, что составляет 17% от общего количества вакансий в группе, инженер-конструктор – 15,33%, научный сотрудник (в области экономики) – 10,33% и научный сотрудник (в области физики и астрономии) – 20,67.

Согласно порталу «Работа России» шесть из девяти респондентов мониторинга, размещают свои вакансии на данном портале, предлагая заработную плату научным сотрудникам (в зависимости от квалификации) от 34000 руб. до 48000 руб. Стоит отметить, что тарификации ставок в государственном секторе строго регламентирована согласно Постановлению Правительства Донецкой Народной Республики от 16 марта 2023 г. № 17-2 «Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений Донецкой Народной Республики» [1] и

максимальные значения по вакансиям на портале «Работа России» указаны с учетом стимулирующих выплат, которые не носят регулярный характер.

Таблица 1 – Заявленная кадровая потребность (вакансии) НИИ республиканского уровня подчинения в разрезе укрупненных групп

Наименование группы	Количество свободных штатных единиц, ед.	Наиболее дефицитные вакансии
Профессии и специальности, относящиеся к административно-управленческой деятельности, служащим и инженерно-техническому персоналу	34,75	1. Экономист 2. Бухгалтер 3. Инженер по охране труда
Профессии и специальности непосредственно участвующие в создании научного продукта	75,0	1. Инженер 2. Инженер-конструктор 3. Научный сотрудник (в области физики и астрономии) 4. Научный сотрудник (в области экономики)
Рабочие профессии и специальности	33,5	1. Водитель автомобиля 2. Слесарь

Также по результатам исследования было определено, что более 58% всех сотрудников являются работающими пенсионерами, что относит их к категории нестабильной рабочей силы и требует подготовки «замены» уже сейчас поскольку категория лиц с высшим образованием и учеными степенями являются наиболее трудновосполнимым ресурсом из-за длительного цикла обучения и необходимости профильной квалификации. Таким образом был рассчитан оптимальный уровень кадровой потребности, составивший 567,5 штатных единиц (более 60% от общего числа штатных единиц).

При дальнейшем анализе выявлено, что практически 10% действующих сотрудников не соответствуют уровню требуемого образования или направлению подготовки, 9% - являются совместителями, а не штатными сотрудниками. С учетом этих данным, можно сказать, что полная кадровая потребно по состоянию на 01.08.2026 г. составит 708,5 штатных единиц (более 75% от общего числа единиц согласно штатным расписаниям).

Предпенсионерами по полученным данным является 43 человека, занимающие суммарно 48 штатных единиц из которых 4 единицы относятся к совместителям, 12,5 единиц не соответствуют уровню образования или квалификации и учтены в предыдущих расчетах. Так 28,5 штатных единиц в пятилетней перспективе потребует замены, при этом 14 из которых необходимо заменить уже в 2027 году.

Заключение. Анализ базы вакансий показал, что устранение объема дефицита в 708,5 штатных единиц требует системного подхода. Организации не могут самостоятельно закрыть такой объем вакансий за счет локального рынка труда. В решении данной проблемы могут быть эффективны мероприятия, направленные на поддержание материального благополучия научных сотрудников:

ежегодная индексация тарифов, указанных в Постановлении Правительства Донецкой Народной Республики от 16 марта 2023 г. № 17-2 «Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений Донецкой Народной Республики»;

активизация грантовой поддержки (активное вовлечение в работу по получению грантов на выполнение исследований);

использование удерживающих социальных факторов таких как: сертификаты на жилье, гибкий график работы и т.д.

При векторе, направленном на материальные блага, необходимо также популяризировать научный труд и повышать его уровень престижа, что возможно осуществить, например, при развитии интерактивных научных площадок для школьников и студентов. Такие площадки помогут вовлечь «молодую аудиторию» в процесс научных разработок, школьникам и абитуриентам определиться с будущим направлением обучения и т.д.

Учитывая тенденцию междисциплинарности современных исследований, подобные площадки также будут способствовать созданию базовой многогранности мышления у «молодой аудитории».

Список литературы

1. Об оплате труда работников государственных и муниципальных учреждений Донецкой Народной Республики: Постановлению Правительства Донецкой Народной Республики от 16.03.2023 № 17-2. – Текст: электронный // официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики. – URL: https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-16-marta-2023-g-№-17-2-ob-oplate-truda-rabotnikov-gosudarstvennyh-i-municzipalnyh-uchrezhdenij-doneczkoj-narodnoj-respublik/ (дата обращения: 12.05.2026).

УДК 331.44

КОМПЛЕКСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПЕРСОНАЛА АВИАСТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Осадчий И.С., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0000-7536-7139,
Кухтова Ю.И.
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ», г. Казань, РФ
isosadchiy@kai.ru

Введение. Рассматривается проблема обеспечения психологического здоровья производственного персонала авиастроительного предприятия. Системное управление психоэмоциональным состоянием работников обосновано как необходимое условие повышения надёжности и эффективности производственных процессов.

Цель: разработка комплексной модели обеспечения психологического здоровья, структурно включающей нормативно-методический, информационный, организационно-кадровый и практико-ориентированный компоненты.

Основная часть. Деятельность предприятий авиапрома в контуре ОАК сопряжена с высокими требованиями к точности, персональной ответственности и нормативной дисциплине. Производственный персонал работает в среде, определяемой жёсткими качественными нормативами, лимитами времени и необходимостью постоянной координации между различными функциональными подразделениями.

Данные производственные факторы обусловливают хроническую психоэмоциональную напряжённость, в первую очередь у производственных работников, что ведёт к росту вероятности эмоционального истощения, ослабления произвольного внимания и увеличения числа производственных сбоев.

Высокая сложность выполняемых трудовых функций и значительный уровень ответственности детерминируют потребность в реализации системного подхода к сохранению психологического здоровья работников. В случаях, когда комплексное сопровождение отсутствует, фиксируются отрицательные организационно-производственные эффекты: нарастание стрессовых состояний, падение производительности, ослабление технологической дисциплины и рост текучести кадров [1; 2].

В сложившихся условиях психологическое здоровье персонала приобретает статус стратегически значимого ресурса, оказывающего прямое влияние на надёжность и результативность производственной системы. Под данным понятием подразумевается состояние психической

устойчивости сотрудника, которое позволяет ему качественно исполнять профессиональные обязанности, гибко адаптироваться к варьирующимся нагрузкам и поддерживать высокий уровень работоспособности в условиях усиленной ответственности.

В качестве актуальной научно-практической задачи выступает создание модели комплексного психологического сопровождения производственного персонала авиастроительного предприятия. Решение данной задачи предполагает формирование интегрированной системы, включающей взаимосвязанные элементы организационного, информационного и методического характера.

Предлагаемый подход основывается на выделении ключевых направлений обеспечения, которые в совокупности формируют целостную систему управления психологическим состоянием персонала.

Фрагмент комплекса мероприятий по обеспечению психологического здоровья персонала авиастроительного предприятия представлен в таблице.

Таблица 1 – Основные направления и мероприятия комплексного обеспечения психологического здоровья производственного персонала авиастроительного предприятия

Наименование мероприятия	Содержание мероприятия	Ожидаемый результат
1	2	3
Документационное (нормативно-методическое) обеспечение		
Разработка Положения о психологическом здоровье персонала	Формирование локального нормативного акта, определяющего цели, задачи, принципы и процедуры работы	- формализация системы - единые подходы
Включение психофакторов в стандарты труда	Учет психологической нагрузки при разработке регламентов и инструкций	- снижение перегрузок и технологических ошибок
Информационное обеспечение		
Мониторинг психологического состояния персонала	Проведение регулярных опросов, анкетирования, тестирования (особенно для персонала, занятого на сложных и ответственных участках работы)	- ранняя диагностика неблагоприятных состояний - подготовка профилактических программ (мероприятий)
Аналитическая отчётность	Подготовка регулярных отчетов для руководства	- повышение прозрачности контроля
Организационно-кадровое обеспечение		
Создание службы психологической поддержки	Формирование специализированного подразделения или введение должности штатного психолога	- системная работа с персоналом

Окончание табл. 1

1	2	3
Обучение руководителей подразделений	Формирование компетенций в области психологии труда	- улучшение взаимодействия с персоналом
Формирование психологической грамотности персонала	Информирование персонала об основах обеспечения психологического здоровья	- вовлечение персонала в решение задач по профилактике психологического здоровья
Практико-ориентированное (прикладное) обеспечение		
Индивидуальное консультирование	Работа с личными и профессиональными проблемами сотрудников	- повышение психологической устойчивости
Профилактика профессионального выгорания	Реализация групповых программ поддержки	- сохранение мотивации и вовлечённости
Оптимизация условий труда	Корректировка режимов работы и нагрузки	- улучшение качества трудовой жизни

Эффект подхода заключается в разработке структурированной модели комплексного обеспечения психологического здоровья, основанной на интеграции организационных, диагностических и коррекционных инструментов в единую управленческую систему.

Практическая значимость подхода определяется его направленностью на достижение измеримых организационных эффектов, а реализация системы позволит снизить уровень профессионального стресса, повысить психологическую устойчивость персонала, улучшить качество трудовой деятельности.

Заключение. Комплексное обеспечение психологического здоровья персонала предприятия представляет собой многоуровневую систему, интегрирующую нормативные, организационные, информационные и практические элементы, внедрение которой позволяет повысить устойчивость работников к стрессовым воздействиям, минимизировать производственные риски и обеспечить стабильное качество выполнения производственных задач.

Список литературы

1. Дружилов, С. А. Профессиональное здоровье трудящихся и психологические аспекты профессиональной адаптации / С. А. Дружилов // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 6. – С. 34–37. – EDN: QBSHSJ.
2. Quick J. C., Tetrick L. E. (eds.). Handbook of Occupational Health Psychology. – 2nd ed. – Washington, DC : American Psychological Association, 2011. – 441 p. – ISBN 978-1-4338-0776-3. – DOI: 10.2307/j.ctv1chs29w.

УДК 331.108

КАРТА КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДБОРА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПЕРСОНАЛА

Осадчий И.С., канд. психол. наук, доц., ORCID 0009-0000-7536-7139,
Усманов Б.М.
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ», г. Казань, РФ
isosadchiy@kai.ru

Введение. Практика подбора производственного персонала нередко характеризуется недостаточной формализацией требований к кандидатам, что приводит к широкой вариативности критериев оценки, повышенной субъективности принимаемых кадровых решений и увеличению продолжительности, и усложнению адаптационного периода. Уделено внимание технологическим аспектам разработки и применения карты компетенций. Предложен вариант карты компетенций для оператора станков с числовым программным управлением (ЧПУ).

Цель – рассмотрение карты компетенций как инструмента организации процесса подбора производственного персонала на предприятиях авиастроительной отрасли.

Основная часть. Функционирование высокотехнологичных промышленных предприятий и динамичность региональных рынков труда характеризуется возрастанием значения формализованных методов подбора персонала. Для авиастроительной отрасли данная проблема имеет особую актуальность в связи с высокой стоимостью ошибок при найме работников и усложнением требований к их профессиональной подготовке.

В этих условиях приобретает значимость использование карты компетенций как инструмента стандартизации требований к вакансии и структурирования процесса оценки кандидатов на этапах подбора [1].

Карта компетенций представляет собой систематизированную модель требований к работнику, включающую профессиональные, корпоративные и личностные характеристики, необходимые для эффективного выполнения трудовых функций в рамках конкретной должности.

Разработка карты компетенций осуществляется для конкретной должности или группы однородных должностей в рамках последовательной технологической процедуры, включающей анализ профессиональной деятельности, формирование перечня компетенций, их структурирование, установление уровней сформированности и определение методов оценки (табл. 1).

Таблица 1 – Технология разработки карты компетенций

Наименование этапа	Содержание этапа	Ожидаемый результат
Анализ профессиональной деятельности	Изучение должностных инструкций, технологических процессов, интервью с работниками, руководителями подразделений специалистами HR-службы	Определение требований к должности
Формирование (описание) компетенций	Выделение ключевых профессиональных, корпоративных (поведенческих) и личностных характеристик	Развернутый перечень компетенций
Структурирование компетенций	Группировка компетенций по блокам	Структурированная модель компетенций
Определение уровней сформированности компетенций	Установление шкалы (например, 1–5 баллов)	Критерии оценки компетенций
Разработка методов оценки	Подбор инструментов (тесты, интервью, конкретные задания)	Профиль компетенций

Использование карты компетенций осуществляется в процессе формирования кадрового состава посредством её интеграции в основные этапы подбора (например, на стадии формирования вакансии карта используется для разработки профиля должности с чётко заданными требованиями).

В качестве примера рассмотрим фрагмент карты компетенций оператора ЧПУ-станков. Используется пятибалльная шкала: от минимально допустимого до предпочтительного уровня сформированности компетенции у кандидата (табл. 2).

Таблица 2 – Карта компетенций оператора станков с ЧПУ (пример)

Компетенция	Содержание компетенции	Индикаторы проявления	Уровень сформированности / метод оценки
1	2	3	4
Блок компетенций: профессиональные			
Техническое мышление	Способность анализировать технологический процесс, взаимосвязь режимов обработки и возможные причины отклонений	Определяет последовательность операций, влияние режимов обработки и причины отклонений	3–4/ практическое задание
Чтение чертежей	Умение читать рабочие чертежи и технологическую документацию: условные обозначения и технические требования	Считывает размеры, допуски и обозначения, соотносит их с обрабатываемой деталью	2–3 / контрольный тест
Работа на	Умение выполнять базовую	Соблюдает порядок	3–4 /

Окончание табл. 2

1	2	3	4
станке с ЧПУ	настройку станка, задавать рабочие параметры, запускать и контролировать выполнение программы	настройки и запуска, корректно задаёт параметры и своевременно замечает отклонения	практическое задание
Контроль качества	Умение выполнять измерения, сопоставлять фактические параметры изделия с заданными допусками и фиксировать отклонения	Выбирает измерительный инструмент, выполняет измерения и фиксирует несоответствия	2–3 / наблюдение, контрольные измерения
Блок компетенций: поведенческие			
Внимательность	Способность сохранять концентрацию, соблюдать последовательность операций и своевременно замечать изменения параметров	Не допускает пропусков операций, своевременно замечает отклонения	3–4 / индивидуальные интервью
Стрессоустойчивость	Способность сохранять работоспособность, в условиях повышенной производственной нагрузки	Сохраняет точность действий и соблюдение требований безопасности при повышенной нагрузке	2–3 /тест, наблюдение
Координация	Способность выполнять точные действия при установке заготовки, работе с инструментом и проведении измерений	Выполняет точные согласованные движения при работе с заготовкой и инструментом	3–4 / наблюдение

Использование карты компетенций повышает управляемость подбора и обеспечивает единый подход к этому процессу. Это делает результаты отбора более сопоставимыми и снижает воздействие субъективных факторов при принятии кадровых решений. Карту компетенций можно задействовать и в других HR-процедурах − например, для выявления потребностей в обучении, формирования кадрового резерва и построения карьерных траекторий.

Заключение. Карта компетенций одновременно служит инструментом описания требований к персоналу и элементом технологической системы подбора. Она обеспечивает последовательность и формализацию оценки кандидатов, а в дальнейшем может быть интегрирована с процессами адаптации и обучения сотрудников.

Список литературы

1. Чуланова, О. Л. Компетентностный подход в работе с персоналом: теория, методология, практика : монография. – М. : ИНФРА-М, 2016. – 292 с. – ISBN 978-5-16-011696-9. – DOI: 10.12737/18002. – EDN: YKYLBJ.

УДК 33.08:331.108.4

НАСТАВНИЧЕСТВО И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ КАДРОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД

Окрестина О.Р., ORCID 0009-0000-6187-886X,
Киндякова Е.В., Тараськина А.А.
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения»,
г. Новосибирск, РФ
okrestina@list.ru

Введение. Кадровое обеспечение государственного и муниципального управления связано с качеством выполнения публичных функций. Для органа власти недостаточно привлечь специалиста, соответствующего формальным требованиям; необходимо обеспечить его включение в систему служебных отношений, освоение нормативных требований и цифровых инструментов. Постановление Правительства РФ № 1296 связывает наставничество с ускорением адаптации новых служащих [1], а Указ Президента РФ № 68 предусматривает дистанционные образовательные курсы. Эмпирические исследования показывают сокращение срока адаптации с 6–9 до 3 месяцев при внедрении наставничества. Кадровый потенциал рассматривается как системный ресурс, требующий целенаправленного управления [2], а цифровизация – как процесс, требующий оценки рисков информационной безопасности [3].

Цель – предложить практическую модель управления профессиональным развитием и адаптацией кадров на основе сочетания наставничества, проектного подхода и цифровых инструментов. Для достижения цели рассматриваются содержание адаптации, функции наставника, этапы проектирования программы и показатели результативности.

Основная часть. Профессиональная адаптация – процесс освоения новым сотрудником должностных обязанностей, организационных правил и способов взаимодействия. Она включает профессиональную (освоение обязанностей и нормативных требований), организационную (структура органа, маршруты согласования), социально-психологическую (рабочие контакты) и служебную (поведение и взаимодействие с гражданами) стороны. Если сотруднику передаются только нормативные документы без объяснения практической последовательности работы, он вынужден учиться через исправление ошибок. Наставник сокращает разрыв между формальным знанием и практическим действием.

Наставничество отличается от инструктажа продолжительностью, индивидуализацией и обратной связью. Постановление № 1296 определяет

его как деятельность опытного служащего, направленную на содействие профессиональному развитию, формирование знаний и умений и воспитание добросовестного отношения к обязанностям (п. 2) [1]. Организацию осуществляет кадровая служба, наставник назначается из числа опытных служащих (п. 6) [1]. Выделяют индивидуальную, командную, проектную и цифровую модели. Для государственного управления рационально их сочетать: наставник остаётся носителем практического опыта, а цифровая среда обеспечивает доступ к материалам и фиксации результатов. При этом цифровизация не должна подменять наставничество – нестандартные ситуации требуют профессионального объяснения.

Проектный подход превращает наставничество в систему с определёнными целями, сроками и ответственными лицами. Первый этап – диагностика: определяется исходный уровень знаний и перечень необходимых компетенций. Второй – индивидуальный план адаптации с задачами на первый, второй и третий месяцы. Третий – практическое наставничество: наставник демонстрирует типовую операцию, выполняет её вместе с сотрудником, затем предлагает самостоятельное выполнение; соотношение «показ – совместное выполнение – самостоятельное выполнение» постепенно меняется в пользу самостоятельности. Четвёртый – промежуточная оценка для корректировки плана. В качестве примера рассмотрим практику органов государственной власти Новосибирской области, где с 2022 г. реализуется проект «PROактивное наставничество» [4]. Проект включает поиск и отбор наставников, их обучение, онбординг новых сотрудников, конкурсы и мероприятия по развитию, информационное сопровождение. На базе Корпоративного университета Правительства Новосибирской области проводится двухдневный тренинг «Эффективное наставничество», где наставники осваивают приёмы передачи умений и навыков. Параллельно новый сотрудник проходит вводные курсы «Добро пожаловать на госслужбу» и «Наши ценности».

Цифровые инструменты делают программу прозрачной: электронный чек-лист фиксирует обязательные действия, цифровая база знаний включает локальные акты и типовые инструкции. Дистанционное обучение переводит часть теоретической подготовки в самостоятельный формат. В Новосибирской области наставник рекомендует пройти тестирование на ресурсе «Профессиональное развитие» (edu.gossluzhba.gov.ru), а ГИС «Кадровый учёт» с модулем «Обучение персонала» автоматизирует мониторинг [4]. Оценка результативности опирается на показатели адаптации (соблюдение сроков, ошибки, самостоятельность), профессионального развития (тестирование, качество заданий) и наставничества (регулярность встреч, выполнение плана). Применяется карта наблюдения с уровнями «требуется помощь», «выполняется с консультацией» и «выполняется самостоятельно». Важным результатом

является формирование дальнейшей траектории развития: сотруднику, освоившему базовые задачи, предлагаются более сложные задания. В Новосибирской области по истечении года работы руководителям рекомендовано рассматривать вопрос о поощрении наставника. Ежегодно проводится конкурс «Наставник года», победители получают нагрудные знаки «Наставник госслужбы» [4].

Заключение. Профессиональную адаптацию и развитие кадров целесообразно рассматривать как единый управленческий процесс. Проектный подход делает систему последовательной, а цифровые инструменты обеспечивают доступ к базе знаний и мониторингу.

При этом личное сопровождение сохраняет значение: именно наставник помогает перенести формальные знания в практику. Предлагаемая модель «цифровой контур + наставник + руководитель + кадровая служба» связывает адаптацию с последующим развитием. Опыт Новосибирской области показывает, что модель реализуема на практике и создаёт основу для системного управления кадровым потенциалом. Перспективы использования результатов связаны с возможностью тиражирования модели в органах власти других регионов и включения её элементов в образовательные программы профильных вузов.

Список литературы

1. О наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2019 г. № 1296. – Текст : электронный // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/72833182/ (дата обращения: 24.09.2026).
2. Окрестина, О.Р.ОАО «РЖД» и кадровый потенциал отрасли / О.Р. Окрестина, А.Д. Трофимова // Конституционные и административно-правовые основы российской государственности : сб. материалов заоч. Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2015. – С. 268–272. – Текст : электронный // eLIBRARY.RU. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29084062 (дата обращения: 29.09.2026).
3. Окрестина, О.Р. Классификация принципов оценки безопасности бизнес-процессов при их цифровизации / О.Р. Окрестина, Г.В. Денисенко // Цифровая трансформация в экономике транспортного комплекса : сб. науч. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2025. – С. 174–178. – Текст : электронный // eLIBRARY.RU. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80617060 (дата обращения: 29.09.2026).
4. Проект «PROактивное наставничество». – Текст: электронный // Департамент организации управления и государственной гражданской службы администрации Губернатора Новосибирской области : официальный сайт. – URL: https://dou.nso.ru/page/140 (дата обращения: 29.09.2026).

УДК 333.103

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ СВЕРХУРОЧНЫХ РАБОТ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА

Петенко А.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0008-2258-3549
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Донецкий филиал, г. Донецк, РФ
ulovka13@mail.ru

Введение. В современных организациях сверхурочные работы являются распространенным инструментом решения оперативных задач: выполнение срочного заказа, замещение отсутствующего сотрудника, ликвидация последствий сбоев. Однако в системе управленческого учета последствия сверхурочных работ чаще всего фиксируются лишь в части прямых затрат − повышенной оплаты труда. За рамками учета остаются косвенные экономические эффекты: снижение производительности в последующие периоды, рост ошибок и брака, увеличение текучести персонала, затраты на восстановление работоспособности сотрудников. Игнорирование этих последствий приводит к искажению себестоимости продукции, неверным управленческим решениям и формированию порочного круга, когда сверхурочные работы становятся нормой вместо исключения.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации экономических последствий сверхурочных работ, разработке методики их комплексной оценки в системе управленческого учета и обосновании критериев для принятия решений о целесообразности привлечения сотрудников к сверхурочному труду.

Основная часть. В соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации, сверхурочные работы оплачиваются в повышенном размере: первые два часа − не менее чем в полуторном размере, последующие часы − не менее чем в двойном размере. В системе управленческого учета эти затраты относятся на соответствующие центры ответственности и включаются в себестоимость продукции, работ или услуг. Проблема заключается в том, что традиционный учет фиксирует только явные издержки, оставляя за рамками анализа неявные, которые могут многократно превышать размер прямой доплаты [3, с. 112]. Как отмечается в исследованиях по методологии управленческого учета, информационным полем для процессов управления ресурсным потенциалом предприятия выступает система планов счетов, которая должна обеспечивать получение оценочных показателей, используемых в реальном управлении экономическими ресурсами [2, с. 80].

К числу наиболее значимых косвенных последствий, которые должны учитываться в управленческом учете, относятся следующие:

1) снижение производительности труда в последующие периоды. Многочисленные наблюдения показывают, что после интенсивной сверхурочной работы производительность сотрудника в ближайшие дни снижается на 20–30 %. Фактически организация оплачивает повышенную ставку за часы, отработанные сегодня, и одновременно теряет часть рабочего времени завтра. В управленческом учете этот эффект может быть отражен через корректировку нормативной производительности или через создание резерва потерь рабочего времени.

2) рост числа ошибок и брака. Утомление, вызванное переработками, приводит к снижению внимания и увеличению вероятности ошибок. Затраты на выявление и исправление брака, а также потери от возвратов и рекламаций должны быть отнесены на те же центры ответственности, которые инициировали сверхурочные работы. В противном случае возникает ситуация, когда выгоду от срочного выполнения заказа получает одно подразделение, а издержки от допущенных ошибок распределяются на другие [1, с. 258].

3) увеличение текучести персонала. Систематическое привлечение к сверхурочным работам без адекватной компенсации и учета мнения сотрудников становится фактором демотивации. Наиболее квалифицированные работники, имеющие альтернативы на рынке труда, покидают организации с высокой интенсивностью переработок [2, с. 214].

4) рост заболеваемости и затрат на медицинское обеспечение. Хроническое переутомление снижает иммунитет и увеличивает частоту заболеваний. Организация несет прямые затраты на оплату больничных листов и косвенные − на простои и срывы производственных графиков. В системе управленческого учета эти последствия могут быть оценены через анализ динамики заболеваемости [3, с. 127].

Для принятия обоснованных управленческих решений целесообразно использовать показатель полной экономической стоимости сверхурочного часа, который включает три компонента.

Первый компонент − прямая оплата труда по повышенной ставке с учетом всех налогов и начислений на фонд оплаты труда. Второй компонент − потери производительности в последующие периоды, рассчитываемые как произведение нормативной стоимости часа работы на коэффициент снижения производительности. Третий компонент − отнесенная доля затрат на брак, текучесть и заболеваемость, приходящаяся на один час сверхурочной работы в данном подразделении.

Сравнение полной экономической стоимости сверхурочного часа с альтернативными вариантами (наем временного сотрудника, аутсорсинг, перенос сроков выполнения работ, оптимизация процессов) позволяет оценить реальную эффективность использования сверхурочных работ. Для

внедрения предлагаемой методики в практику управленческого учета могут быть рекомендованы следующие меры:

1. Введение дополнительных аналитических счетов для учета косвенных последствий сверхурочных работ: потери производительности, брак, связанный с переработками, затраты на восстановление работоспособности. Отнесение этих затрат на центры ответственности, инициировавшие сверхурочные работы [3, с. 82].

2. Разработка нормативных коэффициентов снижения производительности после сверхурочных работ на основе анализа статистических данных конкретной организации. Коэффициенты могут дифференцироваться по категориям персонала и типам выполняемых работ.

3. Формирование управленческой отчетности о полной экономической стоимости сверхурочных работ в разрезе подразделений, проектов и периодов. Включение показателя эффективности использования сверхурочных работ в систему ключевых показателей руководителей центров ответственности.

4. Проведение сравнительного анализа затрат на сверхурочные работы и альтернативных способов покрытия потребности в рабочей силе (наем временных сотрудников, перераспределение нагрузки, привлечение подрядчиков). Результаты анализа должны учитываться при утверждении бюджетов и оценке деятельности подразделений [3, с. 212].

Учет только прямых затрат на сверхурочные работы искажает оценку их эффективности, поскольку снижение производительности, рост брака, текучести и заболеваемости могут существенно превышать размер доплат.

Заключение. Таким образом, предложенная методика комплексной оценки, включающая расчет полной экономической стоимости сверхурочного часа, позволяет принимать обоснованные решения о целесообразности привлечения сотрудников к сверхурочным работам. Внедрение дополнительных аналитических счетов, нормативных коэффициентов и специализированной управленческой отчетности создает основу для контроля за эффективностью использования рабочего времени и оптимизации кадровых затрат в целом.

Список литературы

1. Вахрушина, М. А. Финансовый и управленческий учет: учебник для бакалавриата / М. А. Вахрушина, В. А. Ситникова. – Москва: КноРус, 2026. – 320 с.
2. Шеремет, А. Д. Теория экономического анализа: учебник / А. Д. Шеремет, А. Н. Хорин. – 4-е изд., доп. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 389 с.
3. Волкова, О. Н. Управленческий учет: учебник и практикум для вузов / О. Н. Волкова, И. Ю. Чуракова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 547 с.

УДК 354

МЕСТО МИНОБРНАУКИ РОССИИ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Потоцкий Я.А., ORCID 0009-0006-3170-0634
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, РФ
istorik.ru01@gmail.com

Введение. Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, на 2026-2030 гг., утвержденной в 2025 году, миграционная политика направлена на решение задач в том числе в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны. В настоящее время происходит непрерывное совершенствование российского миграционного законодательства в части соотношения регламентации процедур оформления разрешительных документов, необходимых для легализации пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, с потребностями российского рынка труда, сферы образования и научно-производственного сектора. В свою очередь Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в 2010-2020-х гг. был разработан целый комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих процедуры тестирования иностранных граждан, прибывающих с целью проживания, получения образования или осуществления трудовой деятельности.

Цель – провести анализ роли и деятельности Минобрнауки России в рамках нормативно-правового регулирования процессов трудовой и образовательной миграции.

Основная часть. Одним из механизмов оценки языковых навыков иностранных граждан является государственное тестирование по русскому языку как иностранному (ТРКИ), успешное прохождение которого на необходимом уровне дает иностранному гражданину право обучаться в российских образовательных организациях высшего образования, заниматься преподавательской деятельностью или претендовать на получение ученой степени. До 2021 года сертификат ТРКИ был необходим иностранным гражданам для подтверждения владения русским языком при получении гражданства Российской Федерации или прохождения миграционных процедур в случае оформления трудовой деятельности.

В 2014 году Минобрнауки России были утверждены форма и порядок проведения ТРКИ, а также уровни владения русским языком как иностранным языком и требования к ним. Кроме того, в 2014 году Минобрнауки России утвердило порядок выдачи сертификата о

прохождении ТРКИ. В 2019 году Министерство утвердило перечень образовательных организаций, проводящих ТРКИ. Порядок и критерии включения образовательных организаций в перечень утверждены приказом Минобрнауки России от 18 июня 2014 г. № 666.

В начале 2020-х гг. (уже после разделения в 2018 году единого Министерства образования и науки на Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования, также сохранившему наименование «Минобрнауки России») Минобрнауки России разработало ряд проектов федеральных законов и постановлений Правительства Российской Федерации, заложивших основы проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации. Важно отметить, что на сегодняшний день экзамены для иностранных граждан (проводимые на разных уровнях в зависимости от цели иностранного гражданина – а именно получение разрешения на работу или патента, вида на жительства, разрешения на временное пребывание или приобретение гражданства), являются не только основным способом подтверждения языковых и социокультурных навыков мигрантов при оформлении разрешительных документов, но и важным механизмом их адаптации в российском обществе.

В соответствии с пунктом 2 статьи 15^1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» Минобрнауки России подготавливает предложения по включению государственных учреждений в утверждаемый правительством перечень организаций, проводящих экзамены для мигрантов. В 2024 году Минобрнауки России разработало проекты постановлений правительства, закрепляющих критерии включения организаций в перечень государственных учреждений, проводящих экзамен, и устанавливающих единую на всей территории России стоимость экзаменов для иностранных граждан (в зависимости от уровня экзамена) [1, 2]. В 2025 году министерство разработало проект постановления правительства, утверждающего положение о проведении экзаменов для иностранных граждан, претендующих на получение гражданства Российской Федерации [4]. Кроме того, весной 2025 года Минобрнауки России разработало проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 15^1 и 18 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (вступил в силу в августе того же года), в соответствии с которым трудовые мигранты, получающие разрешение на работу в рамках ежегодно устанавливаемой правительством квоты, освобождаются от сдачи экзамена по русскому языку [3].

Наконец, в 2026 году Минобрнауки России разработало проект концепции единого вступительного испытания по русскому языку для иностранных абитуриентов, поступающих в российские образовательные

организации высшего образования [5]. Положения данной концепции предусматривают закрепление единых требований к уровню владения русским языком, необходимому для обучения иностранных граждан в российских вузах, а также затрагивают вопросы порядка, формы и контроля проведения тестирования для иностранных абитуриентов. В ближайшем будущем Минобрнауки России будут разработаны проекты нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок проведения единого вступительного испытания.

Заключение. Таким образом, Минобрнауки России в 2010-2020-х гг. была проведена масштабная работа по разработке нормативной базы, регулирующей организацию и проведение государственного тестирования по русскому языку, экзаменов по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации для целей оформления разрешения на работу, разрешения на временное проживание, вида на жительство или приобретения гражданства, а также подготовке нормативно-правовых актов, регламентирующих проведение планируемого единого вступительного испытания для иностранных абитуриентов, поступающих в российские высшие учебные заведения.

Список литературы

1. В Минобрнауки определили, какие госучреждения смогут принимать экзамены у мигрантов. – Текст: электронный // Парламентская газета : [сайт]. – 2024. – URL: https://www.pnp.ru/politics/v-minobrnauki-opredelili-kakie-gosuchrezhdeniya-smogut-prinimat-ekzameny-u-migrantov.html (дата обращения: 09.10.2026).
2. Минобрнауки определило единые расценки на экзамены для мигрантов. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – 2024. – URL: https://www.rbc.ru/society/01/11/2024/672503019a79471b25070942?ysclid=mv1brwt39p419723745 (дата обращения: 09.10.2026).
3. Правительственная комиссия одобрила упрощение оформления на работу мигрантов. – Текст: электронный // ТАСС : [сайт]. – 2025. – URL: https://tass.ru/obschestvo/24048579 (дата обращения: 09.10.2026).
4. Правительство России утвердило Положение о проведении экзаменов для иностранных граждан, претендующих на получение гражданства Российской Федерации. – Текст : электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. – 2025. – URL: https://m.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/98123/ (дата обращения: 09.10.2026).
5. Разработана концепция единого экзамена по русскому языку для иностранцев. –Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. – 2026. – URL: https://ria.ru/20260822/ekzamen-2112408576.html?ysclid=mv0zr0hy9o385929806 (дата обращения: 09.10.2026).

УДК 005.95/.96

РАЗРАБОТКА И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Псарева И.С., канд. техн. наук, доц., ORCID 0000-0002-5117-9990,
Велегура З.В., ORCID 0009-0002-2585-630X
«Приазовский государственный технический университет» – филиал
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Мариуполь, ДНР, РФ
veleguraz@mail.ru, pgtu@mgsu.ru

Введение. Предприятия работают в условиях двойного давления: конкуренция на товарных рынках ограничивает рост цен, а дефицит квалифицированных работников вынуждает увеличивать расходы на их привлечение и удержание. По данным Банка России, в январе 2025 г. нехватку кадров отмечали 69% российских предприятий, а в июне – 66%, поэтому проблема обеспеченности персоналом продолжала затрагивать большинство организаций [1]. При разработке кадровой стратегии необходимо соотносить потребность в специалистах и необходимых компетенциях с тем объёмом затрат на персонал, который предприятие способно нести без ухудшения своего финансового положения.

Цель исследования – обосновать последовательность разработки стратегии управления персоналом, согласующей конкурентные преимущества предприятия на товарном рынке с его возможностями привлекать, развивать и удерживать работников.

Основная часть. Формирование кадровой стратегии следует начинать с определения того, какие знания и навыки работников необходимы предприятию для успешной конкуренции на рынке. Р.А. Марков отмечает, что именно компетенции персонала служат основой кадровой стратегии предприятий IT-сферы и позволяют им укреплять свои позиции среди конкурентов [2, с. 145]. Если предприятие делает ставку на более низкую цену, кадровые решения должны быть ориентированы на снижение трудовых затрат при сохранении качества работы. Когда конкурентное преимущество связано с особенностями продукции, внимание следует сосредоточить на развитии технологических и сервисных навыков сотрудников, которые конкурентам трудно быстро воспроизвести.

После определения необходимых компетенций предприятие должно оценить, какие специалисты уже есть в штате и насколько реально найти недостающих работников на рынке труда. В.Ю. Острик и Ю.Н. Короленко указывают, что при разработке конкурентной кадровой стратегии необходимо учитывать различия между сегментами рынка труда, мотивацию сотрудников и степень их вовлечённости в работу [3, с. 2193].

Для дефицитных специалистов, которых трудно заменить, следует заранее готовить кадровый резерв, тогда как потребность в работниках массовых профессий может покрываться за счёт постоянного найма и налаженной адаптации новых сотрудников.

При выборе кадровых решений необходимо сравнивать не только прямые расходы, но и сроки, за которые предприятие сможет получить нужный результат. Следует учитывать затраты на поиск, обучение и адаптацию работников, а также потери, связанные с длительно незакрытыми вакансиями. Поэтому внешний найм, подготовку собственных сотрудников и перераспределение обязанностей нужно оценивать по совокупным затратам, выбирая вариант, который позволяет сохранить требуемое качество работы при меньших расходах. Низкая заработная плата сама по себе ещё не означает, что выбранный способ экономически выгоден.

Опыт СИБУРа показывает, что часть потребности в квалифицированных специалистах предприятие может закрывать за счёт обучения собственных работников. В 2024 г. подготовку прошли 39,3 тыс. сотрудников, что на 8,5% больше, чем годом ранее, а расходы на развитие персонала составили 1,3 млрд руб. и выросли на 40% [4]. Однако рост числа обученных работников и увеличение расходов отражают лишь масштаб кадровой работы, тогда как её реальная отдача должна подтверждаться сокращением незакрытых вакансий, более быстрым освоением новых функций, ростом производительности и снижением потребности во внешнем найме.

Развитие собственных кадров даёт эффект только в том случае, если предприятие способно удержать работников после их обучения. Н.А. Николаев отмечает, что управление персоналом должно учитывать не только цели организации, но и профессиональные интересы, ожидания и мотивацию сотрудников [5, с. 41]. В условиях конкуренции за квалифицированные кадры одной заработной платы недостаточно: для работников также имеют значение возможности профессионального развития, продвижения и характер выполняемой работы. Поэтому меры по удержанию персонала следует прежде всего применять к тем специалистам, уход которых может привести к потере необходимых для предприятия знаний и навыков, заранее определяя затраты, сроки и ответственных за их реализацию.

До утверждения бюджета необходимо определить кадровую потребность с учётом производственного плана. При ограниченных средствах приоритет следует отдавать специалистам, нехватка которых сдерживает выполнение заказов, а остальные кадровые меры финансировать с учётом их влияния на производительность труда, сроки закрытия вакансий, текучесть персонала и затраты на его привлечение и подготовку.

Для проверки эффективности кадровых решений можно использовать кадровую аналитику. В.И. Абрамов и А. Мухиткызы отмечают, что она позволяет точнее оценивать управленческие решения и использовать полученные данные при дальнейшем планировании [6, с. 890]. Если после обучения производительность не растёт, следует пересматривать содержание и формат подготовки работников; длительное закрытие вакансий указывает на необходимость менять каналы найма, требования к кандидатам или условия предложения, а высокая текучесть дефицитных специалистов – корректировать оплату, возможности профессионального развития и условия труда.

Заключение. Таким образом, выбор стратегии управления персоналом в условиях конкурентных экономических отношений зависит от того, за счёт каких преимуществ предприятие конкурирует на рынке и какие компетенции персонала необходимы для их поддержания. Если основой конкуренции выступает цена, основное внимание следует уделять снижению трудовых затрат без ухудшения качества работы. Если же предприятие делает ставку на отличительные свойства продукции, кадровая политика должна быть направлена на развитие технологических и сервисных навыков, а также на привлечение и удержание квалифицированных специалистов.

Список литературы

1. Рынок труда Кузбасса: конкуренция среди соискателей возросла. – Текст : электронный // Банк России. – 28.07.2025. – URL: https://cbr.ru/press/regevent/?id=60567 (дата обращения: 07.10.2026).
2. Марков, Р. А. Стратегия управления человеческими ресурсами на предприятиях IT-сферы / Р. А. Марков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 141–159. – DOI 10.22394/2071-2367-2022-17-4-141-159.
3. Острик, В. Ю. Разработка конкурентной стратегии управления персоналом в условиях неоднородности рынка труда / В. Ю. Острик, Ю. Н. Короленко // Экономика труда. – 2024. – Т. 11, № 12. – С. 2193–2210. – DOI 10.18334/et.11.12.122217.
4. СИБУР представил интегрированный отчет за 2024 год: устойчивость, инновации и вклад в достижение национальных целей. – Текст : электронный // СИБУР. – URL: https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/sibur-predstavil-integrirovannyy-otchet-za-2024-god-ustoychivost-innovatsii-i-vklad-v-dostizhenie-na/ (дата обращения: 07.10.2026).
5. Николаев, Н. А. Актуальность развития методологии совершенствования системы управления персоналом на основе системно-персонифицированного подхода / Н. А. Николаев // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2021. – № 2. – С. 38–50. – DOI 10.24143/2073-5537-2021-2-38-50.
6. Абрамов, В. И. Цифровизация HR-аналитики в компании: характеристики, преимущества, практики / В. И. Абрамов, А. Мухиткызы // Лидерство и менеджмент. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 887–908. – DOI 10.18334/lim.11.3.121557.

УДК 005.962/.963:339.138

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Сардак Е.В., д-р экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-1061-1695,
Черняк И.Н.
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
des.zoomer@mail.ru, piromidon30@yandex.ru

Введение. Современные динамичные условия, характеризующиеся повышением уровня неопределенности и рисков как в экономике в целом, так и в сфере управления человеческими ресурсами, – в частности, предопределяют рост внимания к формированию новых методов и технологий HR-менеджмента. Изменения в управленческих подходах затрагивают и такой важный этап HR-процесса, как адаптация персонала, которая выступает логическим продолжением значимой и трудоемкой процедуры найма.

Особое внимание следует уделить снижению вовлеченности персонала, на которое влияет, в том числе, эффективность адаптации новых сотрудников. По данным «SuperJob», доля сотрудников с высокой вовлеченностью снизилась с 72% в 2024 году до 63% в 2026 году [1]. Таким образом, опросы показывают снижение вовлеченности персонала, связанное с текущей экономической ситуацией и замедлением роста реальных заработных плат. Это негативно влияет на мотивацию, активность, продуктивность и лояльность работников. Так, по итогам 2025 года реальные зарплаты выросли на 4,4% (в 2024 году рост составлял 9,1%, а в 2023 году – 8,2%) [1]. Как следствие, – прослеживается тенденция активного внедрения предприятиями программ адаптации, обучения, карьерного развития (с целью повышения удовлетворенности трудом и роста лояльности сотрудников по отношению к работодателю).

Целью исследования является освещение актуальных аспектов адаптации персонала в условиях человекоцентричной ориентации предприятия, выявление проблем в данной сфере и определение путей их решения.

Основная часть. В условиях человекоцентричной ориентации предприятий повышается актуальность вопросов, связанных с обеспечением эффективности HR-мероприятий по адаптации персонала, созданием необходимых условий для ее успешности. По оценкам экспертов, привычные на сегодняшний день формы и модели работы становятся неэффективными; при этом переход к новым HR-подходам требует

привлечения ресурсов и адаптации. В условиях экономического замедления работники ожидают не только трансформации методов и объемов работы, но и переформатирования процесса адаптации к работе (предоставление гибких условий, возможностей для проявления креативности, обратной связи и пр.).

По результатам проведенных исследований выделены следующие основные проблемы в сфере адаптации персонала:

методы и инструменты адаптации не согласованы с потребностями работников;

влияние негативных последствий неэффективного найма (принятый работник не соответствует должности, корпоративной культуре и пр.);

отсутствие четко очерченных границ ответственности HR-менеджера (руководителя структурного подразделения) за результаты адаптации;

низкий уровень вовлеченности руководителей в процесс адаптации;

отсутствие автоматизации процесса адаптации, аналитики ее результативности;

отсутствие (либо низкий уровень) учета взаимосвязи адаптации с другими HR-функциями (наем, обучение персонала, управление талантами, оперативный HR-менеджмент, деловое оценивание, управление карьерой, ротация, управление внутренними коммуникациями, управление благополучием персонала).

С целью решения вышеуказанных проблем в условиях человекоцентричной ориентации предприятиям рекомендуется разработка и реализация плана по управлению адаптацией (онбординг-плана). Его целесообразно рассматривать как HR-инструмент, который позволяет объединить усилия руководителя, наставника и нового сотрудника и отражает следующие ключевые пункты:

цели испытательного срока и общие производственные цели (должны быть взаимосвязаны);

рабочие задачи (фиксируются четко и однозначно);

командное взаимодействие (должно регулироваться в рамках адаптации);

пункты ответственности нового сотрудника, наставника, руководителя (не следует допускать дублирования);

необходимые результаты достижения ключевых задач, сроки, методика, объекты оценки на период адаптации.

В условиях человекоцентричной ориентации предприятия, наряду с профессиональной адаптацией (раскрывающей потенциал нового сотрудника), организационной адаптацией (базирующейся на принятии основных организационных правил предприятия), особую роль играет культурная адаптация.

Культурная адаптация работников должна основываться на принципах открытости, доверия, предоставления широких возможностей

работникам в развитии и реализации своего потенциала и предусматривать следующие механизмы:

принятие стратегии и ценностей предприятия;

знакомство с ключевыми клиентами предприятия (внутренними и внешними);

принятие основных правил внутренних коммуникаций и принятия решений;

знакомство со стейкхолдерами.

Корпоративные ценности должны быть интегрированы в систему ценностей новых сотрудников; они должны фиксироваться во всех адаптационных материалах и в рабочем окружении.

Заключение. Таким образом, выявленные проблемы в сфере адаптации персонала формируют соответствующую систему HR-задач предприятия. В условиях человекоцентричной ориентации предприятия особую значимость приобретает культурная адаптация работников, обеспечение результативности которой будет способствовать росту социальной HR-эффективности, наращиванию конкурентных преимуществ и усилению HR-бренда предприятия.

Список литературы

1. Россияне меньше «горят» на работе. – Текст: электронный. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8653864 (дата обращения: 01.10.2026).
2. Балабанова, Л. В. Диагностика HR-рисков в системе управления персонал-маркетингом / Л. В. Балабанова, Е. В. Сардак, А. А. Митин // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 5, № 1(154). – С. 123-131. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.05.012. – EDN OGKWYF.
3. Балабанова, Л. В. Анализ кадрового потенциала предприятия / Л. В. Балабанова, Е. А. Гасило, О. В. Мачкевская // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. – 2026. – № 15-1(15). – С. 170-174. – EDN WJHOYW.
4. Балабанова, Л. В. Концептуальные подходы к исследованию лояльности персонала предприятий сферы услуг / Л. В. Балабанова, Е. В. Сардак, Е. А. Анциферова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 1, № 1(142). – С. 173-180. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.01.01.022. – EDN UCLREL.
5. Кравченко, Е. С. Интеллектуально-кадровое обеспечение бизнес-модели предприятия розничной торговли / Е. С. Кравченко, Н. В. Ващенко, Т. П. Оборчан // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. – 2024. – № 13. – С. 65-71.
6. Экономическое развитие Донбасса: маркетинговые стратегии, финансовая система и социальные аспекты. Приурочена 160-летию со дня рождения Михаила Туган-Барановского / С. В. Дрожжина, Е. М. Азарян, И. З. Глебова [и др.]. – Донецк : Издательский дом «Научная библиотека», 2024. – 504 с.

УДК 331.104.2:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Сердюк О.Ю., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0008-2983-0717,
Исмаилова К.А., ORCID 0009-0008-6911-1899
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.serduk@donnu.ru, ekaterina.ismailova.05@mail.ru

Введение. Цифровая трансформация экономики способствует внедрению искусственного интеллекта (ИИ) в управление персоналом. ИИ применяется при подборе, оценке, анализе кадровых данных, обучении и коммуникациях.

Цель исследования – определить основные перспективы и ограничения применения ИИ в управлении персоналом и охарактеризовать его использование в ключевых HR-процессах.

Основная часть. Управление персоналом включает планирование потребности в кадрах, подбор и адаптацию работников, оценку результатов деятельности, мотивацию, обучение, развитие и удержание персонала. Технологии ИИ способны автоматизировать часть операций по обработке данных и изменить содержание деятельности HR-специалистов.

Для систематизации возможностей и ограничений применения ИИ в управлении персоналом основные направления представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Основные направления применения ИИ в управлении персоналом

Направление HR	Возможности применения ИИ	Основные ограничения
1	2	3
Подбор персонала	Анализ резюме; поиск соответствий требованиям вакансии; автоматизация первичной коммуникации	Алгоритмическая предвзятость; риск формального отбора; необходимость контроля специалиста
Оценка персонала	Анализ показателей деятельности; выявление динамики результатов; подготовка аналитических рекомендаций	Сложность оценки качественных характеристик; зависимость от качества исходных данных
Обучение и развитие	Выявление дефицита компетенций; рекомендации по обучению; формирование	Ограниченность алгоритмической оценки профессиональных и личностных характеристик

Окончание табл. 1

1	2	3
	индивидуальных траекторий развития	
HR-аналитика	Обработка кадровых данных; выявление закономерностей; поддержка кадрового планирования	Ошибки интерпретации; непрозрачность алгоритмов; риски использования персональных данных
Кадровые коммуникации	Чат-боты; ответы на типовые вопросы; информационная поддержка работников и адаптации	Неточность ответов; необходимость контроля содержания; сохранение человеческого взаимодействия

Подбор персонала. ИИ позволяет анализировать резюме, сопоставлять профессиональные характеристики кандидатов с требованиями вакансии, формировать предварительный список соискателей и автоматизировать первичную коммуникацию. Использование таких инструментов сокращает время обработки информации и рутинную нагрузку на HR-специалиста, однако создаёт риск алгоритмической предвзятости, формального отбора и исключения подходящих кандидатов при некорректно заданных критериях.

Оценка и HR-аналитика. Интеллектуальные инструменты могут обрабатывать показатели деятельности работников, выявлять динамику результатов, анализировать кадровые данные, прогнозировать потребности в персонале и поддерживать кадровое планирование [1]. Их применение позволяет быстрее выявлять закономерности и использовать большие объёмы информации при принятии управленческих решений. Вместе с тем ограничениями остаются качество исходных данных, непрозрачность алгоритмов и сложность объективной оценки качественных характеристик работников.

Обучение и развитие. ИИ может выявлять дефицит компетенций, рекомендовать соответствующие образовательные программы и формировать индивидуальные траектории развития работников. Это позволяет учитывать различия в уровне подготовки и профессиональных потребностях персонала. При этом алгоритмическая оценка профессиональных и личностных характеристик не заменяет экспертное суждение HR-специалиста и непосредственного руководителя.

Кадровые коммуникации. Чат-боты и другие ИИ-инструменты применяются для обработки типовых запросов, информационной поддержки сотрудников и помощи в процессе адаптации [2]. Их применение повышает оперативность коммуникаций и снижает нагрузку на HR-службу. Вместе с тем содержание ответов требует контроля, а цифровые инструменты не должны полностью заменять человеческое взаимодействие в ситуациях, требующих индивидуального подхода.

К основным преимуществам ИИ в управлении персоналом относятся автоматизация рутинных операций, ускорение обработки информации, расширение аналитических возможностей HR-службы и поддержка принятия кадровых решений. Одновременно возникают риски, связанные с алгоритмической предвзятостью, защитой персональных данных, ошибками интерпретации результатов, непрозрачностью используемых алгоритмов и чрезмерной формализацией человеческих характеристик. Поэтому эффективное применение ИИ предполагает сочетание технологических возможностей с профессиональной экспертизой специалистов в сфере HR.

Заключение. Искусственный интеллект становится значимым инструментом трансформации управления персоналом. Его применение создаёт возможности для автоматизации рекрутинга, оценки эффективности, HR-аналитики, обучения и кадровых коммуникаций. Вместе с тем использование ИИ сопровождается ограничениями, связанными с качеством данных, алгоритмической предвзятостью, недостаточной прозрачностью решений, защитой персональных данных и риском чрезмерной формализации человеческих характеристик. Эффективность цифровизации HR зависит не только от внедрения технологий, но и от качества их организационного сопровождения. Перспективной является человекоцентричная модель управления, при которой ИИ дополняет HR-специалиста, но не исключает его ответственности за кадровые решения.

Список литературы

1. Овчинникова, О. П. Искусственный интеллект в управлении персоналом: возможности и угрозы / О. П. Овчинникова, Д. В. Лебедева. – Текст: электронный // Вопросы управления. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 55–66. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-4-55-66. EDN: QQXSXJ. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-upravlenii-personalom-vozmozhnosti-i-ugrozy/viewer (дата обращения: 18.09.2026).
2. Старовойтов А. Г. Исследование возможностей чат-бота ChatGPT и оценка перспектив их практического применения специалистами службы управления персоналом. – Текст: электронный // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – № 1. – С. 22–29. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.75.98.003. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vozmozhnostey-chat-bota-chatgpt-i-otsenka-perspektiv-ih-prakticheskogo-primeneniya-spetsialistami-sluzhby-upravleniya (дата обращения: 18.09.2026).
3. Сбер. Искусственный интеллект в подборе персонала. – Текст: электронный // GigaChat API : база знаний. – 2024. 4 окт. – URL: https://developers.sber.ru/help/gigachat-api/ai-in-recruitment (дата обращения: 18.09.2026).
4. Технологии Доверия. Искусственный интеллект в HR: кейсы российского рынка. – Текст: электронный. – М.: Технологии Доверия, 2023. – 48 с. – URL: https://data.tedo.ru/publications/ai-in-hr.pdf (дата обращения: 18.09.2026).

УДК 331.108

УПРАВЛЕНИЕ УДЕРЖАНИЕМ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КАДРОВ

Сердюк О.Ю., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0008-2983-0717,
Калиниченко А.И., ORCID 0009-0001-4297-7579
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.serduk@donnu.ru, k-alyona-th@yandex.ru

Введение. При нехватке квалифицированных работников сохранение молодых специалистов превращается в приоритетную задачу кадрового менеджмента. Большая текучесть персонала приводит к росту издержек компании на поиск, адаптацию и обучение сотрудников. В связи с этим результативная кадровая политика, нацеленная на профессиональное развитие, мотивацию и вовлечение молодых специалистов, становится ключевым условием устойчивого развития организации.

Цель исследования − определить современные инструменты управления удержанием молодых специалистов в условиях дефицита кадров и обосновать направления совершенствования кадровой политики организаций.

Основная часть. Под удержанием персонала понимается комплекс организационных и управленческих мер, направленных на сохранение работников в составе организации, повышение их лояльности и сокращение текучести кадров. Применительно к молодым специалистам этот процесс обладает своими особенностями: они ещё проходят этап профессионального становления, внимательно оценивают перспективы карьерного роста и предъявляют более высокие запросы к условиям труда, корпоративной культуре и балансу между работой и личной жизнью [1].

Значительная часть молодых специалистов принимает решение о смене места работы из-за несоответствия между ожидаемыми условиями трудовой деятельности и реальной практикой в организации. На уровень удержания сотрудников отрицательно влияют недостаточная система материального поощрения, ограниченные возможности профессионального обучения и карьерного продвижения, недостаточно организованный процесс адаптации, слабое взаимодействие с руководством и отсутствие понятных перспектив дальнейшего развития внутри компании [2].

В условиях дефицита трудовых ресурсов минимизация влияния перечисленных факторов становится одной из приоритетных задач кадрового менеджмента и требует совершенствования механизмов управления персоналом и кадровой политики организации. Для сохранения молодых специалистов организациям необходимо применять комплексный подход, сочетающий эффективную адаптацию, возможности

профессионального развития, материальную и нематериальную мотивацию, а также формирование благоприятной корпоративной среды.

В таблице 1 систематизированы ключевые факторы, определяющие удержание молодых специалистов, и соответствующие им инструменты управления персоналом.

Таблица 1 – Ключевые факторы удержания молодых специалистов и меры управления персоналом

Фактор удержания	Инструменты управления персоналом
Конкурентный уровень оплаты труда	Заработная плата, премии, дополнительные выплаты.
Профессиональное развитие	Обучение, повышение квалификации, карьерное планирование, участие в проектах.
Эффективная адаптация	Наставничество, вводное обучение, ознакомление с корпоративной культурой, обратная связь.
Нематериальная мотивация	Признание достижений, гибкий график, корпоративные мероприятия, социальные гарантии.
Благоприятная корпоративная культура	Открытые коммуникации, участие сотрудников в принятии решений, командное взаимодействие.

Данные таблицы 1 показывают, что эффективное удержание молодых специалистов требует комплексного подхода, объединяющего адаптацию, мотивацию и возможности профессионального развития.

Одним из ключевых инструментов удержания молодых специалистов является их адаптация в организации. Эффективная система адаптации включает наставничество, знакомство с корпоративной культурой, обучение внутренним регламентам и регулярную обратную связь. Такой подход облегчает вхождение сотрудника в рабочий процесс и снижает риск увольнения в первые месяцы работы [3].

Приоритетным направлением кадровой политики выступает создание условий, обеспечивающих профессиональное и карьерное развитие молодых специалистов. Возможности обучения, повышения квалификации, участия в проектах и корпоративных образовательных программах способствуют развитию компетенций, повышают лояльность сотрудников и их заинтересованность в долгосрочной работе в организации [4].

Не менее значимым инструментом удержания является система мотивации персонала. Современная практика показывает, что материальное стимулирование эффективно только при сочетании с нематериальными методами мотивации. Помимо заработной платы и премирования, значимую роль в удержании персонала играют признание профессиональных достижений, гибкий режим работы, возможность дистанционной занятости, социальные гарантии, корпоративные мероприятия и программы поддержки благополучия сотрудников [5].

Комплексный подход к мотивации способствует формированию устойчивой приверженности сотрудников организации. В условиях

дефицита кадров возрастает значение корпоративной культуры как элемента системы управления персоналом. Благоприятный психологический климат, открытая коммуникация и командное взаимодействие повышают вовлеченность молодых специалистов, снижая вероятность их увольнения.

Перспективным направлением удержания персонала является применение HR-аналитики. Анализ кадровых показателей позволяет своевременно определять причины текучести персонала, оценивать результативность программ адаптации и мотивации, а также принимать более эффективные управленческие решения.

Таким образом, удержание молодых специалистов требует комплексного подхода, включающего адаптацию, профессиональное развитие, материальную и нематериальную мотивацию. Реализация этих мер способствует снижению текучести кадров и повышению эффективности управления персоналом.

Заключение. Удержание молодых специалистов в условиях дефицита кадров требует комплексного подхода, объединяющего эффективную адаптацию, профессиональное развитие, материальную и нематериальную мотивацию, благоприятную корпоративную культуру, а также использование HR-аналитики для своевременной оценки кадровых рисков; реализация этих мер способствует снижению текучести персонала, росту вовлечённости и лояльности сотрудников, а также повышению устойчивости и эффективности управления организацией в целом.

Список литературы

1. Кибанов, А. Я. Управление персоналом организации Учебник / Под ред. А. Я. Кибанова. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 638 с.
2. Одегов, Ю. Г. Управление персоналом: учебник и практикум для вузов / Ю. Г. Одегов, Г. Г. Руденко. – Текст: электронный. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 467 с. – URL: https://urait.ru/bcode/449872.
3. Маслова, В. М. Управление персоналом : учебник и практикум для академического бакалавриата / В. М. Маслова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2015. – 492 с. – Серия : Бакалавр. Академический курс.
4. Базаров, Т. Ю. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: ЮНИТИ, 2002. –560 с.
5. Дейнека, А. В. Управление человеческими ресурсами: Учебник для бакалавров / А. В. Дейнека, В. А. Беспалько. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014. – 392 с.

УДК 331.5

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ МЕТОДИКИ В РАЗВИТИИ КАРЬЕРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Солдаткина О.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-8204-6509,
Шестакова Е.В., д-р экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-8082-8286
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко»,
г. Оренбург, РФ
olg1sold@gmail.com, shestakovaev56@gmail.com

Введение. Образование в системе ценностей человека и его успешности играет важную роль, что во многом объясняет повышенный спрос на услуги образовательных учреждений. Для студентов высших учебных заведений образование имеет высокую ценность, ведь карьерные ожидания мотивируют их к обращению к образовательным услугам. Рост спроса на образовательные услуги, в том числе платные, даже в период кризиса, говорит о том, что рынок образовательных услуг является одним из важнейших и востребованных типов рынка. Рынок формирует прагматичный спрос на те или иные образовательные услуги. Студенты все чаще обращают внимание на практико-ориентированные программы и подходят к выбору вуза как к платформе для профессионального самоопределения и карьерного старта. Исследования подтверждают, что карьерные перспективы студентов формируются не только под влиянием учебной, но и не внеучебной деятельности [1].

Цель статьи заключается в обосновании роли практико-ориентированных методик в формировании карьерной готовности будущих специалистов.

Основная часть. В настоящее время российскими вузами накоплен большой опыт интеграции студентов в профессиональную среду через партнерские программы с крупными крупными работодателями. Например, программа «Амбасодоры Яндекса», проводимая в Московском авиационном институте, стажировка от компании Теле2 «Новые герои», программа партнерства НИУ ВШЭ и ПАО «Сбербанк», программы VK: «Амбассадоры экосистемы VK», «ИТ-дайвинг», стажировки и обучение на кафедре «Ростелеком» в РГУ МИРЭА, «Будущее начинается сегодня» ОГУ им. В.А. Бондаренко и других [3].

Существенную помощь в трудоустройстве выпускников оказывают центры карьеры, имеющиеся в крупных вузах. Их функции не ограничиваются лишь помощью в трудоустройстве, эти структуры активно ищут возможности для прохождения производственных практик и занимаются организацией встреч с предпринимателями, имеющими потребность в кадрах.

Использование мирового опыта российскими образовательными учреждениями помогает вхождению в рыночные отношения и мировое образовательное пространство. Все это способствует интеграции западных методик в обучение студентов делая его более практико-ориентированным.

В настоящее время в образовательном пространстве активно осваиваются западные методики обучения, в частности коучинг, менторство, дистанционное обучение, обучение действием, метафорическая игра, сторителлинг, методы Shadowing, Secondment, технология фасилитации. Большая часть этих методик ориентированы на карьерное развитие, например, коучинг, менторство, обучение действием, метафорическая игра, а Shadowing и Secondment помогают осваивать новые роли в рабочей обстановке.

Использование метода «обучение действием» широко используется при проведении производственной или преддипломной практики в условиях конкретного предприятия, когда каждый обучающийся получает реальную задачу и решает ее в конкретных условиях, а не просто наблюдает со стороны. Такой метод обучения позволяет не только научиться продумывать свои действия, но и сформировать собственный опыт решения проблем. Высокая эффективность метода наблюдается при решении практических проблем и сложных задач возникающих в условиях неопределенности.

Метод «метафорическая игра» основан на использовании какой-либо метафоре, легенде или сказке, которые раскрывают заданную проблему в практической плоскости. Обучающимся необходимо предложить новый способ решения ситуации, изменить старые стереотипы, а также проявить свои творческие способности.

Высокая практическая эффективность и у такой педагогической техники как сторителлинг. В основе данного метода составление историй, позволяющих реализовать ключевых основ обучения, улучшающих изучение и запоминание лекционного материала. Метод выполняет наставническую, воспитательную, мотивирующую, образовательную, развивающую. Использование данного метода помогает обучающимся не только создавать собственные истории и моделировать различные ситуации, но и находить решения, анализировать их самостоятельно или с преподавателем. В данном случае передаются не только явные, но и неявные знания, которые особым образом выражаются в практической деятельности и способствуют получению умений и навыков.

В современных условиях педагогический сторителлинг реализуется с использованием мультимедийных технологий, в том числе с визуальным сопровождением (видеоскрайбингом, майнд-МЭП, инфографикой), и предполагает выбор формата обучения – как очного, так и дистанционного.

Еще одним эффективным методом обучения является Secondment, или командировка. Студента направляют в другое высшее учебное

заведение в пределах страны на краткосрочный период согласно договоренности между профильными кафедрами. Принимающей вуз (кафедра) обеспечивает постановку задачи в рамках специальности своим студентам, которые совместно с преподавателями готовят задание для «командированного» из другого вуза студента. Это способствует развитию дополнительных навыков и приобретению новых знаний.

Shadowing – метод, предполагающий отбор для предприятий креативных и талантливых выпускников. Им предлагается провести один или несколько рабочих дней рядом со специалистом в режиме его «тени». Это простой, недорогой и эффективный способ, позволяющий, с одной стороны, познакомить студента с профессией в реальных условиях, с другой – получить от него нестандартные решения существующих проблем.

Имеют большую популярность и технологии фасилитации (от англ. facilitate − облегчать, помогать), которые применяются для эффективных групповых обсуждений и принятия решений. Среди них наиболее популярны технологии открытого пространства, поиск будущего, динамическая фасилитация, мозговой штурм, мировое кафе. В результате применения данной технологии повышается качество принимаемых решений, растет ответственности за них, снижаются временные затраты, улучшаются взаимоотношения в группе, растет личная удовлетворенность членов группы и лучше воспринимается организационное обучения [2].

Заключение. Подводя итог к вышесказанному, можно сказать, что направленность студентов ВУЗа на развитие карьеры является важным и связующим звеном между ценностью образования, рыночным спросом на образовательные услуги и интеграцией мирового опыта. Ориентация ВУЗа на карьерное развитие дает ему возможность быть конкурентоспособным на рынке образовательных услуг, обеспечивающим переход от обучения к профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Крылова, Н. Н. Карьерная маршрутизация раскрытия профессионально-личностного потенциала будущего специалиста / Н.Н. Крылова // Эргодизайн. – 2025. – № 2(28). – С. 202–213.
2. Зеленова, С. К. Цифровые инструменты сопровождения карьерных траекторий студентов в партнерстве «вуз – работодатель» / С. К. Зеленова // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. Чебоксары: Среда, 2025. – С. 137-140.
3. Гарафутдинова, Н. Я. Роль центров карьеры вузов в подготовке конкурентоспособных выпускников / Н. Я. Гарафутдинова // Стратегическая роль центров карьеры в создании профессиональных сообществ: сборник материалов научно-практической конференции. Владивосток, 2022. – С. 12–17.

УДК 332.1:331.5:004.738

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ РОССИИ

Старовойтова Я.Ю., канд. техн. наук, доц., ORCID 0009-0001-5219-5925,
Чугунова О.В., д-р техн. наук, проф., ORCID 0000-0002-7039-4047
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
г. Екатеринбург, РФ
chugun.ova@yandex.ru

Введение. За последние годы платформенная занятость превратилась в один из самых быстрорастущих сегментов нестандартной занятости. Всемирный банк оценивает число вовлечённых в неё в 2022–2023 гг. в диапазоне от 154 до 435 млн человек [1]. Россия не остаётся в стороне: по данным НИУ ВШЭ, доля населения 18–72 лет, охваченного платформенной занятостью, выросла с 14,6% в 2022 г. до 16,0% в 2024 г., а регулярно работающих через цифровые платформы насчитывается 3,7 млн человек [2]. На платформы приходится до 5,5% ВВП, а количество самозанятых к 2025 г. достигло 15 млн, прибавив за год 20%.

Цель работы – определить специфику и риски платформенной занятости в креативных индустриях малых и средних городов России.

Основная часть. Креативный сегмент занимает в структуре платформенной занятости особое положение. Репетиторство, ИТ, дизайн, копирайтинг, консалтинг, фото- и видеопроизводство – на них приходится более трети всех платформенно занятых. Существенно, что креативный труд в большинстве случаев дистанционный. Именно это обстоятельство позволяет жителям малых и средних городов выходить на общенациональные и даже глобальные рынки заказов, не переезжая в мегаполисы. Тем самым создаются условия для удержания человеческого капитала там, где традиционные рынки труда ограничены.

Однако у нестандартного характера занятости есть и обратная сторона. Речь идёт о целом комплексе рисков прекаризации: доход нестабилен, социальные гарантии отсутствуют, интенсивность труда растёт, а работник попадает в алгоритмическую зависимость и рискует профессиональным выгоранием [3]. Федеральный закон № 289-ФЗ, принятый в 2025 г., формирует базовую правовую рамку: вводятся понятия оператора платформы, партнёра-исполнителя и пользователя-заказчика, устанавливаются требования к прозрачности алгоритмов ранжирования, предусматриваются механизмы досудебного урегулирования споров. Но трудовыми отношениями платформенная занятость закон не признаёт и нормы Трудового кодекса на неё не распространяет. Специфика креативного труда – проектный характер работы, репутационный капитал,

защита интеллектуальной собственности – также остаётся вне поля регулирования.

Эмпирическую основу составило авторское онлайн-обследование платформенных работников, проведённое в январе–феврале 2026 г. Выборка – 486 респондентов из 28 муниципальных образований в 8 субъектах РФ. Квотирование шло по двум основаниям: сектор (креативный либо нетворческий) и тип муниципального образования. Креативный сектор выделялся по перечню Минэкономразвития РФ и в соответствии с № 330-ФЗ «О развитии креативных индустрий».

Обследование выявило несколько показательных закономерностей. Квалификационная структура креативного сегмента оказалась биполярной: 68,4% респондентов имеют высшее образование (в нетворческом секторе – 41,6%, $p < 0,01$), но при этом 18,3% – студенты и лица со средним образованием, для которых платформы стали «первым рабочим местом». Средний возраст креативных платформенных работников – 31,4 года, тогда как в нетворческом секторе – 35,7 года ($p < 0,01$). Молодёжь включается в креативные сегменты гиг-экономики заметно раньше.

Наиболее существенное различие между секторами – в структуре рисков. В дизайне и копирайтинге доля неоплачиваемой работы доходит до 28,6%, в нетворческом секторе – 12,3%. Это прямое подтверждение «репутационной ловушки» [4]: чтобы удерживать рейтинг и пополнять портфолио, креативные работники вынуждены выполнять заметный объём бесплатных консультаций, тестовых заданий и корректировок. Коэффициент вариации дохода у дизайнеров составляет 47,2% против 28,6% в нетворческом секторе – волатильность заработка в проектных видах деятельности заметно выше. Покомпонентный анализ индекса прекаризации дал три значимых расхождения: нестабильность дохода (7,4 против 5,8; $p < 0,01$), выгорание и стресс (6,7 против 4,5; $p < 0,01$), цифровые барьеры (3,2 против 5,1; $p < 0,01$) [5]. Однако алгоритмическая зависимость и дефицит социальных гарантий статистически значимых различий между секторами не показали – эти риски носят универсальный характер и присутствуют во всей платформенной экономике.

Сравнение регуляторных подходов демонстрирует, что российская модель по уровню социальной защиты заметно уступает европейской. Директива ЕС 2024/2831 вводит презумпцию трудовых отношений и переносит бремя доказывания на платформу. Британская модель предусматривает промежуточную категорию «worker» с частичными гарантиями – минимальной оплатой труда и оплачиваемым отпуском. Китайский подход сочетает гибкость с базовыми правами: страхованием и минимальной оплатой. Российский закон, напротив, не устанавливает ни минимальной оплаты, ни оплачиваемого больничного, ни пенсионного страхования для платформенно занятых. Ни одна из рассмотренных

моделей не учитывает проектный и интеллектуальный характер креативного труда, что и формирует регуляторный пробел.

Согласно прогнозным оценкам, к 2030 г. число платформенно занятых в России может составить 15 млн человек, или 25% трудоспособного населения, а вклад платформенной экономики в ВВП вырастет с 5,5% до 8–10%. В креативном секторе ожидается ускоренный рост за счёт генеративного ИИ (промпт-инжиниринг, AI-аудит, дата-разметка) при одновременном вытеснении части традиционных профессий. Среди ключевых рисков – сокращение налоговых поступлений в муниципальные бюджеты, рост социальной нагрузки из-за отсутствия пенсионного и медицинского страхования, деградация человеческого капитала, усиление пространственного неравенства и зависимость креативного сектора от алгоритмов ограниченного числа платформ.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько выводов. Платформенная занятость в креативных индустриях – структурно значимый и быстрорастущий сегмент рынка труда, обеспечивающий доступ к доходам для жителей малых и средних городов. Риски прекаризации в креативном секторе качественно специфичны: они сочетают общие проблемы гиг-экономики с отраслевыми особенностями — алгоритмической зависимостью, когнитивной нагрузкой, размыванием рабочего времени и уязвимостью интеллектуальной собственности. Действующий ФЗ № 289-ФЗ создаёт необходимую, но недостаточную правовую рамку. Для минимизации рисков к 2030 г. требуются подзаконные акты, учитывающие специфику креативного труда, инструменты муниципального мониторинга и поддержки, механизмы добровольного социального страхования с софинансированием платформ, а также программы развития цифровых компетенций.

Список литературы

1. World Bank (2023). Working Without Borders: The Promise and Peril of Online Gig Work. Washington, DC: World Bank.
2. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия : аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват [и др.] // НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. – 30 с. DOI 10.17323/978-5-7598-2494-7.
3. Янченко, Е. В. Гиг-экономика: риски прекаризации занятости / Е.В. Янченко // Экономика труда. – 2022. – 9(5). – С. 909–930. DOI: 10.18334/et.9.5.114795.
4. Pei, J., Liu, S., Zhang, Z. & Xie, Y. Good algorithms, bad algorithms? Excessive labor among gig workers under algorithmic logic. Journal of Industrial Engineering and Engineering Management. – 2023. – № 38. – P. 101–115.
5. Wen, Y., Lv, B. & Liu, J. (2026). Enhancing work engagement in the gig economy: evidence from platform workers. Sustainability, 18, 2501. https://doi.org/10.3390/su18052501.

УДК 331.108

СЕМЕЙНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПРОГРАММЫ В СИСТЕМЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ ПЕРСОНАЛА

Чанов А.Ю., ORCID 0009-0007-3961-691X
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,
г. Санкт-Петербург, РФ
chanovl@mail.ru

Введение. Семейно-ориентированные программы работодателя объединяют меры, помогающие сотрудникам совмещать профессиональные и семейные обязанности: гибкие режимы работы, дополнительные отпуска, поддержку ухода за детьми, материальную и медицинскую помощь. Для управления персоналом важно не только наличие таких мер, но и их связь с привлечением и удержанием работников. Исследование Ж. В. Черновой показывает, что наряду с формальными льготами существенную роль играет неформальная поддержка внутри организации [1]. Возможности внедрения семейных программ при этом зависят от организационного и регионального контекста [2].

Цель работы – определить, через какие механизмы семейно-ориентированные программы связаны с привлекательностью работодателя и намерением работников оставаться в организации.

Основная часть. Проведен сравнительный анализ семи рецензируемых исследований 2004-2025 гг. В выборку включались работы, в которых семейная поддержка со стороны работодателя сопоставлялась с измеримыми результатами: привлекательностью организации для кандидата, намерением продолжать трудоустройство, удовлетворенностью трудом, организационной приверженностью, намерением остаться или конфликтом между работой и семейными обязанностями. Отдельно учитывались российские исследования корпоративной семейной политики. Сопоставлялись направления выявленных связей и механизмы, которыми авторы их объясняют.

На этапе привлечения персонала семейные меры выступают сигналом об отношении организации к работнику. W. J. Casper и L. C. Buffardi установили связь гибкости рабочего графика и помощи в уходе за несовершеннолетними членами семьи с намерением кандидатов продолжать трудоустройство. Эта связь объяснялась ожидаемой поддержкой со стороны организации [4]. Эксперимент A. Bourhis и R. Mekkaoui также показал положительную связь семейно-ориентированных практик с привлекательностью организации, при этом наиболее высоко оценивались дополнительные личные отпуска и гибкий график [5].

Российские данные показывают, что ценность семейной поддержки различается между группами работников. В исследовании А. П. Багировой и Е. Ю. Соколовой приняли участие 2550 студентов из трех федеральных округов. Авторы выявили статистически значимую связь между репродуктивными ориентациями и запросом на корпоративные социальные гарантии. 16 % опрошенных были ориентированы на многодетность [3]. Следовательно, единый набор мер не может иметь одинаковую ценность для всех работников, а состав программ следует соотносить с потребностями целевых групп.

На этапе удержания значение приобретает не только наличие программы, но и реальная возможность ею воспользоваться. Метаанализ M. M. Butts, W. J. Casper и T. S. Yang выявил положительные связи доступности и использования семейных мер с удовлетворенностью трудом, эмоциональной стабильностью и намерением остаться. При этом доступность мер была связана с отношением работников к организации сильнее, чем сам факт их использования [6]. Более широкий метаанализ R. Blom и соавторов, включивший 1680 оценок эффекта из 229 выборок, показал небольшие и умеренные положительные связи семейно-ориентированных мер с трудовыми, карьерными и семейно-профессиональными результатами. Поддержка со стороны организации и непосредственного руководителя в целом была связана с результатами сильнее, чем формальная политика сама по себе [7].

Сопоставление исследований позволяет выделить три условия результативности семейной программы. Первое – мера должна отвечать реальной потребности работника. Второе – она должна быть фактически доступна: правила понятны, а использование не сопровождается неформальными ограничениями. Третье – программа должна поддерживаться непосредственным руководителем и организацией в повседневной практике. На этапе найма эти условия формируют представление кандидата о работодателе, а после трудоустройства определяют, превращается ли заявленная льгота в реальный ресурс.

Для управления персоналом из этого следуют три практических вывода. Во-первых, эффективность семейной политики следует оценивать не числом льгот, а их востребованностью у конкретных групп работников. Во-вторых, необходимо разделять наличие программы и ее использование: низкая востребованность может быть связана с отсутствием потребности, слабой информированностью или сложностью получения поддержки. В-третьих, семейные меры требуют участия непосредственных руководителей, поскольку формальные правила дают ограниченный эффект, если управленческая практика им противоречит.

Заключение. Семейно-ориентированные программы могут усиливать привлекательность работодателя и поддерживать намерение работников оставаться в организации, однако этот эффект не возникает автоматически

после введения отдельных льгот. Рассмотренные исследования позволяют связать результативность таких программ с сочетанием трех элементов: соответствием потребностям работников, фактической доступностью и организационной поддержкой. Поэтому семейные программы целесообразно рассматривать как дополнительный инструмент управления персоналом, эффективность которого определяется не только содержанием мер, но и качеством их внедрения.

Список литературы

1. Чернова, Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями / Ж. В. Чернова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20, № 1 (89). – С. 93–113.
2. Шубат, О. М. Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах / О. М. Шубат, А. П. Багирова, Д. Янь // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 1121–1134. – DOI 10.17059/ekon.reg.2022-4-11. – EDN KGPWEO.
3. Багирова, А. П. Представления о корпоративной демографической политике и репродуктивные ориентации студенческой молодежи: поиск взаимосвязи / А. П. Багирова, Е. Ю. Соколова // Наука. Культура. Общество. – 2025. – Т. 31, № 3. – С. 110–125. – DOI 10.19181/nko.2025.31.3.8. – EDN NYZKYI.
4. Casper W. J., Buffardi L. C. Work-life benefits and job pursuit intentions: The role of anticipated organizational support // Journal of Vocational Behavior. – 2004. – Vol. 65, no. 3. – P. 391–410. – DOI 10.1016/j.jvb.2003.09.003.
5. Bourhis A., Mekkaoui R. Beyond Work-Family Balance: Are Family-Friendly Organizations More Attractive? // Relations Industrielles / Industrial Relations. – 2010. – Vol. 65, no. 1. – P. 98–117. – DOI 10.7202/039529ar.
6. Butts M. M., Casper W. J., Yang T. S. How Important Are Work-Family Support Policies? A Meta-Analytic Investigation of Their Effects on Employee Outcomes // Journal of Applied Psychology. – 2013. – Vol. 98, no. 1. – P. 1–25. – DOI 10.1037/a0030389.
7. Blom R., Jaspers E., Knies E., van der Lippe T. Family-friendly policies and workplace supports: A meta-analysis of their effects on career, job, and work-family outcomes // Journal of Vocational Behavior. – 2025. – Vol. 157. – Art. 104091. – DOI 10.1016/j.jvb.2025.104091.

УДК 338.1: 338.2

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАДРОВ В РЕГИОНЫ СТРАНЫ

Шпилькина Т.А.[1], канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0003-4591-8125,
Филимонова Н.Н.[2], канд. экон. наук, доц. ORCID 0000-0001-7583-5000
[1]ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы», г. Москва, РФ
[2]АНО ВО «Российский новый университет», Москва, РФ
luk-72@mail.ru, filimonova-nadin@yandex.ru

Введение. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [6] был принят национальный проект «Инфраструктура для жизни».

Национальный проект направлен на формирование комфортной и безопасной среды для жизни и включает в себя ряд федеральных проектов, таких как: «Развитие инфраструктуры в населённых пунктах», «Жильё», «Формирование комфортной городской среды», «Развитие общественного транспорта», «Ипотека» и др. [6].

Актуальность этой проблемы проявилась в начале XXI веке. Исследования ученых и международных организаций позволили сделать вывод, что «исключительно материального благополучия недостаточно для обеспечения надлежащего качества жизни людей» [4]. Данная проблема изложена не только в паспорте национального проекта, но в ряде научных публикаций ученых и экспертов, таких как: Глушанок Т.М. и др. [2], Долина О.Н. [1], Иваненко О.Б., Ковалев А.И. и др. [9], Жидкова М.А., Прусова В.И. и др. [7], Лебедева М.А. [4], Маркова О.В. [5] и др.

Целью является обсуждение важности реализации национального проекта для регионов страны, так как интересная работа, создание комфортных условий для жизни является привлекательным для активных и мобильных граждан страны, готовых применить свои знания, компетенции и опыт на новом месте, а повышение качества жизни населения будет способствовать экономическому росту субъектов РФ.

Основные часть. За последние 12 лет произошли существенные изменения в субъектах РФ. Стали обновлять и строить детские сады, школы и больницы, новые микрорайоны и дороги, повышать качество обслуживания в сфере услуг, в шаговой доступности размещать магазины, аптеки, кафе и т.п. Можно сказать, что улучшение жизни по сравнению с периодом 90-х годом и нулевых годов стало значительно лучше.

В стране создано «более 100 индустриальных парков, особых экономических зон и территорий с особым статусом и набором налоговых преференций. Несмотря на это, предприниматели и работодатели чаще

задают вопрос о наличии квалифицированной рабочей силы. Некоторые субъекты РФ, в связи с этим делают ставку на строительство жилья для будущих сотрудников нового производства с социальной ипотекой» [8]. Однако и это не всегда работает: «на рынке труда между регионами ужесточается конкуренция за квалифицированные кадры, «комфортность городской среды рассматривается как ключевой фактор конкурентоспособности региона» [7], во многом по этой причине молодые и перспективные люди выбирают регионы с хорошим предпринимательским климатом, благоприятной окружающей средой и высоким уровнем жизни» [8], улучшая, тем самым, качество жизни в регионе. На рис. 1 представлен рейтинг городов РФ по качеству жизни в 2025 году.

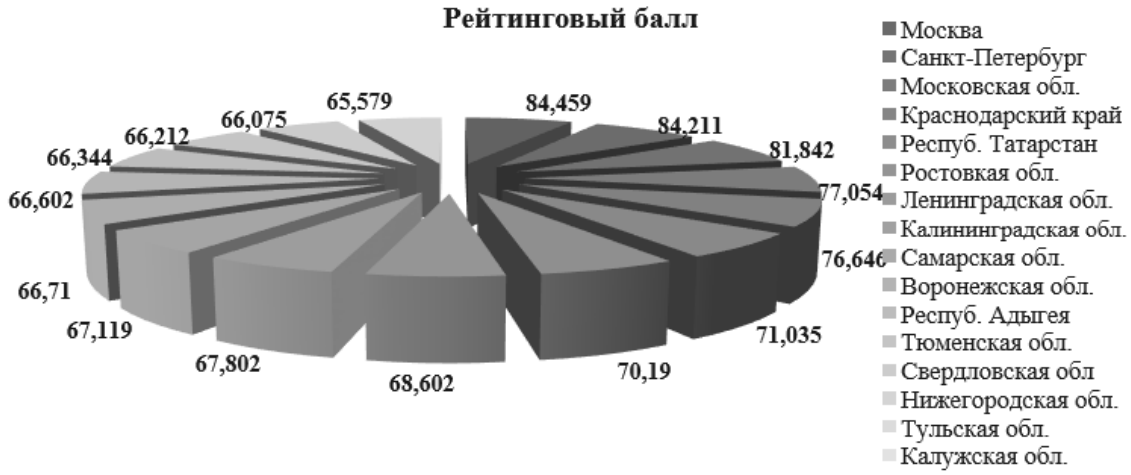

Рис. 1. Качество жизни в регионах РФ в 2025 г. [3]

Составленный рейтинг позволяет сделать вывод, что в тройке лидеров в 2025 году, как и в 2020 году оказались столицы и Московская обл. Москва получила 84,5 баллов (в 2020 году было 79,3), Санкт-Петербург 84,2 балла (в 2020 г. было 77,31), Московская обл. 81,8 баллов (в 2020 г. было 74,5). Данные свидетельствуют об их возросшем рейтинге за 5 лет. Более привлекательными также стали: Краснодарский край (77,1), Республика Татарстан (76,6), Ростовская обл. (71,0), Ленинградская обл. (70,2), Калининградская обл. (68,6), Самарская обл. (67,8) и др.

Тем не менее, при опросах населения становится очевидным, что сформированная городская среда – это важный фактор для жизни, но и его недостаточно. Не менее важным для людей является «доступность образования и здравоохранения, удобная транспортная инфраструктура, соблюдение баланса «жизнь-работа», наличие социальных связей и условий для их формирования, а также благоприятная экологическая обстановка» [4]. То есть, «экономический рост без учета качества жизни может быть неустойчивым. Например, ухудшение экологии или социального климата может в конечном итоге подорвать экономические достижения» [2].

Городская инфраструктура «влияет на экономическое и социальное благополучие человека, улучшая качество жизни при соответствующем планировании города. Градостроительство должно учитывать пожелания населения в вопросах жилищной сферы и социальных потребностей, а также развиваться в одном направлении с государственной политикой» [5].

Заключение. На основании изложенного следует, что для повышения качества жизни населения необходимо не только обращать внимание на внешний облик городов, но и бережно подходить к вопросам цифровизации, как сказал Президент В.В. Путин, больше внимания уделять социальным вопросам, «повышению качества и уровня общего и профессионального образования, воспитания, переобучения, повышения квалификации» [1], системы здравоохранения и подготовки кадров для современных предприятий, с учётом комфортного развития городской среды.

Список литературы

1. Вызовы и перспективы обновления мироустройства: роль и место России в глобальном мире, геополитический и образовательный аспекты / Т.А. Шпилькина, Т.А. Малова, А.А. Андронов [и др.]. – Москва: ООО «Русайнс», 2025. – 118 с. – ISBN 978-5-466-10906-1.
2. Качество жизни: современные вызовы и векторы развития: Материалы Международного форума, Петрозаводск, 05–08 ноября 2024 года. – Петрозаводск: ПГУ, 2025. – 162 с. – ISBN 978-5-8021-4258-5.
3. Качество жизни в регионах. – Текст: электронный // РИА Рейтинг. 2025. – URL: https://riarating.ru/ (дата обращения 30.09.2026)
4. Лебедева, М.А. Качество жизни в крупных городах Вологодской области: экологический аспект / М.А. Лебедева, Е.Д. Копытова // Экономика. Право. Инновации. 2026. Т. 14, № 1(41). С. 40-53. – DOI 10.17586/2713-1874-2026-1-40-53.
5. Маркова, О.В. Государственная политика для реализации международной климатической повестки / О.В. Маркова // XXXI Апрельские экономические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию Финансового университета в г. Омске, Омск, 17 апреля 2025 года. – Москва: ООО «Издательство «Перо», 2025. – С. 101-105. – EDN JJQGWS.
6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения 07.10.2026)
7. Анализ влияния комфортности городской среды на экономический рост на примере города Москвы / И.К. Хасан, В.И. Прусова, М.А. Жидкова, Л.И. Артанова // Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура. – 2026. – № 1(36). – С. 110-116. – DOI 10.36622/2541-9110.2026.36.1.012.
8. Шпилькина, Т.А. Реализация национальных проектов в регионах России как драйвер роста предпринимательства и благосостояния населения / Т.А. Шпилькина // Regional research trends: economics, finance, society. – München: GRIN Verlag, 2020. – С.197-208. – EDN QFLABT.
9. Экономические аспекты устойчивости региональных бизнес-структур в долгосрочной перспективе / О.Б. Иваненко, В.В. Хамалинская, К.А. Белокопытова [и др.]. – М.: ООО «Русайнс», 2025. – 202 с. – ISBN 978-5-466-09403-9.

Прикладная экономика, математические методы и модели

УДК 338.45

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ЭКСПОРТА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В УЗБЕКИСТАНЕ

Абдужаббаров А.А., ORCID 0009-0000-5878-1709
Институт макроэкономических и региональных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан
a.abdujabbarov@imrs.uz

Введение. Развитие промышленности строительных материалов Узбекистана сопровождается расширением производственной базы и экспортных поставок. Для обоснования инвестиционной и промышленной политики важно количественно оценить взаимосвязи между выпуском продукции, экспортом, занятостью, инвестициями, импортом и ценовыми факторами.

Цель исследования состоит в выявлении статистически значимых взаимосвязей между основными макроэкономическими показателями отрасли и построении эконометрических моделей производства и экспорта. Информационной основой исследования выступают 25 годовых наблюдений. В качестве метода оценки использован метод наименьших квадратов (OLS) для логарифмических спецификаций моделей.

В научной литературе развитие промышленности строительных материалов рассматривается как результат взаимодействия инвестиционных, производственно-технологических, ресурсных и внешнеэкономических факторов. Особое место занимает инвестиционная составляющая, поскольку обновление основных фондов, внедрение энергоэффективных технологий и расширение производственных мощностей требуют значительного объема долгосрочного капитала. Исследования А. Д. Мэтякубова подчеркивают роль инвестиций и комплексной оценки эффективности предприятий [1, 2]; в работе М. И. Кутбитдиновой рассматриваются производственные и организационные факторы развития отрасли [3]. Международный опыт подтверждает применимость эконометрического анализа к оценке производственной эффективности [4].

Методика исследования. На основе 25 годовых наблюдений оценены две логарифмические регрессионные модели методом наименьших квадратов (OLS). Зависимые переменные – объем производства и экспорт строительных материалов; объясняющие факторы – численность

работников, инвестиции, индекс потребительских цен (ИПЦ) и импорт. Логарифмическая спецификация позволяет интерпретировать коэффициенты как условные эластичности. Использованы корреляционный анализ, коэффициент детерминации R^2 и оценки статистической значимости параметров.

Методологический подход основан на сопоставлении производственных, инвестиционных, трудовых и внешнеэкономических характеристик отрасли. Логарифмическая форма моделей позволяет трактовать коэффициенты как условные эластичности: изменение объясняющей переменной на 1 % связано с изменением зависимой переменной примерно на величину оцененного коэффициента в процентах. Для анализа использованы коэффициенты парной корреляции, R^2, скорректированный R^2 и оценки статистической значимости регрессоров.

Результаты исследования. Наиболее тесная парная корреляция объема производства установлена с ИПЦ (r=0,974) и инвестициями (r = 0,961). Корреляция производства с импортом составляет 0,878, с численностью работников - 0,849. Для экспорта связь с производством (r = 0,451) и инвестициями (r = 0,417) умеренная, а с численностью работников слабая (r = 0,092). Корреляционные оценки характеризуют совместную динамику показателей, но сами по себе не доказывают причинно-следственного воздействия.

Корреляционные результаты позволяют выявить направления совместной динамики показателей, но не дают оснований интерпретировать их как самостоятельные причинные эффекты. В частности, высокая взаимосвязь производства с инвестициями и ИПЦ может частично отражать общий временной тренд номинальных рядов. Умеренные коэффициенты корреляции экспорта с производством (r = 0,451) и инвестициями (r = 0,417) указывают на то, что рост производственной базы не автоматически преобразуется в сопоставимое увеличение внешних поставок.

Модель производства демонстрирует $R^2 = 0,9961$ (скорректированный $R^2 = 0,9953$). Коэффициент при логарифме ИПЦ равен 2,0076 и статистически значим на уровне 1 %. Оценка при инвестициях составляет 0,0998 и значима на уровне 10 %. Коэффициенты занятости (0,0208) и импорта (0,0028) статистически значимыми не являются. Высокая связь с ИПЦ требует осторожной интерпретации, поскольку исследуется номинальная динамика производства.

Для модели экспорта $R^2 = 0,8647$ (скорректированный $R^2 = 0,8389$). Инвестиции имеют положительный коэффициент 0,4402 (значимость на уровне 5 %). Коэффициент численности работников отрицателен (–1,1182; $p < 0,01$), как и коэффициент импорта (–0,5743; $p < 0,1$). Коэффициент ИПЦ (0,5235) статистически незначим. При прочих равных увеличение инвестиций на 1 % ассоциируется с увеличением экспорта примерно на 0,44 % в рамках оцененной модели.

Отрицательные коэффициенты при занятости и импорте не доказывают, что их сокращение увеличит экспорт. Для проверки устойчивости оценок необходимы тесты временных рядов на стационарность, мультиколлинеарность и автокорреляцию.

Инвестиционный фактор характеризуется положительными коэффициентами в обеих моделях: при увеличении инвестиций на 1 % объем производства в рамках спецификации ассоциируется с увеличением примерно на 0,10 %, а экспорт – на 0,44 % при прочих равных условиях. Эти результаты согласуются с предположением о роли инвестиций в модернизации оборудования, повышении технологического уровня и освоении продукции с более высокой добавленной стоимостью. Однако оцененные зависимости являются статистическими ассоциациями и сами по себе не устанавливают причинно-следственную связь.

Заключение. Результаты подтверждают значимость инвестиционной составляющей для развития производства и экспорта строительных материалов. Практические приоритеты включают технологическую модернизацию, автоматизацию, повышение производительности труда и освоение продукции с высокой добавленной стоимостью. Для экспортной стратегии важно оценивать эффективность инвестиций и возможности локализации, не отождествляя выявленные статистические связи с доказанными причинными эффектами.

Список литературы

1. Мэтякубов, А. Д. Вопросы привлечения инвестиций в промышленности республики Узбекистан (на примере производства строительных материалов) / А. Д. Мэтякубов // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4, № 7. – С. 379-387. – DOI 10.5281/zenodo.1312461. – EDN XTTNJR.
2. Metyakubov, A.D. Improving integrated approaches to assessing the economic efficiency of building materials industry enterprises / A.D. Metyakubov. – Текст: электронный // Journal of International Finance and Accounting. – 2024. – №4. – URL: https://interfinance.tsue.uz/?p=5666.
3. Kutbitdinova, M. I. Building materials industry as a cornerstone of the national economy: analysis of development stages and economic growth rates / M. I. Kutbitdinova. – Текст: электронный // Journal of International Finance and Accounting. – 2025. – № 6. – URL: https://interfinance.tsue.uz/?p=5776
4. Ouyang, T. Dynamic econometric analysis on influencing factors of production efficiency in construction industry of Guangxi province in China / T. Ouyang, F. Liu, B. Huang // Scientific Reports. – 2022. – Vol. 12, № 1. – Article 17509. – DOI: 10.1038/s41598-022-22374-y.

УДК 336.76

ПРИРОДА БИРЖЕВЫХ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ И РОЛЬ АГРЕГАЦИИ КАК МЕХАНИЗМА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЫРЫХ ДАННЫХ БИРЖИ В АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Анохина И.Ю., канд. техн. наук, доц., ORCID 0000-0002-8459-3485,
Бердянский А.А., ORCID 0009-0002-8497-6723
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
nartyn9@mail.ru, Ingatula@mail.ru

Введение. Прежде чем строить прогнозные модели или принимать торговые решения, исследователь неизбежно сталкивается с фундаментальной дилеммой: на каком уровне детализации следует анализировать рынок? С одной стороны, предельная точность обещает максимальную глубину понимания, но тонет в шуме случайных импульсов. С другой – агрегированные показатели дают цельную картину, но неизбежно сглаживают острые углы, за которыми могут скрываться критические сигналы.

Необходимость глубоко разбираться в структуре сырых биржевых данных и методах их агрегации для специалиста становится не просто технической процедурой, а фундаментальным этапом исследования: без него аналитик рискует принять артефакты сглаживания за рыночный сигнал, а случайный выброс – за значимую аномалию.

Цель работы – выявить важность понимания природы биржевых временных рядов и распространённых вариантов их агрегации для аналитика данных.

Основная часть. Временной ряд – последовательность наблюдений, упорядоченных во времени. Биржевой временной ряд – ряд, порождённый реализацией рыночных механизмов в ходе организованной работы биржи. Его элементарными единицами выступают «тик» (англ. tick) – единичная сделка или изменение котировки, «котировка» – предложение цены покупки или продажи, и «сделка» – факт исполнения.

В отличие от физического процесса, биржевой ряд есть результат взаимодействия множества участников с разными целями и горизонтами планирования. Он дискретен по событиям, но непрерывен по времени наблюдения: сделки могут идти неравномерно, а могут и отсутствовать вовсе. Это социально-экономический феномен, а не природный сигнал, и его свойства определяются правилами торговли, а не законами физики.

Изначальными сырыми данными, формируемыми в ходе наблюдения за биржевой торговлей, помимо упомянутых ранее тиковых данных служат книга заявок и лента сделок. Книга заявок (англ. order book) представляет собой таблицу заявок на покупку и продажу с указанием цен и объёмов. В

свою очередь, лента сделок (англ. time and sales) – таблицу, фиксирующую фактические исполнения. Все три источника огромны по объёму и крайне неравномерны по времени: за минуту может пройти тысяча сделок, а затем наступить пауза. Именно эти данные и являются сырьём в исходной постановке задачи. Без преобразования они почти непригодны для большинства аналитических методов – от оценки риска до машинного обучения [1].

Агрегация – процесс преобразование множества точек в одну по определённому правилу: суммирование, усреднение, взятие максимума или последнего значения. При обработке сырых биржевых данных подобным образом ключевым параметром является интервал агрегации, поскольку он определяет масштаб биржевого временного ряда. Примером агрегации могут служить минутные графики OHLC – цен открытия, максимума, минимума и закрытия (англ. Open, High, Low, Close) – здесь один и тот же поток сделок порождает различные временные ряды. Таким образом, уже на этапе агрегации подразумевается осознанное или неосознанное принятие аналитиком решения о преобразовании исходных данных.

Время в биржевых рядах – критическая переменная, в связи с организационными, техническими и социальными нюансами работы бирж. Торговые события распределены неравномерно: сделки идут кластерами, между ними возможны паузы, а торговля ведётся только в рамках торговых сессий не каждый день, а согласно календарю биржи: с перерывами, выходными и праздничными днями. Это формирует разрывы – регулярные и нерегулярные пропуски, – которых не было бы при непрерывной торговле. Агрегация до малого масштаба по календарному времени искажает наблюдения, не отражая реальную активность; некорректная трактовка времени ведёт к ошибкам в анализе.

Агрегация неизбежно связана с потерей информации, и эти потери стоит перечислить явно. Исчезают наблюдаемая последовательность сделок внутри интервала, распределение объёмов операций и экстремумы отслеживаемых показателей. Две совершенно разные последовательности тиков могут давать одинаковые временные ряды OHLC, что означает необратимость операции. По сути, агрегация представляет собой сжатие с потерями, и аналитик должен осознавать, что именно утрачено. Без этого понимания интерпретация результата становится произвольной.

Помимо потерь, агрегация способна порождать артефакты – структуры, которых нет в сырых данных. Притом, разные интервалы могут порождать различные искусственные «закономерности», что создаёт риск переобучения моделей на артефактах. На практике это означает, что устойчивость найденного паттерна следует проверять при смене масштаба агрегации. Если закономерность исчезает при переходе между соседними величинами, её ценность может оказаться сомнительна [2].

Агрегация меняет и статистические свойства ряда. Она воздействует на распределение показателей, автокорреляцию и волатильность. При укрупнении интервала волатильность растёт нелинейно, поэтому дневная волатильность не равна сумме минутных. Оценки параметров моделей зависят от выбранного интервала, и выводы, сделанные на одном масштабе, могут не переноситься на другой. Это означает, что сравнение результатов разных исследований корректно лишь при совпадении правил агрегации. Игнорирование этого требования приводит к ложным обобщениям [3].

Заключение. В своей исходной форме биржевой временной ряд представляет собой предельно детализированную и неравномерную по времени последовательность событий – тиков, порождённую взаимодействием множества участников рынка. Агрегация выступает неизбежным посредником, превращающим это сырьё в ряды, пригодные для анализа и прогнозирования, но одновременно задающим масштаб, потери и возможные артефакты. Понимание природы биржевого ряда и осознанный выбор интервала агрегации оказываются не технической деталью, а содержательным исследовательским решением. Вопросы дальнейшего уточнения методов агрегации и последствий её применения остаются закономерным и востребованным направлениями продолжения научной работы.

Список литературы

1. Ткалич, Л. Э. Применение глубоких генеративных моделей для выявления случаев манипулирования российским фондовым рынком : выпускная квалификационная работа магистра : 01.04.02 Прикладная математика и информатика / Ткалич Леонид Эролович ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет компьютерных наук. – Москва, 2026. – 97 с. – URL: https://www.hse.ru/edu/vkr/1163760613 (дата обращения: 07.10.2026). – Текст : электронный.
2. Пучков, А. Ю. Выявление аномалий в финансовых временных рядах на основе многомасштабного автокодировщика / А. Ю. Пучков, В. С. Минин // КИИ-2025 : труды конференции. – 2025. – Т. 3. – С. 129–140. – DOI 10.15622/rcai.2025.076. – EDN BTHIHC.
3. Телегин, О. В. Регулярные коммуникации Банка России и краткосрочные эффекты волатильности на финансовых рынках / О. В. Телегин // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 2 (54). – С. 130–155. – DOI 10.31737/2221-2264-2022-54-2-7. – EDN UTCRHU.

УДК 519.876.5:004.89

МЕТОДЫ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ РЕСУРСАМИ АПК

Галиева Г.М., канд. экон. наук, ORCID 0000-0002-1097-535X,
Артемьев Д.А.
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», г. Уфа, РФ
guzelgalieva2016@yandex.ru, donchik-04@mail.ru

Введение. Современное управление социально-экономическими системами сталкивается с необходимостью учитывать большое количество факторов, многие из которых трудно поддаются точному количественному измерению. Для описания таких систем часто используются не только числовые данные, но и вербальные (качественные) оценки экспертов, опыт и интуиция. Особую актуальность методы математической логики приобретают в агропромышленном комплексе, где экспертные оценки и управленческие решения часто основываются на качественных характеристиках, а информация о состоянии сложных систем является неполной или неточной. Эффективным инструментом для формализации и обработки таких знаний является математическая логика и ее методы, которые можно разделить на качественные и количественные.

Цель данной работы – показать особенности двух групп методов и обосновать необходимость их совместного применения для повышения качества управленческих решений.

Основная часть. Ключевым представителем качественных методов является нечёткая логика, предложенная Л. Заде. Она оперирует понятиями, которые не имеют строгих границ («высокий риск», «достаточный уровень»). В основе этого подхода лежат лингвистические переменные и правила вида «ЕСЛИ-ТО». Например, для системы управления запасами: «ЕСЛИ запас на складе низкий, И спрос высокий, ТО добавить в заказ большую партию». Нечёткая логика идеально подходит для моделирования сложных систем, где знания экспертов носят качественный характер.

В качестве примера качественного подхода можно привести формулу для треугольной функции принадлежности.

$$MF(x)=\begin{cases} 1-\dfrac{b-x}{b-a}, a \le x \le b \\ 1-\dfrac{x-c}{c-b}, b \le x \le c \\ 0, \text{востальныхслучаях} \end{cases}$$

где a, b, c – параметры, задающие форму треугольника (левую, центральную и правую точки).

Она возвращает значение от 0 до 1, показывающее степень принадлежности значения x к нечеткому множеству.

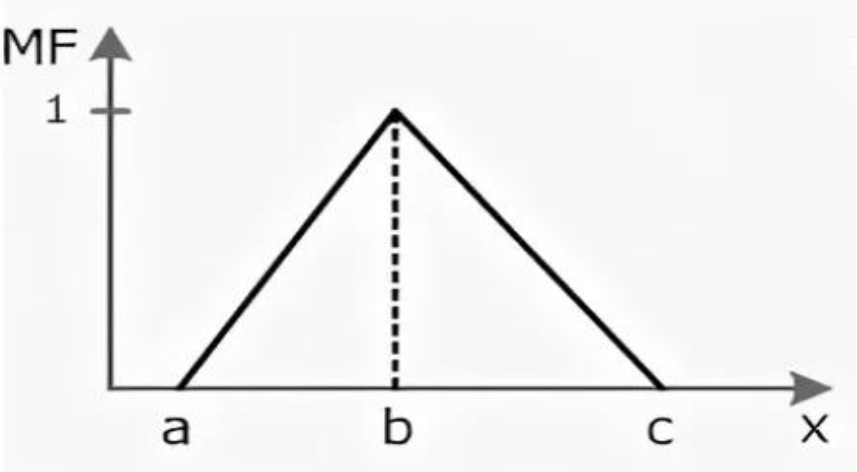

Рис. 1. Треугольная функция принадлежности

К количественным методам можно отнести, например, байесовский вывод. Этот аппарат основан на строгих правилах теории вероятностей. В отличие от нечёткой логики, он требует числовых данных о вероятностях событий (например, точная частота отказов оборудования). На основе этих данных можно рассчитать апостериорные вероятности гипотез и принять оптимальное решение, например, минимизирующее ожидаемые потери.

Формула Байеса:

$$P(A|B=\frac{P(B|A \cdot P(A)}{P(B)},$$

где P(A) – априорная вероятность гипотезы A;

P(A|B) – вероятность гипотезы A при наступлении событий B (апостериорная вероятность);

P(B|A) – вероятность наступления события B при истинности гипотезы A;

P(B) – вероятность наступления события B.

Практическая значимость байесовского подхода для агроинженерии подтверждается исследованиями, в которых на его основе разрабатываются методы формирования нормативов для структурных элементов сложных агротехнических систем, особенно в условиях малых выборок данных, когда классические статистические методы малоэффективны

Таким образом, нечёткая логика хороша для начальной, качественной формализации задачи, когда нет точных данных, но есть опыт экспертов. Байесовский подход позволяет затем уточнить и оптимизировать решение, если появляются статистические данные.

Практическая ценность подхода подтверждается исследованиями в агропромышленном комплексе. Например, при планировании ресурсов

используется интеграция онтологических (качественных) и логико-динамических (количественных) моделей для учета большого числа факторов и возмущающих воздействий. Применение методов нечёткой логики и комбинаторного анализа позволяет, в свою очередь, моделировать деятельность подразделений предприятия в условиях нечёткости и неполноты проходящей информации. Анализ существующих исследований показывает, что совместное использование этих двух подходов является перспективным направлением для создания систем поддержки принятия решений, особенно в управлении агропредприятиями, где сочетание качественных и количественных характеристик – обычная практика.

Заключение. Качественные и количественные методы математической логики не противоречат, а дополняют друг друга. Нечёткая логика выступает в роли гибкого инструмента для формализации экспертных знаний на начальном этапе. Байесовский и другие количественные подходы позволяют на основе накопленных данных перейти к оптимальному, математически обоснованному управлению. Их синергия открывает широкие возможности для создания интеллектуальных систем, способных эффективно работать в условиях реальной экономической неопределенности.

Список литературы

1. Блюмин, С.Л. Нечеткая логика: алгебраические основы и приложения / С.Л. Блюмин, И.А. Шуйкова, П.В. Сараев. – Липецк: ЛЭГИ, 2002. – 111 с.
2. Коротеев, М.В. Нечеткий логический вывод как обобщение байесовского вывода / М.В. Коротеев, П.В. Терелянский, В.А. Иванюк // Современная математика и ее приложения. – 2015. – Т. 95. – С. 83–89.
3. Заде, Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л.А. Заде. – М.: Москва, 2021. – 150 с.
4. Нечеткие множества в моделях управления и искусственного интеллекта/под. ред. Д.А. Поспелова. – М: Наука, 1986.
5. Гайсина, Г. А. Инновационное развитие АПК / Г. А. Гайсина, Ф. Ф. Фаррахова // Актуальные проблемы финансирования и налогообложения АПК в условиях глобализации экономики: Сборник статей XIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию ФГБОУ ВО Пензенский ГАУ, Пенза, 23–24 марта 2026 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2026. – С. 45-48.

УДК 330.43:336.6

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ПРОДАЖ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Гладкова Л.А., канд. физ-мат. наук, доц., ORCID 0009-0009-8796-9773,
Гуреева А.С.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ,
gladnv00@mail.ru, nastya.gureeva.0505@mail.ru

Введение. Рентабельность продаж является одним из основных показателей оценки эффективности деятельности организации. Она характеризует величину прибыли от продаж, приходящуюся на единицу выручки, и позволяет оценить результативность основной деятельности организации. Изменение рентабельности может быть связано с динамикой выручки, себестоимости, дебиторской задолженности и других показателей, характеризующих финансовые результаты организации [2; 3].

При анализе рентабельности важно определить не только направление ее изменения, но и факторы, которые оказывают на нее наибольшее влияние. Эконометрические методы позволяют количественно оценить взаимосвязь между результативным показателем и несколькими факторами одновременно. Использование регрессионного анализа дает возможность определить направление влияния факторов и оценить их вклад в изменение рентабельности продаж [1; 4].

Цель исследования – определить влияние основных факторов на рентабельность продаж организации с использованием множественной линейной регрессии.

В качестве объекта исследования рассматривается ООО «Вектор». Для анализа использованы данные за январь–июнь 2025 г. Результативным показателем Y является рентабельность продаж. В качестве факторов выбраны доля себестоимости продаж в выручке X_1 и отношение дебиторской задолженности к выручке X_2. Такой набор показателей позволяет оценить влияние уровня затрат и состояния расчетов с покупателями на конечный результат деятельности организации [6; 7].

Основная часть. Рентабельность продаж рассчитывается по формуле:

$$Y = \frac{\text{Выручка}}{\text{Прибыль от продаж}} x\ 100\% \qquad (1)$$

Исходные данные для построения модели представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Исходные данные ООО «Вектор» за январь–июнь 2025 г.

Месяц	Выручка, тыс. руб.	Себестоимость, тыс. руб.	Дебиторская задолженность, тыс. руб.	Прибыль от продаж, тыс. руб.
Январь	1000	780	320	172
Февраль	1100	847	270	208
Март	1200	912	360	235
Апрель	1300	975	300	279,35
Май	1250	931,25	390	261,25
Июнь	1400	1029	310	323,8

На основании исходных данных рассчитаны значения результативного и факторных показателей. Для оценки их взаимосвязи построена модель множественной линейной регрессии:

$$\hat{Y}=105{,}021-1{,}080X_1-0{,}114X_2 \quad (2)$$

Полученное уравнение показывает обратную зависимость рентабельности продаж от обоих рассматриваемых факторов. При увеличении доли себестоимости продаж в выручке на 1 процентный пункт рентабельность продаж в среднем снижается на 1,08 процентного пункта при неизменном значении второго фактора. Увеличение отношения дебиторской задолженности к выручке на 1 процентный пункт сопровождается снижением рентабельности продаж примерно на 0,114 процентного пункта.

Такое направление зависимости соответствует экономическому содержанию показателей: увеличение себестоимости повышает затраты на единицу выручки и уменьшает прибыль от продаж. Рост доли дебиторской задолженности отражает увеличение средств, находящихся в расчетах с покупателями, что может снижать эффективность использования оборотных средств [2; 3].

Коэффициент детерминации модели составил $R^2=0{,}998$. Следовательно, 99,8% вариации рентабельности продаж в рассматриваемой выборке связано с изменением включенных в модель факторов. Среди рассмотренных показателей наиболее заметной является связь рентабельности продаж с долей себестоимости, что соответствует экономическому содержанию данного показателя [1; 4; 5].

Полученная модель позволяет оценивать изменение рентабельности продаж при изменении основных показателей деятельности организации. Поскольку используемые факторы рассчитываются на основе данных бухгалтерского учета и отчетности, результаты регрессионного анализа могут дополнять традиционный анализ финансовых результатов и позволяют количественно оценить связь отдельных показателей с рентабельностью продаж.

Таким образом, снижение себестоимости и более эффективное управление дебиторской задолженностью могут способствовать

повышению рентабельности продаж. Эконометрический анализ позволяет количественно оценить связь между финансовыми показателями и определить направления, которым следует уделить внимание при управлении результатами деятельности организации.

Заключение. В результате исследования с помощью множественной линейной регрессии определены направление и степень связи выбранных факторов с рентабельностью продаж ООО «Вектор». Установлено, что оба фактора имеют обратную связь с результативным показателем, при этом наиболее заметной является связь с долей себестоимости продаж. Проведенный анализ показывает возможность использования эконометрических методов при исследовании финансовых результатов организации на основе данных бухгалтерского учета и отчетности.

Список литературы

1. Балдин К. В. Эконометрика : учебное пособие / К. В. Балдин, О. Ф. Быстров, М. М. Соколов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 254 с.
2. Кожемякова, В. В. Использование данных отчета о прибылях и убытках в экономическом анализе прибыли от продаж и его рентабельности / В. В. Кожемякова // Молодой ученый. – 2012. – № 5 (40). – С. 164–167.
3. Сырыцина, А. С. Анализ финансовых активов предприятия / А. С. Сырыцина, Л. А. Гладкова // Экономико-управленческий конгресс : Сборник статей по материалам Международного научно-практического мероприятия НИУ «БелГУ», Белгород, 10–11 ноября 2022 года / Отв. редактор: В.М. Захаров. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – С. 283-288. – EDN NDMPCN.
4. Горчакова, И. А. Об эконометрических методах в прогнозировании / И. А. Горчакова // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 5. Часть 1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 255-257. – EDN TGTCZG.
5. Вербовая, В. В. Оценка финансовой устойчивости предприятия как основной составляющей экономической устойчивости / В. В. Вербовая, Л. А. Гладкова // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 3. – Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. – С. 169-171. – EDN YOVFSZ.
6. О бухгалтерском учете : Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ.
7. Об утверждении ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность» : приказ Минфина России от 04.10.2023 № 157н.

УДК 330.43:336.6

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ДЕБИТОРСКОЙ И КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ С ФИНАНСОВЫМ РЕЗУЛЬТАТОМ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Гладкова Л.А., канд. физ.-мат. наук, доц., ORCID 0009-0009-8796-9773**,**
Кутаева А.Р.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
gladnv00@mail.ru , kutayeva.05@mail.ru

Введение. В условиях существенной дифференциации российских регионов дебиторская и кредиторская задолженность являются важными характеристиками расчетных операций и хозяйственной активности организаций. Рост задолженности не всегда свидетельствует об ухудшении финансового состояния, поскольку может быть обусловлен расширением деятельности, однако ее значительный объем и нарушение сроков расчетов повышают финансовые риски.

Сальдированный финансовый результат отражает прибыль или убыток, а задолженность – обязательства организаций перед контрагентами. В связи с этим представляет интерес эконометрический анализ взаимосвязи этих показателей в разрезе российских регионов.

Цель исследования – проанализировать связь дебиторской и кредиторской задолженности с финансовыми результатами организаций российских регионов, а также выявить влияние масштаба деятельности и состава задолженности.

Основная часть. Эмпирическую основу работы составили статистические сведения Росстата, охватывающие 85 субъектов РФ за 2024 год. Использовались материалы официального издания «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025» (включая электронные дополнения) [1; 2]. В рамках моделирования в качестве зависимой переменной (Y) был выбран сальдированный финансовый итог работы организаций, а в качестве независимых факторов – объемы дебиторской (D) и кредиторской (C) задолженностей (в млн руб.).

Анализ на региональном уровне дает возможность провести сравнительную оценку территорий с неодинаковыми масштабами хозяйствования. Так, в Москве показатели дебиторской и кредиторской задолженности достигли 46925345 и 52860238 млн руб. соответственно, при финансовом результате 7988340 млн руб. Общероссийские показатели за аналогичный период составили 122980496 млн руб. (дебиторская), 127119872 млн руб. (кредиторская) и 30157471 млн руб. (финансовый результат) [1-3].

На начальном этапе исследования выполнен корреляционный анализ взаимосвязи финансового результата с каждым видом задолженности.

Поскольку в некоторых субъектах финансовый результат имел отрицательные значения, для корректного проведения эконометрических расчетов использовалось гиперболическое преобразование исходных данных:

$$Y_i^*=arsinh\left(\frac{Y_i}{1000}\right), \quad (1)$$

где Y_i^* – преобразованный финансовый результат i-го региона; Y_i – исходный финансовый результат, млн руб.; деление на 1000 используется для изменения масштаба показателя.

Для факторных переменных применено логарифмическое преобразование:

$$X_i^*=lnX_i. \quad (2)$$

Такое преобразование позволяет уменьшить влияние значительных различий в абсолютных масштабах регионов и перейти к более сопоставимой форме зависимости [4; 5].

Результаты корреляционного анализа показали наличие положительной связи между преобразованным финансовым результатом и обоими видами задолженности. Коэффициент корреляции между Y^* и D составил r=0,304 при p=0,0047, а между Y^* и C – r=0,288 при p=0,0076. Следовательно, более крупные объемы дебиторской и кредиторской задолженности статистически связаны с более высоким финансовым результатом, однако сила связи является умеренной.

Для дальнейшей оценки были построены однофакторные регрессионные модели:

$$Y_i^*=\text{-}8{,}783+1{,}047lnD_i+\varepsilon_i, \quad (3)$$

$$Y_i^*=\text{-}10{,}207+1{,}154lnC_i+\varepsilon_i. \quad (4)$$

Коэффициент детерминации первой модели составил R^2=0,304, второй – R^2=0,308. Параметры моделей статистически значимы при p<0,001. Полученные результаты подтверждают наличие статистической взаимосвязи между масштабом задолженности и финансовым результатом, однако не позволяют сделать вывод о самостоятельном влиянии каждого вида задолженности.

Для проверки данного предположения была построена многофакторная модель:

$$Y_i^*=\text{-}10{,}440\text{-}0{,}196lnD_i+1{,}367lnC_i+\varepsilon_i. \quad (5)$$

Коэффициент детерминации модели составил 0,308, однако коэффициенты при ln(D) и ln(C) статистически незначимы (p = 0,895 и p = 0,390 соответственно). Это связано с высокой взаимосвязью факторов: коэффициент корреляции между ln(D) и ln(C) составил 0,995, а VIF – около 99,4 для каждого показателя. Такая выраженная мультиколлинеарность

затрудняет выделение самостоятельного вклада дебиторской и кредиторской задолженности в финансовый результат [4; 5].

Для устранения проблемы задолженность была представлена через две характеристики: общий масштаб расчетов и их структуру. В качестве показателя общего масштаба использован:

$$Z_i = ln(D_i + C_i), \quad (6)$$

а для характеристики соотношения дебиторской и кредиторской задолженности – показатель:

$$S_i = ln\left(\frac{D_i}{C_i}\right). \quad (7)$$

На их основе построена модель:

$$Y_i^* = -11{,}273 + 1{,}172Z_i - 0{,}737S_i + \varepsilon_i. \quad (8)$$

Модель показала $R^2 = 0{,}308$ (скорректированный – 0,291). Значимым оказался только масштаб деятельности (Z, $p < 0{,}001$), тогда как структурный показатель (S) не повлиял на результат ($p = 0{,}629$).

Заключение. Анализ подтвердил: финансовые результаты регионов зависят от общего объема задолженности, а не от соотношения дебиторской и кредиторской задолженности. Последнее (среднее 0,968) сильно варьируется по стране, но не коррелирует с эффективностью бизнеса.

Из-за мультиколлинеарности дебиторскую и кредиторскую задолженность целесообразно разделять на «масштаб» и «структуру». Практически это означает, что оценивать задолженность нужно в контексте выручки и масштаба деятельности. Перспективно создание панельных моделей с учетом отраслевой специфики и оборачиваемости.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025 : стат. сб. – Москва : Росстат, 2025.
2. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронное приложение : социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. – Москва : Росстат, 2025.
3. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2025. – Москва : Росстат, 2025.
4. Горчакова, И. А. Особенности принятия управленческих решений в условиях неопределенности / И. А. Горчакова, Т. Г. Чернявская // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–27 октября 2021 года. Том 5. Часть 1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 232-234. – EDN ZBSSDC.
5. Сырыцина, А. С. Анализ финансовых активов предприятия / А. С. Сырыцина, Л. А. Гладкова // Экономико-управленческий конгресс : Сборник статей по материалам Международного научно-практического мероприятия НИУ «БелГУ», Белгород, 10–11 ноября 2022 года / Отв. редактор: В.М. Захаров. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – С. 283-288. – EDN NDMPCN.

УДК 330.43

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФАКТОРОВ РИСКА СУЩЕСТВЕННОГО ИСКАЖЕНИЯ БУХГАЛТЕРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Гладкова Л.А., канд. физ.-мат. наук, доц., ORCID 0009-0009-8796-9773,
Чернощек А.Б.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ,
gladnv00@mail.ru, chernosheeek@yandex.ru

Введение. Достоверность бухгалтерской отчётности критична для принятия управленческих и инвестиционных решений, что определяет высокие требования к её качеству. Существенное искажение – отклонение в финансовой информации, способное повлиять на эти решения. Его причины варьируются от непреднамеренных ошибок в документировании хозяйственных операций до умышленной фальсификации данных. В связи с этим оценка риска существенного искажения остаётся одним из ключевых направлений аудиторской деятельности.

Актуальность исследования определяется потребностью в повышении качества оценки риска существенного искажения отчётности. Использование эконометрических методов позволяет количественно измерить влияние отдельных факторов и сформировать более взвешенный и обоснованный подход к выявлению участков с повышенным риском.

Цель исследования – создать подход к эконометрической оценке факторов, способных привести к существенному искажению бухгалтерской отчётности, и раскрыть практическое применение этих результатов для планирования аудиторской проверки.

Основная часть. Факторы риска выявляют через анализ финансово-хозяйственных показателей: рост дебиторской задолженности (опережающий развитие бизнеса), аномальные изменения стоимости запасов, наращивание заёмного финансирования при ухудшении покрытия обязательств, снижение рентабельности на фоне роста оборотов [2]. В совокупности эти признаки формируют сигнальную систему, помогающую аудитору определить зоны для детальной проверки.

Традиционная оценка аудиторского риска во многом основана на профессиональном суждении аудитора. Использование эконометрических методов позволяет дополнить её количественным анализом [1], выявляя статистическую зависимость между вероятностью существенного искажения и характеризующими его факторами [5]. Это позволяет не только выявить риск, но и оценить вероятность его возникновения.

Одним из методов, применяемых для решения данной задачи, является логистическая регрессия. Ее использование целесообразно в

ситуации, когда результат исследования имеет бинарный характер: наличие или отсутствие существенного искажения [4]. Общий вид логистической модели может быть представлен следующим образом:

$$P(Y_i = 1) = \frac{1}{1+e^{-Z_i}} \quad (1)$$

где $P(Y_i=1)$ – вероятность возникновения существенного искажения бухгалтерской отчетности; (Z) – линейная комбинация факторов риска.

Значение (Z) определяется на основе коэффициентов модели и выбранных показателей:

$$Z_i = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \cdots + \beta_n X_n, \quad (2)$$

где β – свободный член модели; β_n – коэффициенты при соответствующих факторах; X_i–количественные показатели, характеризующие финансовое состояние и деятельность организации.

Ключевое достоинство метода заключается в прозрачности коэффициентов: они показывают, насколько сильно и в каком направлении каждый фактор воздействует на вероятность риска. Если коэффициент положительный, рост соответствующего показателя повышает риск; если отрицательный – риск снижается. Такая наглядность позволяет рационально распределять аудиторские ресурсы и убедительно аргументировать выводы для заинтересованных лиц.

При этом эконометрическая модель не заменяет профессиональное суждение аудитора. Ее результаты должны рассматриваться совместно с результатами анализа системы внутреннего контроля, особенностей деятельности организации и другими аудиторскими доказательствами [3].

Один из доступных индикаторов риска – динамика дебиторской задолженности. Если её объём заметно растёт, а масштабы деятельности не увеличиваются сопоставимо, это сигнал к углублённому изучению расчётов с контрагентами: стоит проверить сроки погашения долгов и убедиться в их обоснованности и достоверности [1].

Рассмотрим условную ситуацию. Дебиторская задолженность организации увеличилась за отчетный год с 2 000 тыс. руб. до 2 600 тыс. руб. Для оценки данного фактора рассчитаем темп ее роста:

$$X_1 = \frac{2600 - 2000}{2000} * 100\% = 30\%$$

По итогам анализа дебиторская задолженность продемонстрировала рост на 30%. Согласно установленной методике оценки рисков, пороговое значение прироста составляет 25%. Поскольку фактический показатель превысил этот лимит, вероятность риска существенного искажения отчетности оценивается нами на уровне 40%. Для сравнения: при росте задолженности в пределах 25% данный показатель риска составлял бы 15%.

Поскольку полученное значение 30% превосходит установленный порог, в рассматриваемом условном примере вероятность повышенного риска принимается равной 40%.

Для оценки вероятности в рамках эконометрического подхода может применяться логистическая функция:

$$Z = ln\left(\frac{0{,}4}{1-0{,}4}\right) \approx -0{,}405$$

$$P(Y=1) = \frac{1}{1+e^{-(-0{,}405)}} \approx 0{,}4 = 40\%$$

В связи с ростом дебиторской задолженности возрастают риски искажения отчетности. В рамках аудита необходимо провести углубленную проверку реальности долгов и оценить долю просроченной и безнадежной задолженности.

Заключение. Современный аудит переходит от интуитивных оценок к анализу данных: математические модели, такие как логистическая регрессия, позволяют объективно выявлять зоны риска в отчетности. Эконометрический инструментарий не заменяет профессиональное суждение, а служит надежным фундаментом для принятия решений. Такой подход оптимизирует работу аудитора, позволяя сфокусироваться на критических участках и распределять ресурсы там, где вероятность искажений наиболее высока.

Список литературы

1. Арженовский, С. В. Логит-модели для оценки риска преднамеренного искажения финансовой отчетности российских банков / С. В. Арженовский, А. В. Бахтеев, А. С. Слободян // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – № 8. – С. 1567–1582.
2. Арженовский, С. В. Методологический подход к комбинированной оценке риска искажений вследствие недобросовестных действий при аудите бухгалтерской отчетности / С. В. Арженовский, А. В. Бахтеев // TERRA ECONOMICUS. – 2013. – Т. 11, № 2-3. – С. 57–62.
3. Воюцкая, И. В. Внутренний контроль и его потенциал в выявлении рисков искажения бухгалтерской отчетности / И. В. Воюцкая, М. С. Коське, Ю. Г. Мишучкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 144–152.
4. Горчакова, И. А. Особенности принятия управленческих решений в условиях неопределенности / И. А. Горчакова, Т. Г. Чернявская // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–27 октября 2021 года. Том 5. Часть 1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 232-234. – EDN ZBSSDC.
5. Сырыцина, А. С. Анализ финансовых активов предприятия / А. С. Сырыцина, Л. А. Гладкова // Экономико-управленческий конгресс : Сборник статей по материалам Международного научно-практического мероприятия НИУ «БелГУ», Белгород, 10–11 ноября 2022 года / Отв. редактор: В.М. Захаров. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. – С. 283-288. – EDN NDMPCN.

УДК 332.1:338.45:338.24+330.4

СОВРЕМЕННЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В HR-ПРОГНОЗИРОВАНИИ

Горчакова И.А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0006-2403-3343,
Демиденко О.И.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.gorchakova@donnu.ru, olesya.demidenko.04@mail.ru

Введение. Функциональность традиционных информационных систем (HRIS) долгое время ограничивалась хранением данных и составлением отчетов за прошлые периоды. В условиях повышенной волатильности рынка труда и обострившейся конкуренции за таланты внедрение методов предиктивной аналитики поменяли эту ситуацию.

Технологии машинного обучения и искусственного интеллекта внесли значительный прорыв в функционал HR-менеджера [1].

Цель исследования – рассмотреть методы прогнозирования, применяемые в управлении персоналом, выявить логику их эволюции от статистических методов к ансамблевым и нейросетевым моделям, а также проанализировать противоречие между интерпретируемостью и прогнозной силой в контексте высокорисковых HR-решений.

Основная часть. Среди статистических методов прогнозирования фундаментальная роль принадлежит логистической регрессии [2]. Она занимает особое место в прогнозных исследованиях по управлению персоналом. Её ценность – в интерпретируемости, которую другие модели проиллюстрировать не могут.

Математическая форма логистической регрессии позволяет напрямую выводить коэффициенты каждого признака и их статистическую значимость, что даёт исследователю ясную картину: «какие факторы и в каком направлении влияют на вероятность ухода сотрудника».

Модель логистической регрессии имеет вид:

$$ln\left(\frac{p}{1\text{-}p}\right)=\beta_0+\beta_1 x_1+\beta_2 x_2+\ldots+\beta_k x_k, \quad (1)$$

где p – вероятность ухода сотрудника,

p/(1−p) – отношение шансов,

βi – коэффициенты регрессии при признаках.

Здесь положительный коэффициент означает, что рост признака повышает вероятность ухода, отрицательный – снижает.

Такого рода интерпретируемая функциональная связь делает

логистическую регрессию «первой моделью для пробы» в HR-практике. Однако при прогнозировании событий, связанных с оценкой времени до свершения события (ухода сотрудника), модели так называемой «выживаемости» оказываются более адекватными.

В исследовании Абзалалова Л. Р. модель пропорциональных рисков Кокса продемонстрировала преимущество перед бинарной логистической регрессией именно благодаря своей способности учитывать временной аспект.

Кроме того, работа внесла свой вклад в понимание проблемы текучести кадров. Было обнаружено, что предикторы раннего увольнения в первые 3–6 месяцев: низкая зарплата, молодой возраст, частая смена работы, длительность последнего места работы и пробелы в карьере [2].

В свою очередь, Dutta и соавторы (2025) предложили ансамблевый алгоритм машинного обучения Random Forest (случайный лес) и логистическая регрессия поместить в единую рамку системы управленческой отчётности: первый дал высокоточный прогноз ухода сотрудника, вторая – идентифицируемость ключевых драйверов [3].

Такой «двухмодельный» подход показателен: он не предполагает выбора между точностью и интерпретируемостью, а распределяет функции между моделями – логистическая регрессия отвечает на вопрос «почему», случайный лес – «кто именно».

Случайный лес строит множество деревьев и агрегирует их прогнозы, существенно повышая устойчивость прогноза при сохранении определённой интерпретируемости (через важность признаков).

Эволюция ансамблевых методов не остановилась на Bagging, основанном на обучении нескольких моделей на различных подвыборках исходных данных.

Так, подход EANFIS (расширение адаптивной нейро-нечёткой системы вывода), объединивший адаптивный нечёткий вывод с ансамблевыми классификаторами в прогнозировании ухода сотрудника, в ряде случаев превысил точность прогнозирования в сравнении с одиночным Random Forest и SVM (методом опорных векторов).

Ряд работ в HR- области посвящён прогнозированию потребности в рекрутинге. Применение нейронной сети обратного распространения (BPNN) в задаче прогнозирования HR-спроса демонстрирует высокую точность.

Преимущество BPNN при этом – способность улавливать нелинейные зависимости, которые трудно описать линейными моделями (например, немонотонное влияние стажа на эффективность).

Применение нейронных сетей в HR-прогнозировании демонстрирует любопытное «возвращение»: ранние работы возлагали на них большие надежды, затем последовала критика за «чёрный ящик», а в последние годы они вновь привлекают внимание в структурированных задачах

прогнозирования потребности. Однако проблема интерпретируемости нейронных сетей в контексте управления персоналом стоит особенно остро: в отличие от кредитного скоринга или рекомендательных систем, кадровые решения напрямую влияют на профессиональное будущее человека, и если результаты работы модели не могут быть объяснены заинтересованному лицу, ее этическая обоснованность ставится под сомнение.

Заключение. Методы прогнозирования в управлении персоналом прошли эволюцию от «можно ли прогнозировать» к «насколько точно» и далее к «что делать с прогнозом». Статистические методы, прежде всего логистическая регрессия и модели выживаемости, обеспечивают интерпретируемую базовую линию; случайный лес и ансамблевое обучение повышают точность; нейронные сети демонстрируют преимущества в структурированных задачах прогнозирования потребности в человеческих ресурсах.

Возможное направление будущих исследований – не поиск некой «оптимальной модели», а построение многоуровневой, контекстуализированной системы прогнозных решений: интерпретируемые модели – для формулирования правил и выявления факторов, высокоточные модели – для скрининга индивидуальных рисков, а инструменты пост-хок объяснения – как «переводящий слой» между ними.

Список литературы

1. Горчакова, И. А. Об эконометрических методах в прогнозировании / И. А. Горчакова // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 5. Часть 1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 255-257. – EDN TGTCZG.
2. Подгорный, Р. В. Эконометрический анализ и прогнозирование показателей среднедушевых доходов населения Российской Федерации на основе аддитивной модели / Р. В. Подгорный, Л. А. Гладкова // Бизнес-инжиниринг сложных систем: модели, технологии, инновации : Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, Донецк - Екатеринбург, 23–24 ноября 2023 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2023. – С. 161-166. – EDN GHTFHE.
3. Dutta S. K. Predictive HR Analytics to Optimize Decision-Making Processes and Enhance Workforce Performance / S. K. Dutta, A. Ray, M. Chinya [et al.] // International Journal of Recent Trends in Multidisciplinary Research (IJRTMR). – 2024. – Vol. 4, No. 4. – P. 79–81. – ISSN 2583-0368.

УДК 332.1:338.45:338.24+330.4

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА РИСКОВ ПРИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Горчакова И.А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0006-2403-3343,
Исмаилова К.А., ORCID 0009-0008-6911-1899
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.gorchakova@donnu.ru, ekaterina.ismailova.05@mail.ru

Введение. В условиях ускорения технологического развития цифровая трансформация является важным фактором повышения эффективности предприятий. Информационные системы, автоматизация, облачные технологии, аналитические платформы и искусственный интеллект позволяют снижать издержки, повышать качество управленческих решений и формировать конкурентные преимущества [1].

Вместе с тем цифровизация сопровождается рисками, способными снизить ожидаемый экономический эффект.

Цель исследования – рассмотреть методику количественной оценки рисков цифровой трансформации предприятия, которая учитывает вероятность их возникновения, возможный размер потерь и влияние рисков на итоговый экономический результат проекта.

Основная часть. Под риском цифровой трансформации понимается вероятность события, связанного с цифровыми технологиями и способного привести к отклонению результатов от запланированных. Основные группы рисков (технологические, финансовые, информационные, кадровые, организационные, внешние) и их характеристика представлены в таблице 1:

Таблица 1 – Ключевые риски, возникающие при цифровой трансформации предприятия

Группа рисков	Возможное событие	Последствие
Технологический	Отказ информационной системы	Простой бизнес-процессов
Информационный	Утечка или потеря данных	Финансовые и репутационные потери
Финансовый	Превышение бюджета проекта	Рост инвестиционных затрат
Кадровый	Недостаток цифровых компетенций	Снижение эффективности внедрения
Организационный	Сопротивление персонала изменениям	Нарушение сроков проекта
Внешний	Изменение требований законодательства или рынка	Корректировка проекта

Для определения уровня риска в количественном выражении можно применять показатель ожидаемого ущерба. Он рассчитывается как сумма

произведений вероятности наступления каждого рискового события на размер возможных потерь:

$$E(L) = \Sigma\, p_i L_i \ , \qquad (1)$$

где E(L) – общий ожидаемый ущерб от рассматриваемых рисков; p_i – вероятность возникновения i-го рискового события; L_i – возможный размер потерь при наступлении i-го события.

Данный показатель позволяет сопоставить рисковые события между собой и определить приоритетные направления управления рисками.

Рассмотрим проект цифровой трансформации производственного предприятия. Предположим, что первоначальные инвестиции в программное обеспечение, оборудование и обучение персонала составляют 10 млн руб., а планируемый срок реализации проекта – три года.

К основным факторам неопределенности относятся превышение запланированного бюджета, задержка ввода системы в эксплуатацию, получение экономического эффекта ниже ожидаемого и дополнительные расходы на защиту информации.

Для расчета выделим четыре основных группы риска, укажем вероятность их возникновения, возможные потери и ожидаемый ущерб в таблице 2:

Таблица 2 – Количественная оценка рисков проекта цифровой трансформации

Риск	Вероятность, %	Потери, млн руб.	Ожидаемый ущерб, млн руб.
Превышение бюджета	30	1,5	0,45
Задержка внедрения	25	1,2	0,30
Недостаточный экономический эффект	20	2,0	0,40
Дополнительные расходы на кибербезопасность	15	1,0	0,15
Итого	–	–	1,30

К примеру, ожидаемый ущерб от превышения бюджета рассчитывается как:

$$E(L_1) = 0{,}30 \times 1{,}5 = 0{,}45 \text{ млн руб.}$$

Аналогичным образом рассчитываются значения для остальных рисков. Совокупный ожидаемый ущерб рассматриваемого проекта составляет 1,30 млн руб. Расчет показывает, что при реализации проекта предприятие может столкнуться с рисковыми потерями, размер которых в среднем оценивается примерно в 1,30 млн руб. Поэтому данную сумму целесообразно учитывать при дальнейшем планировании проекта. Данная величина может учитываться предприятием при оценке целесообразности дальнейшей реализации проекта.

При этом вероятность недостижения ожидаемого экономического результата сравнительно невысока. Однако в случае возникновения такого риска финансовые последствия могут оказаться существенными. Поэтому при анализе риска важно учитывать как вероятность его возникновения, так и возможные финансовые потери предприятия [2].

Для снижения выявленных рисков целесообразно поэтапно внедрять цифровые решения, предварительно тестировать информационные системы, формировать финансовый резерв и повышать цифровые компетенции сотрудников. Необходимо совершенствовать меры информационной безопасности и регулярно контролировать показатели проекта. Также, за каждым риском следует закрепить ответственного сотрудника, а для контроля хода проекта установить конкретные показатели. Их отслеживание позволит заметить расхождения между фактическими и планируемыми результатами.

Заключение. Цифровая трансформация создаёт новые возможности, но одновременно формирует риски для предприятия. Количественная оценка позволяет определить экономическую значимость рисков и выявить приоритетные угрозы на основе ожидаемого ущерба. Данный метод рекомендуется использовать при планировании цифрового проекта, дополняя его при необходимости сценарным моделированием и расчетами по методу Монте-Карло. Работа с рисками предполагает несколько последовательных этапов: определение потенциальных угроз, анализ вероятности их возникновения и возможного ущерба, разработку способов реагирования и дальнейшее наблюдение за изменением ситуации. Использование данного подхода помогает руководству более точно оценивать ситуацию и выбирать подходящие решения, а также уменьшает возможный размер потерь.

Список литературы

1. Горчакова, И. А. Влияние цифровизации на процессы принятия управленческих решений / И. А. Горчакова, А. В. Подопригора // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: теоретико-методологические и прикладные аспекты : Материалы Всероссийского научно-практического круглого стола, Донецк, 21 мая 2024 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2024. – С. 19-21. – EDN LNYFNU.
2. Карташова, А. С. Применение случайных величин для управления кредитными рисками / А. С. Карташова, Л. А. Гладкова // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 3. – Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. – С. 186-188. – EDN YOVLSK.

УДК 332.1:338.45:338.24+330.4

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Горчакова И.А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0006-2403-3343,
Резниченко Л.А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
i.gorchakova@donnu.ru, linareznichenko8@gmail.com

Введение. Инфляция является одним из ключевых индикаторов в практике макроэкономического регулирования. В условиях высокой волатильности цен и внешних шоков особо возрастает потребность в прогнозных моделях как эффективном инструментарии, позволяющем центральным банкам и правительствам принимать взвешенные и обоснованные решения [1].

Целью работы является обзор основных подходов к математическому моделированию инфляционных процессов, их сравнительный анализ и демонстрация практического применения на примере эконометрической модели.

Основная часть. В современной экономической науке сложилось несколько методологических подходов к моделированию инфляции. Рассмотрим основные из них.

1. Монетаристский подход. Основывается на уравнении обмена количественной теории денег:

$$M \cdot V = P \cdot Q, \quad (1)$$

где M – денежная масса; V – скорость обращения денег; P– уровень цен; Q – реальный объём производства.

В темпах прироста уравнение принимает вид:

$$\pi = m - q + v, \quad (2)$$

где π – темп инфляции; m – темп прироста денежной массы; q – темп прироста реального выпуска; v – изменение скорости обращения денег.

Согласно монетаристской концепции, в долгосрочном периоде инфляция определяется исключительно динамикой денежной массы [2].

2. Кейнсианский подход. Акцентирует внимание на роли совокупного спроса и инфляционного разрыва. Модель «инфляция спроса» описывается через превышение совокупного спроса над совокупным предложением:

$$\pi_t = \alpha \cdot (Y_t - Y^*) + \pi_t^e, \quad (3)$$

где Y_t – фактический выпуск; Y^* – потенциальный выпуск; π_t^e – ожидаемая инфляция; α – коэффициент чувствительности.

Данный подход объясняет инфляцию как результат перегрева экономики [3].

3. Кривая Филлипса. Связывает инфляцию с уровнем безработицы:

$$\pi_t = \pi_t^e - \beta \cdot (u_t - u^*) + \varepsilon_t, \quad (4)$$

где u_t – фактический уровень безработицы; u^* – естественный уровень безработицы; β – коэффициент; ε_t – шок предложения. Модифицированная кривая Филлипса, дополненная ожиданиями, широко используется центральными банками для прогнозирования [4].

4. Модели временных рядов. Для краткосрочного прогнозирования инфляции применяются модели ARIMA и GARCH. Модель ARIMA

$$\Delta^d \pi_t = c + \sum_{i=1}^{p} \varphi_i \Delta^d \pi_{t-i} + \sum_{j=1}^{p} \theta_j \varepsilon_{t-j} + \varepsilon_t , \quad (5)$$

где Δ^d – оператор разности порядка d; φ_i, θ_j – параметры модели; ε_t – белый шум.

Модели GARCH позволяют учитывать гетероскедастичность инфляционных процессов [5].

5. Структурные модели. Включают динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE), которые описывают взаимосвязи между домохозяйствами, фирмами и государством. Пример уравнения новой кейнсианской кривой Филлипса:

$$\pi_t = \beta \cdot E_t \pi_{t+1} + k \cdot y_t + u_t, \quad (6)$$

где $E_t \pi_{t+1}$ – ожидаемая инфляция следующего периода; y_t – разрыв выпуска; κ – коэффициент; u_t – шок издержек [5].

Для наглядности представим сравнительный анализ рассмотренных подходов в таблице 1:

Таблица 1 – Сравнительная характеристика подходов к моделированию инфляции

Подход	Основные факторы	Горизонт прогноза	Сложность калибровки
Монетаристский	Денежная масса	Долгосрочный	Низкая
Кейнсианский	Совокупный спрос	Среднесрочный	Средняя
Кривая Филлипса	Безработица, ожидания	Краткосрочный	Средняя
ARIMA/GARCH	Инерция, волатильность	Краткосрочный	Низкая
DSGE	Все макроэкономические связи	Средне- и долгосрочный	Высокая

Практика применения в деятельности центральных банков. Ни один из подходов не является универсальным, поэтому в практике центральных банков доминирует построение комплекса взаимодополняющих моделей. Ведущие центральные банки (ФРС, ЕЦБ, Банк Англии) сочетают структурные макроэкономические и DSGE-модели (динамические стохастические модели общего равновесия) с моделями временных рядов, используя кривую Филлипса как базовый инструмент анализа баланса рисков.

В банке России применяется сходная архитектура, адаптированная к условиям переходной экономики: макроэкономическая модель общего равновесия с элементами DSGE, квартальная прогнозная модель и блок краткосрочного прогнозирования инфляции (ARIMA- и факторные

модели). Кривая Филлипса в модифицированной форме (с учётом ожиданий, разрыва выпуска и динамики обменного курса) используется как аналитическое ядро при оценке инфляционных рисков, тогда как монетаристские соотношения выполняют роль контрольных конструкций. Особенностью российской практики является повышенное внимание к факторам, учитываемым в классических моделях косвенно: волатильности обменного курса, внешнеторговым ограничениям, санкционным шокам и структурным сдвигам. Это объясняет включение в аналитический контур моделей с нелинейностями и режимными переключениями, а также элементов машинного обучения для обработки дезагрегированных данных и оценки инфляционных ожиданий.

Заключение. Проведённый обзор показывает, что моделирование инфляции развивается в направлении интеграции подходов, а не вытеснения одних другими. Наиболее эффективна стратегия построения комплекса взаимодополняющих моделей: краткосрочные прогнозы опираются на модели временных рядов, среднесрочные – на кривую Филлипса и структурные макромодели, долгосрочные ориентиры – на монетаристские соотношения и DSGE-конструкции. Перспективы развития связаны с интеграцией методов машинного обучения и разработкой моделей, устойчивых к структурным сдвигам.

Список литературы

1. Горчакова, И. А. Об эконометрических методах в прогнозировании / И. А. Горчакова // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 5. Часть 1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 255-257. – EDN TGTCZG.
2. Фридман, М. Количественная теория денег [Текст] / М. Фридман; [пер. с англ.]. – Москва: Эльф-пресс, 1996. – 131 с.
3. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс; пер. с англ. Н. Н. Любимова. – Москва: Гелиос АРВ, 2017. – 352 с.
4. Подгорный, Р. В. Эконометрический анализ и прогнозирование показателей среднедушевых доходов населения Российской Федерации на основе аддитивной модели / Р. В. Подгорный, Л. А. Гладкова // Бизнес-инжиниринг сложных систем: модели, технологии, инновации : Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, Донецк - Екатеринбург, 23–24 ноября 2023 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2023. – С. 161-166. – EDN GHTFHE.
5. Кобелев, Н. Б. Основы имитационного моделирования сложных экономических систем: монография / Н. Б. Кобелев. – Москва: Дело, 2018. – 336 с.

УДК 332.1:338.45:338.24+330.4

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ МЕХАНИЗМА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ МАШИНОСТРОЕНИИ

Маевский А.И., ORCID 0009-0001-7415-2061
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.i.maevskyi@yandex.ru

Введение. Практика экономической деятельности показывает, что ошибочно концентрироваться на отдельных стадиях принятия и реализации управленческих решений. Это особенно актуально для исследования и разработки машиностроительных технологий, организации опытных линий производства и создания будущих образцов, выхода на серийный выпуск оборудования и т.д. Следовательно, анонсируемый механизм должен быть настроен на избежание рисков при управлении развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности, добиваясь формирования полных инновационных циклов по критическим и сквозным технологиям.

На общем фоне публикаций по заявленной тематике и примыкающим вопросам следует выделить работы донецких учёных-экономистов [1 – 3]. Проблематика промышленного развития России (в т.ч. по машиностроению) рассмотрена Ю. Н. Полшковым [1] с позиций ресурсообеспечения и роста эффективности человеческого капитала. В статье [1] предложено управлять процессами неоиндустриализации регионального уровня, используя прикладное стохастическое моделирование. Концептуальный базис промышленности циркулярного типа (Ю. Н. Полшков, Д. В. Ибрагимхалилова [2]) может служить фундаментом устойчивого функционирования экономики машиностроительной отрасли. Неоиндустриализационные задачи Ю. Н. Полшков, Т. В. Ибрагимхалилова, Ю. С. Воробьева [3] увязывают с пространственной организацией экономики региона и логистикой, что имеет ключевой значение для бизнес-процессов машиностроительного профиля и очерчивает поле научного поиска данного исследования.

Цель исследования – оценить перспективы внедрения механизма повышения эффективности управления развитием бизнес-процессов в отечественном машиностроении.

Основные результаты. Организационно-экономическая компонента предлагаемого механизма отвечает за локализацию производств, созданных в России по зарубежным технологиям. Инструменты реализации управленческих решений позволяют осуществлять дальнейшее совершенствование технологий в части компетенций, технической

документации и выпуска необходимых комплектующих [4]. Центры разработки и линии тиражирования критически значимых машиностроительных технологий должны со временем переместиться из-за рубежа на территорию Российской Федерации, пройдя путь унифицирования и стандартизации по отечественным нормативам. Для этих нужд понадобятся информационные сервисные платформы поиска услуг, предоставляемых компаниями-разработчиками технологий по запросам машиностроительных предприятий, которые участвуют в локализационных программах.

В более ранних публикациях автора для построения прогнозов выпуска машин и оборудования была предложена модель:

$$M_t = (a \cdot t + b) \cdot \left|\sin(a \cdot t + b) + \cos(a \cdot t + b)\right| \cdot \delta_t,\ t = 1,2,...,T. \qquad (1)$$

Уравнение временного ряда (1) позволяет строить прогнозы по машиностроительным бизнес-процессам длительностью до 10 лет.

По нашим оценкам, внедрение механизма повышения эффективности управления развитием бизнес-процессов в отечественном машиностроении позволит реализовать инновационный (оптимистичный) сценарий высокотехноличного экономического роста и формирования комфортной социальной сферы (табл. 1).

Таблица 1 – Показатели результативности внедрения механизма повышения эффективности управления развитием бизнес-процессов в отечественном машиностроении (авторское оценивание по данным [4 – 6] и прогноз с помощью модели (1))

Год	2026	2030	2035
Усреднённый по отрасли уровень инновационно-технологической активности предприятий отечественного машиностроения, %	14,8	28,5	37,1
Усреднённые по отрасли темпы роста финансирования инновационной деятельности машиностроительных компаний, % (в ценах 2025 года)	125,4	157,8	181,2
Усреднённые по отрасли темпы роста дохода от продаж инновационной продукции, выпущенной субъектами машиностроительного бизнеса, % (в ценах 2025 года)	130,1	187,3	211,9
Усреднённые по отрасли темпы роста выручки от реализации малых технологичных компаний, выполняющих заказы машиностроительных предприятий, % (в ценах 2025 года)	155,7	218,3	263,4
Усреднённые по национальной экономике темпы роста доходов компаний фондосоздающего сектора, % (в ценах 2025 года по промышленному машиностроению и индустриальному строительству)	105,6	119,5	140,3
Коэффициент технологического суверенитета машиностроительной отрасли России, %	45,9	70,5	96,1

Из табл. 1 видно, что внедрение механизма в целом обеспечивает национальные интересы в промышленном и потребительском машиностроении. При этом реализуется инновационный сценарий развития отраслевых бизнес-процессов.

Механизм с помощью инвестиционных инструментов реализации управленческих решений стимулирует льготные займы разработчикам технологий и производителям локализуемых изделий машиностроения. Сюда же отнесём инструмент индустриальной ипотеки для создания и развития промышленной инфраструктуры под локализационные программы, инициируемые государством. Принимаемые решения способствуют стабильному росту фондосоздающего сектора экономики, а результирующая компонента механизма делает реальным выход России в мировые лидеры машиностроения к 2035 году.

Заключение. В работе оценены итоги возможного внедрения механизма повышения эффективности управления развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности. Положительный результат подтверждается высокой вероятностью реализации инновационного сценария развития отраслевых бизнес-процессов.

Список литературы

1. Полшков, Ю. Н. Управление процессами региональной экономики на основе прикладного стохастического моделирования: промышленное развитие, ресурсообеспечение, эффективность человеческого капитала / Ю. Н. Полшков // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2025. – № 1. – С. 76-86. – DOI: 10.5281/zenodo.15741572. – EDN: YPMINB.
2. Полшков, Ю. Н. Концепция циркулярной промышленности как основа устойчивого развития экономики отрасли / Ю. Н. Полшков, Д. В. Ибрагимхалилова // Новое в экономической кибернетике. – 2025. – № 4. – С. 255-272. – DOI: 10.5281/zenodo.18048789. – EDN: MUPZTL.
3. Полшков, Ю. Н. Совершенствование инструментов региональной экономической политики: пространственная организация, осцилляционные процессы, задачи неоиндустриализации, приоритеты логистики / Ю. Н. Полшков, Т. В. Ибрагимхалилова, Ю. С. Воробьева // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2026. – № 2. – С. 162-176. – DOI: 10.5281/zenodo.20795083. – EDN: PJKHHG.
4. Концепция технологического развития на период до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. – Текст: электронный // Официальный сайт Правительства России. – URL: http://government.ru/docs/all/147621/ (дата обращения: 10.07.2026).
5. Национальные счета. – Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики России. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 10.07.2026).
6. Промышленное производство в России. – Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики России. – URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 10.07.2026).

УДК 330.47

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В БИЗНЕС-МОДЕЛЯХ

Молоковский И.А., канд. техн. наук, доц., ORCID 0000-0003-3442-6635
ФГБНУ «Институт научно-технической информации», г. Донецк, РФ
lab.inti@yandex.ru

Введение. Бизнес-модели подвержены постоянным преобразованиям, в том числе под влиянием цифровых платформ. Современные компании вынуждены разрабатывать цифровые стратегии, чтобы повысить свою инновационность и конкурентоспособность, включая научные организации [1,2]. Такие стратегии становятся отправной для инновационных бизнес-моделей, основанных на цифровых платформах. Кроме того, такие модели обычно выходят за рамки традиционного представления о роли информационных технологий в деятельности компании и демонстрируют реализацию ресурсно-ориентированного подхода и тесно связаны с созданием ценности для компании и ее заинтересованных сторон. Таким образом, основными причинами внедрения современных бизнес-моделей, в том числе реализованных с помощью цифровых платформ, являются:

ограничения традиционных моделей;

внедрение современных технологий;

повышение осведомленности бизнес-пользователей.

Инновационные изменения в бизнес-моделях вносятся в значительной степени благодаря созданию и росту технологий цифровых платформ (в том числе в связи с появлением новых каналов связи, основанных на мобильных технологиях). С целью развития научного творчества и культуры работы с РИД предлагается использовать цифровую платформу для молодых ученых.

Цель – определить влияние цифровых платформ на современные бизнес-модели с точки зрения развития научного творчества.

Основная часть. В настоящее время в цифровой экономике особая роль отводится инструментам SMAC, объединяющим четыре ключевых технологических направления цифровой трансформации: Social (социальные технологии), Mobile (мобильные технологии), Analytics (большие данные) и Cloud (облачные вычисления) [3]. Развитие технологий SMAC, которые в значительной степени влияют на создание инновационных цифровых бизнес-моделей, было бы невозможно без цифровых платформ (табл.1). Это связано с тем, что такие технологии сопровождались появлением платформ, использующих сетевые эффекты, а также расширение объема услуг и функциональных возможностей. Благодаря технологиям цифровых платформ сложился определенный подход, преобладающий в современных бизнес-моделях, основанный на

развитии сотрудничества и партнерских отношений, взаимодействия между различными организациями для достижения конкретных бизнес-целей. Такой подход предполагает постепенную замену иерархических отношений. Полностью интегрированные структуры управления (предоставления услуг) демонстрируют различный уровень формализации отношений между организациями. Благодаря современным цифровым платформам различные организации могут взаимодействовать друг с другом в том числе в глобальном масштабе. Однако современные бизнес-модели ориентированы не только на расширение сотрудничества между организациями, но и на укрепление взаимодействия с клиентами. В таких моделях конкретные ценности формируются не только компанией, но и клиентом.

Таблица 1 – Этапы развития технологий SMAC [3]

Этап развития	Социальные сети	Мобильные технологии	Большие данные	Облачные вычисления
SMAC 1.0	Создание условий для более быстрого общения между знакомыми	Разработка концепции BYOD (использование личных устройств для нужд организации)	Описание текущих тенденций с помощью большого объема данных	Облачное тестирование
SMAC 2.0	Разработка платформ, ориентированных на коммуникацию между всеми людьми и создание новых маркетинговых каналов	Повышение мобильности сотрудников за счет использования все большего количества устройств	Определение будущих тенденций на основе сложных платформ, предназначенных для анализа данных	Разработка облачных приложений
SMAC 3.0	Интеграция платформ с системами управления взаимоотношениями с клиентами для повышения уровня сотрудничества с потребителями	Совместная работа специалистов разных организаций на цифровых платформах	Интеграция множества различных инструментов, включая платформы, для повышения эффективности анализа данных	Загрузка все большего объема данных в облако, развитие облачного управления

Ряд ученых показали, что бизнес-модели многих компании, добившиеся успеха на рынке, демонстрируют работу моделей с использованием цифровых технологий для взаимного общения с клиентами и совместного создания ценностей [4].

Целью инновационных изменений в рамках существующих бизнес-моделей, на основе современных цифровых платформ, является обеспечение качества и своевременности предоставления услуг на самом высоком уровне, чтобы соответствовать разнообразным ожиданиям клиентов и, как следствие, платформы получают более высокий рейтинг. В такой модели цель состоит в том, чтобы сделать клиентов автономными, что позволяет им влиять на форму соответствующего продукта или услуги, создавая таким образом ценность для платформы или организаций, ее создающих.

Не менее важной является персонализация предложения, адресованного клиентам. Платформы позволяют настраивать продукты и услуги, а не просто использовать готовые пакеты (особенно актуально для научных платформ).

Заключение. Цифровая научная платформа является частным случаем бизнес-моделей и выступает значимым компонентом поддержки молодежного научного творчества. В современных условиях платформа содействует формированию и развитию компетенций, обеспечивает условия для профессионального становления, организации научных коллабораций, а также практической реализации инновационных проектов.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания «Разработка концепции формирования региональных экосистем развития научного творчества и культуры работы с РИД среди молодёжи на примере отдельных территорий» (номер госрегистрации № 1023110900132-5-5.2.4).*

Список литературы

1. Молоковский, И. А. Цифровая платформа, как инфраструктура экосистемы развития молодежного научного творчества / И. А. Молоковский // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 4(60). – С. 353-358. – EDN ZFWEVC.
2. Петрова, К. С. Цифровые платформы как основа экосистемы развития молодежного научного творчества / К. С. Петрова, И. А. Молоковский // Кибернетика, информатика, аналитика: модели, инструменты, методы : Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (с международным участием), Донецк, 10–11 апреля 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 213-217. – EDN HKXCHM.
3. Павлючук, Ю. Н. Использование цифровых технологий smac в управлении цепочками поставок / Ю. Н. Павлючук // Вестник Брестского государственного технического университета: 2023. – С. 38–42. – URL: https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/33063/38-42.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
4. Шитухин, А. М. Бизнес-модели в эпоху цифровизации экономики / А. М. Шитухин, Т. И. Прутян // Вестник Академии знаний. – 2024. – №5 (64). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-modeli-v-epohu-tsifrovizatsii-ekonomiki (дата обращения: 01.10.2026).

УДК 332.1:330.4

ПРИКЛАДНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ТРУДА

Пелашенко А.В., ORCID 0009-0001-7268-0522,
Лисянский П.И., ORCID 0009-0005-4706-6589
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
allapelashenko@mail.ru

Введение. В условиях растущей конкуренции, глобальной цифровизации и растущего технологического прогресса уровень формирования человеческого капитала становится одним из ключевых факторов эффективного функционирования современной экономики. При этом в процессе управления человеческим капиталом существенно усиливается региональная составляющая, предполагающая акцент на особенностях и потребностях определенной территории. В этой связи для повышения степени инновативности человеческого капитала предлагается использовать прикладные методы развития экономики труда.

Целью исследования является анализ прикладных методов развития человеческого капитала на уровне определенной территории, а также разработка рекомендаций, направленных на эффективную реализацию стратегий его формирования в рамках осуществления региональной инновационной политики.

Анализ последних исследований и публикаций. Современным тенденциям и проблемам формирования человеческого капитала посвящены научные работы Барабанова М.И., Гапоненко А.Л., Колесникова А.М, Петрова Д.В., Чажаева М.И. [6], Кейнса Дж., Шумпетера Й. и др. Совершенствованием методов управления развитием региональных хозяйственных комплексов занимались такие ученые, как Балтачеева Н.А [2], Лукъянченко Н.Д., Ибрагимхалилова Т.В., Полшков Ю.Н. [1; 3 – 5] и др.

Основная часть. На управление региональными инновациями влияет много факторов. Среди них можно выделить: правовые, экономические, социально-демографические, технологические, инфраструктурные и ресурсные. Важной составляющей последнего является человеческий капитал. Опыт деятельности в хозяйственном комплексе региона свидетельствует, что повышение производительности труда способствует росту экономики, повышению конкурентоспособности и привлечению инвестиций. Следует учитывать, что чаще всего эффект достигается не за счет привлечения новой рабочей силы, а за счет оптимального использования уже имеющегося человеческого капитала (Полшков Ю.Н.

[5]). Этот факт приобретает особую значимость в условиях демографического вызова.

На примере статистических данных по Ростовской области за 11 лет (2015-2025 гг.) подтверждается теснота связи характеристик уровня инновационного развития экономики региона и показателей формирования человеческого капитала (рис. 1). Значимой характеристикой эффективности управления инновациями в экономике региона (Полшков Ю.Н. [4]) выступает годовой объём продукции, произведенной местной индустрией (ось ординат). Уровень сформированности человеческого капитала в регионе отражают профильные интеллектуальные затраты (ось абсцисс). Коэффициент детерминации равен 0,7, на основании чего можно сделать вывод, что на 70% колебания зависимой переменной объясняются вариацией независимой, остальные же 30% приходятся на др. факторы.

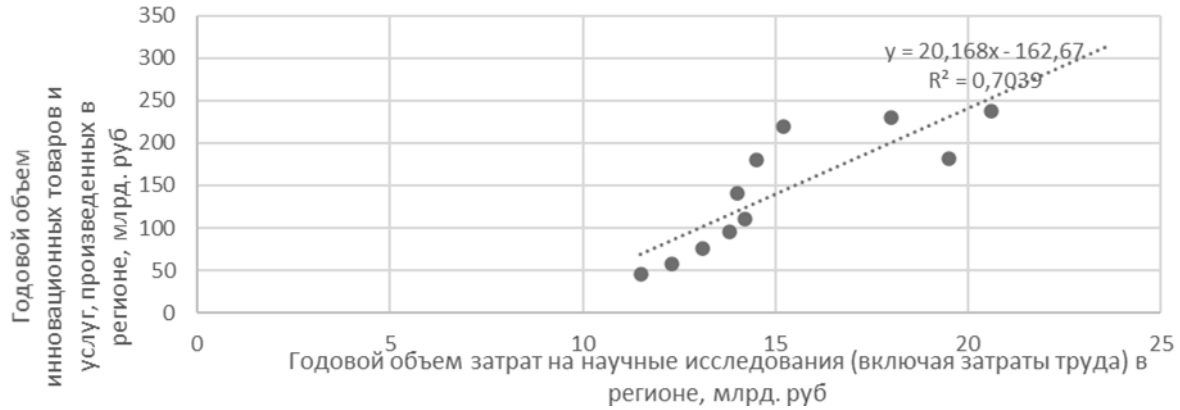

Рис. 1. Корреляционное поле и регрессионная зависимость по Ростовской области за последние десять лет с прогнозом на 2026-2028 гг.

Используя метод эконометрического прогнозирования [1], можно оценить предполагаемые объемы реализации инновационной продукции Ростовской области на ближайшие три года. Прогнозные значения объемов годовых затрат на научные исследования [3] рассчитаны по временному тренду, а годовой объем инновационных товаров и услуг, произведенных в регионе, – по регрессионной зависимости, приведенной выше. Результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1 – Прогнозные значения на 2026-2028 годы по Ростовской области

Год	2026 г.	2027 г.	2028 г.
Объем затрат на научные исследования, млрд. руб.	21,27	22,11	22,94
Объем реализации инновационной продукции, млрд. руб.	266,29	283,19	300,07

Как было отмечено, кроме уровня сформировавнности человеческого капитала, на эффективность управления региональными инновациями влияют и другие факторы. А именно: качество жизни населения, экологическая составляющая региональной политики и уровень развития образования и науки. Степень влияния этих факторов можно оценить,

используя эконометрические методы: корреляционную матрицу, оценку значимости коэффициентов в многофакторной модели и т.д., а также инструменты риск-менеджмента, разработанные Полшковым Ю.Н. [4].

Заключение. В исследовании анализируется роль человеческого капитала в повышении конкурентоспособности и инновативности региональной экономики и исследуются прикладные методы его формирования. Усовершенствован инструментарий прогнозирования рейтингов результативности управления инновациями в экономике региона, который использует методы финансово-экономической аналитики и эконометрики. Разработаны предложения по качественному повышению эффекта от управляющих воздействий на экономику промышленности с учётом оценивания степени сформированности регионального человеческого капитала. Следует отметить, что для успешной реализации полученных результатов требуются комплексные подходы, в том числе государственное регулирование, и активное взаимодействия между всеми участниками процесса. Все это создаст благоприятные условия для формирования высококвалифицированной рабочей силы, что будет способствовать развитию экономики Донецкой Народной Республики и др. воссоединенных регионов России.

Список литературы

1. Теоретико-методологические основы и прикладные аспекты математического моделирования экономической деятельности и процессов управления регионально-отраслевым развитием: монография / Ю.Н. Полшков, А.В. Половян, М.Ю. Терентьева и др.; под общей редакцией Ю.Н. Полшкова; ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2025. – 392 с.
2. Балтачеева, Н.А. Методологические подходы к управлению человеческим потенциалом в условиях нбестабильности экономики / Н.А. Балтачеева. // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VI Междунар. науч. конф. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – Том 5: Экономические науки. Часть 3. – С. 8-10.
3. Полшков, Ю.Н. Совершенствование инструментов региональной экономической политики: пространственная организация, осцилляционные процессы, задачи неоиндустриализации, приоритеты логистики / Ю.Н. Полшков, Т.В. Ибрагимхалилова, Ю.С. Воробьева // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2026. – № 2. – С. 162-176.
4. Полшков, Ю.Н. Теория и методология оценивания уровня рисков в региональной и отраслевой экономике / Ю.Н. Полшков // Вестник Сургутского государственного университета. – 2023. – Т. 11, № 2: Экономические науки. Юридические науки. – С. 61-71. – DOI: 10.35266/2312-3419-2023-2-61-71.
5. Полшков, Ю.Н. Оценка инновационного потенциала экономических и социально-трудовых систем в контексте формирования регионального человеческого капитала / Ю.Н. Полшков // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2021. – № 2. – С. 143-150.
6. Чажаев, М.И. Разработка механизма управления построением инновационного потенциала человеческого капитала в региональной экономической системе / М.И. Чажаев, Д.В. Петров // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 6. – С. 297-300.

УДК 331.5:378:004.8

ОБРАЗОВАНИЕ, АВТОМАТИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ПРОФЕССИЙ В РОССИИ

Петренко О.Е., канд. экон. наук, ORCID 0000-0000-0002-9717-6728
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, РФ
Petrenko-oe@ranepa.ru

Введение. Распространение искусственного интеллекта, программного обеспечения и робототехники меняет содержание труда и требования к подготовке специалистов. Исследование оценивает связь образования, профессионального статуса и пола работников с интенсивностью рутинных задач, а также описывает технологическую экспозицию тридцати инженерных и смежных технических профессий.

Теоретическую основу образуют теория человеческого капитала и задачный подход, который связывает автоматизацию с содержанием трудовых операций [1; 2]. Совместное применение индекса интенсивности рутинных задач и показателей экспозиции к трём технологиям раскрывает разные механизмы трансформации труда и роль высшего образования в освоении аналитических, творческих и управленческих функций.

Материалы и методы. Российская выборка PIAAC 2012 года охватывает 3 892 респондента: 1 345 мужчин и 2 547 женщины. RTI рассчитан по методике П. Левандовского и соавторов [2] как разность логарифмированного показателя рутинных когнитивных задач и среднего значения показателей аналитических и межличностных задач. Стандартизация по параметрам США обеспечивает сопоставимую шкалу: рост RTI отражает усиление рутинности.

Респонденты распределены по полу, образованию уровней ISCED 6–8 и профессиональным группам ISCO. Группы 1–2 включают руководителей и специалистов высшей квалификации, группы 3–9 – остальные профессии. Средние значения сопоставлены t-критерием, распределения по квартилям – критерием хи-квадрат.

Второй этап адаптирует подход М. Уэбба [3]. Корпус включает 100 патентов за период с 1 января 2023 года по 31 декабря 2025 года в областях искусственного интеллекта, программного обеспечения и робототехники. Совпадения пар «глагол – существительное» между патентами и описаниями задач из Единого квалификационного справочника агрегированы в стандартизированные показатели экспозиции тридцати профессий.

Основные результаты. Высшее образование связано с выполнением более сложных и менее рутинных задач. Для ISCO 1–2 максимальный RTI

составляет 0,80 у женщин и мужчин, для ISCO 3–9 — 1,49 у обладателей высшего образования и 1,50 у работников со средним уровнем подготовки. Средние значения во всех сопоставимых группах выше у женщин.

Таблица 1 – Средние значения RTI по полу, образованию и профессиональной группе
Источник: расчёты авторов по данным PIAAC 2012

Группа	Женщины	Мужчины	Статистический результат
ISCO 1–2, высшее образование	0,236	0,202	$t = 2,92$; $p < 0,001$
ISCO 3–9, высшее образование	0,440	0,415	$t = 1,71$; $p < 0,001$
ISCO 3–9, средний уровень подготовки	0,601	0,578	$t = 2,06$; $p < 0,001$

Для ISCO 3–9 распределение RTI связано с полом среди обладателей высшего образования ($\chi^2 = 8,84$; $df = 3$; $p = 0,031$) и работников со средним уровнем подготовки ($\chi^2 = 6,07$; $df = 2$; $p = 0,048$). Для ISCO 1–2 квартильные распределения имеют близкую структуру ($\chi^2 = 2,90$; $df = 3$; $p = 0,407$). Минимальный RTI у мужчин во всех группах равен −0,77. Среди женщин значение −0,77 достигается в группах с высшим образованием, а при среднем уровне подготовки минимум равен −0,61. Высшее образование расширяет доступ женщин к аналитическим и интерактивным задачам [4; 5].

Рабочие профессии с физическими операциями демонстрируют высокую экспозицию к робототехнике. Показатель составляет 1,77 у операторов шахтных транспортных машин, 1,76 у монтажников стальных конструкций и 1,55 у работников транспортного оборудования. Их экспозиция к искусственному интеллекту равна соответственно 0,28, 0,29 и 0,46.

Программная экспозиция достигает 0,99 у операторов прессового оборудования, 0,95 у работников измерения, контроля и учёта и 0,90 у операторов оборудования для нанесения покрытий. Морские архитекторы имеют экспозицию к искусственному интеллекту 1,34 и к робототехнике 0,17; у инженеров по материалам показатели равны 1,03 и 0,15. Результаты подтверждают разнообразие технологических профилей STEM-профессий [3; 6].

Три показателя отражают самостоятельные измерения технологической экспозиции. Высокое значение характеризует степень текстового соответствия профессиональных задач возможностям, представленным в патентах. Робототехника преимущественно связана с физическими и производственными операциями, программное обеспечение — с контролем и обработкой информации, искусственный интеллект – с

аналитическими, проектными и информационными задачами. Такой профиль описывает направление возможного изменения содержания труда.

Заключение. Высшее образование связано с меньшей интенсивностью рутинных задач и более широким доступом к аналитическим, творческим и управленческим функциям. Средние значения RTI у женщин превышают показатели мужчин во всех сопоставимых группах. Высшее образование расширяет доступ женщин к профессиям с аналитическими и интерактивными задачами.

Образовательные программы для профессий с высокой робототехнической экспозицией могут развивать управление системами и контроль процессов. Высокая программная экспозиция актуализирует анализ процессов, управление данными и цифровыми потоками. Высокая экспозиция к искусственному интеллекту усиливает значение аналитического мышления, проектирования, этической оценки и совместной работы человека с интеллектуальными системами.

Границы применимости задают данные PIAAC 2012 года, корпус из 100 патентов и тридцать профессий. Дальнейшие исследования могут расширить корпус, автоматизировать текстовый анализ и сопоставить экспозицию с занятостью, оплатой труда и профессиональной мобильностью.

Список литературы

1. Autor D. H., Levy F., Murnane R. J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // The Quarterly Journal of Economics. – 2003. – Vol. 118, no. 4. P. 1279–1333. DOI: 10.1162/003355303322552801.
2. Lewandowski P., Park A., Hardy W., Du Y., Wu S. Technology, Skills, and Globalization: Explaining International Differences in Routine and Nonroutine Work Using Survey Data // The World Bank Economic Review. – 2022. – Vol. 36, no. 3. – P. 687–708. DOI: 10.1093/wber/lhac005.
3. Webb M. The Impact of Artificial Intelligence on the Labor Market. Stanford University, 2020.
4. Petrenko O., Cadil J. Can Successful Female STEM Graduates Contribute to Narrowing the Gender Pay Gap in the EU? // European Journal of Education. – 2024. – Vol. 59, no. 2. DOI: 10.1111/ejed.12641.
5. Conde-Ruiz J. I., Fernandez J. J. G., García M., Lanzón C. V. AI and Digital Technology: Gender Gaps in Higher Education // CESifo Economic Studies. – 2024. DOI: 10.1093/cesifo/ifae020.
6. Albanesi S., Da Silva A. D., Jimeno J. F., Lamo A., Wabitsch A. New Technologies and Jobs in Europe // Economic Policy. – 2024. DOI: 10.1093/epolic/eiae058.
7. Seegers M., Zeyer-Gliozzo B. Evolving Work, Evolving Skills: How Different Forms of Further Training Are Used to Adapt to Technological Change Depending on Task Complexity // Journal of Education and Work. – 2025. – P. 1–21. DOI: 10.1080/13639080.2025.2562509.

УДК 004.415: [351.765: 636.09]

МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ЦЕНТРА ПЕРЕДЕРЖКИ ЖИВОТНЫХ С ЦИФРОВЫМ МОНИТОРИНГОМ

Полуянов В.П., д-р экон. наук, проф., ORCID 0000-0001-5550-0182,
Роговенко Д.Н.
ФГБОУ ВО «Технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный техническийо университет» в г. Азове, г. Азов, Ростовская обл., РФ
poluyanovvp@rambler.ru, rogovenko2002@vk.com

Введение. Развитие цифровых технологий способствует преобразованию традиционных форм организации услуг, связанных с содержанием и уходом за домашними животными. Центры передержки работают с большим объёмом разнородной информации, что при отсутствии специализированной информационной системы увеличивает вероятность ошибок, затрудняет контроль за животными и снижает оперативность взаимодействия с клиентами. Актуальность разработки мобильного приложения для центра передержки определяется необходимостью объединения в единой цифровой среде функций учёта, бронирования, сопровождения животных и дистанционного наблюдения.

Целью исследования является обоснование выбора архитектуры, инструментария и подходов к разработке соответствующего приложения. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: проанализирована предметная область, определены функциональные требования к системе, проанализированы существующие аналоги, выбран программный инструментарий, спроектирована архитектура приложения и структура базы данных, реализован пользовательский и административный интерфейсы.

Основная часть. Ранее в работах авторов и в соавторстве рассматривались специфические аспекты разработки приложений различной функциональной направленности [1 – 5]. Однако, цифровизация проникает во все сферы нашей деятельности, что делает актуальной подобные разработки во все более широком спектре особенностей предметной области.

Центр передержки животных выступает в роли учреждения, предоставляющего временное проживание и всестороннее обслуживание животных. Ключевыми субъектами взаимодействия здесь выступают хозяева домашних любимцев, персонал организации и руководители. Указанные участники осуществляют работу в системе, реализуя свои конкретные функции и обладая соответствующими правами. В перечень ключевых направлений деятельности центра входит оформление заявки на

запись, распределение питомцев по секторам проживания, медицинское наблюдение, расчет стоимости услуг и закрытие бронирования.

Выдающуюся роль играет видео наблюдение. Интеграция камер в информационную платформу позволяет осуществлять удаленный контроль за боксами, соотнести видеоизображение с определенным участком локации и обеспечить собственнику животного доступ к просмотру согласно условиям аренды.

Исследование конкурентных платформ выявило, что большинство действующих продуктов охватывает лишь узкие специализации. Полноценная интеграция клиентского обслуживания, мониторинга состояния питомцев, цифровых дневников ухода и систем видеоконтроля реализуется крайне редко.

Архитектура и технологические решения. Для реализации проекта использовалась среда .NET MAUI, позволяющая разрабатывать кроссплатформенные решения с единой кодовой базой. Применение языка C# и средств системы .NET дает возможность многократно использовать бизнес-логику, упрощает процесс поддержки разработки и открывает широкие возможности для расширения функциональности.

Архитектурная схема проекта базируется на паттерне MVVM. Носителями данных и алгоритмами доступа к хранилищам выступают модели. За отображение сведений и работу элементов интерфейса отвечает представление. Посредником между ними является ViewModel. Она принимает команды от пользователя, осуществляет валидацию данных, взаимодействует с моделью и отправляет обработанные результаты в интерфейс. Такой подход к разделению уменьшает взаимосвязь между компонентами и упрощает процесс тестирования программного продукта.

Интеграция облачного хранилища и синхронизация данных осуществляются посредством сервиса Firebase, который исключает необходимость разработки собственного серверного окружения, благодаря наличию встроенных механизмов аутентификации, взаимодействия с облачной системой управления базой данных, рассылки уведомлений и связки с клиентским приложением. Логика сохранения записей о пользователях, животных, бронированиях, беседах, отзывах также реализуются через функциональные возможности данной платформы.

Ключевым архитектурным нововведением стало внедрение SQLite в контексте методологии Offline-first. Подобная стратегия предполагает, что мобильное приложение функционирует не только при наличии сетевого доступа, но и обеспечивает локальную доступность основных данных в периоды временных перебоев связи. Все сведения, касательно питомцев, бронирований и текущих заявок, сохраняются на устройстве, а по возобновлению подключения происходит их синхронизация с облачным хранилищем. Такой подход укрепляет стабильность системы и уменьшает временные затраты на получение распространенных сведений.

Заключение. Итогом проведенных работ стало создание концепции и разработка программного обеспечения для центра временного содержания домашних животных, оснащенного системой цифрового видеонаблюдения. Данная программа позволяет осуществлять учет животных, управлять бронированиями, вести записи по уходу за питомцами, взаимодействовать с клиентами и контролировать видеотрансляции.

Результатом внедрения такого решения станет автоматизация процессов в центре передержки животных, обеспечение большей открытости предоставляемых услуг для владельцев питомцев. Главное преимущество данного программного решения перед изученными аналогами заключается во всесторонней интеграции внутренних систем управления с клиентским сервисом и системами видеонаблюдения.

Список литературы

1. Полуянов, В.П. Интеграция рекомендательных систем в корпоративные информационные системы / В.П. Полуянов, А.К. Мохна // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты. материалы XI Международной научно-практической конференции. – Горловка, 2026. – С. 200-204.
2. Полуянов В.П. Комплексная автоматизация процессов службы технической поддержки торгового центра / В.П. Полуянов, Д.Н. Роговенко // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты. материалы XI Международной научно-практической конференции. – Горловка, 2026. – С. 204-208.
3. Полуянов, В.П. Проектирование структуры БД корпоративной информационной системы для регистратуры коммерческой поликлиники / В.П. Полуянов, А.Ю. Чернышев // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты. Материалы IX Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Горловка, 2024. – С. 292-295.
4. Полуянов, В.П. Разработка приложения для оперативной аналитики учебного процесса в вузе / В.П. Полуянов, М.В. Панова // Научный вектор. Сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону, 2024. – С. 353-357.
5. Полуянов, В.П. Совершенствование инструментов цифровизации предприятий ЖКХ Ростовской области / В.П. Полуянов, Е.А. Агаев // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. материалы IX Международной научной конференции. – Донецк, 2024. – С. 232-234.

УДК 332.1:164:330.4

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ЛОГИСТИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ С ПОМОЩЬЮ ПРИКЛАДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Полшков Ю.Н., д-р экон. наук, доц., ORCID 0000-0003-2574-5925
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.polshkov@donnu.ru

Введение. Региональные логистические системы чаще всего представимы в виде совокупности элементов, которые отвечают за правильность движения в границах данной территории не только материальных потоков (сырья, товаров промежуточного и конечного потребления), но и сопутствующих (информации, финансовых средств и пр.). К логистической инфраструктуре относятся шоссейные и железные дороги, вокзалы, аэропорты, морские и речные порты вместе со складами, терминалами и распределительными центрами.

Этим сложным хозяйством нужно управлять так, чтобы потоки доходили вовремя, по назначению и в требуемых объёмах. Будучи заинтересованными сторонами в этих перемещениях, производитель, потребитель, дистрибьютор взаимодействуют с транспортно-логистическими компаниями, таможней, логистическими парками.

Анализ соответствующей научной литературы показал, что логистические системы играют роль ведущих факторов социально-экономического развития (Н. М. Абуев [1]), отвечая за связность территорий, оптимизацию перемещаемых ресурсов и бизнес-привлекательность регионов. Перечисленное укладывается в концептуальную схему исследовательских взглядов на место логистики в экономике современного региона (С. А. Кархова [2]). При этом логистика на своём уровне обладает стратегическим потенциалом и от цепей поставок в значительной мере зависит бизнес-модель конкретных предприятий (А. Н. Стерлигова [3]).

По нашему мнению, весомые результаты [1 – 3] и примыкающие к ним, нуждаются в прочной математической базе. Интуитивность решений необходимо подтверждать статистическими данными [4; 5] и численными выкладками, минимизирующими затраты, сокращающими время исполнения принятых решений и повышающими устойчивость региональных логистических систем.

Цель работы – совершенствование научно-практических положений в сфере управления региональными логистическими системами на основе использования прикладных инструментов экономико-математического моделирования.

Основные результаты. Построение адекватной модели разумно будет начать с оценки состояния элементов региональной логистической системы и уровней взаимодействия складов, транспортных компаний, поставщиков, потребителей и пр. участников производственно-сбытовых и др. процессов. В стандартных случаях рекомендуется использовать инструментарий линейного и целочисленного программирования для распределительных задач движения товаров со складов к местам назначения, оптимальной загрузки транспорта в цепях поставок [3].

Ситуация с региональной логистической системой Донецкой Народной Республики не является стандартной по причине продолжающихся военных действий на её территории, восстанавливаемой инфраструктуры и объёмов государственного финансирования задач снижения издержек, ускорения доставки грузов, сбалансирования запасов и т.п. В силу этих причин схемы поставок усложняются, что требует совершенствования линейных моделей минимизации транспортных расходов:

$$Z = \sum_{i=1}^{m}\sum_{j=1}^{n} c_{ij}x_{ij} \to \min, \tag{1}$$

$$\begin{cases} \sum_{j=1}^{n} x_{1j} = a_1,\ \sum_{j=1}^{n} x_{2j} = a_2, ..., \sum_{j=1}^{n} x_{mj} = a_m, \\ \sum_{i=1}^{m} x_{i1} = b_1,\ \sum_{i=1}^{m} x_{i2} = b_2, ..., \sum_{i=1}^{m} x_{in} = b_n, \end{cases} \tag{2}$$

$$x_{ij} \geq 0\ (i = \overline{1,m};\ j = \overline{1,n}). \tag{3}$$

С помощью транспортной задачи (1) – (3) товары попадают в распределительные центры региона, откуда поставляются конечным потребителям на тех же условиях минимизации возможных издержек:

$$W = \sum_{j=1}^{n}\sum_{k=1}^{p}(d_{jk} + l_{jk} \cdot y_{jk})y_{jk} \to \min, \tag{4}$$

$$\begin{cases} \sum_{k=1}^{p} y_{1k} = b_1,\ \sum_{k=1}^{p} y_{2k} = b_2, ..., \sum_{k=1}^{p} y_{nk} = b_n, \\ \sum_{j=1}^{n} y_{j1} = e_1,\ \sum_{j=1}^{n} y_{j2} = e_2, ..., \sum_{j=1}^{n} y_{jp} = e_p, \end{cases} \tag{5}$$

$$y_{jk} \geq 0\ (j = \overline{1,n};k = \overline{1,p}) \tag{6}$$

В отличие от (1) – (3) транспортная задача (4) – (6) является нелинейной, т.е. нестандартной, как и оговаривалось для региональной логистической системы Донецкой Народной Республики. Здесь приходится иметь дело с коэффициентом изменения расходов на хранение одной

единицы товара l_{jk}. При отгрузке больших объёмов y_{jk} товара стоимость хранения может снижаться, поэтому будем иметь коэффициент $l_{jk} < 0$. И наоборот, сортировка, первичная обработка, упаковка товара могут привести к росту совокупных издержек, т.е. к положительному значению коэффициента $l_{jk} > 0$.

Дальнейшие действия аналитиков логистических компаний состоят в решении транспортной задачи (1) – (3) симплекс-методом или одной из его разновидностей. После этого задачу (4) – (6) рекомендуется решить методом стохастических градиентов. Заметим также, что достаточно наличия приближённых решений, выполненных с помощью специализированных компьютерных программ.

Расчёты выполнены на базе исходных данных [4; 5] по объёмам грузопотоков, стоимости перевозок, характеристиках инфраструктуры. Для полноты анализа использованы модельные эксперименты со сменой значений параметров поведения региональной логистической системы.

Заключение. В работе осуществлена формализация математических основ управления региональными логистическими системами на примере Донецкой Народной Республики. Для оптимизации транспортных расходов в цепях поставок построены целевые функции с учётом ограничений по ресурсам, мощностям и временным окнам. Предложены методы решения транспортных задач, являющихся экономико-математическими моделями управляющих воздействий на логистику анализируемого региона.

Перспективы будущих исследований видятся в эконометрической оценке прогноза спроса с учётом сезонных колебаний на товары, входящие в потребительскую корзину населения Донецкой Народной Республики и активно участвующие в логистических процессах регионального уровня.

Список литературы

1. Абуев, Н. М. Логистическая инфраструктура как фактор регионального развития / Н. М. Абуев // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 157-170. – DOI 10.18334/epp.16.1.124498. – EDN BXLCMM.
2. Кархова, С. А. Обновление и развитие научной концепции экономической логистики в первой четверти XXI века / С. А. Кархова // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 6. – С. 2301-2316. – DOI 10.18334/ce.15.6.112215. – EDN GAIAGL.
3. Стерлигова, А. Н. Логистический контекст бизнес-модели предприятия / А. Н. Стерлигова // Логистика и управление цепями поставок. – 2015. – № 1 (66). – С. 24-34. – EDN TYNLEN.
4. Региональная статистика Российской Федерации. – Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики России. – URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения: 07.07.2026).
5. Официальная статистика Донецкой Народной Республики. – Текст: электронный // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Донецкой Народной Республике. – URL: https://80.rosstat.gov.ru/ofstatistics (дата обращения: 08.07.2026).

УДК 330.4:338.24:338.242.4

ПРИКЛАДНОЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ РИСКАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Полшков Ю.Н., д-р экон. наук, доц., ORCID 0000-0003-2574-5925,
Гарибов Г.Г.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.polshkov@donnu.ru, gari.garib@mail.ru

Введение. Построение прикладных математических моделей в сфере экономики предполагает чёткую формулировку задачи, решив которую необходимо интерпретировать полученные результаты для нужд практики. При этом используются достаточно тонкие инструменты, которые способны трансформировать реальную ситуацию риск-менеджмента в область возможных вычислений, на основе которых будут приняты управленческие решения применительно к государственным субъектам хозяйствования, что актуализирует избранную тему исследования.

Как показывает практика, начинать нужно с выделения ключевых факторов экономического риска. Для предприятий с государственной формой собственности их роль играют цены на первичное сырьё и материалы переработки, особенности нормативно-правовой базы, возможность льготного кредитования хозяйствующих субъектов, периодически возникающие сбои в производственно-сбытовых операциях и мн. др. (см., например работу А. В. Пелашенко [1] о рисках, имеющих место в управленческих процессах регионального уровня).

Формализовать подавляющее большинство взаимосвязей, а затем построить математическую модель далеко не просто. Трудозатраты моделирования могут показаться высокими. Однако при успехе польза от модели перевесит издержки. Перед исследователем откроются наиболее вероятные сценарии развивающихся событий с оценкой возможности их наступления и анализом масштаба последствий, о чём свидетельствует теоретико-прикладной аспект использования оптимизационных адаптивных моделей, которые описаны в статье И. А. Горчаковой, Л. А. Гладковой и О. А. Сухининой [2].

Задействованное моделирование решит мн. задачи. Наиболее важные из них располагаются в области идентификации рисков. Это чаще всего отражается в выявлении потенциальных и реальных угроз, качественная оценка которых теоретически обоснована Б. В. Бондаревым [3] с помощью вероятностных методов, применённых к случайным процессам.

Значимые результаты, полученные в исследованиях [1 – 3] и близкие к ним по содержанию, схематически очерчивают проблемную область,

выступаю в роли «научного трамплина». Нерешённых задач намного больше и касаются они оценки ущерба от экономических рисков, анализа чувствительности к изменениям параметров бизнес-процессов государственных предприятий. Сюда же следует отнести прогнозирование по возможным сценариям деятельности госкомпаний и оптимизацию управленческих решений с максимальной выгодой в заданных ограничениях экономических реалий регионов и отраслей.

Целью работы является развитие методологии прикладного математического моделирования процессов управления экономическими рисками государственных субъектов хозяйствования.

Основные результаты. Выбор математических методов и моделей зависит от доступности информации. Сама же стохастическая природа рисков склоняет к вероятностно-статическим инструментам исследования, а их бизнес-характер – к достижениям эконометрики (табл. 1).

Таблица 1 – Пространственные эконометрические модели управляющих воздействий на риски финансово-хозяйственной деятельности государственных субъектов хозяйствования (систематизировано авторами)

Математическая спецификация модели	Смысловая трактовка
$y = a + bx + \varepsilon$	Однофакторная модель линейного типа
$y = a_0 \cdot x_1^{a_1} \cdot x_2^{a_2}$	Двухфакторная мультипликативная модель показательного типа
$y = a + b_1 x_1 + b_2 x_2 + ... + b_m x_m + \varepsilon$	Многофакторная модель линейного типа
$y_x = a + b_1 \cdot x + b_2 \cdot z$	Модель с фиктивной переменной (числовым маркером)
$\begin{cases} y_1 = a_{11}x_1 + a_{12}x_2 + ... + a_{1n}x_n + \varepsilon_1, \\ y_2 = a_{21}x_1 + a_{22}x_2 + ... + a_{2n}x_n + \varepsilon_2, \\ ..... \\ y_m = a_{m1}x_1 + a_{m2}x_2 + ... + a_{mn}x_n + \varepsilon_m. \end{cases}$	Модель в виде системы независимых регрессионных уравнений линейного типа
$\begin{cases} Y_{t+1} = C_{t+1} + I_{t+1} + M_{t+1} + \varepsilon_{t+1}; \\ C_{t+1} = a + b \cdot Y_t + u_t; \\ I_{t+1} = I + r(Y_t - Y_{t-1}) + v_t; \\ M_{t+1} = p + q \cdot Y_t + w_t. \end{cases}$	Модель в виде взаимозависимых регрессионных уравнений и тождеств
$y_{it} = \sum_{j=1}^{n} \alpha_i z_{ij} + x'_{it}\beta + \varepsilon_{it}$	Модель панельных данных

Помимо математических конструкций из табл. 1 при моделировании риск-менеджмента госпредприятий используются уравнения экономической динамики, зависящие от параметра времени (табл. 2).

Таблица 2 – Элементы прикладного эконометрического моделирования временных рядов применительно к управлению рисками финансово-хозяйственной деятельности государственных субъектов хозяйствования (систематизировано авторами)

Математическая спецификация выражения	Прикладное назначение формулы
$y = f(t)$	Уравнение экономической динамики
$y_t = T + S + E$	Аддитивная модель временного ряда экономических данных
$r_1 = \frac{\sum_{t=2}^{n}(y_t - \bar{y}_1)(y_{t-1} - \bar{y}_2)}{\sqrt{\sum_{t=2}^{n}(y_t - \bar{y}_1)^2 \sum_{t=2}^{n}(y_{t-1} - \bar{y}_2)^2}}$	Коэффициент автокорреляции первого порядка
$T = 3{,}958 \cdot t^2 - 70{,}936 \cdot t + 1575{,}2$	Пример трендовой модели параболического типа
$y_t = T \cdot S \cdot E$	Мультипликативная модель временного ряда экономических данных
$F_{t+1} = \alpha y_t + (1-\alpha)F_t$	Модель экспоненциального сглаживания экономических данных
$\frac{1}{n}\sum_{t=1}^{n}(\varepsilon_t)^2$	Среднее арифметическое квадратов отклонений прогноза от факта

Заметим, что информация, приведённая в табл. 1 и табл. 2 может быть дополнена обширным аппаратом эконометрического моделирования.

Заключение. Предложен обзор прикладных эконометрических моделей риск-менеджмента государственных субъектов хозяйствования, применяемых для прогнозирования показателей их финансово-хозяйственной деятельности. Перспективы дальнейшей работы состоят в оптимизации стратегий принятия управленческих решений с учётом экономических рисков госкомпаний Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Пелашенко, А. В. Пространственная кластеризация с учётом рисков в системе управления экономикой региона с особым статусом / А. В. Пелашенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2017. – № 3. – С. 94-98. – EDN YSIYIP.
2. Горчакова, И. А. Оптимизационные адаптивные модели: теоретико-прикладные аспекты / И. А. Горчакова, Л. А. Гладкова, О. А. Сухинина // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2026. – № 1. – С. 39-47. – DOI 10.5281/zenodo.20432891. – EDN QXIFEH.
3. Бондарев, Б. В. О неравенстве Колмогорова-Гаека-Реньи для нормированных интегралов от процессов со слабой зависимостью / Б. В. Бондарев // Теория вероятностей и её применения. – 1997. – Т. 42, № 2. – С. 225-238.

УДК 338.24.01

КООРДИНАЦИЯ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ В СИСТЕМЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЁТОВ

Рузимурадов Ш.Х., PhD по экон. наукам, ORCID 0009-0006-5991-2225
Центральный банк Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан
ruzimuradov@cbu.uz

Введение. В современных условиях стремление хозяйствующих субъектов к повышению доходности обусловливает перераспределение денежных потоков в пользу отраслей с более высокой экономической отдачей. В результате, движение денежных средств между отраслями может приобретать неравномерный характер, что влияет на сбалансированность экономических процессов и устойчивость экономического развития.

В этой связи важно исследовать пропорциональность распределения денежных потоков между отраслями экономики.

Целью настоящего исследования является анализ безналичных расчётов между хозяйствующими субъектами с применением экономико-математических методов и разработка механизмов оценки рациональных пропорций распределения денежных средств между отраслями экономики.

Основная часть. Невзирая на достижения экономической науки и внушительный объём научных исследований, вопрос комплексной оценки рационального распределения денежных средств между отраслями экономики посредством безналичных расчётов остаётся недостаточно разработанным. В частности, требует дальнейшего развития методологических основ, позволяющих учитывать объём, направление и структуру денежных потоков между хозяйствующими субъектами.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена происходящими структурными изменениями в экономике, расширением безналичного денежного оборота между субъектами хозяйственной деятельности. Как отмечает Диана Койл: «*Экономика 2020-х годов сильно отличается от экономики середины XX века, когда была впервые разработана большая часть стандартного инструментария, который экономисты используют до сих пор... Но пока нет версии XXI века для сводной картины того, как работает экономика в целом»* [1].

Это обусловливает необходимость совершенствования методов исследования движения денежных средств и межотраслевых взаимосвязей, а также рационального распределения финансовых ресурсов. Как отмечает Дж. К. Ван Хорн: «... *неправильное распределение средств тормозит её развитие. В эпоху неудовлетворённых экономических потребностей и дефицита это может нанести ущерб обществу. Эффективное*

распределение ресурсов жизненно важно для оптимального развития экономики...» [1; 2].

На основе разработанного подхода данные о безналичных расчётах между хозяйствующими субъектами представлены в виде матрицы.

Таблица 1 – Данные о безналичных расчётах, осуществлённых между хозяйствующими субъектами

Хозяйствующие субъекты	B_1	B_2	B_3	…	B_j	…	B_f	…	B_n
A_1	S_{11}	U_{12}	S_{13}	…	U_{1j}	…	S_{1f}	…	U_{1n}
A_2	S_{21}	U_{22}	S_{23}	…	U_{2j}	…	S_{2f}	…	S_{2n}
A_3	U_{31}	S_{32}	U_{33}	…	S_{3j}	…	U_{3f}	…	S_{3n}
:	:	:	:	:	:	:	:	:	:
A_i	S_{i1}	U_{i2}	S_{i3}	…	U_{ij}	…	S_{if}	…	U_{in}
:	:	:	:	:	:	:	:	:	:
A_p	U_{p1}	S_{p2}	U_{p3}	…	S_{pj}	…	U_{pf}	…	S_{pn}
:	:	:	:	:	:	:	:	:	:
A_m	S_{m1}	U_{m2}	S_{m3}	…	U_{mj}	…	S_{mf}	…	U_{mn}

Источник: собственная разработка автора.

При этом:

$A_{(p)}, B_{(f)}$ соответствующие реквизиты пары участников осуществлённых безналичных расчётов;

S_{pf} сумма, уплаченная хозяйствующим субъектом $B_{(f)}$ хозяйствующему субъекту $A_{(p)}$;

U_{pf} сумма, уплаченная хозяйствующим субъектом $A_{(p)}$ хозяйствующему субъекту $B_{(f)}$.

Используя данные таблицы 1, предлагается рассчитывать следующие показатели, характеризующие безналичные расчёты между хозяйствующими субъектами:

1. Общий объем денежных средств, уплаченных хозяйствующими субъектами $A_{(p)}$ ($p=1, m$):

$$F_{(Y)}=\sum_{p=1}^{m}\sum_{f=1}^{n} U_{pf} \qquad U_{pf}<0 \qquad (1)$$

2. Общий объем денежных средств, поступивших хозяйствующим субъектам $A_{(p)}$ ($p=1, m$):

$$F_{(V)}=\sum_{p=1}^{m}\sum_{f=1}^{n} S_{pf} \qquad S_{pf}>0 \qquad (2)$$

3. Общий объем безналичных расчётов хозяйствующих субъектов $A_{(p)}$ ($p=1, m$) :

$$F_{(N)}=\sum_{p=1}^{m}\sum_{f=1}^{n} |U_{pf}|+\sum_{p=1}^{m}\sum_{f=1}^{n} |S_{pf}| \qquad |U_{pf}|, |S_{pf}|>0 \qquad (3)$$

… и другие разные показатели, представляющие интерес.

Используя данные, представленные в таблице 1, формируются следующие эконометрические модели, характеризующие безналичные расчёты между хозяйствующими субъектами:

а) по безналичным расчётам хозяйствующего субъекта $A_{(p)}$:

$$N(A_p)=U_{p1}+S_{p2}+U_{p3}+\ldots+S_{pj}+U_{pj}+\ldots+U_{pf}+\ldots+S_{pn} \quad (4)$$

б) по безналичным расчётам хозяйствующего субъекта $B_{(f)}$:

$$N(B_f)=S_{1f}+S_{2f}+U_{3f}+\ldots+S_{if}+U_{if}+\ldots+U_{pf}+\ldots+S_{mf} \quad (5)$$

… и другие эконометрические модели, представляющие интерес.

Кроме того, данные таблицы 1 позволяют анализировать безналичные расчеты по различным направлениям.

Важно учитывать, что каждый хозяйствующий субъект осуществляет основную деятельность в конкретной отрасли экономики, что позволяет группировать их по отраслевому признаку. Таким образом, по каждой отрасли можно учитывать и сопоставлять объёмы безналичных расчетов.

Заключение. Основываясь на вышеизложенном, можно утверждать, что на основе разработанных правил, базирующихся на экономико-математических методах, становится возможным:

рассчитывать совокупность аналитических показателей, характеризующих объём, направление, интенсивность и структуру безналичных расчётов между хозяйствующими субъектами;

формировать эконометрические модели, отражающие последовательность и характер взаимосвязей, возникающих между участниками безналичных расчётов в процессе осуществления платежей;

использовать полученные аналитические показатели и эконометрические модели для выявления и количественной оценки существующих диспропорций в движении денежных средств между регионами и отраслями экономики;

создавать теоретико-методологическую основу для разработки механизмов рационального распределения денежных средств между регионами и отраслями экономики.

В связи с этим возрастает значимость дальнейшего развития экономической теории и совершенствования её методологического инструментария, а также разработки новых научно обоснованных экономических механизмов регулирования денежных потоков между отраслями экономики.

Список литературы

1. Fundamental economic changes require a departure from simplistic economics. – Текст: электронный. – URL: https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/03/Symposium-Renewing-economics-Diane-Coyle.
2. Вон Хорн, Дж. К. Основы управления финансами: Пер. с анг./гл. ред. серии Я.В. Сомолов. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 800 с.

УДК 517.444+330.4

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ В ЗАДАЧАХ ПРИКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Сероштанова К.В., ORCID: 0009-0000-5926-3671
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
timofeeva_karina00@mail.ru

Введение. Современная прикладная экономика всё чаще сталкивается с необходимостью моделирования сложных, многомерных и неоднородных структур (см., например, статью Ю. Н. Полшкова [1]). В таких условиях традиционные подходы, опирающиеся на точечные оценки экономических показатели и локальные зависимости хозяйственных факторов друг от друга, нередко оказываются недостаточными для учёта интегральных эффектов и пространственной неоднородности данных.

Интегральная геометрия, традиционно ассоциируемая с решением задач геометрического характера, обладает значительным методологическим потенциалом для экономико-математического анализа. Её инструментарий позволяет формализовать и количественно оценить характеристики бизнес-множеств через интегральные представления.

В качестве одного из ключевых математических инструментов, обеспечивающих требуемую строгость и универсальность, используется аппарат, связанный с классической проблемой Помпейю (названа в честь румынского математика Д. Помпейю) и её локальными аналогами. Преобразование Помпейю $\mathcal{P}_{\mathcal{F},\mathcal{U}}$ позволяет формализовать задачу восстановления интегральных характеристик множества по его проекциям, в том числе восстановить обратную связь бизнес-процессов. В работе приводится обзор результатов, посвящённых классической проблеме Помпейю и задачам об инъективности преобразования Помпейю $\mathcal{P}_{\mathcal{F},\mathcal{U}}$.

Основная часть. Пусть $\mathbb{R}^n$ – вещественное евклидово пространство размерности $n \geq 2$ со скалярным произведением $(\cdot,\cdot)$ и евклидовой нормой $|\cdot|$, $M(n)$ – группа движений $\mathbb{R}^n$, A – ограниченное подмножество в $\mathbb{R}^n$ с положительной лебеговой мерой. Далее, как обычно, $\overline{A}$ – замыкание A в $\mathbb{R}^n$ и ∂A – граница A в $\mathbb{R}^n$. Для каждого $\lambda \in M(n)$ положим $\lambda A = \{x \in \mathbb{R}^n : \lambda^{-1}x \in A\}$. Говорят, что множество A имеет свойство Помпейю (сокращенно $A \in \mathrm{Pomp}(\mathbb{R}^n)$), если всякая локально суммируемая функция $f : \mathbb{R}^n \to \mathbb{C}$, для которой

$$\int_{\lambda A} f(x)dx = 0$$

при всех $\lambda \in M(n)$, равна нулю почти всюду в $\mathbb{R}^n$. Такое множество A называют также множеством Помпейю.

Проблема Помпейю, в её первоначальной форме, состоит в следующем: при каких условиях множество A принадлежит $\mathrm{Pomp}(\mathbb{R}^n)$? Как показали L. Zalcman [2; 3] и В. В. Волчков [4; 5], эта задача допускает различные обобщения и модификации. Одним из основных объектов изучения в современной интегральной геометрии является преобразование Помпейю, которое определяется следующим образом.

Пусть $\mathcal{F} = \{T_i\}_{i=1}^s$ – заданное семейство распределений с компактными носителями в $\mathbb{R}^n$. Для $g \in M(n)$ обозначим через gT_i распределение, действующее на $C^\infty(\mathbb{R}^n)$ по правилу $\langle gT_i, f\rangle = \langle T_i, f \circ g^{-1}\rangle, \quad f \in C^\infty(\mathbb{R}^n)$. Для любого открытого множества $\mathcal{U} \subset \mathbb{R}^n$, такого что каждое из множеств вида

$$\Lambda(\mathcal{U}, T_i) = \{g \in M(n) : \operatorname{supp} gT_i \subset \mathcal{U}\}, \quad i = 1, \ldots, s,$$

непусто, рассмотрим преобразование $\mathcal{P}_{\mathcal{F},\mathcal{U}}$, отображающее $C^\infty(\mathcal{U})$ в декартово произведение $C^\infty(\Lambda(\mathcal{U}, T_1)) \times \ldots \times C^\infty(\Lambda(\mathcal{U}, T_s))$ следующим образом: $\mathcal{P}_{\mathcal{F},\mathcal{U}} f = (f_1, \ldots, f_s), \quad f \in C^\infty(\mathcal{U}),$ где $f_i(g) = \langle gT_i, f\rangle$, $g \in \Lambda(\mathcal{U}, T_i), \quad i = 1, \ldots, s$. Преобразование $\mathcal{P}_{\mathcal{F},\mathcal{U}}$ называется преобразованием Помпейю, связанным с семейством $\mathcal{F}$ и множеством $\mathcal{U}$.

Пусть $\mathbb{S}^{n-1}$ – единичная сфера в $\mathbb{R}^n$ с центром в нуле, $\mathcal{D}'(\mathbb{S}^{n-1})$ – пространство распределений на $\mathbb{S}^{n-1}$, $\mathcal{E}'(\mathbb{R}^n)$ – пространство распределений с компактным носителем в $\mathbb{R}^n$. Всякое распределение $\varphi \in \mathcal{D}'(\mathbb{S}^{n-1})$ продолжается до распределения $\varphi^* \in \mathcal{E}'(\mathbb{R}^n)$ с носителем на $\mathbb{S}^{n-1}$, при этом $\langle \varphi^*, f\rangle = \langle \varphi, f|_{\mathbb{S}^{n-1}}\rangle$ для любой $f \in \mathcal{E}(\mathbb{R}^n)$, где $f|_{\mathbb{S}^{n-1}}$ – сужение f на $\mathbb{S}^{n-1}$. Для любого $\psi \in \mathcal{E}'(\mathbb{R}^n)$ обозначим через I_ψ совокупность всех открытых множеств $\mathcal{U} \subset \mathbb{R}^n$, для которых преобразование $\mathcal{P}_{\psi,\mathcal{U}}$ инъективно. Если $\varphi \in \mathcal{D}'(\mathbb{S}^{n-1})$, то положим $I_\varphi = I_\psi$, где $\psi = \varphi^*$. Пусть также $\{Y_l^{(k)}\}$, $1 \le l \le a_k$ – фиксированный ортонормированный базис в пространстве $\mathcal{H}_k$ сферических гармоник степени k на $\mathbb{S}^{n-1}$. Каждому распределению $\varphi \in \mathcal{D}'(\mathbb{S}^{n-1})$ соответствует ряд Фурье $\varphi \sim \sum_{k=0}^{\infty} \sum_{l=1}^{a_k} \varphi_{kl} Y_l^{(k)}$, где $\varphi_{kl} = \langle \varphi, \overline{Y_l^{(k)}}\rangle$. Обозначим через $\operatorname{spec}\varphi$ спектр распределения φ, т.е. множество всех пар индексов (k,l), для которых $\varphi_{kl} \neq 0$.

Пусть $\mathfrak{M}$ – совокупность всех открытых множеств $G \subset \mathbb{R}^n$, обладающих следующим свойством: $G \in \mathfrak{M}$ тогда и только тогда, когда

всякое непустое открытое подмножество G имеет непустое пересечение с некоторой сферой единичного радиуса, содержащейся в G. Основным результатом в этом направлении является следующая теорема (см. [5]).

Теорема 1. *Пусть* $n \geq 3$ *и* $\varphi \in \mathcal{D}'(\mathbb{S}^{n-1})$. *Тогда имеют место следующие утверждения:*

1. $I_\varphi = \mathfrak{M}$ *тогда и только тогда, когда* $\operatorname{supp}\varphi = \mathbb{S}^{n-1}$ *и* $\operatorname{spec}\varphi$ *– бесконечное множество, содержащее пару* $(0,1)$*;*

2. $I_\varphi = \varnothing$ *тогда и только тогда, когда либо* $\operatorname{spec}\varphi$ *состоит только из пары* $(0,1)$*, либо* $(0,1) \notin \operatorname{spec}\varphi$*;*

3. $I_\varphi \subset \mathfrak{M}$*, но* $I_\varphi \neq \mathfrak{M}$ *тогда и только тогда, когда либо* $\operatorname{spec}\varphi$ *конечен (или пуст), либо* $(0,1) \notin \operatorname{spec}\varphi$*;*

4. $\mathfrak{M} \subset I_\varphi$*, но* $I_\varphi \neq \mathfrak{M}$ *тогда и только тогда, когда* $\operatorname{supp}\varphi \neq \mathbb{S}^{n-1}$ *и* $(0,1) \in \operatorname{spec}\varphi$.

Заключение. Перспективность дальнейших исследований, связанных с проблемой Помпейю и условиями инъективности соответствующих преобразований, обусловлена тем, что такие условия гарантируют однозначность восстановления интегральных характеристик (например, объёмов спроса или плотности распределения ресурсов) по наблюдаемым экономическим данным, исключая неоднозначные интерпретации и повышая надёжность прогнозных моделей.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации FRRE-2026-0015).*

Список литературы

1. Полшков, Ю. Н. Управление процессами региональной экономики на основе прикладного стохастического моделирования: промышленное развитие, ресурсообеспечение, эффективность человеческого капитала / Ю. Н. Полшков // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2025. – № 1. – С. 76-86. – DOI: 10.5281/zenodo.15741572. – EDN: YPMINB.
2. Zalcman, L. A bibliographic survey of the Pompeiu problem / L. Zalcman //Approximation by Solutions of Partial Differential Equations (Hanstholm, 1991). – Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 1992. – NATO Adv. Sci. Inst. Ser. C Math. Phys. Sci.; Vol. 365. – P. 185–194.
3. Zalcman, L. Supplementary bibliography to: "A bibliographic survey of the Pompeiu problem"/ L. Zalcman // Radon Transforms and Tomography (South Hadley, MA, 2000). – Providence, RI: Amer. Math. Soc., 2001. – ContemP. Math.; Vol. 278. – P. 69–74.
4. Volchkov, V. V. Integral geometry and convolution equations, Kluwer Acad. Publ., Dordrecht, 2003, 454 pp.
5. Волчков, В. В. О множествах инъективности преобразования Помпейю / В. В. Волчков // Математический сборник. – 1999. – Т. 190. – № 11. – С. 51–66.

УДК 330.4

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

Скалецкий М.А., ORCID 0009-0007-1135-2254
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Рыбница, Приднестровская Молдавская Республика
max_box_only@mail.ru

Введение. Сокращение времени выполнения операций после цифровизации ещё не означает снижения затрат предприятия. При прежних выплатах сотрудникам затраты на оплату труда не снижаются.

Цель работы – разработать модель дополнительных денежных потоков, которая учитывает освоение системы и показывает, когда сокращение трудозатрат даёт финансовый результат.

Основная часть. Модель сопоставляет потоки «с проектом» и «без проекта» за один и тот же период. Основы дисконтирования и отличия финансового анализа от многокритериального рассмотрены в [1]. Учёт затрат на протяжении всего жизненного цикла описан в [2], а согласование потоков со ставкой, оборотный капитал и амортизация – в [3]. В работе эти принципы дополнены раздельным учётом освоения системы и использования сэкономленного времени.

Покажем расчёт на примере повторяющихся внутренних заявок. В базовом варианте сохраняется действующий порядок работы, после внедрения цифровой системы распределение заявок и подготовка данных для принятия решений автоматизируются. Оба варианта предполагают одинаковый годовой объём N_t; изменение спроса, если оно связано с проектом, оценивается отдельно. Если время на заявку сокращается на Δh_t часов, то при полном освоении система ежегодно высвобождает $H_t = N_t \Delta h_t$ часов. При расчёте Δh_t уже вычтено дополнительное время на проверку результата.

Денежный результат в расчёте на час обозначим через v_t. Коэффициент $k_t \in [0; 1]$ показывает, какая доля сэкономленного времени обеспечивает этот результат, а $a_t \in [0; 1]$ – степень освоения системы. Значение k_t обосновывают сокращением оплачиваемых сверхурочных, экономией на запланированном дополнительном найме или ростом выпуска продукции при наличии спроса. В последнем случае v_t – положительная маржа за час работы ресурса, ограничивающего выпуск; экономию зарплаты за эти часы дополнительно не прибавляют. Без такого обоснования принимается $k_t = 0$.

Обозначим через E_t денежную выгоду от уменьшения ошибок при полном освоении, не включённую в трудовой эффект; O_t – дополнительные текущие расходы; K_t – вложения после запуска; W_t – разницу чистого оборотного капитала проектного и базового вариантов; ΔW_t – её изменение за период; Tax_t – прирост налоговых платежей. Дополнительный денежный поток за период рассчитываем по формуле (1):

$$\Delta CF_t = a_t(k_t H_t v_t + E_t) - O_t - K_t - \Delta W_t - Tax_t \quad (1)$$

В O_t входят дополнительные платежи за лицензии, инфраструктуру и сопровождение. Затраты на проверку включают сюда за вычетом той части, которая уже учтена через Δh_t. Для экономии времени и сокращения числа ошибок принят общий коэффициент освоения a_t. Если эти эффекты нарастают с разной скоростью, нужны отдельные коэффициенты. Амортизация не сопровождается выплатой денег, поэтому учитывают лишь её влияние на налоги Tax_t. Уже понесённые затраты, которые нельзя вернуть, в будущие потоки не включают.

Начальные расходы I_0 учитываем в момент t = 0, включая изменение оборотного капитала к запуску проекта. Потоки следующих лет относим к концу каждого года. Для периода расчёта T и постоянной ставки дисконтирования r чистую приведённую стоимость NPV определяем по формуле (2):

$$NPV = -I_0 + \sum_{t=1}^{T} \frac{\Delta CF_t}{(1+r)^t} \quad (2)$$

Остаточную стоимость, если она предусмотрена, добавляют к потоку последнего года. Возврат оборотного капитала учитывается через ΔW_t, поэтому отдельно его не прибавляют. Все суммы выражают в одной валюте. Для потоков в постоянных ценах используют реальную ставку дисконтирования, а с учётом инфляции – номинальную [3]. При NPV > 0 проект финансово выгоден в рамках расчётных предпосылок. Решение о внедрении также зависит от бюджета и организации работ.

Рассмотрим условный пример при T = 4 года, реальной ставке r = 10 % и постоянных ценах. Все суммы выражены в тыс. условных денежных единиц. Начальные расходы I_0 = 800 складываются из настройки системы (300), интеграции (200), подготовки данных (100), обучения и изменения процесса (200). Для N = 10 000 заявок в год, Δh = 0,2 ч и v = 0,4 тыс. усл. ден. ед./ч получаем H = 2000 ч и Hv = 800. Приняты E = 120 и O = 200 в год. Прирост налогов, изменение оборотного капитала, последующие вложения и остаточная стоимость равны нулю; для реального проекта их рассчитывают отдельно.

Освоение по годам задано как a_t = 0,5; 0,8; 1; 1. Между сценариями меняется только k; внутри каждого он постоянен. Предполагается, что сэкономленное время позволяет снизить будущие выплаты за труд, а E отражает сокращение прямых потерь от ошибок. Результаты расчёта приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Условные годовые потоки и NPV

Сценарий (k)	Год 1	Год 2	Год 3	Год 4	NPV
Неблагоприятный (0,3)	−20	88	160	160	−515,96
Базовый (0,6)	100	280	400	400	96,05
Благоприятный (0,9)	220	472	640	640	708,05

В таблице представлены расчеты по формулам (1)–(2); суммы – тыс. условных денежных единиц. Например, поток первого года базового сценария равен $0{,}5 \times (0{,}6 \times 800 + 120) - 200 = 100$. Вероятности сценариев не заданы: сравниваются последствия разных предпосылок, а не строится статистический прогноз. Простой срок окупаемости базового сценария – 3,05 года при равномерных поступлениях в четвёртом году. При учёте потоков на конец года затраты окупаются в конце четвёртого года.

При заданных значениях остальных параметров условию NPV = 0 соответствует $k \approx 0{,}55292$. Если доля сэкономленного времени, приносящая финансовый результат, выше этого порога, NPV положительна; если ниже – NPV отрицательна. При изменении расходов на проверку, темпов освоения системы или ставки дисконтирования порог нужно пересчитать.

Заключение. Одинаковая экономия времени может дать разный финансовый результат: он зависит от доли высвободившихся часов, приносящих денежную выгоду. В модели объём заявок одинаков в обоих вариантах, а выгоды линейно зависят от степени освоения системы. В условном примере налоги не учитываются. Для применения модели на предприятии нужно измерить время выполнения операций до и после внедрения, обосновать расходы на внедрение и сопровождение, оценить потери от ошибок и определить, как будет использовано сэкономленное рабочее время.

Список литературы

1. Multi-criteria analysis: a manual / Department for Communities and Local Government. – London : Department for Communities and Local Government, 2009. – ISBN 978-1-4098-1023-0. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/multi-criteria-analysis-manual-for-making-government-policy (дата обращения: 01.10.2026).
2. Cost Estimating and Assessment Guide: Best Practices for Developing and Managing Program Costs / U.S. Government Accountability Office. – Washington, DC : U.S. Government Accountability Office, 2020. – GAO-20-195G. – URL: https://www.gao.gov/products/gao-20-195g (дата обращения: 28.09.2026).
3. Damodaran A. Discussion Issues and Derivations: Chapter 5 / A. Damodaran // Applied Corporate Finance: A User's Manual : accompanying materials. – URL: https://pages.stern.nyu.edu/~adamodar/New_Home_Page/AppldCF/derivn/ch5deriv.html (дата обращения: 22.09.2026).

УДК 658.15

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ ПОТОКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: МЕТОДЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ

***Сухинина О.А.*[1],** ORCID 0009-0004-8613-8445,
***Скидан Ю.В.*[2],** ORCID 0000-0002-1001-9675
[1]ФГБОУ ВО «Донбасский государственный технический университет»,
г. Алчевск, ЛНР, РФ
[2]«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный
строительный университет», г. Макеевка, ДНР, РФ
soa-72@yandex.ru, yu.v.sukhinina@donnasa.ru

Введение. В современных условиях хозяйствования государственные предприятия сталкиваются с необходимостью оптимизации управления бюджетными потоками и затратами при сохранении высокого качества предоставляемых услуг. Традиционные методы бюджетного планирования зачастую не учитывают вероятностный характер финансовых процессов, что приводит к значительным отклонениям фактических показателей от плановых и снижает эффективность использования бюджетных средств [1].

Математическое моделирование бюджетных потоков включает создание аналитических моделей, описывающих структуру затрат, временные интервалов и взаимосвязи между элементами бюджета. Это позволяет прогнозировать и оптимизировать денежные потоки на основе данных о производственных и хозяйственных процессах [3].

Цель работы – разработка и обоснование комплекса методов математического моделирования бюджетных потоков государственного предприятия для повышения эффективности планирования, контроля затрат и управления финансовыми рисками.

Основная часть. Математическое моделирование бюджетных потоков включает следующие основные компоненты:

1. Модель анализа финансового состояния и исполнения бюджета.

Включает трендовый, вертикальный и коэффициентный анализ исполнения плана финансово-хозяйственной деятельности. При этом исследуются динамика доходов и расходов, структура финансирования, отклонения от плановых показателей по отдельным статьям бюджета. Важен факторный анализ для выявления причин отклонений и влияние каждого элемента бюджета.

2. Прогностическая модель с учетом неопределенности и рисков.

Использует статистические методы (например, Монте-Карло) для моделирования возможных сценариев исполнения бюджета с учетом вариабельности доходов и расходов. Позволяет определить вероятностные

границы возможных исходов и планировать с учетом инвестиционных и финансовых рисков.

Например, вероятностное распределение доходов $R \sim N(\mu, \sigma^2)$ с расчетом Value at Risk (VaR) и Conditional Value at Risk (CVaR или CFaR), которые учитывают средний убыток при худших сценариях.

Формула оценки инвестиционного риска с учетом времени и стабильности экономики:

$$R=R^{б}+F-A, \quad (1)$$

где $R^{б}$– базовый риск, F – функция, учитывающая воздействие временного фактора, A – коэффициент стабильности экономики.

3. *Модель оптимизации бюджетных решений.*

Содержит математические алгоритмы (динамическое программирование, методы Лагранжа) для выбора оптимальной структуры затрат и инвестиций при ограничениях по ресурсам и целях эффективности. Позволяет минимизировать затраты или максимизировать экономический эффект.

4. *Информационно-техническая модель.*

Обеспечивает интеграцию данных финансового учета, планирования и контроля с программным обеспечением для моделирования и аналитики (например, Crystal Ball). Применение АВС-метода облегчает распределение затрат по ключевым объектам, что помогает выявить неэффективные статьи расходов и оптимизировать их. Основные аспекты АВС-метода:

1. Выявляются виды деятельности (операций), которые требуют затрат (например, контроль качества, перемещение, заказ товаров, хранение).

2. Для каждой деятельности определяются факторы, формирующие затраты, например, количество часов работы, число заказов или объем складируемых товаров.

3. Общие ресурсы распределяются на активности пропорционально драйверам затрат. Затем стоимость каждой активности переносится на конечные продукты или услуги пропорционально их потреблению этих активностей [1; 2].

Внедрение математического моделирования бюджетных потоков на государственном предприятии можно осуществлять следующими основными способами:

1. Создание централизованной системы сбора и обработки финансовой информации, интегрированной с существующими учетными и плановыми системами

2. Разработка и адаптация экономико-математических моделей, учитывающих особенности госучреждений: нормативы бюджетирования,

статьи доходов и расходов, специфические временные циклы и ограничения.

3. Использование специализированного программного обеспечения для проведения расчетов, сценарного анализа и оценки рисков.

4. Обучение управленческого и финансового персонала работе с моделями и инструментами.

5. Построение системы контроля и обратной связи для корректировки моделей на основе фактических данных и изменений внешней среды.

Однако российская практика внедрения сталкивается с рядом трудностей: 1) недостаточная автоматизация и нормативная база, ограничивающая возможности комплексного моделирования; 2) сложности с качеством и полнотой исходных данных, что снижает точность моделей; 3) сопротивление изменениям у персонала и ограниченный уровень цифровых компетенций; 4) ограниченный бюджет на внедрение современных IT-решений и поддержки процессов; 5) не всегда четко сформулированные цели и задачи моделирования, что приводит к непродуктивному использованию ресурса.

Заключение. Анализ применения математических моделей в государственном управлении показал, что их интеграция повышает обоснованность управленческих решений. Математические модели, такие как корреляционно-регрессионный анализ, имитационное моделирование и информационно-аналитические системы, позволяют эффективно прогнозировать социально-экономические процессы, оценивать риски и оптимизировать распределение ресурсов.

Список литературы

1. Гладковская, Е. Н. Анализ денежных потоков бюджетного учреждения как способ контроля эффективного использования бюджетных средств / Е. Н. Гладковская, Т. В. Максимова. – Текст: электронный // Вопросы управления. – 2018. – ВАК. Область наук: Экономика и бизнес. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-denezhnyh-potokov-byudzhetnogo-uchrezhdeniya-kak-sposob-kontrolya-effektivnogo-ispolzovaniya-byudzhetnyh-sredstv (дата обращения: 26.11.2025).
2. Гладкова, Л. А. Стратегия развития системы управления инновационной деятельностью предприятия / Л. А. Гладкова, О. А. Сухинина // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: Пятьдесят седьмая Международная научно-практическая конференция, Белгород, 24 апреля 2023 года. – Белгород: ООО ГиК, 2023. – С. 298-303. – EDN UFDRUZ.
3. Гладкова, Л. А. Мероприятия по развитию системы управления инновационной деятельностью предприятия (на примере ООО «Абинский электрометаллургический завод») / Л. А. Гладкова // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–27 октября 2021 года. Том 5. Часть 1. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 229-231. – EDN TAKDUB.

УДК 330.46:004.8:658.5

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ПРОДУКТА НА ОСНОВЕ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Титов А.Б., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-9014-2541,
Стройкина А.Д.
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
г. Санкт-Петербург, РФ
titov_ab@spbstu.ru, strojkina.ad@edu.spbstu.ru

Введение. С развитием технологий увеличилась скорость процессов производства и потребления, изменилась конкурентная среда и структура спроса. Конкуренция стала более динамичной, а запросы потребителей – более диверсифицированными. Все большее значение приобретают клиентский опыт, ценность продукта и его умение отвечать индивидуальным ожиданиям потребителей. Все эти процессы повлияли на то, как трансформируется жизненный цикл товара (ЖЦТ).

Жизненный цикл продукта традиционно рассматривается как последовательность стадий внедрения, роста, зрелости и спада. Для каждого этапа характерны свои особенности, временные рамки и методы управления. В традиционных рыночных условиях предприятия могли с высокой точностью идентифицировать стадию ЖЦТ и на основе этого принимать соответствующие продуктовые и маркетинговые решения. Однако в современных условиях высокой изменчивости рынка отдельные стадии становятся менее выраженными и сильнее зависят от поведения потребителей, конкурентной среды и внешних факторов [1].

Актуальность исследования определяется потребностью в более точной и оперативной оценке динамики развития продукта. Помимо собственно определения текущей стадии ЖЦТ, такие процессы как оценка возможного изменения объема спроса, продолжительности активной фазы, вероятности перехода к спаду также представляют ценность для бизнеса. Неточность прогнозов может привести к неверным управленческим решениям и снижению рентабельности продукции. С учетом данных фактов возрастает потребность в использовании инструментов, способных на основании анализа больших данных прогнозировать рыночную динамику продукта [2]. Эффективным решением этой проблемы являются методы машинного обучения применительно к временным рядам. Данные инструменты позволяют обрабатывать большие объемы данных, выявлять сложные (неочевидные) зависимости и строить прогнозные модели [3]. Отдельного внимания заслуживают модели искусственного интеллекта – они способные учитывать мультимодальные внешние факторы, влияющие на развитие продукта, такие как тренды, эффект от маркетинговых мероприятий, действия конкурентов и другие.

Цель исследования заключается в оценке возможности применения методов машинного обучения для прогнозирования ЖЦТ и интеграции результатов такого прогнозирования в системы принятии управленческих решений.

Анализ и результаты. Решая задачу прогнозирования ЖЦТ, важно учитывать, что динамика спроса ключевой, но не единственный индикатор оценки развития продукта – существенное влияние также оказывают: изменение цены, маркетинговые мероприятия, сезонность, поведение конкурентов и другие. Поэтому качество прогноза ЖЦТ во многом зависит от способности модели одновременно учитывать и динамику внутренних количественных характеристик продукта, и изменения внешней среды.

Для решения задач прогнозирования, как правило, применяются классические статистические модели и современные методы машинного обучения. Традиционные статистические подходы позволяют выявлять тренды и сезонные закономерности, при этом машинное обучение способно учитывать большее число признаков и выявлять нелинейные зависимости между ними [3]. Однако для использования данных методов необходимо «обучить» модель под конкретную задачу. Очевидно, что использование данных методов ограничено пределами допустимого роста дополнительных затрат на разработку и последующее сопровождение модели.

Качественного новым этапом развития методов прогнозирования стало применение моделей временных рядов, предварительно обученных на основе нейронных сетей. В отличие от традиционных, эти модели обучаются на больших массивах данных различного типа и затем применяются к прикладным задачам. При этом нет необходимости построения обособленных моделей для каждого отдельного продукта. К числу таких инструментов, уже существующих на рынке, относятся такие как TimesFM-3, Chronos-2 и TimeGPT [4, 5] и ряд других.

Большим потенциалом обладает модель TimesFM-3, разработанная компанией Google. Модель содержит более 330 млн. параметров и обучена на реальных и синтетических данных, включающих более одного триллиона временных наблюдений. Преимуществом TimesFM-3 является возможность многомерного прогнозирования: модель способна одновременно учитывать несколько взаимосвязанных временных рядов, исторические и известные будущие дополнительные факторы, при этом без обязательного дообучения под конкретную задачу [4]. Это означает, что помимо данных по объему продаж в модель можно включить: динамику спроса на связанные товары, данные о маркетинговых мероприятиях, сезонные изменения и т.д. Такой подход позволяет рассматривать развитие продукта как часть системы взаимосвязанных рыночных процессов.

Похожие возможности реализованы в модели Chronos-2 от компании Amazon. В рамках прогнозирования модель учитывает закономерности, полученные на этапе предварительного обучения, и доступную контекстную информацию. Это особо актуально при работе с новыми

продуктами, по которым отсутствует история собственных наблюдений [5]. В рамках управления ЖЦТ данные модели позволяют перейти от прогнозирования отдельных показателей к оценке общей динамики развития продукта. Полученные прогнозы особенно полезны: для выявления признаков перехода между стадиями ЖЦТ, оценки устойчивости спроса, определения вероятных изменений в положении продукта на рынке.

Заключение. Таким образом, развитие моделей временных рядов расширяет возможности прогнозирования жизненного цикла продукта. Современные модели позволяют строить прогноз на основании более широкого перечня показателей и учитывать факторы внешней среды – это обеспечивает более точную оценку динамики развития продукта.

Применение таких моделей на практике позволяет использовать прогнозирование ЖЦТ как базу для принятия эффективных управленческих решений [6]. Полученные прогнозы могут применяться при планировании маркетинговых мероприятий, распределении ресурсов, корректировке рыночной стратегии и управлении продуктовым портфелем. Но необходимо учитывать, что эффективность конкретной модели должна подтверждаться на релевантных данных и оцениваться с использованием принятых метрик качества. Это определяет направление дальнейших исследований, связанных с эмпирическим сравнением различных моделей и определением условий их наиболее эффективного применения.

Список литературы

1. Iveson, A. The product life cycle revisited: an integrative review and research agenda / A. Iveson, M. Hultman, V. Davvetas // European Journal of Marketing. – 2022. – Vol. 56, no. 2. – P. 467–499. – DOI 10.1108/EJM-08-2020-0594.
2. Forecasting digital economy development trends based on scientometric data monitoring / I. Babkin, N. Alekseeva, H. Barabaner, N. Antoshkova // XIV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2021". Precision Agriculture and Agricultural Machinery Industry. Vol. 1. Cham: Springer Verlag, 2022. P. 771–779.
3. Benidis, K. Deep learning for time series forecasting: Tutorial and literature survey / K. Benidis, S. S. Rangapuram, V. Flunkert [et al.] // ACM Computing Surveys. – 2023. – Vol. 55, no. 6. – P. 1–36. – DOI 10.1145/3533382.
4. Jain, A. TimesFM-3: A zero-shot foundation model for multivariate forecasting / A. Jain, R. Sen // Google Research. – 2026. – URL: https://research.google/blog/timesfm-3-a-zero-shot-foundation-model-for-multivariate-forecasting/ (дата обращения: 26.09.2026).
5. Ansari, A. F. Chronos-2: From Univariate to Universal Forecasting / A. F. Ansari, O. Shchur, J. Küken [et al.]. – 2025. – URL: https://arxiv.org/abs/2510.15821 (дата обращения: 26.09.2026).
6. The concept of asset and enterprise value management in the development of industrial management theory / S. Pupentsova, N. Alekseeva, A. Petrova, K. Sharlay // Understanding the Digital Transformation of Socio-Economic-Technological Systems. Dedicated to the 120th Anniversary of Economic Education at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Cham: Springer, 2024. P. 281–289.

Национальная и региональная экономика

УДК 330.35

АДАПТИВНЫЙ АЛГОРИТМ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПО ВОСПРОИЗВОДСТВУ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ НА ОСНОВЕ МНОГОФАКТОРНОЙ ОЦЕНКИ И ОПТИМИЗАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ

Абакумов Р.Г., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-07665-0853
ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова», г. Белгород, РФ
infobelinvest@mail.ru

Введение. В условиях инновационной экономики классические подходы к принятию решений об обновлении основных средств (далее-ОС), базирующиеся на принципах рационального выбора и максимизации чистой приведенной стоимости (далее-NPV), сталкиваются с фундаментальными проблемами. Эти проблемы коренятся в несоизмеримости критериев (экономических, технических, экологических, стратегических) и глубокой неопределенности относительно будущих технологических траекторий и нормативных изменений. Методы, унаследованные от инженерного подхода, такие как детерминированные экспертные оценки и статические технико-экономические обоснования, оказываются неадекватными для динамичной среды, где основные средства являются активными участниками коэволюции с технологической средой.

Цель исследования – разработка адаптивного алгоритма поддержки принятия решений по воспроизводству основных средств (далее-АлгоППР-ОС), позволяющего учитывать многофакторную оценку (экономическую, техническую, экологическую, стратегическую) и оптимизационные модели в условиях неопределённости, а также обоснование его применения для повышения эффективности управления основными средствами на уровне предприятия и региона.

Основная часть. Методологической основой для преодоления ограничений классических подходов служит синтез: теории ограниченной рациональности и поведенческой экономики (Г. Саймон, Д. Канеман), методологии принятия решений при многих критериях (MCDA/MCDM), в частности метода анализа иерархий (Т. Саати), подходов адаптивного управления и реальных опционов, а также эволюционных и агент-ориентированных моделей.

Анализ распространенных алгоритмов (на основе NPV, срока окупаемости, ROI/ROA) выявляет их системные недостатки: игнорирование стратегической ценности, дискретность и статичность, слепоту к системным рискам. Для преодоления этих недостатков вводится авторская дефиниция:

«Адаптивный алгоритм поддержки принятия решений по воспроизводству основных средств (АлгоППР-ОС)» – это итеративный, многоагентный вычислительный процесс, который на основе потоков данных от системы комплексного мониторинга генерирует, оценивает и ранжирует сценарии управленческих воздействий. Критериями оценки выступает взвешенная функция многокритериальной полезности, оптимизируемая с учетом стратегических приоритетов и допустимых уровней риска. Алгоритм формирует адаптивное меню возможностей (портфель реальных опционов) с оценкой ценности гибкости.

Математический аппарат алгоритма включает функцию многокритериальной полезности (MAUF), которая агрегирует разнородные исходы по экономическим, техническим, риск-ориентированным, стратегическим и экологическим критериям с использованием аддитивной или мультипликативной модели с нелинейными функциями ценности. Для оптимизации портфеля решений при ограниченном бюджете применяется генетический алгоритм (NSGA-II). Для сценариев с высокой неопределенностью оценивается стоимость опциона на отсрочку решения с использованием биномиальной модели на основе анализа Монте-Карло.

Результатом работы алгоритма является интерактивная аналитическая панель с рекомендациями по каждому активу, включая ожидаемое изменение полезности, стоимость мероприятия, критический фактор и альтернативные опционы.

Разработанный алгоритм вносит вклад в экономику инноваций через формирование методологии управления инновационными рисками на уровне актива, оптимизацию структурных изменений в региональной экономике, повышение эффективности национальной инновационной системы и развитие поведенческой экономики инноваций.

Заключение. АлгоППР-ОС трансформирует процесс принятия решений об основных средствах из административно-бухгалтерской процедуры в стратегический инструмент адаптации и формирования будущей технологической компетенции экономических субъектов. Дальнейшие исследования предполагают апробацию алгоритма на данных промышленных предприятий и его адаптацию для регионального уровня управления.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации № FZWN-2025-0003).*

Список литературы

1. Артемова, О.В. Роль и место индустриальных регионов в технологическом развитии: текущее состояние и направления технологической трансформации / О.В. Артемова, А.О. Ужегов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 25–40. DOI: 10.14529/em240202.

2. Ужегов, А.О. Диагностика факторов технологического развития индустриальных регионов РФ / А.О. Ужегов // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 6. – С. 141–156. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.9.
3. Ужегов, А.О. Технологические возможности развития индустриальных регионов России на основе концепции «новой индустриализации» / А.О. Ужегов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33, № 6. – С. 995–1004. DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-995-1004.
4. Ужегов, А.О. Комплексная оценка технологического развития индустриальных регионов РФ / А.О. Ужегов // Экономика региона. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 88–102. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-1-7.
5. Татаркин, А.И. Технологические и пространственные возможности новой индустриализации промышленных регионов / А.И. Татаркин, О.А. Романова, В.В. Акбердина // Федерализм. – 2014. – № 3. – С. 123–136.
6. Глаголев, С.Н. Сущность организационно-экономического механизма адаптации промышленных предприятий / С.Н. Глаголев // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 12. – С. 25–34.
7. Наумов, И.В. Сценарное моделирование и прогнозирование степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России / И.В. Наумов, Н.Л. Никулина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 139–155. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.8.
8. Долгунова, А.Ц. Оценка влияния инвестиций в основной капитал на экономический рост северных субъектов Российской Федерации / А.Ц. Долгунова // Статистика и Экономика. – 2023. – Т. 20, № 6. – С. 35–47. DOI: 10.21686/2500-3925-2023-6-35-47.
9. Vidal-Salazar, M.D. Training as a generator of employee capabilities / M.D. Vidal-Salazar, N.E. Hurtado-Torres, F. Matías-Reche // The International Journal of Human Resource Management. – 2012. – Vol. 23, №. 13. – P. 2680–2697. DOI: 10.1080/09585192.2011.610971.
10. Ostmeier, E. Building skills in the context of digital transformation: How industry digital maturity drives proactive skill development / E. Ostmeier, M. Strobel // Journal of Business Research. – 2022. – Vol. 139. – P. 718–730. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.09.020.
11. Ужегов, А.О. Диагностика условий технологического развития индустриальных регионов РФ: методические подходы / А.О. Ужегов // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 5. – С. 96–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.7.
12. Безрукова, Т.Л. Адаптивные механизмы в стратегическом управлении на промышленных предприятиях / Т.Л. Безрукова // Сборник научных работ серии «Экономика». – 2022. – Вып. 28. – С. 178–187. DOI: 10.5281/zenodo.7598578.
13. Фейгельман, Н.В. Адаптация процесса управления основными производственными фондами промышленного предприятия к быстроменяющимся условиям / Н.В. Фейгельман // Экономика и управление. – 2015. – № 4. – С. 56–63.
14. Bravo Sepúlveda M., Zapata Molina C.E., Gómez Salazar E.A. Validity of the general systems theory for applications in management / M. Bravo Sepúlveda, C.E. Zapata Molina, E.A. Gómez Salazar // Revista En-contexto. – 2022. – Vol. 11, №. 18. DOI: 10.53995/23463279.1441.

УДК 338.23

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПОЧНЫЕ И ТОВАРНЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ СТАБИЛИЗАЦИИ РЫНКА ЗЕРНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Больдясов А.И., ORCID 0000-0002-7307-900X
ООО «ПромХимРесурс-Д», г. Дзержинск, Нижегородская обл., РФ
alex.b13@rambler.ru

Введение. Государственные закупочные и товарные интервенции как инструмент регулирования российского рынка зерна выступают предметом активной дискуссии как в академических кругах, так и в экспертном, отраслевом сообществе. В 2020 году на фоне продажи остатков зерна интервенционного фонда поднимался вопрос о полном демонтаже системы как неэффективной и нежизнеспособной. Однако уже в 2022 и 2023 годах государством возобновились закупки зерновых с целью снижения негативных последствий затоваривания на внутреннем рынке зерна. В условиях физических ограничений экспорта зерновых в 2026 году инструментарий интервенционной политики оказывается вновь чрезвычайно востребованным.

Подобная ситуация диктует необходимость пересмотра, объективной оценки как роли и значимости государственных закупочных и товарных интервенций в системе мер стабилизации конъюнктуры отечественного рынка зерна, так и механизмов реализации интервенционной политики в условиях внешнеэкономических шоков.

Цель работы заключается в том, чтобы на примере рынка пшеницы ка наиболее значимого сегмента зернового рынка страны оценить возможности и роль закупочных и товарных интервенций с точки зрения стабилизации товарных запасов зерна на основе количественного анализа масштабов интервенционных операций.

Основная часть. В отечественной научной литературе широко обсуждаются различные аспекты проведения государственных закупочных и товарных интервенций. Среди недостатков интервенционной политики на рынке зерна отмечается высокая нагрузка на бюджет [1], недостаток современной инфраструктуры хранения [2], откровенно слабое регулирующее воздействие на динамику цен, несогласованность его применения с другими мерами аграрной политики, в частности, внешнеторговыми [3]. При этом в отдельных работах признаётся роль закупочных и товарных интервенций в контексте стабилизации доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей [4].

Однако в существующей литературе практически не исследуются возможности и механизмы адаптации интервенционной политики в

современных условиях, характеризующихся нестабильной конъюнктурой глобального рынка зерновых при постоянном экспортном излишке зерна и логистических шоках в Российской Федерации.

На рисунке ниже отражены запасы пшеницы на конец года, объёмы операций в рамках государственного интервенционного фонда (ГИФ) и их влияние на величину закрывающих сезон товарных остатков (рис. 1).

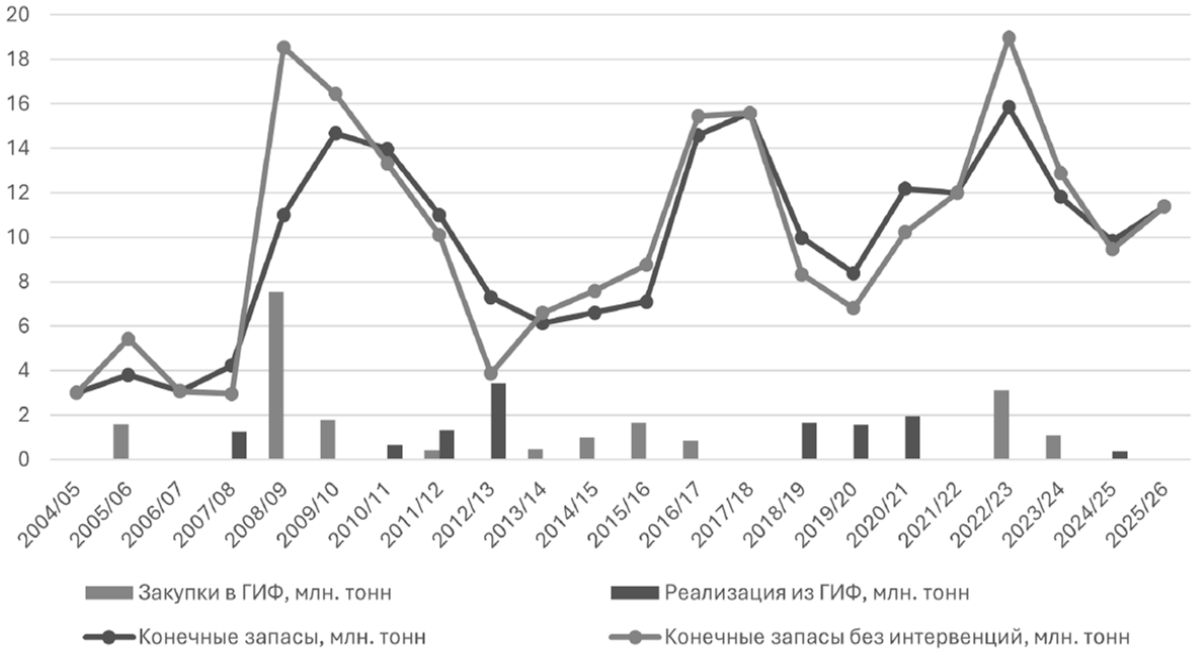

Рис. 1. Оценка влияния государственных закупочных и товарных интервенций на закрывающие сезон запасы пшеницы в 2004-2026 годах, млн. тонн
Источник: составлено по данным AMIS [5] и НТБ [6]

Рисунок позволяет сделать вывод о том, что интервенционные закупки и продажи действительно оказывают стабилизирующее воздействие на величину остатков зерна (на примере пшеницы) к концу сельскохозяйственного сезона. Графический материал наглядно демонстрирует, что регулирующее воздействие интервенций носит требуемый контрциклический характер: закупки в ГИФ осуществляются в периоды рекордного урожая для снятия излишков с рынка; продажа из ГИФ имеет место во время более скромных сборов зерна для поддержания цен и доходов аграрного сектора и высвобождения государственных хранилищ. Однако государственные закупочные и товарные интервенции не решают проблему затоваривания рынка зерна полностью, а лишь в заметной степени способствуют её сглаживанию.

Государственная аграрная политика на зерновом рынке в последние годы настроена на ограничение экспорта и сдерживания внутрироссийских цен на зерно за счёт плавающей вывозной пошлины и тарифной квоты на вывоз в межсезонье. Государство также располагает гибкими оперативными мерами в виде возможности субсидирования перевозок зерна из отдалённых

от портовой инфраструктуры регионов страны. Однако подобные решения могут лишь скорректировать «ценовой клин» между ценой экспортного паритета и внутреннего рынка, в то время как в условиях невозможности наращивания экспорта они оказываются нерезультативны. Так, в 2022 году ограничения пропускной способности экспортной инфраструктуры в совокупности с высокой конкуренции на мировом рынке привели к необходимости проведения закупочных интервенций, несмотря на тот факт, что подобные меры явно вступали в конфликт с действующими ставками вывозных таможенных пошлин.

Таким образом, несмотря на небольшие в масштабах рынка объёмы интервенционных операций и различные проблемы в их реализации, государственные закупочные и товарные интервенции на данный момент остаются единственным инструментов в руках государства для борьбы с губительными последствиями затоваривания внутреннего рынка зерна и является одним из ключевых элементов политики стабилизации конъюнктуры рынка зерна посредством поддержания цен.

Заключение. Отказ от проведения операций с интервенционным фондом зерна возможен лишь при разработке стратегического субститута, позволяющего более гибко абсорбировать товарные излишки на рынке в те моменты, когда реальные возможности интенсификации экспортных поставок из страны оказываются исчерпаны.

Противоречия, складывающиеся в области реализации государственных закупочных и товарных интервенций в последние годы, ставят вопросы о необходимости реформирования и пересмотра системы мер, составляющих политику стабилизации конъюнктуры рынка зерна, проводимую государством.

Список литературы

1. Узун, В. Я. Интервенции на рынке зерна в условиях экономического кризиса 2020 г / В. Я. Узун, Д. С. Терновский // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. Том 10 (112). – Москва : Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 2020. – С. 56-60.
2. Алтухов, А. И. Повышение устойчивости развития зернового хозяйства и рынка зерна в России / А. И. Алтухов // Агропродовольственная политика России. – 2013. № 5(17). – С. 2-13.
3. Узун, В. Я. Формирование демпфера колебаний цен на зерно: механизмы и последствия / В. Я. Узун, Д. С. Терновский // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 3. – С. 27-40. – DOI 10.33305/233-27.
4. Каращук, О. С. Исследование влияния государственных закупочных интервенций на доходы производителей пшеницы в России / О. С. Каращук, А. И. Больдясов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2024. – № 3. – С. 35-48. – DOI 10.17308/econ.2024.3/12281.
5. AMIS. Supply and Demand Overview. URL: https://app.amis-outlook.org/#/market-database/supply-and-demand-overview (дата обращения: 01.09.2026).
6. Национальная товарная биржа. Государственный интервенционный фонд. URL: https://www.namex.org/ru/investment/TI2024 (дата обращения: 01.09.2026).

УДК 330.332:338.2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА И МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Букулова В.М., ORCID 0000-0002-5683-2338
Министерство экономического развития Республики Южная Осетия,
г. Цхинвал, Республика Южная Осетия
viki.bukulova@mail.ru

Введение. Настоящее исследование посвящено анализу механизмов государственной поддержки проектов и изучению одного из способов привлечения финансирования для реализации инвестиционных проектов в России.

Цель исследования – исследование основных форм государственной поддержки инвестиционных проектов в России и одного из инструментов их финансирования.

Основная часть. В России на сегодняшний день одними из основных задач проводимой инвестиционной политики выступают: обновления производственной инфраструктуры и внедрения инновационных технологий для обеспечения устойчивого экономического роста. Важное место в реализации указанных задач занимает государственная поддержка инвестиционной деятельности.

В числе основных направлений инвестиционной политики России находятся отрасли со значительным участием государства. Для повышения конкурентоспособности предприятий, обеспечения прогресса в научно-технологическом направлении, создания инновационных производств осуществляется государственная поддержка.

Одним из способов привлечения финансовых ресурсов, вызывающих интерес, является государственная поддержка, рассмотренная в настоящем исследовании более детально. В России государственная поддержка оказывается инвестиционным проектам после того, как будут определены отрасли, которым она нужна в наибольшей степени для реализации инвестиционных проектов и программ.

Инвестиционные проекты, претендующие на государственную поддержку, отбираются в несколько этапов. Их выбор производится на конкурсной основе в соответствии с государственной необходимостью.

Одним из направлений государственной поддержки инвестиционной деятельности выступает предоставление финансовых ресурсов непосредственно получателям поддержки. К соответствующим инструментам в зависимости от нормативно-правового механизма относятся субсидии, бюджетные кредиты и гранты, а также другие виды

государственной поддержки, которые подразумевают прямое предоставление финансовых ресурсов.

Для предпринимателей привлекательным инструментом привлечения средств также может быть финансирование с участием государства. В основном такие меры используют институты развития. Например, ВЭБ.РФ, государственная корпорация развития.

В рамках инвестиционной деятельности ВЭБ.РФ применяет различные финансовые инструменты, включая предоставление кредитов и займов, участие в капитале организаций, приобретение облигаций и иных ценных бумаг, осуществление лизинговых операций, а также выдачу гарантий и поручительств. Выбор конкретного инструмента зависит от характеристик проекта, целей финансирования и установленных требований. Механизмы финансирования у банка, следующие:

1. Инвестиционные кредиты;
2. Применение аккредитивов, то есть предоставление финансовых средств после поставки товара либо посредством выделения кредита, либо в рамках аккредитивов, выпущенных в пользу клиента, который занимается экспортной деятельностью;
3. Покупка облигаций клиентов;
4. Контрактный кредит – кредит выдается компании, поставляющей товары или услуги, для выполнения контрактных обязательств;
5. Предоставление финансовых средств под уступку денежного требования с правом регресса – банк передает клиенту-кредитору финансовые средства в счет денежного требования клиента к должнику, а клиент уступает банку это денежное требование. В данном случае если должник откажется от выплаты долга, банк может потребовать от клиента возврата выплаченной суммы;
6. Предоставление финансовых средств под уступку денежного требования без права регресса;
7. Кредитование продавца по контракту;
8. Тендерный кредит – финансовые средства для последующего участия в торгах. Такой кредит банки выдают участнику торгов для обеспечения заявки на участие в торгах [5].

ВЭБ.РФ проводит рассмотрение заявок в несколько этапов, которые включают предварительное и комплексное рассмотрение проектов, их сопровождение. Приоритетными отраслями являются строительство, здравоохранение, обрабатывающая промышленность, образование, связь, сельское хозяйство и др.

Государственная поддержка дает компании дополнительный стимул для реализации проектов, которые впоследствии обеспечивают поступление налогов в бюджет и создание рабочих мест. Таким образом, она имеет социально значимый эффект.

С другой стороны, данный способ привлечения инвестиций несет определенные риски:

1. У каждого инвестиционного проекта есть определенные риски, которые могут препятствовать его реализации, что приведет к потере бюджетных средств.

2. Большие объемы государственной поддержки сложно правильно распределить по проектам.

3. У молодых предприятий могут возникнуть проблемы с выплатой бюджетных кредитов.

Еще одним способом финансирования проектов с участием государства является государственно-частное партнерство, которое предполагает сотрудничество между государством и частным сектором для реализации проектов в разных сферах, таких как образование, здравоохранение, инфраструктура и т.д.

Этот механизм является важным для развития инфраструктуры страны и для развития бизнеса, осуществляющего деятельность в таких сферах. Это помогает компаниям получить прибыль при реализации крупных проектов.

Заключение. Рассмотренные инструменты различаются по условиям предоставления средств, характеру финансовых обязательств и требованиям к реализуемым проектам. Комплексное рассмотрение указанных инструментов позволяет сформировать представление о существующих возможностях финансирования инвестиционной деятельности.

Список литературы

1. Кулагина, Н. А. Механизм комплексной оценки инвестиционного развития регионов России для разработки инструментов управления бизнес-климатом / Н. А. Кулагина, Ю. Ф. Аношина, А. В. Чмаро // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 36 (4). – С. 147-152.
2. Маслюкова, Е. А. Государственная инвестиционная политика: современное состояние и перспективы развития / Е. А. Маслюкова, О. В. Юткина. – Текст: электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2022. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-investitsionnaya-politika-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 01.10.2025).
3. Шевченко, Л. М. Иностранные инвестиции: актуальные тенденции и проблемы привлечения / Л. М. Шевченко, Ю. Н. Солнышкова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2020. – № 2 (81). – С. 116-119.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10.08.2021 № 2208-р «Об утверждении Меморандума о финансовой политике государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» (с изменениями).
5. ВЭБ.РФ – официальный сайт государственной корпорации развития. – URL: https://veb.ru/.

УДК 332.1

МЕХАНИЗМ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Бурлуцкий Б.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-7558-3309
ФГБНУ «Институт научно-технической информации», г. Донецк, РФ
bogdanburlutskij@mail.ru

Введение. В настоящее время построению эффективных механизмов региональных систем управления интеллектуальной собственностью (СУИС) уделяется особое внимание как практиками-управленцами регионального уровня, так и ученых-исследователей, занимающихся вопросами развития региональных СУИС. Такой интерес обусловлен тем, что эффективная региональная СУИС обеспечивает высокую конкурентоспособность государства в целом в современном мире бурного технологического развития и борьбы за лидерство в этой сфере.

Цель исследования – рассмотреть существующие подходы к пониманию сути механизма региональной СУИС.

Основная часть. О ведущей роли в построении механизмов развития региональных СУИС, принадлежащей Роспатенту, говорится в статье Ю. С. Зубова и О. П. Неретина. Авторы в своей работе также отмечают уделяют внимание механизмам государственной поддержки изобретателей и рационализаторов на уровне региона и отмечают тот факт, что растет роль региональной политики в вопросах управления интеллектуальной собственностью, поскольку региональная сфера интеллектуальной собственности глубоко включена в общегосударственную сферу интеллектуальной собственности [1, с. 69, 74-79].

Статья Г. П. Ивлиева посвящена решению ключевых вопросов при построении и развитии региональных СУИС. Автор рассмотрел значение централизованных органов управления сферы интеллектуальной собственности и наличие ее правового обеспечения, раскрыл роль региональных механизмов СУИС и проблем повышения эффективности их функционирования в первую очередь за счет необходимого правового регулирования и достаточного финансирования, отдельное внимание в статье уделено роли в СУИС таких структур, как Евразийская патентная организация [2, с. 32-36].

Аналогичной позиции о том, что в ДНР необходима разработка механизма адаптации федеральных стандартов в сфере интеллектуальной собственности к реалиям региона, придерживается исследователь А. В. Емельяненко, основывая свои выводы на проведенной в работе кластеризации регионов РФ по уровню развития региональных СУИС [3, с. 30]. При этом предложенный автором индекс учитывает наличие в

регионе стратегии или целевой программы развития интеллектуальной собственности, наличие региональной нормативной базы регулирующей инновации и сферу интеллектуальной собственности, наличие регламента по управлению правами на созданные в регионе результаты интеллектуальной деятельности, наличие действующего соглашения о сотрудничестве с Роспатентом [3, с. 32-33].

Заслуживает внимание позиция исследователей А. А. Колпащиковой, Л. Ф. Малиновского и М. Н. Лаврова, которые отмечают, что отсутствует универсальный механизм управления интеллектуальным капиталом региона [4, с. 219]. Такое мнение обусловлено тем, что в разных регионах как нашей планеты в целом, так и в отдельно взятом государстве присутствуют существенные различия в научно-техническом развитии.

Исследователи Е. П. Гармашова и А. М. Дребот механизм управления инновациями на уровне региона рассматривают как составляющую инновационной политики региона наряду с правовой базой и обеспечением защиты интеллектуальной собственности [5, с. 1531]. Авторы рассмотрели роль международных рейтингов (Всемирного экономического форума, Индекса экономики знаний Всемирного банка), направленных на определение уровня инновационного развития регионов, что позволило сгруппировать основные элементы инновационной системы [5, с. 1527].

Вывод о том, что механизм управления региональной СУИС является ключевым звеном этой системы можно сделать на основании исследования, проведенного в работе А. В. Барлуковой. Автор рассмотрел 12 определений понятия «механизм управления» и наиболее полным считает следующее: «это совокупность компонентов системы управления (принципов, функций, методов, ресурсов), предназначенных для доставки органу управления информации об объекте управления и оказания воздействия на объект управления с целью обеспечения функционирования и (или) развития системы» [6, с. 123].

Исследователь Е. В. Раттур отмечая, что механизм управления региональной СУИС должен стимулировать создание, регистрацию, внедрение и коммерциализацию интеллектуальной собственности, предлагает следующие элементы этого механизма: субъект, цель и задачи, функции, методы, инструменты и объект. На примере Вологодской области в качестве организационных инструментов управления интеллектуальной собственностью автор с детализацией направлений предлагает интенсифицировать мероприятия по обучению специалистов в сфере интеллектуальной собственности, мероприятия по популяризации научно-технической и инновационной деятельности [7, с.78-82].

Заключение. Рост интереса исследователей к проблемам совершенствования региональных СУИС в настоящее время обусловлен обострением борьбы за технологическое лидерство между ведущими государствами. Ключевую роль в этих системах занимает механизм

управления. В исследованиях российских ученых механизм управления региональной СУИС занимает разное место, но в целом можно выделить следующие такие его элементы: цель и задачи, субъект и объект, функции и методы. В дальнейших исследованиях на примере регионов РФ целесообразно проанализировать и оценить эффективность работы механизма региональных СУИС.

Информация о финансовой поддержке: Статья подготовлена в рамках выполнения фундаментальной научно-исследовательской работы «Формирование механизма управления сферой интеллектуальной собственности в Донецкой Народной Республике как драйвер технологического развития региона» (номер государственного задания – 1024032600091-8-5.2.1).

Список литературы

1. Зубов, Ю. С. Роспатент в управлении региональным развитием в парадигме развития сферы интеллектуальной собственности / Ю. С. Зубов, О. П. Неретин // Управление наукой и наукометрия. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 67-81. – DOI 10.33873/2686-6706.2022.17-1.67-81. – EDN TKNFNS. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48412248 (дата обращения 6.10.2026).
2. Ивлиев, Г. П. Ключевые вопросы системы государственного и регионального управления интеллектуальной собственностью / Г. П. Ивлиев // Вестник ФИПС. – 2026. – Т. 5, № 1(15). – С. 30-39. – EDN AYNDYV. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89327193 (дата обращения 06.10.2026).
3. Емельяненко, А. В. Показатели интеллектуальной собственности как инструмент оценки региональной инновационной политики Донецкой Народной Республики / А. В. Емельяненко // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2026. – № 1. – С. 27–39. – EDN MMDHLB. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=89212441 (дата обращения: 6.10.2026).
4. Колпащикова, А. А. Механизм управления интеллектуальным капиталом региона: основные подходы / А. А. Колпащикова, Л. Ф. Малиновский, М. Н. Лавров // Russian Economic Bulletin. – 2019. – Т. 2, № 6. – С. 218-222. – EDN QGDAAO. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41585344 (дата обращения 7.10.2026).
5. Гармашова, Е. П. Факторы инновационного развития региона / Е. П. Гармашова, А. М. Дребот // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 1523-1534. – DOI 10.18334/vinec.10.3.110287. – EDN ROXAMF. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44082129 (дата обращения 7.10.2026).
6. Барлукова, А. В. Механизм управления как неотъемлемый элемент системы управления туризмом / А. В. Барлукова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 6. – С. 121-124. – EDN NBRNXH. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=15522305 (дата обращения: 8.10.2026).
7. Раттур, Е. Система и механизм управления интеллектуальной собственностью в регионе (на примере Вологодской области) / Е. Раттур // The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management. – 2021. – Vol. 98, No. 2. – P. 75-86. – DOI 10.24866/2311-2271/2021-2/75-86. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=71582877 (дата обращения 8.10.2026).

УДК 338

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Быкова М.В.
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
mbukova_71@rambler.ru

Введение. Сегодня современное общество проходит этап мощнейшей трансформации, связанной с инновационным технологическим прогрессом, цифровизацией, глобализацией и, как следствие, повышением социальных запросов населения.

На первый план выходит стратегия сотрудничества, основанная на балансе интересов граждан, государства и бизнеса, в которой создание новых возможностей для всех, имеет приоритетное направление. Главную роль в таком сотрудничестве играет, безусловно, государство, обеспечивая каждому участнику уверенность и защиту [1].

Цель данной статьи – выявить и систематизировать актуальные проблемы, с которыми сталкивается инновационная экономика на современном этапе.

Основная часть. По мнению ряда авторов, существует несколько наиболее актуальных проблем, связанных с трансформацией инновационной экономики:

технологические и ресурсные ограничения (инновационным технологиям необходимы крупные инвестиции, технологическая модернизация требует финансовых затрат, существует зависимость от импортных технологий и т.д.);

институциональные и организационные барьеры (результаты фундаментальных исследований не находят эффективного пути к коммерциализации, т.е. существует разрыв между наукой и реальными отраслями экономики);

кадровые вопросы (в условиях трансформации экономики одни профессии исчезают, другие появляются, система подготовки кадров не успевает за этими переменами, возникает дефицит кадров, например, IT);

*цифровизация (*необходимость внедрения и разработки передовых информационно-коммуникативных и цифровых технологий, таких, как искусственный интеллект и нейросетевое программирование и т.д.);

*неопределенность и риски (*динамично изменяющаяся среда влечет за собой риски инновационных проектов, компании очень осторожно подходят к инвестированию долгосрочных инноваций) [3].

Анализ статистических данных показывает, что сегодня, в большинстве российских регионов, достаточно низкая инновационная

активность. Но, именно, инновационная активность компаний позволяет им снизить свою зависимость от внешних факторов (особенно сегодня, в условиях экономических санкций), определяет конкурентоспособность как национальных, так и региональных экономических систем. Важно, что, именно, инновационно-активные компании обеспечивают благоприятные структурные изменения в экономике.

Отдельное внимание стоит уделить цифровой трансформации экономики. Использование передовых наукоемких технологий и цифровых инструментов в ключевых сферах экономической деятельности, ускоряет экономический рост, повышает конкурентоспособность национальной экономики.

Преимущества цифровой трансформации выражаются в следующем:

увеличение эффективности производства (автоматизация и оптимизация производственных процессов позволит сократить издержки и повысить производительность;

повышение качества выпускаемой продукции (цифровые технологии обеспечивают более качественный контроль);

экономия ресурсов (оптимизация энергопотребления, снижение постоянных затрат и вредного экологического воздействия на окружающую среду);

разработка инноваций и укрепление технологического суверенитета (снижение зависимости от импортных технологий);

привлечение человеческих ресурсов, создание новых рабочих мест (снижение безработицы в стране);

эффективное использование данных и автоматизация процессов (повышение операционной эффективности) [4].

Таким образом, инвестиции в цифровые технологии могут стать решающим фактором конкурентоспособности и обеспечения устойчивого развития экономики.

Также важнейшим фактором развития инновационной экономики является инвестиция в человеческий капитал. Сегодня огромное внимание уделяется компетентности, опыту, профессиональным знаниям, и умениям. Ю.Г. Одегов считает, что «профессиональные знания, опыт, творческие навыки и предпринимательские способности личности, обеспечивают экономическую эффективность организации в рыночной среде». В отчете всемирного банка отмечено, что «образование – это ключевая инвестиция в человеческий капитал, которая воплощается в экономическом росте личности». В работе «Интеллектуальный капитал: практика управления» отмечено, что «необходимо инвестиционное стимулирование творческих способностей персонала». Исследование показало, что при росте инвестиций в человеческий капитал на 1%, производительность труда возрастает на 4% [1].

К сожалению, в настоящее время, расходы России на НИОКР отстают от показателя развитых стран, хотя и имеют положительную динамику. Важно активизировать участие российских научно-образовательных организаций в глобальных инновационно-технологических и исследовательских проектах; увеличивать количество и область действия государственных программ поддержки инновационных проектов и научных центров, усилить правовую защищенность инновационного продукта и его создателя; стимулировать инновационную деятельность организаций любых организационно-правовых форм; организовать поддержку стартапов со стороны государственных структур; осуществлять комплексный подход к развитию и стимулированию инновационной деятельности.

Заключение. Таким образом, решение проблем в сфере инновационной экономики требует комплексного подхода не только со стороны бизнеса, но и со стороны государства. Необходимо усиливать связь между наукой, образованием и бизнесом, целенаправленно формировать человеческий капитал, создавать соответствующую нормативно-правовую базу для инновационных технологий, особое внимание уделять этической и экологической составляющей инноваций [2].

Крайне важно, усилить взаимодействие государства, бизнеса, научного сообщества и общества в целом для того, чтобы превратить проблемы трансформации экономики в возможности для устойчивого инновационного развития.

Список литературы

1. Маслов, А. М. Цифровая трансформация: тенденции, вызовы и перспективы для бизнеса и общества в условиях технологической революции / А. М. Маслов // Молодой ученый. – 2026. – № 23 (626). – С. 803-808.
2. Морковкин, Д. Е. Драйверы и стоп-факторы цифровой трансформации экономики: отраслевой анализ / Д. Е. Морковкин // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т.16. – № 6. – С. 152-160.
3. Россия вошла в топ-10 стран с наиболее высоким уровнем цифровизации госсектора. – Текст: электронный. – URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240220/309635016.html.
4. Мировые тренды инновационного развития: проблемы и перспективы / Л. Н. Устинова., К А. Павлова, Е. Д. Вашуркин, А. Э. Устинов // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т.14. – № 4. – С. 997 – 990. – DOI 10.18334/vinec.14.4.121655. – EDN KJWMHR.

УДК 332.62

МОНИТОРИНГ РЫНКА КОММЕРЧЕСКОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

Вода И.С., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0002-8129-3177,
Диденко Е.В.
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Макеевка, ДНР, РФ
i.s.voda@donnasa.ru, didenko.e.v-zuisdm-6a@donnasa.ru

Введение. В условиях динамично развивающейся экономики и постоянно меняющихся потребительских предпочтений, исследование объектов коммерческой недвижимости приобретает особую актуальность. Коммерческая недвижимость играет ключевую роль в формировании экономического пространства города и страны в целом, влияя на ведение бизнеса, создание рабочих мест и привлечение инвестиций. Современные тренды, такие как развитие электронного коммерции, устойчивое строительство, а также меняющиеся требования арендаторов, требуют глубокого анализа и осознания тенденций, определяющих успех объектов коммерческой недвижимости.

Цель – выявление ключевых закономерностей трансформации рынка коммерческой недвижимости России в условиях структурных сдвигов в экономике (за период 2023 – 2026 года) и определение новых приоритетов распределения капитала между основными сегментами.

Основная часть. Рынок коммерческой недвижимости в России играет ключевую роль в экономике страны и служит показателем инвестиционного климата. В последние годы рынок претерпел значительные изменения под воздействием различных факторов, таких как макроэкономическая ситуация, институциональные изменения, геополитические обстоятельства, социальные тренды и технологические инновации. Эта трансформация требует от участников рынка быстрой реакции на изменения и принятия обоснованных управленческих решений.

Анализ инвестиционных потоков позволяет выявить ключевые тенденции, определяющие развитие рынка в условиях изменяющейся экономической конъюнктуры (табл. 1) [1; 2].

Анализ текущего состояния рынка показывает, что инвестиционная активность характеризуется нестабильной динамикой. По данным на 2023-2024 годы наблюдается увеличение объема инвестиций в коммерческую недвижимость на 26%, однако структура потоков изменяется. Офисный сегмент показывает максимальный рост (+185% за год), в то время как инвестиции в торговую недвижимость снижаются (-66%) из-за изменений в потребительских привычках. Гостиничный сегмент остается на уровне стабильности (+0,2%).

Таблица 1 – Динамика инвестиций в коммерческую недвижимость РФ за 2023–2026 гг.

Показатель	2023 год, млрд руб.	2024 год, млрд руб.	2025 год, млрд руб.	2026 год*, млрд руб.	Абсолютное изменение 2023-2024 гг., млрд руб.	Абсолютное изменение 2024-2025 гг., млрд руб.	Абсолютное изменение 2025-2026 гг., млрд руб.	Темп роста 2023-2024 гг., %	Темп роста 2024-2025 гг., %	Темп роста 2025-2026 гг., %
Общий объём инвестиций	619,2	778,6	636,5	260	+159,4	-142,1	-376,5	+25,7	-18,3	-59,2
В том числе по сегментам:										
Офисная недвижимость	151	430,2	227,2	128	+279,2	-203	-99,2	+184,9	-47,2	-43,7
Складская недвижимость	60,8	174,5	124	38	+113,7	-50,5	-86	+187,0	-28,9	-69,4
Торговая недвижимость	354,5	120,9	104,3	76	-233,6	-16,6	-28,3	-65,9	-13,7	-27,1
Гостиничная недвижимость	52,9	53	60	18	+0,1	+7	-42	+0,2	+13,2	-70

*данные предоставлены за первые 8 месяцев 2026 года

Согласно статистике, в 2024 году объем инвестиций упал на 18,3%, что свидетельствует о смене приоритетов. Офисный сегмент испытывает значительное сокращение инвестиций (-47%) из-за изменений в структуре спроса. Складская недвижимость также демонстрирует падение (-29%) в связи с изменениями в стратегиях инвесторов. На фоне общего снижения, гостиничный сегмент продолжает уверенно развиваться, поддерживаемый программами внутреннего туризма.

По данным на 2025-2026 год, общий объем инвестиций показывает снижение на 59,2%. В офисной недвижимости также происходит сокращение инвестиций (-43,7%), что связано с общими рыночными условиями. Складские площади остаются в спросе, но объем сделок уменьшается. Торговая недвижимость продолжает терять инвестиции (-27,1%), а гостиничный сегмент сталкивается с вызывающими беспокойство показателями снижения.

Среди изменений в офисной недвижимости выделяется рост спроса на меньшие форматы, что позволяет более широкому кругу инвесторов участвовать в сделках. Цены на аренду увеличились, несмотря на снижение объемов продаж.

В складской недвижимости успешные внедрения инновационных решений и активное развитие интернет-торговли способствовали росту ввода новых площадей до 60%. Тем не менее, высокий ключевой процент и неопределенность замедляют темпы роста.

Торговая недвижимость сталкивается с серьёзными вызовами: рост e-commerce перераспределяет спрос, а ритейлеры постепенно адаптируются к новым условиям, уменьшая площади и открывая новые эффективные точки.

В гостиничном и ресторанном сегментах наблюдается рост внутреннего туризма, однако высокие ставки и рост цен на аренду вызывают сложности. Общее количество новых гостиничных номеров снизилось на 77% из-за экономических факторов и высокой стоимости строительства.

В целом, коммерческая недвижимость в России демонстрирует разрозненную динамику, где разные сегменты сталкиваются с уникальными проблемами и возможностями. Общество и государственные структуры должны адаптироваться к новым экономическим реалиям для поддержания и стимулирования дальнейшего роста и устойчивости этого сектора.

Заключение. Рынок коммерческой недвижимости за период 2023–2026 гг. подвергся глубокой структурной трансформации под воздействием высокой ключевой ставки, геополитических факторов и цифровизации экономики. К концу анализируемого периода общий объем вложений упал до 260 млрд руб., что свидетельствует о существенном охлаждении инвестиционной активности.

Видно, что произошла трансформация моделей владения и потребления. Анализ выявил формирование новой схемы функционирования рынка. Классическая спекулятивная модель (построить для сдачи в аренду) уступает место прямому владению у корпоративных заказчиков и государственному заказу. Потребительское поведение сместилось в сторону компактности (офисы блоками/этажами вместо зданий, небольшие склады) и экономии (рост доли кафе полного цикла замещается демократичными форматами).

Перспективы дальнейшего развития напрямую зависят от стабилизации денежно-кредитной политики государства. В ближайшей перспективе драйверами останутся государственные институции и стратегические инвесторы, тогда как частный капитал будет проявлять высокую избирательность, концентрируясь только на проектах с коротким инвестиционным циклом и гарантированным спросом.

Список литературы

1. ДОМ. РФ. Комплексное развитие территорий/ ДОМ. РФ. – Текст: электронный // дом.рф : [сайт]. – URL: https://xn-d1aqf.xn-p1ai/urban/standards/printsipy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy.
2. Анализ размера и доли рынка коммерческой недвижимости – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.). – Текст: электронный. – URL: https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/commercial-real-estate-market.

УДК 338.48

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ

Грузан А.В., канд. экон. наук, ORCID 0000-0003-1260-4525
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет
имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ
a.hruzan@bk.ru

Введение. В последнее время значение инновационной деятельности постоянно растёт. Так как цифровая трансформация бизнеса предусматривает комплексное преобразование всей туристической индустрии для повышения конкурентоспособности отрасли в целом и отдельного предприятия в частности для увеличения собственной конкурентоспособности.

Цель – доказать, что инновация – это элемент, который формирует новую систему индустрии туризма, который в свою очередь создаст концепцию региональной инновационной цифровой устойчивости индустрии туризма.

Основная часть. Учитывая наш региональный аспект развития, то сфера туризма это тот механизм, который обеспечит развитие территории, повышение уровня жизни людей в наших регионах, укрепление социальной защищенности людей, повышение занятости населения и т.д.

Для этого необходимо развивать те виды бизнеса, которые при наименьших затратах позволят улучшить внешнюю и внутреннюю среду. Но и сама туристская отрасль должна претерпевать некоторые изменения. И эти изменения должны быть связаны с инновациями, развитием информационно-компьютерных технологий и развитием цифровой среды.

Для этого должны сложиться следующие предпосылки:

диверсификация интересов и запросов потребителей (развитие цифровых продуктов удобных для пользователей);

возникновение новых туристских продуктов;

появление необходимости в создании новых уникальных продуктов туристской отрасли [1].

С другой стороны, рост инноваций в туризме происходит из-за цифрового развития общества. Растёт квалификация самих туристов, у которых появилась возможность самим формировать свой туристический продукт, который будет отвечать его требованиям.

Поскольку растут потребности, должны появиться новые знания. И те компании которые не смогут модернизировать свою деятельность, не

смогут вписаться в современные условия хозяйствования, а соответственно не смогут конкурировать на рынке туристических услуг.

При этом новые формы хозяйствования должны давать такие выгоды, которые будут восприниматься как очень значимые. Если потребитель услуги (турист) будет воспринимать новшество как уникальное, то он приедет для потребления услуги. А самое главное, новый продукт не может повториться у конкурентов. Иначе его развитие будет сомнительным.

Туристический бизнес отличается от других видов деятельности тем, что предпринимательство подразумевает получение прибыли. То есть чисто коммерческий эффект. А в туристической сфере отношения между людьми е ограничиваются экономикой. Важное место будет стоять за политическими отношениями, искусством и т.д. Этот бизнес будет иметь значение в социальной и некоммерческой сфере. И в этом случае из инновации можно выжать экономический эффект [2].

В нашем регионе сложились условия для инновационных изменений в туризме: изменилась экономическая ситуация в отдельно взятом регионе; изменился уровень доходов населения; есть разница между экономическим развитием страны и регионом; местное законодательство можно менять под развитие отрасли.

Поэтому можно выделить ряд факторов инновационных изменений в сфере туризма. Прежде всего можно выделить растущие потребности населения в знакомстве с образом жизни в других регионах. Затем отмечаем насыщение многих традиционными и классическими видами отдыха, что создаёт некоторые риски потери достопримечательностей.

Следующее, что хотелось отметить это обострение конкуренции при росте обычных продуктов туристического гостеприимства. Необходимо развивать въездной туризм как фактор развития территории. Необходимо сдерживать выезд собственных граждан в зоны аналогичные своему региону.

И последнее это развитие уровня информационно-коммуникационных систем и услуг. Необходимо перейти от экономики продукта к экономике впечатлений. Учитывая, что страна придерживается принципа устойчивого развития, необходимо внедрять экологический менеджмент.

Туризм от массового переходит к индивидуализированному. Поэтому туристический рынок обрастает множествами ниш, которые требуют специализированные услуги и специальные туристические продукты, которые в свою очередь постоянно требуют обновления и создания новых форм. Поэтому создание новых форм и относится к социальным инновациям [3].

Можно выделить три основных направления развития инновационной деятельности предприятий туристической отрасли:

1. Организационные инновации.

2. Маркетинговые инновации.

3. Продуктовые инновации.

У всех трёх направлений есть общие черты. Они связаны с развитием туристского бизнеса в системе и структуре управления. Все они охватывают потребности целевых потребителей и привлекают новых клиентов. И главное направлены на изменение туристского продукта, и эти изменения дают конкурентные преимущества.

Многие исследователи полагают, что инновации в туризме – это лишь оригинальный подход и разработка использования старых решений по-новому.

Заключение. Таким образом инновационная деятельность в сфере туризма направлена на создание новшеств или изменение уже существующих продуктов. Но не стоит забывать, что основным продуктом, выводимым на рынок туризма, является туристская услуга в различных модификациях. И внедрение новых или усовершенствование старых услуг может осуществляться только на новейших технологиях.

Основная масса инновационных тенденций в производстве турпродукта создаётся на цифровых платформах. Поэтому новизна, связанная с цифровым контентом, остаётся дискуссионной, поскольку предприятия туриндустрии используют лишь технические инновации [4].

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 1025032700018-9-5.2.1).*

Список литературы

1. Туризм: технологии и тренды : материалы конференции (съезда, симпозиума) / отв. ред. Е. Д. Бугрова. - Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2017. – 294 с. – ISBN 978-5-7996-1931-2. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1945190 (дата обращения: 05.10.2026). – Режим доступа: по подписке.
2. Трухачев, А. В. Туризм. Введение в туризм : учебник / А. В. Трухачев, И. В. Таранова. – Ставрополь : АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2013. – 396 с. – ISBN 978-5-9596-0862-0. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/514838 (дата обращения: 05.10.2026). – Режим доступа: по подписке.
3. Покровский, Н. Е. Туризм: от социальной теории к практике управления : учебное пособие / Н. Е. Покровский, Т. И. Черняева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Университетская книга ; Логос, 2020. – 424 с. – ISBN 978-5-98704-449-0. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/1214525 (дата обращения: 05.10.2026). – Режим доступа: по подписке.
4. Щербакова, В. А. (канд. пед. наук, туризм) Профессиональная подготовка туристских кадров в условиях региона : автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.п.н. : спец. 13.00.08 / Щербакова Валентина Алексеевна ; [Рос. международ. акад. туризма]. – М., 2000. – 19 с. : ил. ; 22 см.. – Библиогр.: с. 19.

УДК 338.48

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ЗАПАДНОЙ АРКТИКЕ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Грушенко Э.Б., ORCID 0000-0003-3334-1525
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина ФГБУН «ФИЦ Кольский научный центр РАН», г. Апатиты, Мурманская обл., РФ
grushenko.eduard@mail.ru

Введение. Развитие туризма в Западной Арктике (Мурманская область и побережье Белого моря) демонстрирует устойчивый рост, адаптируясь к современным геополитическим условиям через переориентацию на внутренний рынок и дружественные страны. Развитие морского и прибрежного туризма в макрорегионе выступает стратегическим драйвером устойчивой экономики Западной Арктики. Оно формирует мультипликативный эффект для малого бизнеса, стимулирует модернизацию портовой прибрежной инфраструктуры и создает уникальные нишевые турпродукты за счет морских акваторий Белого и Баренцева морей [1].

Цель работы – анализ развития туризма в западном секторе российской Арктики в сложившихся геополитических условиях.

Основная часть. Современные геополитические реалии трансформировали структуру и тренды туризма в Западной Арктике:

Импортозамещение и рост внутреннего спроса: закрытие европейских направлений и транспортно-визовые ограничения превратили Российскую Арктику в главную дестинацию «северного» туризма. Мурманская область привлекает каждого третьего туриста, выбирающего Арктическую зону РФ.

Разворот на Восток (Новая география международного турпотока): традиционный европейский поток почти полностью замещен туристами из стран Азии и СНГ. По итогам 2025 г. доля иностранцев составила 11% (около 88 тыс. человек), где лидируют Китай, Индия, Беларусь, Таиланд и Турция. При этом турпоток из Индии за последние шесть лет показал рекордный рост – в 130 раз. По итогам первого полугодия 2026 г. прирост иностранных путешественников вывел Мурманскую область в топ-3 по Северо-Западному региону [2].

Инфраструктурные вызовы: дефицит качественного номерного фонда коллективных средств размещения, повышенная нагрузка на экосистемы тундры и прибрежных зон (Териберка), а также нехватка специализированных морских судов для гражданского круизного флота.

Государственная поддержка: в рамках принятых мастер-планов опорных арктических городов до 2035 г. выделяются масштабные инвестиции в городскую среду, логистику и туристские кластеры.

Мурманская область стабильно обновляет исторические максимумы туристской посещаемости. В 2024 году регион принял 761,1 тыс. туристов. По итогам 2025 г. данный показатель вырос на 5% и достиг 800 тыс. чел. За первое полугодие 2026 г. в коллективных средствах размещения остановились 302,3 тыс. чел. Ожидается, что по итогам всего 2026 г. турпоток превысит 875 тыс. чел., а к 2028 году перешагнет планку в 1 миллион [3].

Прибрежный и морской туризм признаны ключевыми драйверами устойчивого развития туризма Западной Арктики. Стратегические приоритеты включают:

Развитие экспедиционного, научного и круизного туризма: организация морских прогулок и рыбалки, межрегиональных круизов (Мурманск-Архангельск-Соловки), фотоохоты на морских животных (киты, косатки, тюлени) и краб-сафари в акватории Баренцева и Белого морей.

Яхтенная и причальная инфраструктура: строительство и модернизация малых морских причалов, заправочных комплексов и баз обслуживания для маломерных судов (особенно актуально для Териберки, Ура-Губы и Кандалакшского залива).

Создание круглогодичных прибрежных кластеров: обустройство экологических троп, набережных, смотровых площадок у воды и прибрежных комфортабельных гостевых домов, эко-отелей и глэмпингов, развитие арктической гастрономии. [4]

Обеспечение экологической безопасности: регулирование посещений уязвимых прибрежных зон (например, природного парка «Териберка») для снижения антропогенной нагрузки и устойчивого туризма.

Анализ ключевых локаций:

*Мурманск. Роль***:** Столица Арктики, транспортный и культурный хаб, отправная точка начала для большинства маршрутов по Кольскому Северу. *Особенности:* Развитая отельная база, гастрономический туризм (арктическая кухня), индустриальный туризм (базирование атомного ледокольного флота), уникальные креативные локации (стрит-арт, арктические муралы) и природные явления (полярная ночь, полярный день).

Териберка. Роль: основной доступный арктический центр туризма на берегу Северного Ледовитого океана. *Особенности:* морские прогулки с выходом на наблюдение за китами, природный парк, водопады, арктические пляжи, высокая концентрация точек притяжения, но сохраняется риск чрезмерной перегрузки инфраструктуры. Массовый овертуризм в селе привел к резкому экономическому скачку, но одновременно спровоцировал глубокий кризис локальной идентичности. Старинное поморское поселение, ставшее культовым после фильма «Левиафан», превратилось в коммерческий бренд, где самобытная культура поморов замещается индустрией развлечений «инстаграмного» типа [5].

Кандалакша. Роль: Южные ворота Кольского Севера на побережье Белого моря. Особенности: развитие экотуризма, наблюдение за нерпой, белухами и тюленями в естественной среде в черте города, морские и речные городские набережные, альтернатива штормовому Баренцеву морю. Устойчивый туризм в Кандалакше активно развивается как экологичная альтернатива центрам массового туризма, делая ставку на сохранение уязвимой арктической природы Беломорья. Регион привлекает туристов бережливым отношением к ландшафтам, развитием маркированных экотроп и локальным экологическим просвещением.

Чупа. Роль: Поморское поселение и центр прибрежного туризма в Карело-Кольской акватории Белого моря. Особенности: отправная точка для водных маршрутов по Белому морю, дайвинг, морской каякинг и развитие яхтенного туризма. Карельский поселок Чупа, расположенный на берегу Чупинской губы Белого моря, является уникальной географической локацией – это самый южный морской фьорд Баренцево-Беломорского региона. В последние годы Чупа превращается в один из главных центров медленного туризма (slow travel) и возрождения поморской идентичности на Русском Севере. В Чупе действует яхт-клуб и старейшая деревянная морская пристань Беломорья. В поселке есть благоустроенные общественные пространства и оригинальные поморские арт-объекты, открыта экологическая тропа вокруг Прокопьевского озера, действует лыжероллерная трасса, проводятся событийные мероприятия.

Заключение. Туризм становится одним из основных векторов устойчивого социально-экономического развития Западной Арктики в современных геополитических условиях. Закрытие европейских направлений и транспортно-визовые ограничения превратили Русскую Арктику в главную дестинацию «северного» туризма.

Список литературы

1. Транспортная доступность объектов туристского интереса Мурманской области. – Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 30.06.2026).
2. Мурманская область вошла в топ-3 СЗФО по приросту туристов. – URL: https://newsroom24.ru/murmansk/news/details/2026/news_338677/ (дата обращения: 19.07.2026).
3. Мурманскую область за 6 месяцев посетили более 302 тыс. туристов. – Текст: электронный. – URL: https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/murmanskuyu-oblast-za-6-mesyacev-posetili-bolee-302-tys-turistov (дата обращения: 30.06.2026).
4. Холодная Арктика, теплый прием: иностранцы все чаще выбирают Мурманск. – Текст: электронный. – URL: https://kn51.ru/2026/08/05/holodnaya-arktika-teplyj-priem-inostranczy-vse-chashhe-vybirayut-murmansk/ (дата обращения: 18.06.2026).
5. След Левиафана: озерная неформальная рыбалка и социально-экономические нововведения в селе Териберка, Мурманская область. – Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sled-leviafana-ozernaya-neformalnaya-rybalka-i-sotsialno-ekonomicheskie-novovvedeniya-v-sele-teriberka-murmanskaya-oblast (дата обращения: 17.06.2026).

УДК 338.46

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СФЕРЫ УСЛУГ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Демидов С.С., канд. экон. наук, ORCID 0009-0002-6072-6797
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
serzh.demidoff@yandex.ru

Введение. Сфера услуг занимает ключевое место в структуре современной экономики, обеспечивая значительную часть валового внутреннего продукта, занятости населения и социальной стабильности. В условиях постиндустриального развития, когда сфера услуг становится драйвером экономического роста, особую актуальность приобретает проблема теоретического осмысления ее сущности и границ. Несмотря на широкое распространение термина «сфера услуг» в научной литературе и хозяйственной практике, до настоящего времени отсутствует единая общепризнанная дефиниция, что обусловлено многогранностью данного феномена и наличием различных методологических позиций исследователей [1, с. 72]. Разнообразие подходов к определению сферы услуг порождает сложности в выработке единой стратегии ее изучения, а также в формировании эффективной региональной политики развития исследуемой сферы [2, с. 84]. В этой связи систематизация и сравнительный анализ существующих теоретических подходов представляются необходимой предпосылкой для выбора адекватного исследовательского инструментария и разработки практических рекомендаций.

Цель работы заключается в необходимости систематизировать и провести сравнительный анализ основных теоретико-методологических подходов (философского, функционального, деятельностного и процессного) к определению сферы услуг, а также выявить условия и границы их применения при решении научных и практических задач в контексте современной экономики.

Основная часть. При определении сферы услуг необходимо учитывать различные подходы к ее дефиниции. Авторы, придерживающиеся философского подхода, часто понимают под сферой услуг «…деятельность, направленную на удовлетворение социальных и духовных потребностей человека, на повышение качества его жизни и раскрытие потенциала» [3, с. 72], акцентируя внимание на этических и гуманистических аспектах сферы услуг. Философский подход рассматривает услуги не только как возможность удовлетворения насущных потребностей, но и как возможность создания таких условий,

которые способствовали бы творческой реализации потенциала человека, формируя его ценности, а также нравственные ориентиры.

Представители функционального подхода рассматривают сферу услуг как «…часть экономической системы, выполняющую определенные функции в обеспечении функционирования других отраслей и воспроизводстве рабочей силы» [4, с. 8]. Исследователи К.В. Дубич и И.И. Артамонов подчеркивают роль сферы услуг в обеспечении нормального функционирования производственной сферы, распределения и потребления, а также в поддержании и развитии человеческого капитала [5]. Функциональный подход позволяет рассматривать сферу услуг как неотъемлемый элемент инфраструктуры, который обеспечивает связность, а также эффективность всей экономической системы.

С позиции деятельностного подхода Р.Г. Гулмуродзода определяет сферу услуг как «…совокупность видов экономической деятельности, направленных на оказание нематериальных благ и удовлетворение потребностей клиентов посредством непосредственного взаимодействия» [6, с. 427]. Авторы выделяют такие ключевые факторы, как нематериальный характер производимых благ, а также интерактивный характер взаимодействия с заказчиком услуг.

Деятельностный подход рассматривает сферу услуг как «…активный процесс преобразования, в котором заказчик услуг принимает непосредственное участие» [7, с. 141], и не просто получает услугу, а активно участвует в ее создании и формулирует свои потребности, оценивая результат и давая обратную связь.

Наконец, сторонники процессного подхода видят в сфере услуг «…набор взаимосвязанных бизнес-процессов, направленных на создание и предоставление ценности для потребителя». В исследованиях С.В. Ильдеменова делается акцент на организации и управлении деятельностью в сфере услуг и рассматривают предоставление услуг как «…последовательность шагов и операций, которые необходимо оптимизировать для достижения максимальной эффективности и удовлетворенности клиента» [8, с. 90]. Процессный подход предполагает детальный анализ каждого этапа предоставления услуги: от момента обращения заказчика услуг до завершения обслуживания (о чем речь идет в исследованиях [9, 10, 11].

Заключение. Проведенный анализ подходов (философского, функционального, деятельностного и процессного) демонстрирует многомерность сферы услуг как объекта исследования. Выбор подхода при изучении сферы услуг определяется конкретными целями и задачами исследования или управления: при необходимости формирования ценностных ориентиров и этических принципов приоритетным будет философский подход; при анализе экономической роли и структуры сферы услуг целесообразно использовать функциональный подход; с целью

повышения эффективности конкретных видов деятельности и удовлетворения потребностей заказчиков услуг наиболее эффективным будет деятельностный подход; для оптимизации организации и управления деятельностью в сфере услуг более целесообразно будет использование процессного подхода.

Список литературы

1. Демидов, С. С. Природа сферы услуг как ориентир развития современной региональной экономики / С. С. Демидов // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2026. – № 1. – С. 71-80. – DOI 10.5281/zenodo.20432973. – EDN APLGPT.
2. Бессарабов, В. О. Модель стартап-эволюции юридических услуг как экосистемы в условиях цифровизации / В. О. Бессарабов, С. С. Демидов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 82-94. – DOI 10.21869/2223-1552-2025-15-1-82-94. – EDN ALOEXD.
3. Щепакин, М. Б. Сфера услуг как экономическая категория и вид экономической деятельности / М. Б. Щепакин, В. М. Михайлова // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 71-88. – DOI 10.18334/epp.10.1.41545. – EDN ISVYOY.
4. Дубич, К. В. Зарубежный опыт стандартизации социальных услуг как эффективного государственно-управленческого инструмента / К. В. Дубич // Вестник Академии труда и социальных отношений. Серия: Право и государственное управление. – 2014. – № 3-4(14). – С. 6-13. – EDN TSBZEH.
5. Артамонов, И. И. Методологические проблемы современной криминалистики. Перспективы и направления развития: монография / И. И. Артамонов; И. И. Артамонов. – Москва: Национальный ин-та бизнеса, 2008. – 155 с. – ISBN 978-5-8309-0282-3. – EDN QQPJKX.
6. Гулмуродзода, Р. Г. Сущность понятий «сферы услуг», «социальная сфера» и «непроизводственная сфера» / Р. Г. Гулмуродзода // Финансово-экономический вестник. – 2024. – № 3(42). – С. 426-435. – EDN DYUMMS.
7. Трифонов, И. В. Современные тенденции развития сферы услуг / И. В. Трифонов // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2015. – № 3(41). – С. 140-144. – EDN UNGVDB.
8. Ильдеменов, С.В. Использование проектного управления для создания нового продукта/услуги с максимизированной потребительской ценностью / С.В. Ильдеменов, Р.И. Кутлахметов // Управленческие науки. – 2017. – Т. 7, № 3. – С. 89-99. – EDN ZQNQTZ.
9. Бабенко, Д. А. Трансформация и перспективы развития рынка услуг в современных реалиях (на примере реабилитационных услуг) / Д. А. Бабенко // Индустриальная экономика. – 2025. – № S4. – С. 23-29. – EDN EGYVUH.
10. Демидов, С. С. Факторы и барьеры развития сферы услуг в условиях трансформации инновационных приоритетов / С. С. Демидов // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 12. – С. 326-329. – EDN BXCEEL.
11. Демидов, С. С. Роль сферы услуг в условиях трансформации инновационных приоритетов: тенденции, драйверы и перспективы развития / С. С. Демидов // Прикладные экономические исследования. – 2025. – № S4. – С. 121-131. – EDN BZUFET.

УДК 332.1:347.77

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Демьянкова В.И., ORCID 0009-0007-1949-2702
ФГБНУ «Институт научно-технической информации», г. Донецк, РФ
ldemy2@mail.ru

Введение. В докладе ВОИС World Intellectual Property Report 2024 подчеркивается, что эффективная инновационная политика должна опираться на анализ научных, технологических и производственных возможностей территории, а также на оценку того, насколько новые направления связаны с уже имеющимися компетенциями региона [1]. Применительно к сфере ИС такой подход означает необходимость учитывать факторы, обеспечивающие получение результатов интеллектуальной деятельности (РИД), их правовую охрану, использование и коммерциализацию.

Цель – раскрыть взаимосвязь факторов инновационного развития региона с созданием, правовой охраной, использованием и коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности.

Основная часть. Институционально-правовые и управленческие факторы определяют степень защищенности участников инновационной деятельности, порядок закрепления прав на создаваемые РИД, условия использования РИД и передачи прав на РИД другим лицам. В современных документах OECD также подчеркивается роль институциональных механизмов и научно-технологической политики в повышении устойчивости и результативности инновационных систем [2]. Например, политика организации в сфере ИС может предусматривать порядок выявления РИД, выбора формы правовой охраны и распределения прав на совместно созданные РИД.

Научно-технические факторы отражают способность региона создавать новые знания и технические решения. П.-А. Балланд и Р. Бошма рассматривают научные компетенции региона как значимое условие последующего формирования технологических компетенций в близких областях [3]. Таким образом, связь научно-технических факторов с ИС проявляется в создании потенциально охраноспособных РИД.

Финансово-инвестиционные факторы определяют возможность прохождения инновационного цикла: от исследования и разработки до патентования, создания опытного образца, сертификации, масштабирования, продвижения и защиты прав при их нарушении. При этом Д. Тис подчеркивает, что само наличие инноваций не гарантирует получения прибыли: для коммерческого эффекта также необходимо

наличие дополнительных ресурсов, развитого сервиса и маркетинга [4], поэтому необходимо предусматривать средства не только на создание РИД, но и на их правовую охрану, подготовку к использованию и применение в производстве.

Производственно-технологические факторы отражают отраслевую структуру региона, наличие технологически развитых производств и способность предприятий выступать потребителями РИД. Если производственная база технологически близка к создаваемым РИД, повышается вероятность внедрения и использования РИД в регионе, а при отсутствии таких предприятий права на охраняемые объекты интеллектуальной собственности (ОИС) могут передаваться предприятиям других регионов.

Инфраструктурные факторы характеризуют наличие посреднических организаций, обеспечивающих взаимодействие участников инновационной деятельности. Ф. Тёдтлинг и М. Триппл показывают, что недостаток сетей, слабость посреднических организаций и институциональные барьеры по-разному проявляются в периферийных, старопромышленных и высокоразвитых регионах, поэтому инфраструктура должна соответствовать типу региональной экономики [5]. В сфере ИС инфраструктурная поддержка помогает организациям и физическим лицам, создающим РИД, получить доступ к патентной информации и сопровождению патентования, а предприятиям искать РИД для использования в производстве. Инфраструктурную поддержку обеспечивают, в частности, центры трансфера технологий и организации, предоставляющие патентно-информационные услуги, такие как проведение патентного поиска, подготовка заявочных материалов на государственную регистрацию и договоров о передаче прав на РИД.

Кооперационные и сетевые факторы определяют интенсивность взаимодействия университетов, предприятий, органов власти и иных участников инновационной деятельности. Их связь с ИС проявляется в совместном создании РИД и передаче прав на РИД. Примерами такого взаимодействия являются совместные исследования и разработки университетов и предприятий, совместное патентование РИД и лицензионные договоры между организациями разных секторов и регионов.

Для коммерциализации РИД важны также рыночные и предпринимательские факторы, характеризующие наличие в регионе спроса на инновации и способность использовать ОИС при создании товаров и оказании услуг. В контексте ИС они отражают коммерческую востребованность РИД и готовность предпринимателей организовать их использование, при этом высокая патентная активность без спроса на РИД может не давать коммерческого эффекта.

Между рассматриваемыми факторами также существуют взаимосвязи [6]. Так, финансовые ресурсы повышают вероятность создания новых РИД

при наличии квалифицированных кадров и научно-технической базы. Производственно-технологическая специализация определяет, какие РИД будут наиболее востребованы в регионе. Институционально-правовые и управленческие факторы влияют на готовность организаций и физических лиц раскрывать результаты исследований через патентование, заключать лицензионные договоры и участвовать в кооперационных проектах. Инфраструктурные факторы способствуют взаимодействию организаций и физических лиц, создающих РИД, с предприятиями, заинтересованными в их использовании. Поэтому при оценке инновационного развития региона необходимо сопоставлять активность в сфере ИС с инфраструктурой, отраслевой структурой, предпринимательской средой и финансово-инвестиционными условиями.

Заключение. Таким образом, взаимосвязь факторов инновационного развития региона с ИС проявляется в формировании условий создания РИД, обеспечения их правовой охраны и последующего использования. ОИС отражают результаты научно-технического труда, а права на них обеспечивают правовую основу их вовлечения в экономический оборот. Рассмотрение факторов в контексте сферы ИС позволяет связывать ресурсы региона с задачами правовой охраны РИД и использования ОИС.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 1024032600091-8-5.2.1).*

Список литературы

1. World Intellectual Property Report 2024: Making Innovation Policy Work for Development / World Intellectual Property Organization. – Geneva : WIPO, 2024. – Текст: электронный. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-944-2024-en-world-intellectual-property-report-2024.pdf (дата обращения: 05.10.2026).
2. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2023. – DOI 10.1787/0b55736e-en.
3. Balland, P.-A. Do scientific capabilities in specific domains matter for technological diversification in European regions? / P.-A. Balland, R. Boschma // Research Policy. – 2022. – Vol. 51, № 10. – Article 104594. – DOI 10.1016/j.respol.2022.104594.
4. Teece, D. J. Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world / D. J. Teece // Research Policy. – 2018. – Vol. 47, № 8. – P. 1367–1387. – DOI 10.1016/j.respol.2017.01.015.
5. Tödtling, F. One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach / F. Tödtling, M. Trippl // Research Policy. – 2005. – Vol. 34, № 8. – P. 1203–1219. – DOI 10.1016/j.respol.2005.01.018.
6. Актуальные вопросы интеллектуальной собственности в обеспечении инновационного развития – региональный аспект / Б. В. Бурлуцкий, С. Н. Гриневская, А. П. Делиева [и др.]. – Донецк : Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт научно-технической информации», 2025. – 279 с. – ISBN 978-5-605-21154-9. – EDN ENSSVO.

УДК 614.2(477.62)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Джансыз И.Н., врач-онколог высшей квалификационной категории,
ФГБУ «Институт неотложной и восстановительной хирургии имени В. К. Гусака»,
г. Донецк, РФ
chepeleva05@yandex.ru

Введение. Здравоохранение как социальный институт претерпевает в настоящее время структурную трансформацию, обусловленную одновременным действием нескольких разнонаправленных факторов в виде демографического сдвига в сторону старения населения, роста хронической неинфекционной заболеваемости, удорожания медицинских технологий и возрастающих ожиданий общества относительно доступности и качества помощи.

Цель работы заключается в анализе динамики ключевых показателей региональной системы здравоохранения за 2022-2025 годы и выявлении основных тенденций ее организационно-экономической трансформации.

Основная часть. Начало третьего десятилетия XXI века ознаменовалось глубокими трансформациями мировой системы здравоохранения, которые во многом определили ее текущее состояние. Совокупность экономических, демографических и технологических факторов сформировала принципиально новую среду, в которой функционируют национальные системы медицинского обслуживания. Следует признать, что здравоохранение перестало восприниматься исключительно как отрасль социальной сферы и все чаще рассматривается в качестве стратегического ресурса национальной безопасности и устойчивого экономического развития. Данное обстоятельство обусловливает необходимость комплексного анализа тех процессов, которые протекают в этой области на глобальном уровне.

Прежде всего, необходимо отметить неуклонный рост совокупных расходов на здравоохранение. Мировые затраты на медицинские нужды превысили девять триллионов долларов США, что составляет около десяти процентов валового внутреннего продукта планеты. Из этого следует важное умозаключение о том, что ресурсоемкость отрасли достигла беспрецедентного уровня, а следовательно, вопросы эффективности распределения средств приобретают первостепенное значение.

Анализируя приведенные показатели, необходимо подчеркнуть, что за усредненными глобальными значениями скрывается глубокое неравенство между странами с различным уровнем дохода. Государства с высоким уровнем дохода концентрируют подавляющую часть мировых

медицинских расходов, тогда как страны с низким доходом располагают несопоставимо меньшими ресурсами при значительно большем бремени болезней. Что касается Донецкой Народной Республики, то представленные в таблице 1 сведения позволяют перейти к обобщенному рассмотрению динамики ключевых индикаторов, характеризующих состояние сферы здравоохранения Донецкой Народной Республики на протяжении периода 2022-2025 годов.

Таблица 1 – Итоговая динамика по ключевым показателям сферы здравоохранения в Донецкой Народной Республике (*систематизировано автором по данным* [1-3])

Показатель	2022	2023	2024	2025	Динамика
Медицинские учреждения, всего	90–110	95–115	100–120	105–125	Рост
Врачи, чел.	6 000–7 000	6 200–7 200	6 500–7 500	6 800–7 800	Постепенный рост
Средний медперсонал, чел.	14 000–16 000	14 500–16 500	15 000–17 000	15 500–17 500	Постепенный рост
Больничные койки	15 000–18 000	15 500–18 500	16 000–19 000	16 000–19 500	Незначительный рост
Средняя зарплата врачей	45–60 тыс.	55–75 тыс.	65–90 тыс.	75–100 тыс.	Рост
Средняя зарплата среднего медперсонала	25–35 тыс.	30–45 тыс.	40–55 тыс.	45–65 тыс.	Рост
Охват диспансеризацией	10–20%	15–25%	25–40%	30–45%	Рост
Финансирование	22,5–40,2 млрд	32,4–55,8 млрд	45,5–76,8 млрд	54,5–91 млрд	Рост
Состояние инфраструктуры	Проблемное	Начало восстановления	Активное восстановление	Продолжение модернизации	Улучшение
Кадровый дефицит	Высокий	Высокий	Средне-высокий	Средний-высокий	Постепенное снижение

Совокупность приведенных показателей дозволяет квалифицировать анализируемый период как стадию последовательного, но различающегося по интенсивности восстановления, охватывающего фактически все звенья системы здравоохранения. Существенно то, что исходные предпосылки данного восстановления были отягощены продолжительной ограниченностью доступа к внешним ресурсам, разрывом сложившихся логистических и хозяйственных связей, а также значительным износом и повреждением инфраструктурных объектов, вследствие чего сформировалась пониженная база 2022 года, чем и обусловливается как выраженность первоначальных затруднений, так и последующая ощутимая амплитуда позитивных сдвигов.

В обозначенном контексте сеть медицинских организаций обнаруживает поступательный количественный прирост. Что касается кадрового обеспечения, то при сохранении положительной направленности его динамика характеризуется более сдержанным темпом прироста, и подобное положение представляется вполне ожидаемым, поскольку

восполнение врачебного и среднего медицинского состава сопряжено с материальными затратами и продолжительным циклом подготовки специалистов, равно как и со временем, необходимым для возвращения и повторной адаптации работников после вынужденного оттока.

Отдельного рассмотрения требует показатель обеспеченности больничными койками, прирост которого остается незначительным. Подобная тенденция свидетельствует не столько о количественном расширении стационарной базы, сколько о ее качественном преобразовании и модернизации, ибо в условиях восстановления инфраструктуры и вхождения в единое нормативно-организационное пространство приоритет закономерно перемещается от простого наращивания коечного фонда к повышению результативности его использования и к приведению материально-технического оснащения в соответствие с актуальными требованиями.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что наиболее выраженная положительная динамика наблюдается в финансово-экономических параметрах функционирования отрасли. Указанная тенденция в существенной степени обусловлена интеграцией регионального здравоохранения в систему централизованного финансирования, а также включением его в целевые программы государственной поддержки.

Заключение. Изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что система здравоохранения Республики находится в фазе устойчивой восстановительно-развивающей трансформации. В рамках данной трансформации количественные приращения ресурсного обеспечения последовательно преобразуются в качественное улучшение доступности и организации медицинской помощи населению. При этом сам характер происходящих преобразований отражает поэтапный выход отрасли из состояния, детерминированного предшествующими неблагоприятными обстоятельствами, и ее переход к нормализации функционирования и планомерному развитию.

Список литературы

1. Цифровизация и новые кадры: Определены приоритеты развития медицины ДНР на 2026 год. – Текст: электронный. – URL: https://www.donetsk.kp.ru/daily/27775.5/5237829/ дата обращения 16.09.2026).
2. Медицина ДНР переходит на цифру: какие изменения ждут сферу здравоохранения Республики – Текст: электронный. – URL: https://www.donetsk.kp.ru/daily/27756/5204511/ (дата обращения 16.09.2026).
3. Сподарева, Е. Г. Финансирование здравоохранения в Донецкой Народной Республике: проблемы и перспективы / Е. Г. Сподарева // Вестник Института экономических исследований. – 2019. – № 1(13). – С. 148-154. – EDN LYHKKC.

УДК 338.22

ПРИОРИТЕТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА

Дубель В.М., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0000-0311-1476
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dubel.vladimir@mail.ru

Введение. Устойчивое развитие территориальных социально-экономических систем подразумевает учет ряда ограничений и формирование нового мышления у населения. Прежде всего, должен учитываться долгосрочный характер этого процесса, что формирует представление о необходимости придерживаться принципа равенства поколений. Это равенство, в частности, заключается в возможности доступа к природным ресурсам и благам цивилизации, как для нынешнего поколения, так и для будущих поколений. Под ограничениями следует понимать характер природопользования нашей цивилизации. Мы живем в замкнутой экосистеме с ограниченными ресурсами. Соответственно, конечный характер запасов определяет предпосылку конца данной цивилизации при неизменности характера природопользования. Понимание данного факта уже является предпосылкой для поиска альтернативной парадигмы развития человечества. На сегодняшний день таковой является концепция устойчивого развития, появившаяся во второй половине XX века. Несмотря на наличие критики, ничего более совершенного с точки зрения предложения по выживанию человечества пока не предложено.

Особую актуальность приобретает реализация концепции устойчивого развития на региональном уровне. Это обусловлено рядом факторов. С одной стороны, реализация положений концепции устойчивого развития возможна лишь при глобальном характере мероприятий. Невозможно достижение целей устойчивого развития в отдельно взятой стране. С другой стороны, достижение целей устойчивого развития возможно лишь при учете региональных особенностей и специфики каждой территориальной системы, чем и обусловлена актуальность темы исследования.

Целью работы является анализ приоритетов устойчивого развития Донецкого региона.

Основная часть. Донбасс можно с уверенностью назвать старопромышленным регионом. С этим связаны особенности его современного состояния и перспективы устойчивого развития. Прежде всего, можно говорить о существенном истощении природных ресурсов и загрязнении окружающей природной среды. В регионе сотни лет происходило интенсивное развитие горнодобывающей промышленности.

Несмотря на это, запасы многих минеральных ресурсов и в настоящее время позволяют с оптимизмом строить планы по развитию материалоемких отраслей промышленности. Регион обладает значительными запасами каменного угля, соли, мергеля, глины, доломитов, известняков и других полезных ископаемых [1]. Вместе с тем, негативные последствия промышленного освоения природных ресурсов региона наблюдаются практически повсеместно. В Донецком регионе почти не осталось нетронутых территорий с природными экосистемами. Преобладание индустриальных, аграрных, селитебельных ландшафтов давно стали визитной карточкой Донбасса.

Для Донецкого региона свойственна высокая концентрация промышленных объектов и населения, что так же является признаком старопромышленного региона. Причем, в структуре хозяйственного комплекса преобладают отрасли тяжелой промышленности: энергетика, металлургия, машиностроение, химическая промышленность. На примере региона можно четко показывать, как работают энерго-производственные циклы [2].

Для устойчивого развития Донецкого региона целесообразно провести реструктуризацию отраслевой структуры хозяйственного комплекса. Прежде всего, необходимо сократить долю предприятий тяжелой промышленности, снизить материалоемкость и энергоемкость производства. Важнейшим направлением развития производственного потенциала региона должно стать первоочередное развитие наукоемких отраслей и выпуск продукции с высокой долей добавленной стоимостью. В этом плане перспективным видится развитие новых для региона отраслей машиностроительного комплекса. Например, выпуск электроники, средств связи, товаров народного потребления, транспортных средств, медицинской техники [3]. Огромным потенциалом для устойчивого развития обладает химический комплекс региона. Наряду с традиционным ассортиментом выпускаемой продукции, химический комплекс может сконцентрировать внимание на создании новых материалов, медицинских препаратов, бытовой химии, красителей и других направлениях. При этом важно отметить, что химический комплекс обладает широчайшей сырьевой базой. Частично возможно использование отходов других производств и вторичных ресурсов, что приведет к снижению общего уровня загрязнения окружающей природной среды.

Учитывая сложившуюся в Донецком регионе неблагоприятную экологическую ситуацию, особенностью устойчивого развития региона должно стать улучшение состояние экосистем всех уровней. Причем, начинать этот процесс необходимо как «сверху», так и «снизу». Каждое муниципальное образование должно подготовить программу восстановления экосистем соответствующего уровня. А власти региона должны принять целевую программу восстановления Донбасса, с

соответствующей государственной поддержкой на законодательном уровне.

В настоящее время одной из основных угроз устойчивого развития Донецкого региона является отсутствие стабильности. Продолжающийся военно-политический конфликт тормозит все позитивные перемены и не дает в полном объеме преступить к реализации планов по устойчивому развитию региона.

Проблема преодоления дефицита водных ресурсов для Донецкого региона всегда стояла остро. Расположенный в степной зоне регион всегда будет испытывать дефицит природной влаги. Но усугубляет этот процесс значительная концентрация промышленных предприятий и высокая плотность населения. Традиционно эта проблема решалась за счет переброски воды из Северского Донца и Днепра. Проблему дефицита водных ресурсов в значительной степени решит переброска воды в центральную и южную часть Донбасса из Северского Донца и Дона. Но при этом основное внимание должно быть направлено на эффективное использование водных ресурсов: повторное использование водных ресурсов, применение ресурсосберегающих технологий, поиск альтернативных источников водоснабжения.

Особенностью устойчивого развития Донецкого региона является необходимость решения целого ряда проблем, накопившихся за последние годы. Одной из проблем является повышение уровня жизни населения. Реструктуризация хозяйственного комплекса приведет в действие механизмы привлечения в регион средств и рабочей силы. Особое внимание уделяется социальным объектам. Развитие инфраструктуры является еще одним приоритетным направлением устойчивого развития региона, как и обеспечение продовольственной безопасности.

Заключение. В совокупности весь комплекс мероприятий по внедрению принципов устойчивого развития Донецкого региона должен учитывать специфику края и быть максимально направлен на повышение эффективности осуществляемых шагов в данном направлении.

Список литературы

1. Ялунер, А. Ф. Эколого-экономический потенциал Донецкой Народной Республики / А. Ф. Ялунер // Вестник Института экономических исследований. – 2021. – № 1(21). – С. 49-57. – EDN BAQQRP.
2. Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1969. – 336 с.
3. Закотнюк, О. Л. Региональные аспекты развития и размещения производительных сил в условиях трансформации российской экономики / О. Л. Закотнюк // Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона : Материалы V Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Донецк, 09–10 ноября 2023 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2023. – С. 86-88. – EDN UKQUFH.

УДК 32.001.18

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Дубель В.М., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0000-0311-1476,
Агеева Е.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dubel.vladimir@mail.ru, katerinaageeva777@gmail.com

Введение. Государственная политика является ключевым инструментом реализации управления на государственном уровне. Однако в условиях широкомасштабной цифровой трансформации ее традиционные механизмы – нормативное регулирование, программно-целевое планирование, административные процедуры – не обеспечивают необходимой скорости реакции и адаптивности. Внедрение цифровых технологий в государственную сферу меняет не только способы предоставления услуг, но и саму логику выработки и реализации политики. Цифровая среда позволяет принимать решения на основе данных в режиме реального времени, делает государственные услуги более доступными, быстрыми, прозрачными, что способствует повышению скорости обратной связи между государством и обществом, позволяя корректировать политику с учетом фактических результатов, а не устаревших данных. В этих условиях возникает необходимость рассмотрение особенности реализации государственной политики в условиях цифровой трансформации.

Целью работы является рассмотрение роли цифровых технологий в процессе реализации государственной политики.

Основная часть. Приоритетным вектором развития государственного управления в условиях научно-технологического прогресса является использование цифровых технологий для оказания услуг, реализации механизмов государственной политики и повышения взаимодействия между государством и обществом. Цифровые инструменты позволяют не только ускорить предоставление административных услуг, но и обеспечить прозрачность процедур, минимизировать риски ошибок и расширить каналы обратной связи с гражданами и бизнесом. Именно через электронные услуги государственная политика достигает граждан, а обратная связь от них становится источником данных для ее корректировки. Ежегодно количество предоставленных государственных услуг в электронном виде увеличивается, что свидетельствует о расширении каналов взаимодействия государства и общества, а также повышает значимость цифровых данных как базиса для корректировки государственной политики. Количество государственных услуг, полученных населением в электронном виде представлено на рис. 1.

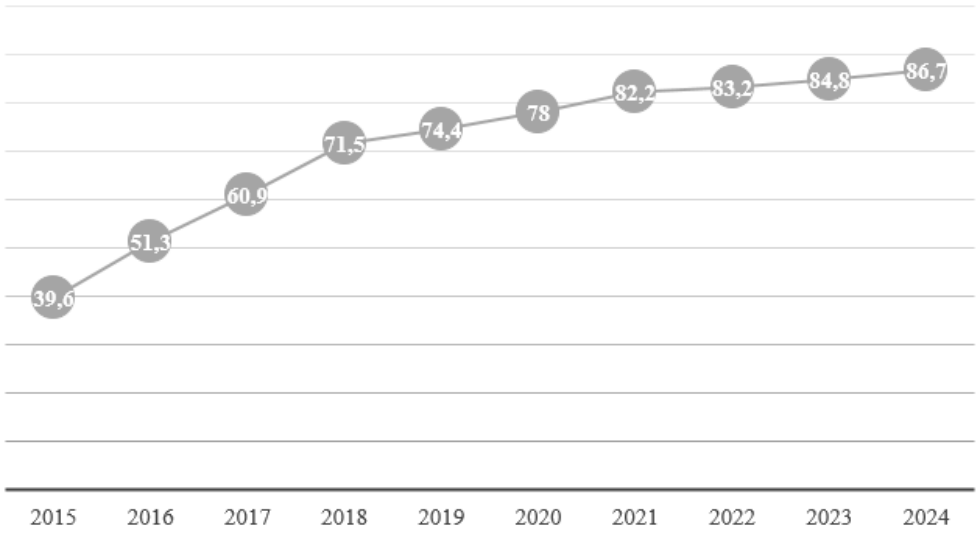

Рис. 1. Получение населением государственных и муниципальных услуг в электронной форме (в процентах от численности населения в возрасте 15 лет и старше, получавшего государственные и муниципальные услуги за последние 12 месяцев)

За анализируемый период показатели оказания государственных услуг в электронной форме демонстрируют устойчивую положительную динамику с ростом в 47,1 процентный пункт. Наиболее интенсивный прирост наблюдается в 2016-2018 годах, после чего темпы замедляются, но тенденция сохраняется. В целом положительная динамика свидетельствует о переходе электронных услуг в статус основной формы взаимодействия граждан с государством и подтверждает необратимость цифровой трансформации сферы публичных услуг. Электронные услуги выступают не только каналом взаимодействия, но и источником данных, на которых строится обоснованная государственная политика. Использование цифровых технологий в государственном управлении создает основу для принятия взвешенных решений, основанных на актуальных данных, что способствует повышению качества и обоснованности государственной политики.

В рамках государственной политики применение цифровых технологий затрагивает все этапы политического цикла – от целеполагания до оценки результативности. На этапе определения приоритетов данные в реальном времени позволяют точнее выявлять проблемы, требующие государственного вмешательства, и обосновывать выбор целей. На этапе разработки решений цифровые инструменты дают возможность моделировать последствия альтернативных вариантов и подбирать наиболее эффективные механизмы. На этапе реализации – обеспечивать адресность мер, оперативно отслеживать отклонения и корректировать действия без длительных задержек. На этапе оценки – получать

непрерывную обратную связь и пересматривать курс с учетом фактических результатов, а не отсроченной отчетности.

Цифровизация меняет сам характер государственной политики. Цифровая трансформация делает ее более адаптивной, итеративной и ориентированной на данные, но порождает и новые риски: зависимость от технологической инфраструктуры, непрозрачность алгоритмических решений, неравенство доступа к цифровым сервисам, угрозы кибербезопасности и защите персональных данных. Возникает потребность в новых подходах к регулированию, способных учитывать скорость технологических изменений и одновременно гарантировать соблюдение прав граждан.

Заключение. Цифровая трансформация изменяет направление реализации государственного управления каналы обратной связи, превращая их в постоянный элемент управленческого цикла и делая государственную политику более адаптивной. Это позволяет государственной политике не только оперативно реагировать на изменения, но и прогнозировать их, корректируя курс до наступления кризисных последствий. Вместе с тем, цифровизация государственного сектора способна обеспечить прозрачность алгоритмических решений, защиту персональных данных и равный доступ граждан к цифровым сервисам. Реализация этой способности становится условием эффективной государственной политики.

Список литературы

1. Индикаторы цифровой экономики: 2026 : статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, М.Я. Бочаров, К. О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. – 304 с. – 250 экз. – ISBN 978-5-7598-3047-4 (в обл.).
2. Дубель, В. М. Актуальные проблемы организации государственного управления / В. М. Дубель // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: теоретико-методологические и прикладные аспекты : Материалы Всероссийского научно-практического круглого стола, Донецк, 21 мая 2024 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2024. – С. 28-30. – EDN CNYQGA.
3. Печкина, А. А. Цифровизация сферы государственного и муниципального управления в Донецкой Народной Республике / А. А. Печкина, Н. И. Хромов // Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность : Материалы III международной научно-практической конференции, Донецк, 25 марта 2021 года. – Донецк: Цифровая типография, 2021. – С. 328-332. – EDN ACGNQX.
4. Капыльцова, В. В. Трансформация модели социальной политики государства: анализ теоретико-методологических аспектов / В. В. Капыльцова, Е. А. Кругова // Стратегические приоритеты социально-экономического развития территорий : Материалы Международного круглого стола, Донецк, 27 ноября 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. – С. 121-125. – EDN FPOPWH.

УДК 332.1:347.77/78

РАЗМЕЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДОСТУП К НИМ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ: ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ И ПОЛНОМОЧИЙ ОПЕРАТОРОВ

Журавлева К.В., ORCID 0009-0003-0339-5458
ФГБНУ «Институт научно-технической информации», г. Донецк, РФ
head-int.inti@yandex.ru

Введение. При размещении результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) на цифровой платформе (далее – ЦП) пользователь не всегда понимает, какие права остаются за ним, а какие права предоставляет оператору ЦП и другим пользователям, которые будут иметь доступ к загруженному на ЦП РИД. Оператору ЦП, в свою очередь, необходимо определить правовые основания использования загруженных РИД и порядок рассмотрения жалоб пользователей. Особое значение эти вопросы имеют для молодых учёных, которые, размещая свои РИД, заинтересованы в ознакомлении других пользователей с РИД на ЦП (например, с целью получения приглашений к участию в научных проектах) при соблюдении принадлежащих им исключительных прав на РИД. Так как в региональной экономике взаимодействие в научном сообществе через ЦП поспособствует взаимодействию молодых учёных, научных организаций и предприятий.

Цель работы – определить вопросы, требующие урегулирования в отношении прав пользователей при размещении и доступе к РИД, а также полномочий операторов ЦП, и предложить способ их урегулирования. Метод исследования – анализ научной литературы и законодательства Российской Федерации.

Основная часть. В Российской Федерации вопросы размещения РИД на ЦП и предоставления доступа к ним не объединены в единый нормативный правовой акт, применимый ко всем видам ЦП (научные, торговые, социальные и др.) и РИД. При этом часть четвёртая Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] и Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] регулируют соответственно положения в сфере исключительных прав на РИД или на объект интеллектуальной собственности (далее – ОИС) и положения, связанные с обработкой персональных данных.

Отдельные аспекты правового регулирования этих отношений рассматриваются в научной литературе. Так, в работах [3 – 6] рассматривается система договорных отношений на ЦП, приводится анализ взаимодействия авторов, иных правообладателей и владельцев

информационных ресурсов, рассматриваются вопросы ответственности за неправомерное использование материалов и роль операторов ЦП.

Регулирование отношений, возникающих при размещении и использовании РИД на ЦП, рассмотрим применительно к пяти основным вопросам:

1. Права на РИД, которые пользователь загружает на ЦП. Изначально подразумевается, что пользователь является автором данного РИД или правообладателем ОИС, ранее зарегистрированного в патентном ведомстве. Если авторами РИД (или правообладателями) являются группа лиц, соответственно необходимо надлежащим образом, установленным оператором ЦП, отражать данную информацию при загрузке.

2. Доступ к размещённым РИД на ЦП. Под доступом следует понимать просмотр и скачивание РИД. Правилами пользования ЦП могут быть предусмотрены просмотр и скачивание размещённых РИД, при этом до скачивания РИД пользователей необходимо ознакамливать с условиями дальнейшего использования РИД и предупреждать об ответственности за их нарушение. Так, согласно п. 1 ст.1274 ГК РФ [1] пользователь вправе ссылаться на скачанный документ в своей работе или цитировать скачанный РИД с указанием имени автора или источника.

3. Правила доступа к размещённым РИД на ЦП. Здесь следует отметить, что в правилах пользования ЦП необходимо заранее указать, за какие нарушения могут применяться меры, например, ограничение доступа или блокировка учётной записи пользователя.

4. Полномочия оператора ЦП по модерации размещённых РИД. Крайне важно отметить, что для хранения, отображения «образа» РИД на ЦП и создания технических копий (при необходимости) оператору ЦП прежде всего необходимо согласие пользователя. Также, необходимо регламентировать правилами пользования ЦП случаи, связанные с удалением учётных записей пользователей.

5. Жалобы пользователей ЦП. Правила ЦП должны содержать регламентированный порядок действий в случае, если пользователь ЦП считает, что его права были нарушены, и порядок действий оператора ЦП в ответ на полученную от пользователя жалобу, если соглашением с пользователем не установлено иное. Отдельно следует урегулировать сроки рассмотрения жалобы и действий, связанных с устранением нарушения (в случае, когда жалоба имела место быть). При этом внутренний порядок рассмотрения жалоб на ЦП не ограничивает пользователя в использовании предусмотренных законом способов защиты своих исключительных прав.

Заключение. Для региональной экономики размещение РИД на ЦП будет способствовать развитию сотрудничества между научными организациями и предприятиями, поиску участников для совместных проектов и практическому применению РИД, что особенно важно для молодых учёных. В связи с этим необходимо определить условия

размещения РИД и доступа к РИД на ЦП. Наиболее подходящим вариантом решения является закрепление общих условий использования ЦП в пользовательском соглашении, с которым пользователь знакомится и выражает согласие до начала работы с ЦП. Для пользователей, создающих учётные записи и размещающих РИД, можно предусмотреть отдельное соглашение, определяющее условия загрузки и дальнейшего использования материалов, а также права и обязанности сторон. Положения данных соглашений должны соответствовать законодательству РФ в сфере интеллектуальной собственности, в том числе части четвёртой ГК РФ, а также Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [2].

Информация о финансовой поддержке: статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания № 124093000051-1, научно-исследовательской работы «Разработка концепции формирования региональных экосистем развития научного творчества и культуры работы с РИД среди молодежи на примере отдельных территорий».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) : Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 24.09.2026).
2. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 24.09.2026).
3. Жевняк, О. В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ / О. В. Жевняк // Юридические исследования. – 2023. – № 8. – С. 96–127. – DOI 10.25136/2409-7136.2023.8.43646. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54376245_92703378.pdf (дата обращения: 24.09.2026). – EDN WTHVTJ.
4. Бузова, Н. В. Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах / Н. В. Бузова // Труды по интеллектуальной собственности. – 2024. – Т. 51, № 4. – С. 133–142. – DOI 10.17323/tis.2024.23977. – URL:https://www.elibrary.ru/download/elibrary_75146647_39352395.pdf (дата обращения: 24.09.2026). – EDN QNSZGG.
5. Губаева, Е. А. Осуществление исключительных прав на объекты авторского и смежных прав на цифровой платформе. Часть I / Е. А. Губаева // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2025. – № 3. – С. 38–44. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80486251 (дата обращения: 24.09.2026). – EDN ZXJPML.
6. Коротенко, А. Ф. Проблемы определения ответственности цифровых экосистем и платформ / А. Ф. Коротенко // Образование и право. – 2025. – № 1. – С. 433–436. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-1-433-436. – URL https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-otvetstvennosti-tsifrovyh-ekosistem-i-platform/viewer (дата обращения: 24.09.2026). – EDN QEONMA.

УДК 330.47:620.9(470.6)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Загоруйко Т.Н., ORCID 0000-0002-8867-6499
ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, РФ
zagtn3112@yandex.ru

Введение. В контексте реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [5] и Энергетической стратегии РФ на период до 2050 г. (Распоряжение Правительства РФ № 908-р от 12.04.2025 г.) особую актуальность приобретает теоретическое обоснование механизмов формирования энергетической политики на региональном уровне в условиях цифровой трансформации экономики. Энергетическая система Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), характеризующаяся низким технологическим уровнем оборудования и значительной степенью физического износа основных фондов, выступает объектом, требующим переосмысления теоретических подходов к управлению процессами ее модернизации.

Цель исследования – развитие теоретических основ формирования энергетической политики региона в условиях цифровизации экономики посредством синтеза фундаментальных положений ведущих экономических теорий.

Основная часть. Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения новой институциональной экономической теории (Р. Коуз, О. Уильямсон), теории платформ и двусторонних рынков (Ж. Тироль, Дж. Рош, А. Ван Альстин), эволюционной теории инноваций (Й. Шумпетер, Р. Нельсон, С. Уинтер), ресурсной концепции и теории динамических способностей (Дж. Барни, Д. Тис), а также теории информационного общества (Д. Белл, М. Кастельс). В результате системного анализа установлено, что перечисленные теоретические конструкты предоставляют взаимодополняющий инструментарий для исследования цифровизации на различных уровнях от микроуровня (отдельное предприятие) до макроуровня (национальная экономика). Операциональным ядром, интегрирующим все концепции, выступает механизм снижения трансакционных издержек в условиях нарастающих сетевых эффектов, что позволяет трактовать цифровизацию не как сугубо технологический феномен, а как институциональный процесс трансформации системы экономических отношений [1].

На основе синтеза теоретических подходов предложено авторское определение понятия «цифровизация» применительно к энергетической

отрасли, под которым предлагается понимать процесс целенаправленного внедрения и расширения применения цифровых технологий, обеспечивающий снижение трансакционных издержек координации энергопотоков и институциональную трансформацию фаз воспроизводственного цикла энергетической отрасли посредством формирования сетевых форм организации взаимодействий. Представленная дефиниция позволяет операционализировать исследуемое понятие для целей оценки влияния цифровизации на удельный совокупный продукт отрасли и институциональные трансформации в энергетическом секторе.

Разработаны концептуальные положения формирования энергетической политики региона в условиях цифровизации экономики на основе системного подхода, отличающиеся от существующих подходов введением операционально-связанной пятиуровневой архитектуры [2]. Каждый уровень архитектуры определяет состав последующего, обеспечивая логическую связанность всех этапов формирования и реализации политики.

На теоретическом уровне обоснован выбор системного подхода, теории принятия решений, теории ограничения систем, а также теории развития цифровой экономики как адекватных предмету исследования. Методический уровень включает методы экономического анализа, определения приоритетов развития экономики, оптимизации управленческих решений и передачи сигнала. Инструментальный уровень представлен детерминированной многофакторной моделью, матрицей оценки уровня цифровизации энергетической отрасли, а также совокупностью цифровых инструментов (цифровая модель, умный контракт, Интернет вещей, блокчейн, облачные вычисления, искусственный интеллект, большие данные, технологии дополненной и виртуальной реальности). Организационно-практический уровень включает стратегические ориентиры энергетической политики, цифровой двойник энергетики и стратегические направления цифровизации предприятий энергетической отрасли. Результативный уровень содержит количественно верифицируемые показатели цифровой трансформации энергетической отрасли, включая: улучшение энергетической эффективности и снижение потребления энергии; обеспечение транспарентности в энергетическом секторе; обеспечение доступности энергоресурсов для всех слоев общества; уменьшение негативного воздействия на окружающую среду; обеспечение надежности и стабильности поставок энергии; обеспечение энергетической безопасности.

Предложенная архитектура позволяет осуществить переход от декларативного к измеримому управлению процессами цифровизации и обеспечивает возможность мониторинга достижения каждого целевого результата энергетической политики.

Разработана концепция архитектоники цифрового двойника энергетики ДНР, в основе которой лежит матрица процессов-технологий, систематизирующая конкретные эффекты применения цифровых технологий в энергетических процессах. Матрица включает шесть структурных срезов: физические элементы энергетики; программное обеспечение для элементов энергетики; цифровые технологии; цифровые решения; основные процессы; цифровое управление элементами энергетики [3-4]. Представленная концепция обеспечивает органы государственного управления и предприятия энергетической отрасли инструментарием для обоснования управленческих решений в процессе реализации энергетической политики.

Заключение. Проведенное теоретическое исследование позволило развить научные знания о концептуальных положениях формирования энергетической политики региона в условиях цифровизации экономики. Уточнен понятийно-категориальный аппарат теории цифровой экономики применительно к энергетической отрасли. Предложенная операционально-связанная пятиуровневая архитектура и концепция архитектоники цифрового двойника создают теоретический фундамент для разработки практических рекомендаций по цифровой трансформации энергетической отрасли региона.

Список литературы

1. Загоруйко, Т. Н. О сущности цифровой трансформации энергосистем / Т. Н. Загоруйко // Вестник Института экономических исследований. – 2022. – № 3 (27). – С. 32-38. – EDN YUFIFF.
2. Загоруйко, Т. Н. Концептуальные положения формирования энергетической политики в условиях цифровизации экономики / Т. Н. Загоруйко // Финансовый менеджмент. – 2024. – № 5. – С. 198-206. – EDN VFXWUO.
3. Загоруйко, Т. Н. Концепция архитектоники цифрового двойника энергетической отрасли Донецкой Народной Республики / Т. Н. Загоруйко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 8 (146). – С. 1-8. – DOI 10.60797/IRJ.2024.146.12. – EDN XKDDRC.
4. Цифровая трансформация: возможности и вызовы управления социально-экономическими системами: монография / под общ. ред. А. В. Половяна. – Курск: Изд-во ЗАО Университетская книга, 2025. – 126 с. – ISBN 978-5-907899-07-2. Текст: непосредственный.
5. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145. – Текст: электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358?ref=supernova.is.

УДК 351

СОЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД В МОДЕЛИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Зайцева А.М., канд. экон. наук, доц.,
Лохманова Е.Н., Горяний М.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.zajceva@donnu.ru, lohmanovakaterina1@gmail.com, ticshenkoma2002@gmail.com

Введение. Современное муниципальное управление построено на представлении про человека как субъекта, подлежащего учёту, информированию и вовлечению. Гражданин в такой системе предстаёт носителем интереса, заявителем, участником процедуры; управленческая структура – регулятором, оператором, распорядителем [1; 2]. Подобная конфигурация результативна в административном отношении, однако она оставляет вне рассмотрения самого человека, вступающего во взаимодействие с властью. Отсюда возникает потребность в ином подходе, где управление осмысляется не как воздействие на объект, а как форма соучастия в общественном процессе.

Цель – обосновать необходимость перехода от административной модели управления к соэволюционной, в которой человек и управленческая структура выступают участниками совместного развития. При этом следует решить следующие задачи: показать ограниченность существующей модели и раскрыть суть соэволюционного подхода на муниципальном уровне.

Основная часть. Традиционное управление разворачивается в рамках субъектно-объектной модели: субъект управления противостоит объекту управления. При декларировании партнёрства и наличии обратной связи базовая структура остаётся неизменной: власть принимает решения, а население на них реагирует [3]. В этой структуре человек является носителем потребности, как источник обращения и статистическая единица. Он не проявляется как целостность и существо, обладающее собственной траекторией развития и отношением к миру. Это не преднамеренная ошибка, она вытекает из природы административной рациональности, которая должна строиться на критериях измеримости, предсказуемости и управляемости. В такой модели управление перестаёт видеть то, ради чего оно существует. Оно работает с населением, а не с людьми. Оно фиксирует запросы, но не слышит того, что стоит за запросом, отвечая при этом на обращения, не вступая в отношения.

Решение выявленной проблемы возможно в смене не процедур, а самой установки. Это и есть соэволюционный поворот: переход от управления населением к совместному движению, в котором ни власть, ни гражданин не определены окончательно, но оба включены в общее

становление. Содержание соэволюционного подхода раскрывается в следующих положениях:

Во-первых, человек не является ресурсом и не может быть сведён к функции, роли или интересу. Он есть возможность – способность начинать то, чего ещё не было. Управление, которое признаёт это, перестаёт рассматривать инициативу как отклонение от регламента и начинает видеть в ней источник развития.

Во-вторых, связь между людьми не является внешней, которая не устанавливается по решению органа власти и не прекращается по его усмотрению. Такая связь является изначальным условием человеческого бытия, поэтому управление не создаёт связь – оно либо поддерживает её, либо разрушает. С точки зрения соэволюционного подхода, управление осознаёт эту роль и действует соответственно.

В-третьих, развитие не является односторонним. Оно не сводится к тому, что власть «улучшает условия», а население «повышает активность» [4]. Оно предполагает взаимное изменение: меняется и гражданин, и управленческая структура. Это и есть соэволюция – совместное движение, в котором каждая сторона становится иной. Соотнесение двух моделей – административной и соэволюционной – представлено в табл. 1.

Таблица 1 – Характеристика моделей управления

Показатель	Административная модель	Соэволюционная модель
Понимание человека	Носитель интереса, заявитель	Соучастник общего процесса
Роль управления	Воздействие на объект	Поддержание связи
Форма взаимодействия	Обращение – рассмотрение – отчёт	Встреча – обсуждение – совместное решение
Критерий эффективности	Количество обращений, доля решённых	Качество связи, устойчивость совместного действия
Отношение к инициативе	Отклонение от регламента	Источник развития
Результат	Удовлетворение запроса	Совместное изменение участников

Переход к соэволюционной модели не отменяет процедуры, нормы и ответственность. Он означает переосмысление их смысла. Обращение перестаёт быть сигналом, подлежащим обработке, и становится началом разговора. Отчёт перестаёт быть подтверждением исполнения и становится формой прозрачности совместного действия. Норма перестаёт быть барьером и становится условием возможности встречи. Для муниципального уровня такой переход может быть реализован через пространство совместного действия, этот механизм состоит из трех элементов:

1) признание инициативы: любая инициатива гражданина, независимо от формы, в которой она выражена, признаётся вкладом в общее дело и подлежит рассмотрению по существу, а не по формальным признакам соответствия;

2) совместное обсуждение: решение по инициативе принимается не в закрытом порядке, а в присутствии заинтересованных сторон, с публичным изложением доводов и оснований;

3) совместный отчёт: результат рассматривается не как «исполнение поручения», а как итог совместного действия, в котором участвовали и гражданин, и управленческая структура.

Такой механизм не требует изменения федерального законодательства. Он реализуется на уровне муниципального правового регулирования и организационной практики. Его внедрение предполагает не создание новых структур, а изменение установки: управление перестаёт быть тем, что делается для людей, и становится тем, что делается вместе с ними.

Заключение. Управление, ориентированное на человека, не может исчерпываться совершенствованием процедур. Необходима замена исходного представления о том, кто есть человек и какова его роль в общем процессе. Соэволюционный поворот означает переход от управления населением к совместному движению, в котором человек предстаёт не как функция, а как соучастник. Пространство совместного действия как элемент исследуемого подхода позволяет оптимизировать модель муниципального управления, не прибегая к изменению нормативной базы. Дальнейшее исследование может быть направлено на разработку критериев оценки качества связи между гражданином и управленческой структурой, а также на анализ практик с соэволюционной логикой.

Список литературы

1. Третьяков, Н. А. Цифровые платформы и общественный контроль публичной политики / Н. А. Третьяков // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 5. – С. 169-175.
2. Джура, С. Г. Этический вектор ГРВ-технологий на современном этапе / С. Г. Джура. – Донецк: ДонНТУ, 2020. – 280 с.
3. Парма, Р. В. Амбивалентные эффекты общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций / Р. В. Парма // Общественные науки и современность. – 2023. – № 4. – С. 96-108.
4. Оленичева, Ю. А. Антикризисная политика государства в новых экономических условиях / Ю. А. Оленичева, Т. Г. Чернявская // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты : Материалы Пятой международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Горловка, 20 марта 2020 года / Отв. редакторы Е. П. Мельникова, Е. Ю. Руднева, О. Л. Дариенко. Том Часть 1. – Горловка: Донецкий национальный технический университет, 2020. – С. 64-72. – EDN PHVNBN.

УДК 336.221

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Зотиков Н.З., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-5631-9123
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, РФ
zotikovcontrol@yandex.ru

Введение. В соответствии с ФКЗ от 04.10.2022 №5-ФКЗ ДНР вместе с другими регионами вошла в состав РФ, в связи с чем с 1.01.2023 г, в республике применяется российское налоговое законодательство: организациям и ИП республики доступны все те же режимы налогообложения, которые действуют по всей территории страны. В то же время установлены временные переходные положения, налоговые льготы.

Цель статьи – рассмотреть режимы налогообложпения в РФ, особенности их применения в ДНР [1; 2].

Основная часть. *Общий режим налогообложения (ОСНО).* При этом режиме уплачиваются все налоги, предусмотренные ст. 13,14 и 15 НК РФ: федеральные, региональные, местные.

Налог на добавленную стоимость (НДС). При ОСН НДС уплачивают как организации, так и ИП (при превышении выручки за год более 20 млн. руб.). Для налогоплательщиков, у которых на день принятия в РФ (30.09.2022) исполнительные органы находились или проживали на этих территориях, установлены льготы по НДС: при продаже товаров, приобретенных до 1.01.2023 г., (за исключением амортизируемого имущества), уплачивают налог по расчетной ставке с разницы между ценой продажи с НДС и стоимостью их приобретения.

Налог на прибыль. Налогоплательщики республики обязаны провести инвентаризацию имущества по состоянию на 31.12.2023 для выявления фактического наличия имущества, проверки полноты отражения в учете и составить акт инвентаризации. При расчете налога на прибыль плательщики ДНР могут:

1) учитывать в налоговых расходах амортизацию имущества, приобретенного до 1.01.2023 г. – в пределах его остаточной стоимости в течение оставшегося срока полезного использования;

2) уменьшать доходы от реализации имущества, приобретенного до 1.01.2023, на его остаточную стоимость, указанную в инвентаризационной описи;

3) для ДНР как резидента СЭЗ ставка налога на прибыль в ФБ -0% в течение 10 лет с даты получения прибыли от инвестиционного проекта: в

региональный бюджет 0% в течение первых трех лет, 5% - с 4 по 9 год, 13,5% -с 10 года инвестиционного проекта.

Страховые взносы для ИП (СВ). ИП уплачивают СВ на обязательное пенсионное, медицинское страхование только в совокупном размере 14400 руб. в 2023 н., 25200 руб. в 2024 г,, 36000 руб., в 2025 г. В эти периоды взнос в размере 1% при превышении дохода 300 тыс. руб. не уплачивается.

Имущественные налоги. Налог на имущество организаций, на игорный бизнес, транспортный налог, земельный налог, на имущество физических лиц, торговый сбор введены с 2024 года.

Упрощенная система налогообложения (УСН). Ставка НДС: при объекте «доходы» - 3% (вместо 6%), «доходы – расходы» – 7% (вместо 15%). В 2024 и 2025 г. можно уменьшить налог на стоимость приобретения ККТ (при условии их регистрации не позднее 31.12.2025) в сумме не более 28 тыс. руб. Обязанность по применению ККТ предусмотрена начиная с 2025 года.

ЕСХН. При переходе на ЕСХН с 2024 г. не будут учитываться данные о доле дохода от реализации произведенной ими сельхозпродукции, полученной ими за 2021 и 2022 годы. Ставка ЕСХН в регионе – 0%.

Патентная система налогообложения (ПСН). Величина потенциально возможного к получению годового дохода по видам деятельности установлена Законом ДНР от 30.21.2022 № 426-11НС.

Налог на профессиональный доход (НПД) введен Законом от 30.11.2022 № 427-11С.

ДНР – свободная экономическая зона. Льготы:

ускоренная амортизация основных средств с коэффициентом 2;

освобождение от налога на имущество организаций (на 10 лет), земельного налога (на 3 года) в период действия инвестиционного проекта;

ставка по СВ 7,6% (вместо 30%) в пределах базы для исчисления 1917 тыс. руб. (2023 г.) и 0% (вместо 15,1%) – свыше 1917 тыс. руб.

Заключение. На территории ДНР, как и в других новых регионах, вошедших в состав РФ, введено и начало действовать единое налоговое законодательство (единое налоговое пространство), что подтверждается данными об исполнении бюджетов ДНР (таблица 1).

Таблица 1 – Исполнение бюджетов ДНР за 2023-2025 годы, млн. руб.

Показатели	2023	2024	2025	2025/2023%
Доходы	304107,8	248797,1	249874,9	82,1
В т.ч. налоговые и неналоговые	54759,0	80129,1	97295,6	177,7
Безвозмездные поступления	249348,8	168668,1	152579,3	61,2
Расходы	320791,6	226327,7	251504,9	78,4
Профицит +, дефицит-	-16683,8	+22469,4	-1630,0	-
Налог на прибыль	9269,1	8505,9	9811,7	105,9
НДФЛ	34295,7	62225,4	71557,3	208,6

Окончание табл. 1

Показатели	2023	2024	2025	2025/2023%
Акцизы	173,7	1408,1	2553,6	147,0
Налог на совокупный доход	1970,6	2740,6	2716,8	137,9
-УСН	1831,8	2622,3	2505,0	136,7
а) объект «доходы»	1591,1	2270,5	2149,1	135,1
б) доходы - расходы	240,7	351,8	355,9	147,9
Налог на профессиональный доход	27,7	118,3	210,3	759,2
Налог на имущество	-	199,3	574,1	-
-имущество организаций	-	195,0	562,1	-
-транспортный налог	-	4,3	11,9	-
Платежи за природные ресурсы	341,6	348,6	1192,9	349,2
-НДПИ	341,4	348,1	1191,9	349,1
-за животный мир	0,2	0,5	1,0	500,0
Госпошлина	95,9	166,6	260,8	271,9

Составлено автором на основании: [3; 4; 5].

Согласно данным таблицы 1, в 2025 г. в сравнении с 2023 г.:

доходы бюджета уменьшились на 17,9% при увеличении налоговых и неналоговых доходов на 77,7%, снижении безвозмездных поступлений на 38,8%;

увеличение поступлений налога на прибыль, НДФЛ, УСН, НДПИ свидетельствуют о развитии экономики;

положительной является наметившаяся тенденция снижения доли безвозмездных поступлений в доходах бюджета.

Список литературы

1. Подкопаев, М. Порядок налогообложения в новых регионах РФ: льготы, СЭЗ, НДС, НДФЛ : каковы различия в налоговом учете с другими регионами РФ / М. Подкопаев; Экспертный центр компании «Гарант». – Текст : электронный // Справочно-правовая система «Гарант» : [сайт]. – 2023. – URL: https://www.garant.ru/consult/nalog/1647349 (дата обращения: 31.08.2026).
2. Антоненко, И. Налоги в ДНР в 2026: ставки и правила / И. Антоненко ; Контур.Экстерн. – Текст : электронный // Бухгалтерия.ру : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.kontur-extern.ru/info/81160-nalogi_v_dnr (дата обращения: 31.08.2026).
3. Закон Донецкой Народной Республики от 12 июля 2024 г. № 92-РЗ / Народный Совет ДНР. – Текст : электронный // Министерство финансов Донецкой Народной Республики : [сайт]. – URL: https://minfindnr.ru/wp-content/uploads/2024/07/zakon_92rz.pdf (дата обращения: 31.08.2026).
4. Закон Донецкой Народной Республики от 5 июня 2025 г. № 193-РЗ / Народный Совет ДНР. – Текст : электронный // Министерство финансов Донецкой Народной Республики : [сайт]. — URL: https://minfindnr.ru/wp-content/uploads/2025/06/193-rz-ot-05.06.2025.pdf (дата обращения: 31.08.2026).
5. Закон Донецкой Народной Республики от 19 июня 2026 г. № 300-РЗ / Народный Совет ДНР. – Текст : электронный // Народный Совет Донецкой Народной Республики : [сайт]. – URL: https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-ispolnenii-byudzheta-donetskoj-narodnoj-respubliki-za-2025-god (дата обращения: 31.08.2026).

УДК 338.22: 339.13

ДЕТЕРМИНАНТЫ РЫНОЧНОГО МЕХАНИЗМА «ЭКОНОМИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

Ибрагимхалилова Д.В., ORCID 0009-0004-7049-1754
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
idv26071996@mail.ru

Введение. Формирование «экономики предложения» направлено на достижение производственного суверенитета и устойчивости к внешним шокам. Это требует не столько инструментов перераспределения, сколько механизмов стимулирования производственного сектора, что даёт мультипликативный эффект для всей макроэкономики. В едином экономическом пространстве игнорирование рыночного саморегулирования ведёт к структурным диспропорциям и росту издержек. Поэтому изучение детерминант рыночного механизма – ключевое условие трансформации воссоединённых территорий из дотационных в генерирующие рост субъекты.

Изучению рыночного механизма и его детерминантов посвящены работы многих исследователей, таких как: А. В. Зубарев, О. В. Луговой, В. Ю. Поташников [1], Н. В. Медведева [2], Т. Н. Красок [3] и др.

Цель систематизация и анализ детерминант рыночного механизма «экономики предложения» как теоретической основы новой модели экономического роста. Задача – обосновать условия, обеспечивающие технологический суверенитет и устойчивое развитие национальной экономики в условиях структурной трансформации и интеграции воссоединённых территорий.

Основные результаты. Детерминанты как ключевые факторы, условия или обстоятельства, которые определяют, формируют или существенно влияют на то или иное экономическое явление, процесс или результат [1], задают траекторию развития. Преодоление институциональных и структурных деформаций, накопленных в переходный период, возможно посредством выделения и систематизации детерминантов рыночного механизма «экономики предложения». Отметим, что кейнсианская модель рассматривает рынок как систему, склонную к долгосрочным дисбалансам, и работает со стороны спроса – стимулирует потребление и государственные расходы. Рыночный механизм представим как «механизм взаимосвязи и взаимодействия основных элементов рынка: спроса, предложения, цены, конкуренции и основных экономических законов рынка» [2, с. 299]. Как отмечает коллектив авторов, рыночный механизм «постоянно направляет экономику к состоянию общего экономического равновесия при полной занятости» [3].

В парадигме «экономики предложения» (supply-side economics) рынок обладает встроенными механизмами саморегулирования. Экономика

предложения работает со стороны предложения – снижает издержки производителей и расширяет производственные возможности, а главной задачей государства становится устранение искусственных барьеров, мешающих работать. Ключевыми детерминантами рыночного механизма «экономики предложения» выступают неценовые факторы, сдвигающие кривую предложения (табл. 1).

Таблица 1 – Основные детерминанты рыночного механизма «экономики предложения»

Детерминанта	Механизм действия
Цены на ресурсы (сырьё, труд, капитал)	Снижение ресурсных цен уменьшает издержки и расширяет предложение; рост – наоборот, сужает
Технологии производства	Более совершенные технологии снижают себестоимость, увеличивая объём предложения при прежней цене
Налоги и субсидии	Рост налогов увеличивает издержки и сокращает предложение; субсидии – расширяют
Количество продавцов	Увеличение числа производителей расширяет совокупное предложение
Цены на другие товары	Рост цен на альтернативный продукт (производимый на тех же мощностях) может сократить предложение данного товара
Ожидания изменения цен	Ожидание роста цен может сокращать текущее предложение (удержание товара на складах)

Выше было отмечено, что детерминанты рыночного механизма – это неценовые факторы (табл. 1), но стоит сделать акцент на институциональные условия, которые смещают кривую совокупного предложения вправо, стимулируя долгосрочный экономический рост:

снижение налоговых ставок — налоговое стимулирование (эффект Лаффера) – расширяет предложение, так как повышает стимулы к работе, инвестициям и риску – снижение налогов (на доходы физических лиц, прибыль корпораций и прирост капитала) рассматривается как главный инструмент. Это увеличивает чистую отдачу от труда и сбережений, стимулируя людей больше работать, а бизнес – реинвестировать прибыль, а не выводить ее в теневой сектор или потребление;

дерегулирование – устранение избыточных административных барьеров, упрощение процедур регистрации бизнеса и снижение жесткости трудового законодательства повышают гибкость рынка, что позволяет ресурсам быстрее перетекать в наиболее эффективные отрасли и увеличивать количество продавцов;

инвестиции в человеческий капитал (образование, здравоохранение) – повышают производительность труда, что сдвигает кривую предложения вправо. Трансформация структуры занятости, модернизация системы образования и переобучение кадров выступают базовыми детерминантами [4];

формирование инвестиционного канала и накопление физического капитала – расширяет доступ к ресурсам и технологиям, снижая издержки – в данных условиях приоритет отдается созданию условий для роста реальных частных инвестиций в основной капитал и инфраструктуру. Механизм работает через налоговые льготы (например, инвестиционные налоговые вычеты) и гарантии защиты прав собственности [5];

технологическое развитие и инновации – технологический суверенитет и внедрение новых технологий являются системообразующим фактором, напрямую определяющим потенциал роста экономики предложения.

Заключение. Таким образом, детерминанты рыночного механизма «экономики предложения» представляют собой систему неценовых факторов и институциональных условий, которые в совокупности определяют траекторию долгосрочного экономического роста. Систематизация факторов показывает, что основными драйверами сдвига кривой совокупного предложения выступают: снижение налоговой нагрузки, дерегулирование экономической деятельности, инвестиции в человеческий капитал, формирование инвестиционного канала и технологическое развитие. При этом технологический суверенитет в современных условиях становится системообразующим детерминантом, определяющим конкурентоспособность национальной экономики.

Информация о финансовой поддержке: *Работа выполнена в рамках государственного задания «Разработка механизма интеграции воссоединенных регионов России к новой экономической модели – экономике предложения» (№ FRRS-2026-0028).*

Список литературы

1. Зубарев, А. В. Детерминанты долгосрочного экономического развития / А. В. Зубарев, О. В. Луговой, В. Ю. Поташников // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16, № 22. – С. 4003–4010. – DOI: 10.18334/rp.16.22.2116. – EDN VJYXYD.
2. Экономика : курс лекций / А. В. Минаков, Н. П. Купрещенко, Л. Н. Иванова, С. Б. Лапина ; под ред. А. В. Минакова. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. – 282 с.
3. Макроэкономика : учеб. пособие / Р. М. Кундакчян, И. Ф. Гоцуляк, О. А. Игнатьева, И. И. Абдуллин. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2015. – 276 с.
4. Медведева, Н. В. Детерминанты развития экономики предложения: расстановка приоритетов / Н. В. Медведева // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-razvitiya-ekonomiki-predlozheniya-rasstanovka-prioritetov (дата обращения: 05.10.2026).
5. Красюк, Т. Н. Формирование инвестиционного канала: детерминация, факторы финансовой политики и стратегический подход / Т. Н. Красюк // π-Economy. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 178–198. – DOI: 10.18721/JE.18110.

УДК 332.146

УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МЕЗОУРОВНЕ

Камнева В.В., канд. экон. наук, ORCID 0000-0002-0108-159X
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, РФ
kamnevavv@cspu.ru

Введение. В условиях федеративного устройства Российской Федерации регионы являются основными площадками для практической реализации программ цифровой трансформации [1; 2], адаптации цифровых технологий к региональным условиям и повышению конкурентоспособности территориальных социально-экономических систем. Следовательно, необходим научно-обоснованный инструмент управления цифровой трансформацией на региональном уровне, учитывающий дифференциацию регионов по обеспеченности ресурсами, по менталитету и национальным особенностям, удаленности от административного и научных центров, уровню развития инфраструктуры и т.д.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании инструмента управления цифровой трансформацией экономики Российской Федерации на мезоуровне с учетом региональных особенностей.

Основная часть. Матрица диффузии инноваций выступает проекцией цифровой трансформации экономики Российской Федерации на мезоуровне [3], то есть отражает не только достигнутый уровень цифровой трансформации каждого субъекта Российской Федерации (значения Индекса цифровой трансформации) и тип принятия инноваций всеми региональными субъектами (новаторы, консерваторы), но и направления работы субъектов цифровой трансформации в регионе по переходу в целевое состояние (ограниченный или планируемый переход), что обеспечит повышение уровня цифровой трансформации экономики – рисунок 1.

С целью учета региональных особенностей субъектов Российской Федерации, определяющих различное соотношение факторов цифровой трансформации (потенциал региона, цифровая доступность, использование цифровых технологий) [3] введена расширенная классификация регионов по типу принятия инноваций, что отражено в таблице 1.

В таблице приняты обозначения: ↓ – ниже среднего значения Субиндекса по Российской Федерации; ↑ – выше среднего значения Субиндекса по Российской Федерации.

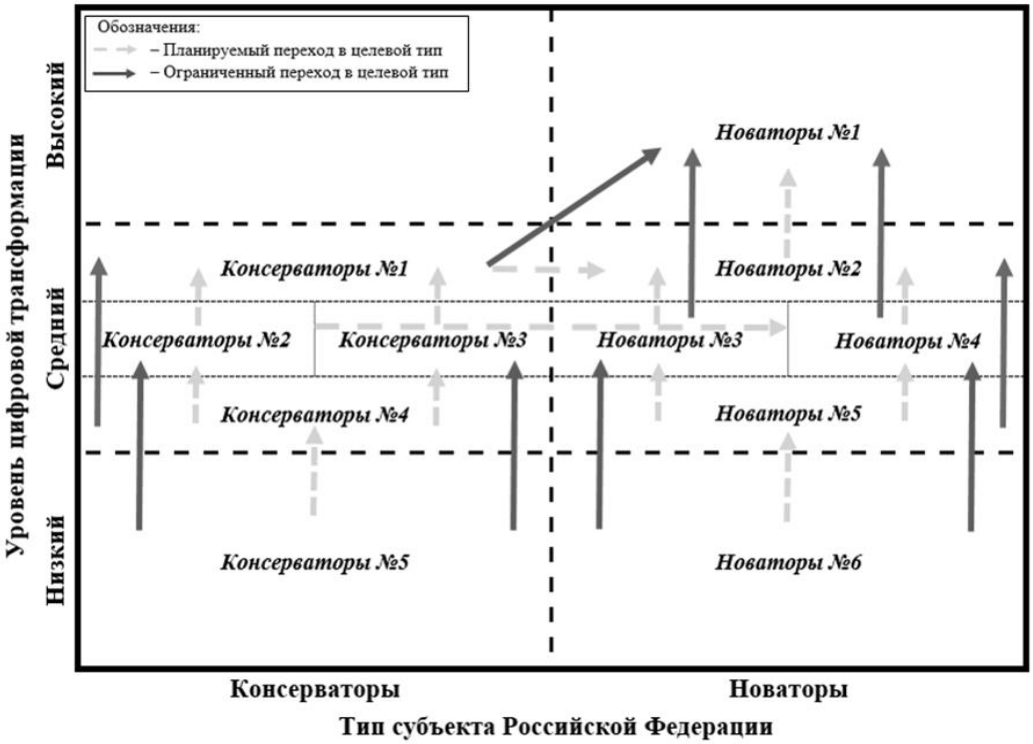

Рис. 1. Матрица диффузии инноваций

Основываясь на данных таблицы 1, отмечаем, что субъекты Российской Федерации, относимые к типу «Новаторы №1» определены значениями Субиндексов выше среднего значения по Российской Федерации и высоким уровнем цифровой трансформации. Структура Субиндексов регионов типа «Новаторы №2» идентична, однако субъекты Российской Федерации находятся на среднем уровне цифровой трансформации, часто на границе с высоким уровнем.

Таблица 1 –Классификация субъектов Российской Федерации по типу принятия инноваций

Тип субъекта Российской Федерации	Уровень цифровой трансформации	Субиндекс 1. «Потенциал региона»	Субиндекс 2. «Цифровая доступность»	Субиндекс 3. «Использование цифровых технологий»
Новаторы №1	Высокий	↑	↑	↑
Новаторы №2	Средний	↑	↑	↑
Новаторы №3	Средний	↓	↑	↑
Новаторы №4	Средний	↑	↓	↑
Новаторы №5	Средний	↓	↓	↑
Новаторы №6	Низкий	↓	↓	↑
Консерваторы №1	Средний	↑	↑	↓
Консерваторы №2	Средний	↓	↑	↓
Консерваторы №3	Средний	↑	↓	↓
Консерваторы №4	Средний	↓	↓	↓
Консерваторы №5	Низкий	↓	↓	↓

Основываясь на классификации субъектов Российской Федерации по типу принятия инноваций (табл. 1) и данных матрицы диффузии инноваций (рис. 1) возможно выделение направлений работы в регионах, направленных на повышение уровня цифровой трансформации. Например, переход субъекта Российской Федерации из типа «Новаторы №4» в целевой тип «Новаторы №2» будет определен работой по повышению значений цифровой доступности с сохранением региональной динамики использования цифровых технологий и развития потенциала региона. Данное направление работы субъектов цифровой трансформации имеет обобщенный характер и должно быть детализировано в региональных программах с учетом особенностей каждого субъекта Российской Федерации, которые находят отражение в достигнутых значениях Подиндексов, отражающих факторы цифровой трансформации экономики на мезоуровне. В частности, цифровая доступность в субъекте Российской Федерации определена уровнем развития цифровых компетенций и технико-экономической доступностью, что соответствует значениям одноименных Подиндексов, входящих в состав Индекса цифровой трансформации. Например, значения единичных показателей «Рейтинг регионов по уровню знаний о цифровом потреблении» и «Рейтинг регионов по уровню развития цифровых компетенций», входящих в Подиндекс «Цифровые компетенции», в регионе ниже среднего значения по стране. Данный факт позволяет выделить одним из приоритетных направлений работы в регионе повышение цифровой грамотности региональных экономических субъектов, в том числе посредством реализации региональных программ цифрового просвещения пенсионеров и подростков, организации школ информационной безопасности и иных мероприятий, в том числе на основе практики лидеров цифровой трансформации.

Заключение. Матрица диффузии инноваций обеспечивает информационную базу для принятия решений по управлению цифровой трансформацией экономики Российской Федерации на мезоуровне с учетом региональных особенностей субъектов Российской Федерации.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. №309 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2022).
2. Стратегии цифровой трансформации субъектов НА на период до 2024 года // Информационно-аналитическое агентство TAdviser – URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения 15.02.2021).
3. Камнева, В.В. Методический подход к оценке цифровой трансформации экономики Российской Федерации на мезоуровне / В.В. Камнева // Human Progress. – 2025. – Т.11. – Вып. 11. – С. 4. URL: http://progresshuman.com/images/2025/Tom11_11/Kamneva.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-11a-11.

УДК 351.78:614.8

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Капыльцова В.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0003-1876-4463,
Назаренко А.И.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kvv1117@mail.ru, nastena.nazarenko01@bk.ru

Введение. Сегодня в период активного развития науки, технологий и производства, в том числе военно-промышленного комплекса, а также повсеместного внедрения процессов автоматизации, информатизации и цифровизации, необходимо четко и своевременно реагировать на ситуации, которые не соответствуют установленным нормам и могут привести как к материальному ущербу, так и жертвам среди населения. Прежде всего, следует максимально исключить все возможные отклонения и снизить риск аварий и иных чрезвычайных ситуаций (ЧС).

На законодательном уровне под чрезвычайной ситуацией понимается обстановка, которая сложилась на определенной территории в результате воздействия таких факторов, как: стихийное бедствие, распространение опасного для окружающих заболевания, аварии, катастрофы или иных факторов, которые в перспективе могут нарушить условия жизнедеятельности населения, привести к материальным либо человеческим потерям [1]. Стоит признать, что свести подобные риски к нулю в современных реалиях невозможно. В связи с этим, необходимо предварительно анализировать и оценивать различные ситуации, которые могут привести к ЧС, и регулярно составлять и актуализировать план действий при их возникновении.

Цель исследования – определение приоритетных направлений совершенствования государственного (регионального, муниципального) управления (мониторинга) в чрезвычайных ситуациях.

Основная часть. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях представляет собой сложный и многогранный процесс. При этом система управления ЧС рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, функционирующих для достижения общей цели, и фокусируется на оценке и управлении рисками, связанными с ЧС, для предотвращения или смягчения их последствий [2].

На современном этапе система управления в ЧС в России включает несколько уровней: федеральный, региональный и муниципальный. На федеральном уровне ответственность лежит на МЧС России, которое координирует действия всех ведомств, участвующих в ликвидации последствий ЧС, разрабатывает федеральные программы и нормативы.

Региональные органы исполнительной власти создают собственные системы реагирования, адаптированные к особенностям конкретного субъекта РФ, и обеспечивают взаимодействие с муниципальными образованиями. В свою очередь, муниципальные структуры управления реализуют оперативные меры по предотвращению и ликвидации ЧС на территории своих населенных пунктов, включая эвакуацию населения и организацию временного размещения.

Так, анализ и оценка процессов функционирования и развития системы государственного (регионального, муниципального) управления в условиях проявления ЧС позволили выделить три основные группы проблем, требующие оперативного решения: институциональные, технологические и организационные.

Несмотря на наличие единого координатора (МЧС России), межведомственное взаимодействие остается разрозненным. Например, при крупных техногенных катастрофах возникают задержки в обмене данными между министерствами энергетики, промышленности и цифрового развития, что снижает скорость реагирования на ЧС. Кроме того, большинство существующих систем мониторинга ЧС основаны на устаревших датчиках, не способных обрабатывать большие объемы данных в реальном времени, что снижает точность прогнозирования катастроф. Система подготовки спасателей и специалистов органов управления «на местах» не адаптирована к современным угрозам, включая киберугрозы либо военные действия, способные нарушить работу инфраструктуры, при этом также возникают сложности с вовлечением волонтерских организаций в процесс реагирования на ЧС, что приводит к неравномерному распределению ресурсов при крупных катастрофах.

В связи с этим, первое направление совершенствования государственного (регионального, муниципального) управления в ЧС предполагает создание унифицированного координационного центра, объединяющего ресурсы и данные всех заинтересованных ведомств. В отличие от существующей системы, которая основана на вертикальной иерархии, предлагаемый подход предусматривает децентрализацию принятия управленческих решений на региональном уровне с сохранением централизованного мониторинга глобальных рисков. Например, создание межведомственной цифровой платформы, интегрирующей данные Росгидромета, Роспотребнадзора, Ростехнадзора и МЧС, позволит автоматизировать процесс прогнозирования ЧС в режиме реального времени. Второе направление – внедрение цифровых инструментов, включая искусственный интеллект, для повышения точности прогнозирования и скорости реагирования на ЧС. Это позволит обрабатывать данные из большого количества датчиков, спутников и социальных сетей, выявлять скрытые риски за несколько часов до их проявления. Однако, нельзя допускать исключение человеческого контроля

над всеми процессами, так как существует риск того, что цифровые инструменты неверно интерпретируют какие-либо данные, в результате чего может быть запущен ошибочный алгоритм действий [3].

Кроме того, следует отметить, что важным фактором эффективности системы управления в ЧС является готовность населения к действиям в ЧС, так как в большинстве случаев именно люди, проживающие на территории, на которой произошла авария, стихийное бедствие или катастрофа, первыми сталкиваются с этим происшествием и могут принимать определенные решения, предотвращая тяжелые последствия. Низкий уровень информированности населения о мерах безопасности, правилах эвакуации и действиях при различных типах чрезвычайных ситуаций приводит к увеличению числа жертв и материального ущерба, а также затрудняет работу спасательных подразделений [4]. Так, например, жители Донецкой Народной Республики на данный момент нередко сталкиваются с отключениями электроэнергии и отсутствием мобильной связи в результате атак беспилотных летательных аппаратов, в связи с чем им недоступны такие системы массового оповещения как радиовещание, телевидение и Интернет.

Заключение. Таким образом, современная система государственного (регионального, муниципального) управления чрезвычайными ситуациями в России, несмотря на наличие четко выделенных уровней координации и функционирования МЧС России как единого центра ответственности, сталкивается с комплексом проблем, затрудняющих своевременное и эффективное реагирование на угрозы. Вышеназванные направления совершенствования государственного (регионального, муниципального) управления в ЧС следует учитывать при корректировке правовых актов, регулирующих организацию управления в ЧС, разработке региональных программ повышения устойчивости территорий, а также обновлении нормативов подготовки кадров спасательных служб и органов власти «на местах».

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024). – Текст: электронный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 26.12.1994. – № 35. – ст. 3648. – URL : https://www.consultant.ru (дата обращения: 06.10.2026).
2. Бондаренко, В. А. Обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях. Учебник / В. А. Бондаренко и др. – М. : РИОР, Инфра-М, 2021. – 336 с.
3. Емельянов, С. В. Информационные технологии регионального управления: моногр. / С. В. Емельянов. – М. : РГГУ, 2023. – 986 с.
4. Максимов, А. В. Методы поддержки принятия решений в оперативном управлении при чрезвычайных ситуациях: обзор исследований / А. В. Максимов // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2023. – № 2 (42). – С. 91-102. – URL: https://doi.org/10.37468/2307-1400-2023-2-91-102 (дата обращения: 06.10.2026).

УДК 378.4:001.89

РЕСУРСНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПАТЕНТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ РОССИИ

Конев А.В., ORCID 0009-0006-4615-1455
ФГБНУ «Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания»,
г. Благовещенск, РФ
andrkonev@vk.com

Введение. Патентную активность вузов обычно характеризуют количеством охранных документов. Однако абсолютные показатели не учитывают различия в финансировании и кадровых ресурсах организаций. Метод анализа среды функционирования (DEA) позволяет оценивать относительную эффективность преобразования ресурсов в результаты [1; 2].

Цель исследования: оценить ресурсную эффективность патентной деятельности 30 медицинских вузов России и ее изменение во времени.

Материалы и методы. Проведен ретроспективный панельный анализ патентной деятельности 30 медицинских вузов Российской Федерации. По данным Роспатента сформирован массив из 2566 патентов на изобретения и полезные модели, выданных в 2021–2025 гг. Программы для ЭВМ, базы данных и промышленные образцы не учитывались. В качестве ресурсных показателей использовали объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР, тыс. руб.) и численность профессорско-преподавательского состава (ППС) из официального мониторинга образовательных организаций [3]. Основной анализ эффективности охватывал 2021–2024 гг., поскольку сопоставимые ресурсные показатели за 2025 г. отсутствовали. Для оценки относительной эффективности преобразования ресурсов в патентный результат применяли метод анализа среды функционирования (DEA) с ориентацией на выпуск. Ежегодно рассчитывали техническую эффективность при постоянной (CRS) и переменной (VRS) отдаче от масштаба, а также эффективность масштаба (SE). Границу эффективности формировали отдельно для каждого года. Наблюдения с нулевым патентным выпуском, нулевым значением НИОКР или отсутствующими ресурсными данными исключали из соответствующих расчетов. Межгодовую динамику производительности оценивали индексом Малмквиста (MPI) с разложением на изменение технической эффективности (EC) и сдвиг границы эффективности (FC) за четыре последовательных перехода 2020–2024 гг. [4]. Дополнительно исследовали корреляции ресурсных показателей с числом патентов, сопоставляли рейтинги вузов по абсолютному выпуску и DEA, проверяли

устойчивость результатов при изменении состава ресурсов, выходных показателей и исключении экстремальных наблюдений.

Основная часть. В 2021–2025 гг. число выданных патентов изменялось от 376 в 2022 г. до 612 в 2024 г. При этом увеличение абсолютного патентного выпуска не сопровождалось устойчивым повышением относительной ресурсной эффективности. Средняя техническая эффективность по модели CRS (TE) в 2021–2024 гг. составила соответственно 0,464; 0,462; 0,527 и 0,365, а по модели VRS — 0,516; 0,533; 0,642 и 0,430. Средняя эффективность масштаба изменялась в пределах 0,856–0,914. Число вузов, достигших границы эффективности CRS, составляло соответственно 5, 3, 4 и 2. Таким образом, большинство организаций находились ниже расчетной границы эффективности, а различия между CRS и VRS указывали на существенную роль масштаба деятельности. При этом прямое сопоставление средних оценок разных лет ограничено построением самостоятельной границы эффективности для каждого года.

Установлена положительная корреляция между объемом НИОКР и количеством патентов (ρ=0,572), а также между численностью ППС и патентным выпуском (ρ=0,473). Корреляции рассчитаны по объединенным наблюдениям 2021–2024 гг. без учета повторных измерений вузов. Полученные результаты свидетельствуют о связи ресурсной обеспеченности с абсолютной патентной активностью, однако не позволяют рассматривать увеличение финансирования или численности персонала как непосредственную причину повышения патентной результативности.

Сопоставление рейтингов продемонстрировало существенное расхождение между количеством патентов и относительной эффективностью использования ресурсов: среди пяти лидеров по абсолютному выпуску только два вошли в первую пятерку по средней TE. Башкирский государственный медицинский университет, получивший 184 патента за 2021–2024 гг., занимал первое место по их количеству, но десятое по эффективности (TE=0,510). Напротив, Омский государственный медицинский университет при 53 патентах продемонстрировал наибольшую среднюю эффективность (TE=0,998). Высокие значения также получены для Самарского (TE=0,918) и Рязанского (TE=0,869) государственных медицинских университетов. Отдельные организации характеризовались заметным расхождением технической эффективности CRS и VRS, отражающим влияние масштаба на их положение относительно границы эффективности.

Анализ межгодовой динамики включал 113 сопоставленных пар наблюдений «вуз – последовательный год». Геометрическое среднее индекса Малмквиста составило 1,070, что соответствует расчетному среднему повышению производительности на 7,0% за переход. При этом компонент изменения эффективности (EC) составил 0,960, а компонент

сдвига границы (FC) – 1,115. Следовательно, положительная динамика совокупной производительности преимущественно сопровождалась сдвигом границы, тогда как относительная эффективность вузов в среднем снижалась. Наибольшие средние значения MPI среди организаций с четырьмя сопоставимыми переходами отмечены у Ставропольского (1,590), Курского (1,587) и Иркутского (1,466) государственных медицинских университетов. Вместе с тем полученное разложение носит описательный характер и не позволяет установить причины изменений.

Проверка устойчивости показала, что замена общего числа патентов количеством только изобретений практически не изменяла ранжирование вузов: коэффициент корреляции Спирмена между оценками TE двух моделей составлял 0,958–0,988 в зависимости от года. Напротив, исключение численности ППС из ресурсных показателей приводило к более выраженному изменению рейтингов (ρ=0,509–0,727), а количество эффективных организаций сокращалось до одной ежегодно. Проверка влияния экстремальных наблюдений выявила наибольшую чувствительность модели в 2023 г.: исключение Омского государственного медицинского университета снижало корреляцию исходных и пересчитанных рангов до 0,911. Таким образом, оценка эффективности отдельных вузов зависит от состава учитываемых ресурсов и положения наблюдений, формирующих границу эффективности.

Заключение. Количество опубликованных патентов не является достаточным критерием результативности медицинского вуза. DEA выявляет существенные различия в ресурсной эффективности и позволяет анализировать ее динамику, однако оценки зависят от набора ресурсов, состава выборки и полноты данных.

Список литературы

1. Charnes, A. Measuring the efficiency of decision making units / A. Charnes, W. W. Cooper, E. Rhodes // European Journal of Operational Research. – 1978. – Vol. 2, № 6. – С. 429–444. – DOI 10.1016/0377-2217(78)90138-8.
2. Banker, R. D. Some models for estimating technical and scale inefficiencies in data envelopment analysis / R. D. Banker, A. Charnes, W. W. Cooper // Management Science. – 1984. – Vol. 30, № 9. – С. 1078–1092. – DOI 10.1287/mnsc.30.9.1078.
3. Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. – Текст: электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – URL: https://monitoring.miccedu.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).
4. Färe, R. Productivity growth, technical progress, and efficiency change in industrialized countries / R. Färe, S. Grosskopf, M. Norris et al. // American Economic Review. – 1994. – Vol. 84, № 1. – С. 66–83. – URL: http://www.jstor.org/stable/2117971/ (дата обращения: 08.10.2026).

УДК 332.1:330.34

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ НЕРАВНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Кошелева Е.Г., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0006-7939-2124
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.kosheleva@donnu.ru

Введение. Неоднородность экономического пространства обусловливает различия в условиях и возможностях социально-экономического развития регионов, вследствие чего формируются неодинаковые темпы, масштабы и результаты развития территорий, определяющие различия их траекторий и способствующие пространственной дифференциации. В связи с этим особое значение приобретает разграничение неравномерности социально-экономического развития и пространственной дифференциации регионов, между которыми существует причинно-следственная взаимосвязь, требующая теоретического осмысления.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании процессно-результативной природы пространственной дифференциации регионов и раскрытии ее взаимосвязи с неоднородностью экономического пространства и неравномерностью социально-экономического развития.

Основная часть. Теоретические основы исследования пространственного развития экономики связаны с признанием неоднородности экономического пространства и обусловленных ею различий в территориальной организации социально-экономических процессов [1, 2]. Для характеристики территориальных различий используются близкие понятия «неоднородность», «неравномерность» и «дифференциация», отождествление которых представляется методологически некорректным. Пространственная неоднородность отражает объективные различия между территориями и выступает исходным свойством экономического пространства. П. А. Минакир подчеркивает, что «неоднородность экономического пространства имеет совершенно объективную природу» [3, с. 151].

Неравномерность развития регионов формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов, среди которых В. И. Пантин выделяет группу факторов, в том числе природно-ресурсные, социально-демографические, инфраструктурные, экономические, исторические, и другие [4, с. 222]. Различия исходных условий и конкурентных преимуществ обусловливают неодинаковые траектории территориального развития [5].

Неравномерность социально-экономического развития проявляется в различиях его интенсивности и динамики, тогда как пространственная дифференциация характеризует сложившиеся различия между региональными социально-экономическими системами и их трансформацию во времени. В исследовании Я. Лю, В. Г. Зарецкой и Ю. В. Вертаковой региональная дифференциация рассматривается через различия в уровне экономического развития, состоянии инфраструктуры, уровне жизни и иных характеристиках регионов [6, с. 60], изменение которых связано с процессами конвергенции и дивергенции [6, с. 66–67].

Таким образом, неоднородность отражает объективно существующие различия в условиях развития территорий, неравномерность характеризует различия в протекании и результатах социально-экономических процессов, тогда как пространственная дифференциация выступает одновременно процессом формирования и воспроизводства межрегиональных различий и итогом их накопления и закрепления. Логика формирования пространственной дифференциации регионов представлена на рис. 1.

Рис. 1. Логика формирования пространственной дифференциации регионов

Сформировавшиеся пространственные различия, в свою очередь, влияют на дальнейшее развитие территорий, способствуя сохранению либо изменению сложившейся дифференциации. Так, технологические изменения могут усиливать исторически сформировавшиеся различия в социально-экономическом развитии регионов [7, с. 68]. Это позволяет обосновать процессно-результативную природу пространственной дифференциации регионов (табл. 1).

Таблица 1– Процессно-результативная природа пространственной дифференциации регионов*

Пространственная дифференциация регионов как процесс	Пространственная дифференциация регионов как результат
формирование, *накопление*, *изменение* и *воспроизводство* межрегиональных различий под воздействием неоднородности условий и неравномерности социально-экономического развития	сложившаяся *совокупность* накопленных и закрепившихся *различий* между регионами по условиям, потенциалу, уровню, динамике и результатам социально-экономического развития

* авторская разработка

Заключение. Пространственная дифференциация регионов, формирующаяся вследствие неоднородности экономического пространства и неравномерности социально-экономического развития, имеет процессно-результативную природу, поскольку отражает как процесс формирования и воспроизводства межрегиональных различий, так и результат их накопления и закрепления. При этом сложившиеся различия, воздействуя на дальнейшее развитие территорий, становятся фактором последующего воспроизводства или трансформации пространственной дифференциации.

Список литературы

1. Гранберг, А. Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов / А. Г. Гранберг // Регион: Экономика и Социология. – 2007. – № 1. – С. 87–107. – EDN JJROBJ.
2. Минакир, П. А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 6–32. – DOI 10.14530/se.2010.2.006-032. – EDN MWOPOH.
3. Минакир, П. А. Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики / П. А. Минакир // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10 (10). – С. 150–153. – EDN NXSUXR.
4. Пантин, В. И. Основные факторы неравномерного развития российских регионов / В. И. Пантин // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 219–233. – DOI 10.19181/vis.2023.14.4.12. – EDN RUAFWS.
5. Матаева, З. Р. Социально-экономическое развитие регионов в условиях пространственной неоднородности и межрегиональной экономической конкуренции / З. Р. Матаева, Е. В. Кузуб, М. Х. Вахабова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 11, № 12(165). – С. 136–143. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.12.11.016. – EDN BLXKPM.
6. Лю, Я. Оценка региональной дифференциации по динамике основных экономических показателей и уровню их конвергенции / Я. Лю, В. Г. Зарецкая, Ю. В. Вертакова // π-Economy. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 60–78. – DOI 10.18721/JE.16404. – EDN ZRPDCA.
7. Динмухаметова, А. А. Пространственная асимметрия регионов России в условиях технологических изменений / А. А. Динмухаметова, И. Р. Бадыкова // π-Economy. – 2026. – Т. 19, № 3. – С. 68–82. – DOI 10.18721/JE.19305. – EDN IIMNYC.

УДК 328.185

НОРМАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Кошелева Е.Г., канд. экон. наук, доц., ***Петрунько А.В.***
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.kosheleva@donnu.ru, petrunko.sanya@mail.ru

Введение. Противодействие коррупции является значимым направлением государственной политики в сфере высшего образования. Важную роль в реализации антикоррупционной политики играют ее нормативно-организационное и информационное обеспечение, включающие регламентацию антикоррупционных мероприятий, формирование организационных механизмов, обеспечение информационной открытости и оценку коррупционных рисков. В связи с этим актуальным представляется сравнительный анализ нормативно-организационного и информационного обеспечения антикоррупционной политики образовательных организаций высшего образования Донецкой Народной Республики на основе материалов их официальных сайтов.

Цель исследования – провести сравнительную оценку нормативно-организационного и информационного обеспечения антикоррупционной политики в образовательных организациях высшего образования Донецкой Народной Республики на основе анализа материалов их официальных сайтов.

Основная часть. Антикоррупционная политика организации представляет собой комплекс взаимосвязанных принципов, процедур и мероприятий, направленных на предупреждение и противодействие коррупционным правонарушениям [1]. Нормативную основу ее формирования составляют положения Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], а направления антикоррупционной деятельности в сфере высшего образования отражены в документах Минобрнауки России [3, 4]. Отдельное направление нормативно-организационного обеспечения антикоррупционной политики связано с предупреждением конфликта интересов, в том числе посредством установления ограничений на совместную трудовую деятельность близких родственников и свойственников, занимающих определенные должности, при наличии непосредственной подчиненности или подконтрольности [5].

Основные элементы нормативно-организационного и информационного обеспечения антикоррупционной политики образовательных организаций высшего образования систематизированы и

основе положений нормативных требований и методических рекомендаций и объединены в шесть взаимосвязанных блоков (рис. 1).

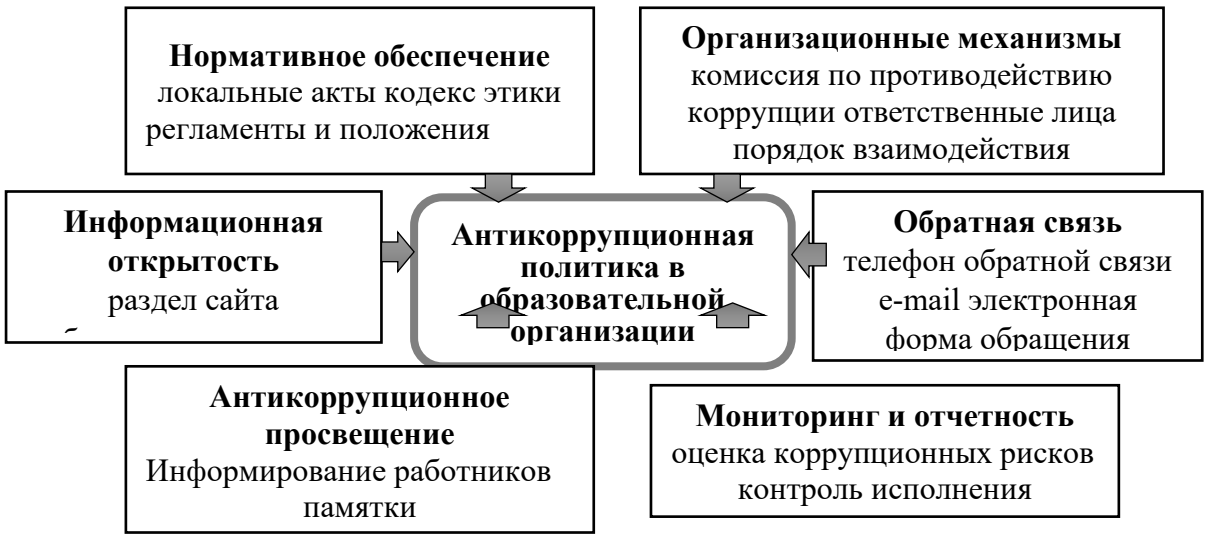

Рис. 1. Основные элементы нормативно-организационного и информационного обеспечения антикоррупционной политики

Представленная систематизация использована при сравнительном анализе материалов официальных сайтов четырех образовательных организаций высшего образования ДНР, подведомственных Минобрнауки России: ДонГУ, ДонНТУ, ДонНУЭТ имени М. Туган-Барановского и МГУ имени А. И. Куинджи. Предметом сравнения являлись наличие и доступность опубликованных нормативных и информационных материалов на сайтах образовательных организаций, представленность организационных механизмов реализации антикоррупционных мероприятий, каналов обратной связи, документов по оценке коррупционных рисков и публичной отчетности.

Разделы «Противодействие коррупции», на которых размещены локальные акты об антикоррупционной политике, кодексы этики педагогических работников, памятки для обучающихся и преподавателей, а также документы, регулирующие обмен деловыми подарками и знаками делового гостеприимства, информацию о создании комиссии по противодействию коррупции содержат сайты всех вузов. При этом различается доступность антикоррупционных материалов: у двух вузов соответствующие подразделы доступны с главной страницы, у остальных размещены внутри других разделов сайта. Во всех исследуемых организациях предусмотрены каналы обратной связи для сообщений о фактах коррупции, преимущественно посредством телефона и электронной почты. Кроме того, на сайтах ДонГУ и ДонНТУ дополнительно предусмотрены электронные формы обращения.

На сайте МГУ имени А. И. Куинджи размещены порядок информирования работодателя о случаях склонения работников к

совершению коррупционных правонарушений, карта коррупционных рисков и отчет о выполнении плана противодействия коррупции. На сайтах остальных исследуемых вузов указанные материалы в рамках проведенного анализа не выявлены. Таким образом, сравнительный анализ показал, что основные элементы антикоррупционной политики представлены на официальных сайтах всех исследуемых вузов, однако доступность и полнота информационного раскрытия, организации цифровых каналов обратной связи, документировании коррупционных рисков и публикации отчетности значительно разнятся.

Заключение. Сравнительный анализ официальных сайтов образовательных организаций высшего образования Донецкой Народной Республики: показал, что основные элементы нормативно-организационного и информационного обеспечения антикоррупционной политики представлены во всех исследуемых вузах; позволил выявить различия в полноте размещенных материалов и степени их доступности. В качестве приоритетных направлений совершенствования информационного обеспечения антикоррупционной политики определены развитие цифровых каналов обратной связи, повышение прозрачности представления информации о коррупционных рисках и унификация публичной отчетности о выполнении запланированных мероприятий по противодействию коррупции.

Список литературы

1. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. – Текст : электронный // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://www.rosmintrud.ru (дата обращения: 20.09.2026).
2. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.
3. Об утверждении Плана противодействия коррупции Министерства науки и высшего образования Российской Федерации : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 918 (ред. от 11 марта 2026 г. № 141). – Текст : электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://minobrnauki.gov.ru (дата обращения: 08.10.2026).
4. О направлении методических рекомендаций по противодействию коррупции : письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 августа 2013 г. № 12-925. – Текст : электронный // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70454560/ (дата обращения: 08.10.2026).
5. О применении отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 5 июля 2013 г. № 568 : письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 18-2/В-297. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 08.10.2026).

УДК 330.341.2:330.342

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

Кужелева А.А., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0000-9086-7107
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kuzhelechka@mail.ru

Введение. Хозяйственный механизм является довольно сложной и противоречивой категорией, что поясняется периодизацией развития экономической системы общества. Каждый этап развития экономической системы наполняет данную категорию определенными свойствами, что подтверждает ее сложность и многогранность. В частности, авторами отмечается *системность,* предопределившая определенные структурные элементы, и *объективность*, зависящую от исторического этапа развития производственных отношений в обществе.

Взаимосвязь категорий производительных сил и производственных отношений имеет центральное место в политической экономии, т. к. первая – это работники, обладающие знаниями и навыками, средства и предметы труда, технологии, инфраструктура и организационные возможности производства, а вторая – общественные отношения, возникающие в результате производства, распределения, присвоения и последующего использования результатов. Такие сложные категории не могут функционировать автоматически, поэтому их реализации помогает *хозяйственный механизм*.

Среди современных ученых, исследующих сущность и роль хозяйственного механизма, выделим: К. Маркса [1], В. И. Ленина [2], Л. И. Абалкина [3], Б. А. Райзберга [4] и многих др.

Цель – исследовать хозяйственный механизм как сложную экономическую категорию и определить его роль в жизнедеятельности экономической системы общества.

Основная часть. К. Маркс в труде «К критике политической экономии» показывает «связь способа производства материальной жизни с общественными, политическими и духовными процессами и рассматривает производственные отношения как общественную форму производства» [1, с. 5-9], что представляет собой соответствие между уровнем технологического развития и общественными отношениями, а также выделяет способы, при помощи которых оно осуществляется и обеспечивается.

Впервые понятие «хозяйственный механизм» в научный оборот вводит В. И. Ленин в 1918 г., заявляя о необходимости функционирования экономики в условиях «смерти подобных» [2, с. 408-409]. Впоследствии он дает в своих трудах различные его вариации: механизм хозяйствования, экономический механизм и хозяйственный механизм.

В 1960-1980 е гг. теория хозяйственного механизма получает популяризацию в связи с необходимостью решения противоречий между организационно-хозяйственной формой и потребностями экономического развития.

Л. И. Абалкин в труде дает свое авторское понимание категории: «хозяйственный механизм – совокупность форм организации общественного производства (разделение труда, специализация, размещение), форм хозяйственных связей (оборот средств производства, финансово-кредитные отношения), структуры, форм и методов планирования и хозяйственного руководства, а также совокупности экономических рычагов и стимулов, с помощью которых обеспечивается согласование и стимулирование хозяйственной деятельности» [3, с. 13]. Данное определение акцентирует фокус внимания на формах хозяйственных связей и дает широкое понимание данной категории, что может быть свойственно любому процессу, происходящему в системе общества. Труд, цена, прибыль, рента, кредит, налоги, заработная плата и многое другое применяются в экономической системе на постоянной основе и определяет хозяйственный механизм. Поскольку значимое место в хозяйственном механизме выделено перечисленным категориям, отражающим интерес экономических субъектов, то его стоит рассматривать в плоскости экономического хозяйственного механизма.

Б. А. Райзберг дает следующую формулировку хозяйственному механизму, определяя его как «совокупность организационных структур и конкретных форм и методов управления, а также правовых норм, с помощью которых реализуются в конкретных условиях экономические законы, процесс воспроизводства» [4, с. 5]. Иначе: автор дает понимание механизма воздействия на хозяйственные процессы.

Безусловное понимание хозяйственного механизма раскрывается в *функциях*, которые в зависимости от его целевого назначения и роли в жизнедеятельности экономической системы общества, обеспечивают трансформацию потенциала производительных сил в заданных параметрах производственных отношений:

распределительная (аллокационная): все ресурсы (труд, капитал, земля, информация) ограничены, поэтому их использование должно приносить максимум обществу и способствовать достижению целей собственника;

стимулирующая: экономический агент (предприниматель, рабочий) заинтересован в определенном типе поведения, обеспечивающем ему результат (система стимулов или, наоборот, санкций, направляют его к накоплению, инвестированию, риску);

регулятивная: координация действий экономических агентов обеспечивает сглаживание циклических колебаний или внесение корректировок в случаях провалов рынка;

информационная: состояние экономической среды обеспечивает экономическому агенту формирование слоя знаний, который формирует будущий сценарий его поведения;

системообразующую (интегративная): макро- и микроуровни образуя единое целое, позволяют соединять производительные силы и производственные отношения. Подобное соединение различных хозяйствующих субъектов определяет национальную и глобальную экономическую систему;

контрольно-оценочная: оценка на постоянной оценке позволяет своевременно выявлять отклонения от заданных параметров и включать дополнительные инструменты по корректировке (аудит, надзор, рейтинги, контроль).

Отметим, что представленные функции реализуются при помощи *институциональной комплементарности*, что отражает единство, взаимозависимость и взаимодополняемость элементов (институтов) экономической системы общества.

Заключение. Таким образом, *исследование экономической категории «хозяйственный механизм» позволило выделить*:

элементы общественного производства функционируют в постоянной взаимосвязи и баланса, что осуществляется благодаря эффективному распределению и правильной оценки информации;

достижение экономического интереса агента в условиях стимулирования или санкций осуществляется при максимуме информации и эффективном соединении производительных сил и производственных отношений;

системная роль предполагает достижение макроэкономических (глобальных) целей, что определяет экономическое развитие системы общества.

Следовательно, *хозяйственный механизм направлен на достижение национальных стратегических целей и обеспечивает устойчивость к внешним и внутренним влияниям. Он является эффективным инструментом, обеспечивающим создание, функционирование и развитие экономической системы общества*.

Список литературы

1. Маркс, К. Предисловие к «К критике политической экономии» / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – М.: Госполитиздат, 1959. – 771 с.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. – 599 с.
3. Абалкин, Л. И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества / Л. И. Абалкин. – М.: Мысль, 1973. – 173 с.
4. Райзберг, Б. А. Механизм хозяйствования: альтернативы / Б. А. Райзберг. – Москва : Знание, 1990. – 63 с. – ISBN 5-07-001259-2.

УДК 502.131.1

ИНСТРУМЕНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Кузьменко В.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0003-7405-5299
ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
kafedr88-88@mail.ru

Введение. Институциональные основы устойчивого развития Запорожской области представляют собой систему правил, норм и организаций, создающих условия для сбалансированного развития трех основных сфер жизнедеятельности региона: экономической, социальной, экологической. Эту систему формируют законы, стратегии, долгосрочные планы, а также органы, координирующие их реализацию. В настоящее время в Запорожской области воплощаются в жизнь 11 Национальных Проектов, в базовых для региона направлениях: охрана здоровья, образование, экология, туризм и инфраструктура. Инструментами реализации целей устойчивого развития территории, которые зафиксированы в Стратегии устойчивого развития [1], а также Стратегии социально-экономического развития Запорожской области на 2024-2034 гг. являются региональные государственные программы.

Цель – анализ региональных государственных программ на предмет выявления основных направлений и инструментов, которые направлены на обеспечение устойчивого развития Запорожской области.

Основная часть. Государственная программа социально-экономического развития Донбасса и Новороссии [2], предполагает проведение около 300 мероприятий в социальной, жилищной, транспортной и коммунальной сферах, а также введение в строй промышленных, аграрных производств и создание рабочих мест. Важное значение для устойчивого развития аграрного региона имеет программа поддержки сельхозпроизводителей, принятая в Запорожской области [3]. В ней отмечено, что основными целями в этом направлении являются: дальнейшее развитие растениеводства, которое занимает до 80 % в структуре аграрной продукции региона; увеличение производства основных видов агрокультур и расширение их ассортимента; развитие молочного животноводства и пищевой промышленности для обеспечения продовольственной безопасности; развитие малых форм хозяйствования за счет кооперации; восстановление системы мелиоративного комплекса, развитие инфраструктуры и цифровизация; увеличение земельных площадей сельскохозяйственного назначения. Эффективной работе института земельной собственности в контексте устойчивого развития

региона также способствует реализация государственной программы Запорожской области «Развитие земельных и имущественных отношений».

Кроме того, Запорожский регион является крупным промышленным центром, на территории которого расположено 193 предприятия, функционирующих в отраслях машиностроения, металлургии, химической, легкой и горнодобывающей промышленностей, производства стройматериалов [4]. В 2025 году прирост промышленного производства составил 6% и госпрограмма «Развитие промышленности» нацелена на положительную динамику в этом направлении путем укрепления производственных возможностей предприятия, формирования сети поставщиков, инновационного развития и инвестиционных программ. Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» направлена на привлечение инвестиций в такие сферы как: промышленность, сельское хозяйство, жилищное строительство, информационно-телекоммуникационную, курортно-туристскую и транспортно-логистическую сферы. Госпрограмма «Развитие транспортной системы» включает в себя две составляющие: развитие пассажирских перевозок и обеспечение железнодорожных перевозок. В настоящее время актуальным является повышение безопасности пассажиров и формирование транспортной системы региона.

Принятие программ «Строительство», «Обеспечение жильем и услугами ЖКХ», «Социальная поддержка граждан», «Содействие занятости населения» направлено на решение комплекса вопросов, связанных с повышение уровня и качества жизни населения Запорожской области, достижения цели, обозначенной Президентом РФ – выйти на среднероссийские показатели к 2030 году. Для обеспечения устойчивого развития региона особо остро стоит проблема кадрового обеспечения во многих областях деятельности, решить которую отчасти поможет проект «Развитие образования».

Вышеуказанные программы невозможно реализовать без использования потенциала региона, в частности, природного. На его эффективное и рациональное использование, а также на защиту и воспроизводство направлена госпрограмма «Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов, развитие лесного хозяйства». Экологический аспект является одним из базовых составляющих устойчивого развития. Кроме мер защиты окружающей среды, предлагается использовать инновационные технологии, позволяющие сокращать количество используемых природных ресурсов, снизить экологическую нагрузку на природу и жителей региона, повысить эффективность использования акватории Азовского моря – как промышленного (рыболовство), инфраструктурного (морской транспорт и порты), так и рекреационного (туризм).

В современных условиях невозможно достичь устойчивого развития без использования преимуществ, которые дает цифровизация социально-экономической сферы, производства и управления. В программе «Информационное общество», которая затрагивает эти вопросы, учтены мировые, общероссийские и локальные тенденции в сфере телекоммуникационных технологий и цифровой трансформации бизнеса государственного управления и предоставления госуслуг.

Заключение. Для успешной реализации программ, которые позволят обеспечить устойчивое развитие региона важно грамотно подобрать инструменты их финансирования, к которым относятся не только бюджетные ассигнования, но и налоговые льготы, субсидии бизнесу, гранты, контрольно-надзорные механизмы. Безусловно, основу составляют бюджетные средства из федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов. При этом целесообразным является и привлечение и внебюджетных источников – средств бизнеса, фондов, частных инвесторов. Параметры финансового обеспечения планируют исходя из поставленных целей.

Информация о финансовой поддержке. *Исследования проводились в рамках научной темы FRRS-2026-0025 «Институциональное обеспечение устойчивого развития Запорожской области».*

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии устойчивого развития Приазовья на период до 2040 года и плана мероприятий по ее реализации: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2025 № 4140-р. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523798/?ysclid=mkxwv4d03x63019168 (дата обращения 02.02.2026).
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области: Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2023 г. № 2255 https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408215899/?ysclid=mqtf8z0fbc840649219 (дата обращения 02.02.2026).
3. Об утверждении государственной программы Запорожской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства № 839. – URL: https://mineconom.zo.gov.ru/page_catalogs/show/razvitie_selskogo_xozyajstva (дата обращения: 19.06.2026).
4. Об утверждении государственной программы Запорожской области «Развитие промышленности: Постановление Правительства № 853. – URL: https://mineconom.zo.gov.ru/page_catalogs/show/razvitie_promyshlennosti (дата обращения: 19.06.2026).

УДК 338.48:332.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО РЫНКА МАРИУПОЛЯ

Лохман Н.В., д-р экон. наук, доц., ORCID ID 0000-0002-8525-8902,
Самусенко Я.В., ORCID ID 0009-0003-7792-587
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
nvlokhman@mail.ru, schurenkoyana@mail.ru

Введение. Трансформация пространственной экономики Российской Федерации сопровождается изменением структуры региональных рынков и формированием новых центров экономической активности. Для новых территорий Российской Федерации особое значение имеет развитие туризма как источника экономического роста, занятости и инвестиционной активности.

Мариуполь обладает значительным природно-рекреационным и историко-культурным потенциалом. Приморское положение, пляжи, объекты культурного наследия и возможности восстановления инфраструктуры создают предпосылки для развития различных видов туризма.

Цель исследования – определить перспективы развития туристического рынка Мариуполя с учетом процессов пространственной трансформации экономики.

Основная часть. Развитие туризма в новых территориях осуществляется одновременно с восстановлением инфраструктуры и формированием новых направлений экономической специализации. В ДНР институциональная основа отрасли сформирована Законом ДНР от 01.08.2025 № 206-РЗ «О туристской деятельности в Донецкой Народной Республике» [1]. Практическая реализация государственной политики осуществляется в рамках программы «Развитие туризма» на 2026–2030 гг. Ее основными целями являются увеличение туристического потока и создание современной туристической инфраструктуры. Общий объем финансирования программы на 2026–2030 гг. предусмотрен в размере 263,24 млн руб. [2].

Динамика туристического потока в Донецкой Народной Республике свидетельствует о формировании предпосылок для расширения регионального туристического рынка. Соответствующие показатели и целевой ориентир представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика и целевые показатели туристического потока в ДНР

Показатель	2024 г.	2025 г. *	2030 г.
Туристический поток, тыс. чел.	375,0	476,7	1000,0
Изменение к 2024 г., %	–	27,1	166,7

**По состоянию на 1 октября 2025 г.*

Источник: составлено автором по данным государственной программы ДНР «Развитие туризма» [2].

К 1 октября 2025 г. туристический поток в ДНР превысил показатель 2024 г. на 27,1%, а к 2030 г. планируется его увеличение до 1 млн человек [2]. Программа предусматривает развитие туристических маршрутов, информационных центров, навигации, придорожной инфраструктуры и средств размещения.

Одним из перспективных туристических центров региона является Мариуполь. По данным Единого института пространственного планирования РФ, туристический потенциал города Мариуполь связан с более чем 6 км пляжей, театром, парковыми зонами, архитектурным наследием, спортивной инфраструктурой и историко-культурными связями с греками Приазовья [3].

На этой основе в Мариуполе могут развиваться несколько взаимодополняющих направлений туризма (табл. 2).

Таблица 2 – Перспективные направления развития туристического рынка Мариуполя

Направление	Ресурсная основа	Туристический продукт
Пляжно-рекреационное	Побережье Азовского моря	Пляжный отдых
Культурно-познавательное	Историко-культурное наследие	Экскурсионные маршруты
Этнокультурное	История греков Приазовья	Этнокультурные мероприятия
Событийное	Театр и культурная инфраструктура	Фестивали, мероприятия
Спортивное	Спортивная инфраструктура	Активный отдых
Всесезонное	Совокупность ресурсов	Комплексные маршруты

Источник: составлено автором по материалам [2; 3].

Как следует из таблицы 2, туристический потенциал Мариуполя имеет диверсифицированный характер. Наряду с пляжно-рекреационным туризмом возможно развитие культурно-познавательного, событийного, спортивного и этнокультурного направлений. Такая структура позволяет снизить зависимость туристического рынка от сезонности и сформировать условия для его функционирования в течение всего года. Именно развитие всесезонного туризма обозначено как одно из перспективных направлений пространственного развития Мариуполя [3].

Для Мариуполя развитие туристической инфраструктуры должно быть связано с общим пространственным планированием города. ЕИПП РФ

отмечает, что корректировка генерального плана предполагает учет туристического потенциала при сохранении смешанной структуры городской экономики, в которой наряду с туризмом сохраняется промышленная специализация [3]. Следовательно, перспективная модель Мариуполя не предполагает превращение города исключительно в туристический или курортный центр.

Перспективным направлением является также включение Мариуполя в систему региональных туристических маршрутов. Государственная программа ДНР предусматривает развитие автомобильного туризма и создание маршрутов, связывающих Донецк с южными территориями республики, включая Мариуполь и другие населенные пункты Азовского побережья [2].

Заключение. Таким образом, развитие туристического рынка Мариуполя целесообразно осуществлять на основе комплексного сочетания природно-рекреационных, культурно-исторических, этнокультурных и спортивных ресурсов. Приоритетными задачами выступают создание современной туристической инфраструктуры, формирование всесезонного туристического продукта, развитие маршрутов и средств размещения, повышение качества услуг и привлечение предпринимательских и инвестиционных ресурсов.

В результате туризм может стать одним из инструментов трансформации пространственной экономики Мариуполя, обеспечивая диверсификацию городской экономической структуры и формирование новых точек экономической активности.

Список литературы

1. О туристской деятельности в Донецкой Народной Республике: Закон Донецкой Народной Республики от 1 авг. 2025 г. № 206-РЗ. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.09.2026).
2. Об утверждении государственной программы Донецкой Народной Республики «Развитие туризма»: Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 24 дек. 2025 г. № 130-3. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.09.2026).
3. В Мариуполе планируется развивать всесезонный туризм. – Текст : электронный // Единый институт пространственного планирования Российской Федерации : [сайт]. – 2026. – 20 апр. – URL: https://eipp.ru (дата обращения: 11.09.2026).

УДК 332.1

РОСТ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Львова Г.Н.
ФЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Рязань, г. Рязань, РФ
gallvova@yandex.ru

Введение. В современном мире изучение денежных доходов населения имеет большое значение для понимания экономического положения и социального благополучия в Российской Федерации. [3]

Основная часть. Увеличение потребительской способности населения свидетельствует об экономиченском росте и экономической безопасности государства.

Потребление домашних хозяйств в настоящее время составляет значительную часть ВВП государства. Способность населения увеличивать свои расходы зависит от роста их доходов.

В настоящее время наблюдается увеличение дефицита труда. Многие предприятия сталкиваются с нехваткой квалифицированных кадров, а так же предьявляют более высокие требования к сотрудникам в силу внедрения цифровых технологий.

Уровень жизни населения страны в значительной степени зависит от оплаты труда.

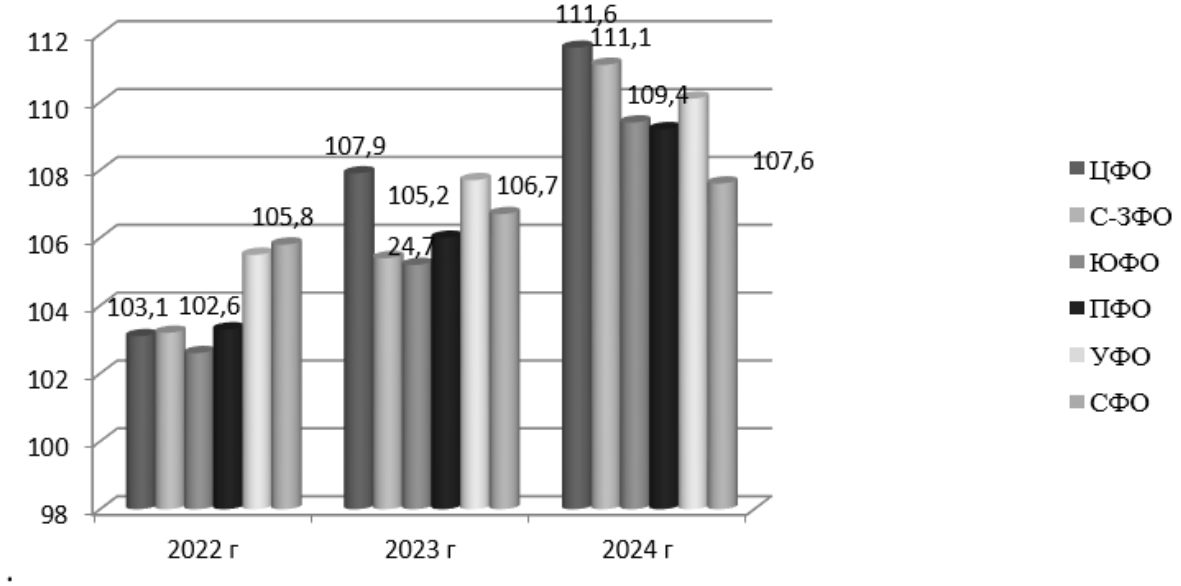

Рис. 1. Реальные денежные доходы населения, %

Показатель реальных денежных доходов населения, если рассматривать в % к предыдущему году, в различных федеральных округах

показывает одинаковую динамику. В ЦФО данный показатель вырос в 2023 г. на 4,8 %. В 2024 г. сохранена положительная динамики, но увеличение показателя было чуть меньше, чем в 2023 г. – на 3,7%. В остальных ФО рост показателя в 2024 г. в сравнении с 2022 г. не столь значительный. В ЮФО положительная динамика показателя – на 6,8 %, в ПФО – на 5,9 %, в УФО – на 4,6%, в СФО – на 1,8%.

Как видим, реальные денежные доходы населения росли ежегодно самыми низкими темпами, в сравнении с предыдущим годов – в Сибирском федеральном округе.

Рост материального благосостояния населения всегда являлся одной из главных задач государства. Значительная роль заработной платы в повышении благосостояния населения неоспорима [2].

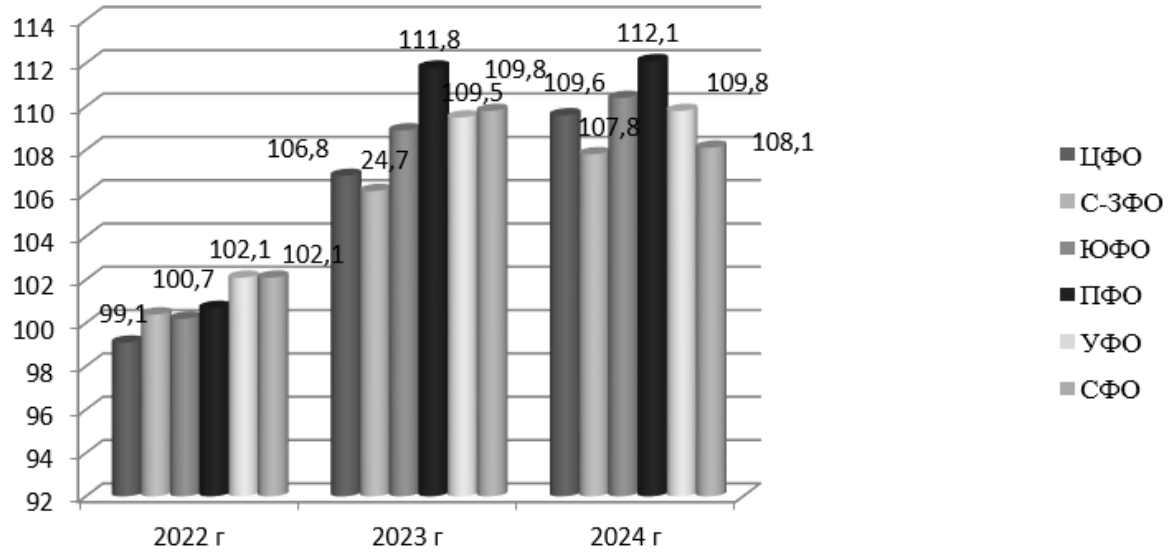

Рис. 2. Реальная начисленная заработная плата работников организаций, %

Показатель реальной заработной платы имеет положительную динамику практически по всем рассматриваемым федеральным округам.

В ЦФО показатель увеличился в 2023 г. на 7,7%, в 2024 г. – на 2,8%. В С-ЗФО рост показателя следующий: в 2023 г. увеличение – на 5,7%, в 2024 г. – на 1,7%.

В современных сложных экономических условиях государство стремится проявлять достаточную заботу о старшем поколении. Рост размера пенсий происходит не всегда достаточными темпами, в силу этого многие люди пенсионного возраста продолжают трудовую деятельность.

Показатель реальный размер назначенных пенсий по регионам показывает отрицательную динамику. Данная ситуация сложилась в силу того, что, хотя средний размер пенсии населения увеличивается, но если учитывать, рост цен, то в совокупности происходит его уменьшение.

Данный показатель по ЦФО в сравнении 2024 г и 2022 г. показал снижение на 2,9 %. По С-ЗФО показатель аналогично снизился в 2024 г.

Уменьшение показателя – на 2,2 %. Отрицательная динамика по рассматриваемы округам следующая: по ЮФО – на 2,8%, по ПФО – на 2,9%, по УФО – на 4,7%, по СФО – на 4%.

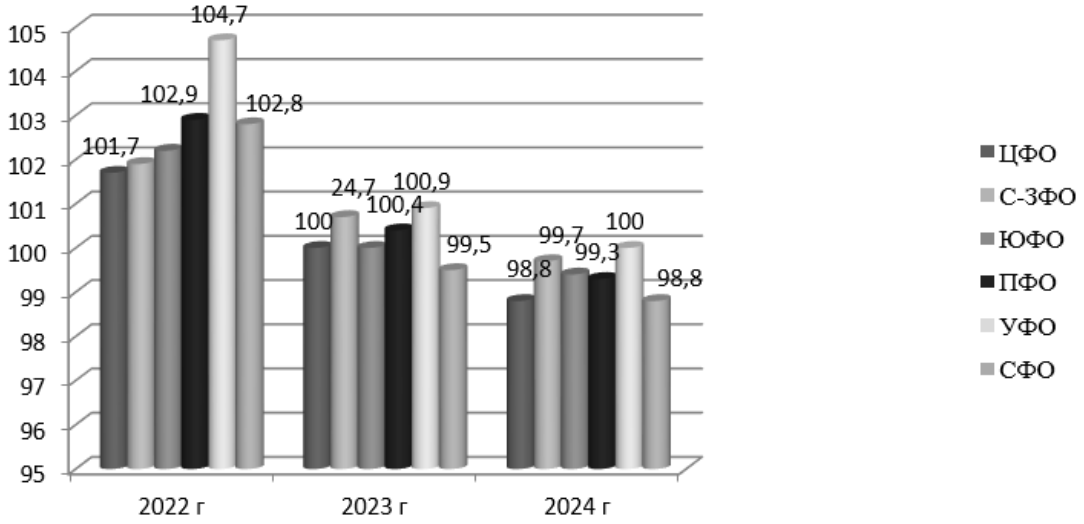

Рис. 3. Реальный размер назначенных пенсий, %

Как видим, наибольшее снижение показателя наблюдаем по Сибирскому федеральному округу.

Заключение. Для дальнейшего роста доходов и благополучия пенсионеров, а также их вовлечения в трудовую деятельность необходимо рассмотреть Государственной Думой ежегодное индексирование пенсионного обеспечения на уровень роста потребительских цен за счёт налоговых доходов государства [1].

Список литературы

1. Дятлова, А. Ф. Противодействие росту расслоения населения по уровню доходов как способ укрепления экономической безопасности государства / А. Ф. Дятлова // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 04 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 91-94. – EDN YAZKFV.
2. Львова, Г. Н. Трудовой потенциал как составная часть социально-экономического потенциала региона / Г. Н. Львова // Организационно-экономические и правовые проблемы развития региональных, отраслевых и ведомственных социально-экономических систем : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 15 апреля 2024 года. – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2025. – С. 184-190. – EDN AQGWRW.
3. Шитов, Д. О. Анализ влияния экономических факторов на рост среднедушевых денежных доходов населения Российской Федерации / Д. О. Шитов, Л. Н. Демидова // Прикладные аспекты анализа и моделирования социально-экономических процессов и управления : сборник научных трудов, Москва, 17 мая 2023 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. – С. 158-160. – EDN SKLGAF.

УДК 338

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ИНДИКАТОРОВ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Макарова М.В., канд. соц. наук, ORCID 0000-0002-7752-5265
АНО ВО «Национальный институт организации медицинской деятельности»,
г. Москва, РФ
makarova1382@gmail.com

Введение. Научно-технический потенциал российских регионов в целом слабо задействован в создании импортозамещающих разработок.

Мероприятия по развитию собственных инноваций должны проводиться не фрагментарно, а на постоянной основе, так как обратная ситуация в конечном счете неизбежно оборачивается стратегическим проигрышем и приводит к уменьшению импортозависимости страны.

Разработка и реализация политики импортозамещения требует от государства и предпринимателей активных действий в научной, нормотворческой, институциональной, кадровой и других. На ее успешность влияют функционирование образовательных кластеров и тесное взаимодействие НИИ, вузов с предпринимательским сектором.

Цель работы – проанализировать изменение численности хозяйствующих субъектов, осуществляющих технологические, маркетинговые и организационные инновации для оценки возможного влияния на инновационную политику импортозамещения.

Основная часть. По совокупным данным Росстата, Rusprofile фиксируется как увеличение числа ликвидированных компаний, основным видом деятельности которых являются исследования и разработки, так и уменьшение числа новых регистраций. За январь-март 2026 года количество ликвидированных компаний составило 1037 ед., что на 44 % больше аналогичного показателя прошлого года. Схожие данные показывает и аналитика Rusprofile – за январь-апрель ликвидировано 903 компании, что на 28 % больше показателя прошлого периода.

При этом количество новых регистраций компаний также подтверждает негативную тенденцию. За период январь -май 2026 было зарегистрировано 478 компаний, что на 16 процентов меньше, чем в прошлом году.

Данные показывают негативную динамику по сокращению числа компаний в секторе R&D.

Формирование научно-исследовательского инновационного импортозамещения предполагает оптимизацию расходов всех секторов на исследования и разработки.

Помимо изменения численности компаний, занимающихся НИОКР, следует отметить, что регионы России обладают дифференцированным

научно-исследовательским потенциалом, что можно считать следствием отсутствия единого подхода к реализации научно-технологической и инновационной политики [1, с.784].

Происходит генерация и концентрация передовых производственных технологий в центральных регионах. При этом большинство субъектов Урала, Поволжья и Сибири не находятся в лидерах индустриальных субъектов. Москва, Татарстан, Томская, Нижегородская области и Санкт-Петербург традиционно занимают верхние места в рейтинге регионов по научно-технологическому развитию.

Рассматривая данные по интеллектуальной собственности, например, по патентам, поданными вузами, следует отметить, что в числе лидеров находится Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Турбилина в Краснодарском крае, адрес которого не в лидерах-регионах [2].

Воздействие факторов, влияющих на политику импортозамещения, следует рассматривать с учетом сильной региональной дифференциации субъектов.

Заключение. Тенденция к сокращению количества компаний, занимающихся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, косвенно свидетельствует о следующих выводах:

1. Рост издержек НДС до 22% приводит к необходимости поддержки малых и средних предприятий.

2. Государственная поддержка не оказывает решающего значения для развития индустриальных регионов.

3. Вероятно, нельзя говорить о едином подходе к политике импортозамещения, так как ее успешная реализация зависит от влияния множества факторов, прежде всего от отраслевой принадлежности компаний и условиях спроса на продукцию.

4. Политика импортозамещения имеет выраженную региональную составляющую.

Список литературы

1. Наумов, И. В. Оценка и моделирование пространственных взаимовлияний вразвитии кадрового потенциала научно-исследовательской деятельности регионов России / И. В. Наумов, Н. Л. Никулина // Экономика региона. – 2023. – № 19 (3). – С. 782-800. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-13.
2. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2024: Приволжский федеральный округ / А. В. Александрова, А. В. Молодкин, О. Е. Бацокина [и др.]. – Москва : Федеральный институт промышленной собственности, 2025. – 104 с. – ISBN 978-5-907602-34-2. – EDN GDTCXF.

УДК 338.24

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ

Маковецкий С.А., канд. экон. наук, ORCID 0000-0002-1722-8517,
Скирневская Л.Н., ORCID 0009-0009-3914-7361
ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, РФ
ups.dn@mail.ru, luda.skirnevskaya@gmail.com

Введение. На данный момент уделяется формированию комплексной системы взаимодействия научно-образовательных организаций, промышленных предприятий, инвесторов и органов регионального управления. Обоснована необходимость совершенствования механизмов координации элементов инновационной инфраструктуры, привлечения инвестиционных ресурсов и адаптации инновационной деятельности к потребностям региональной промышленности и изменениям рыночной среды.

Цель исследования заключается в определении роли инновационной инфраструктуры в системе регионального промышленного развития и выявлении основных направлений ее совершенствования с учетом потребностей промышленного комплекса, инвестиционных возможностей и научно-технологического потенциала региона.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Проблематика инновационного и промышленного развития регионов получила широкое отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Вопросы формирования инновационного потенциала, развития территориальных инновационных систем и повышения эффективности региональной экономики исследовались С.Ю. Глазьевым [1], Р.Н. Лепой [2], С.А. Маковецким [2, 3], Д.Л. Напольских [4] и другими отечественными авторами. Теоретические основы инновационной деятельности и ее влияния на экономическое развитие представлены в работах М. Портера, Й. Шумпетера и других исследователей. Особое значение имеет определение механизмов, посредством которых элементы инновационной инфраструктуры могут обеспечивать технологическое обновление предприятий, повышение эффективности производства и формирование новых направлений промышленной специализации.

Основная часть. Инновационная инфраструктура выступает связующим элементом региональной инновационной системы, обеспечивая условия для разработки новых технологий, коммерциализации результатов научных исследований, трансфера технологий и внедрения инновационных решений в промышленное производство. Ее недостаточное развитие способно ограничивать возможности предприятий по освоению новых

технологий, привлечению инвестиций и реализации перспективных инновационных проектов.

Особую актуальность данная проблема приобретает в регионах, где промышленность является основой экономической специализации. В таких условиях развитие инновационной инфраструктуры должно быть непосредственно связано с потребностями промышленного комплекса, его отраслевой структурой, имеющимся научно-технологическим потенциалом и перспективными направлениями экономического развития. Таким образом, возникает необходимость формирования целостной системы инновационной инфраструктуры, ориентированной не только на поддержку отдельных инновационных проектов, но и на обеспечение долгосрочного технологического развития региональной промышленности.

Промышленное развитие региона представляет собой сложный процесс, в рамках которого взаимодействуют производственные предприятия, научные и образовательные организации, органы государственного управления, финансовые институты и другие экономические субъекты. Эффективность такого взаимодействия во многом определяется наличием соответствующей инфраструктурной основы. В данном контексте инновационная инфраструктура представляет собой совокупность организаций и механизмов, обеспечивающих поддержку инновационного процесса на различных его этапах – от возникновения научной идеи и разработки технологии до ее коммерциализации и внедрения в промышленное производство.

Особое значение приобретает взаимодействие инновационной инфраструктуры с промышленными предприятиями. Именно промышленный сектор выступает одним из основных потребителей технологических разработок и одновременно источником практических задач, требующих инновационного решения. В связи с этим развитие инновационной инфраструктуры должно учитывать структуру региональной промышленности и ориентироваться на решение конкретных технологических и производственных проблем, таких как: дефицит локализованных технологических компетенций, кадровый разрыв в высокотехнологичных специальностях, низкая скорость коммерциализации разработок.

Важным условием повышения эффективности инновационной инфраструктуры является взаимодействие науки и производства. Научно-исследовательские организации и высшие учебные заведения обладают научным и кадровым потенциалом, тогда как промышленный сектор располагает производственными ресурсами и возможностями практического применения новых разработок. Их кооперация позволяет формировать инновационные проекты, ориентированные на решение реальных производственных задач. Важную роль в этом процессе могут играть региональные программы поддержки инновационной деятельности,

предусматривающие предоставление финансовой, налоговой, информационной и организационной поддержки субъектам инновационной деятельности. При этом меры государственной поддержки целесообразно согласовывать с приоритетами промышленного развития конкретного региона.

Одним из инструментов системного развития инновационной инфраструктуры может выступать комплексная региональная программа инновационно-промышленного развития. Ее содержание целесообразно формировать с учетом следующих направлений: координация деятельности научных, образовательных и промышленных организаций; развитие механизмов технологического трансфера; создание условий для коммерциализации научно-технических разработок; развитие инженерной и консультационной поддержки инновационных предприятий; формирование механизмов привлечения частных инвестиций; обеспечение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности; подготовка кадров для инновационной промышленности; поддержка кооперации между предприятиями в рамках промышленных кластеров; развитие специализированных центров коллективного использования оборудования и технологических площадок.

Заключение. Инновационная инфраструктура является важным элементом системы регионального промышленного развития, поскольку обеспечивает организационные, технологические, информационные и инвестиционные условия для осуществления инновационной деятельности. Эффективность инновационной инфраструктуры при этом зависит от степени согласованности действий ее отдельных элементов и их ориентации на потребности промышленного комплекса. Таким образом, развитие инновационной инфраструктуры создает условия для технологического обновления промышленности, повышения эффективности использования региональных ресурсов и формирования новых направлений промышленной специализации.

Список литературы

1. Глазьев, С. Ю. Регулирование инновационных процессов в новом технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Ю. Глазьев // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2(72). – С. 24–27. – DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27.
2. Лепа, Р. Н. Стратегическое планирование инновационно-экологической деятельности промышленных предприятий / Р. Н. Лепа, С. А. Маковецкий // Вестник Института экономических исследований. – 2023. – № 4 (32). – С. 60–71.
3. Маковецкий, С. А. Обоснование необходимости устойчивого развития промышленности на основе индустрии 4.0 / С. А. Маковецкий // Экономика устойчивого развития. – 2023. – № 2(54). – С. 49–52.
4. Напольских, Д. Л. Тенденции и перспективные модели формирования промышленных кластеров в Российской Федерации / Д. Л. Напольских // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 248–263. – DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.16.

УДК 338.48

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Макогон Ю.В., д-р экон. наук, проф., ORCID 0000-0003-1982-9831
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет
имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь, ДНР, РФ
makogon.donnu@mail.ru

Введение. Успешное функционирование любого предприятия на рынке зависит от привлекательности самого продукта. И этот ресурс должен создавать центр маркетинговых исследований, с которым будут связаны все остальные элементы: регион, цена, распространение и продвижение на рынке.

Цель: обосновать теоретически определение туристский продукт как экономическая категория с целью применения данной услуги в нашем регионе.

Основная часть. Сам продукт по определению различных ученных, с точки зрения экономики, должен обладать ёмким содержанием. Но общий вывод можно сделать один, то, что он должен удовлетворять потребности людей после приобретения и использования.

В туризме продукт выступает в двух направлениях. Первое, это комплексное обслуживание, другими словами, такой набор услуг, который должен удовлетворить самого требовательного потребителя. И это первое направление и связано в основном с потребителем.

Второе направление присуще производителям. Главная роль будет сводиться к тому, что перевозчики оказывают транспортные услуги, гостиницы размещают потребителей, фирмы на территориях оказывают услуги по развлечению и т.д. В этом случае туристские продукты это составные части всего пакета услуг [1].

В Донецкой Народной Республике можно выделить следующие факторы производства туристского продукта:

природные;

капитальные;

людские;

природно-исторические.

Природно-исторические и культурные ресурсы можно выделить на первое место. Поскольку им принадлежит важное значение в удовлетворении потребностей туристов. Прежде всего можно выделить мягкий климат, теплое море, рекреационные ландшафты. Всё это является решающим фактором, который привлекает посетителей, должен

сформировать структуру в пространстве и придать этому правильное направление.

Капитальные ресурсы можно рассматривать с разных направлений. То что дано природой: биологический состав, геологический и географический. Экономисты объединяют их под общим названием «земля». При этом «землю» можно использовать как поверхность для строительства зданий, сооружений для использования в сфере туризма. Тогда по логике сюда же можно включить водные богатства. При этом необходимо учитывать экологический фактор, режим охраны ресурсов и правила эксплуатации.

Природные ресурсы на нашей территории имеют технологическую пригодность по своей функциональности для использования в туристической деятельности. Необходимо лишь придать некоторые эстетические качества с учетом антропогенных нагрузок и разнообразия природных комплексов [2].

Познавательный туризм в ДНР может развиваться с большой перспективой. Он зависит от историко-культурного потенциала. Есть в наличии музеи, мемориальные места, исторические памятники. В большом объеме присутствуют объекты духовной и материальной культуры. Историко-культурное наследие нашего региона представляет познавательный интерес для туристов. Необходимо грамотно составить экскурсионно-туристские маршруты.

Людские ресурсы так же используются в создании туристского продукта. При чем речь идёт, как и о состоянии здоровья и физической силы, так и о образовании и о профессиональных навыках. Поскольку происходит сознательное раскрытие духовной и физической энергии на получение доходов и удовлетворения потребностей.

Экономический фактор будет изморятся количеством трудоспособных людей и продолжительностью рабочего времени. Качеством трудовых ресурсов будут профессиональные знания и навыки. Но эти показатели должны все время расти и совершенствоваться. Люди должны заниматься определённым видом деятельности, который связан с риском. Значит он переходит в разряд предпринимательства. И будет связан с повышением степени заинтересованности людей в работе, в уровнях способностей и т.д. А способность заниматься предпринимательской деятельностью в сфере туризма будет рассматриваться как самостоятельный фактор производства.

Стоит учитывать тот фактор, что туризм является одним из наиболее трудоёмких секторов мирового хозяйства, но и при правильном подходе самой прибыльной отраслью. Особенностью туризма стал тот фактор, что механизация и автоматизация практически не затрагивают этот сектор услуг. Всё основано на ручном труде и прямом взаимодействии обслуживающего персонала с туристами.

Учитывая климатическую зону, в которой расположен наш регион, необходимо приложить максимум усилий, чтобы сделать туристский сезон наиболее продолжительным, а стремиться необходимо к круглогодичному оказанию услуг. Тогда работа людей уйдет от фактора сезонности и приобретет постоянный смысл. Снизится проблема безработицы, не будет массового высвобождения рабочих рук из отрасли.

Но в некоторых сферах можно предусмотреть и неполный рабочий день, тогда можно привлекать категорию временно безработных (студенты, женщины в отпусках по уходу и т.д.).

В след за этим следует развивать и образовательную деятельность в сфере туризма. В том числе привлекать наёмных работников из других регионов, имеющих опыт работы в турбизнесе [3].

Заключение. Таким образом, туризм, как отрасль хозяйственной жизни общества, имеет прямое отношение к использованию природных и историко-культурных ресурсов. В нашей ситуации мы не осваиваем новые территории, мы лишь хотим произвести диверсификацию нашей хозяйственной деятельности. Другими словами, отойти от привычного использования природных богатств, которое было нарушено в результате военных действий. Необходимо вовлечь в оборот раннее нетронутые естественные комплексы, которые можно использовать эффективно.

Самое главное к проблеме развития туристического кластера на нашей территории необходимо подойти комплексно. Создание зоны отдыха и береговой линии это лишь начало деятельности. Необходимо заложить в разработку создание всей инфраструктуры, которая будет обеспечивать, как и зону отдыха, так и зону обслуживания зоны отдыха.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках государственного задания (номер госрегистрации 1025032700018-9-5.2.1).*

Список литературы

1. Туризм: технологии и тренды: материалы конференции (съезда, симпозиума) / отв. ред. Е. Д. Бугрова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. – 294 с. – ISBN 978-5-7996-1931-2. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1945190 (дата обращения: 05.10.2026). – Режим доступа: по подписке.
2. Трухачев, А. В. Туризм. Введение в туризм : учебник / А. В. Трухачев, И. В. Таранова. – Ставрополь : АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2013. – 396 с. – ISBN 978-5-9596-0862-0. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/514838 (дата обращения: 01.10.2026). – Режим доступа: по подписке.
3. Безопасный отдых и туризм: учебник для вузов / ответственный редактор Г. М. Суворова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 192 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21430-7. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/584832 (дата обращения: 07.10.2026).

УДК 332.1

ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА: ЛОГИКА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО РОСТА И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ

***Маркова О.В.*[1],** канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-6419-3230,
***Филимонова Н.Н.*[2], канд. экон. наук, доц. ORCID 0000-0001-7583-5000
[1]АНО ВО «Московский международный университет», г. Москва, РФ,
[2]АНО ВО «Российский новый университет», г. Москва, РФ
markovaolga@yandex.ru, filimonova-nadin@yandex.ru

Введение. Восстановительный рост в ДНР после 2022 г. принято описывать через позитивную динамику доходов и инвестиций. Однако за этими цифрами скрывается более сложная картина: экономика региона растет не столько за счет внутренних источников, сколько за счет целевого федерального финансирования и эффекта низкой базы. Возникает вопрос: какие тренды являются устойчивыми, а какие носят компенсационный характер, и где находятся пределы восстановительной модели?

Цель исследования – выявить устойчивые и компенсационные тренды восстановительного роста в ДНР после 2022 г. и определить пределы сложившейся модели.

Основная часть. Для проверки гипотезы о компенсационном характере восстановительного роста рассмотрим три ключевых индикатора: заработную плату, инвестиции и население, динамика которых задаёт границы сложившейся модели [2; 3]. Их сопоставление позволяет отделить устойчивые тренды от конъюнктурных и оценить, насколько текущий рост обеспечен внутренними источниками (рис. 1).

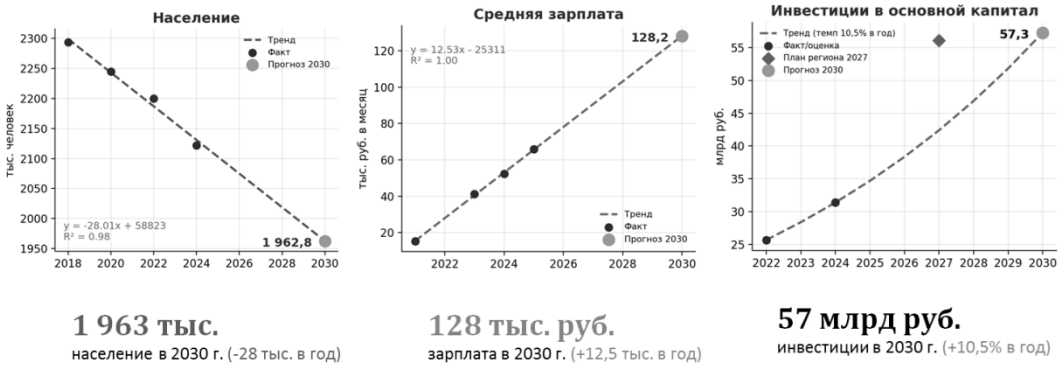

Рис. 1. Ключевые тренды восстановительного роста ДНР: население, заработная плата и инвестиции (с прогнозом до 2030 г.)

Как видно из рисунка три ключевых индикатора демонстрируют разнонаправленную динамику, которая и определяет противоречивый характер восстановительного роста в ДНР.

Демографический тренд является единственным устойчиво нисходящим: линейная зависимость ($y = -28{,}01x + 58823$, $R^2 = 0{,}98$) указывает на ежегодную убыль около 28 тыс. чел. [4]. К 2030 г. прогнозируется 1963 тыс. чел., то есть потеря ещё порядка 160 тыс. относительно текущего уровня. Это структурное ограничение, которое не снимается мерами экономической поддержки [3].

Зарплатный тренд, напротив, почти идеально восходящий ($y = 12{,}53x - 25311$, $R^2 = 1{,}00$). К 2030 г. прогнозируется 128 тыс. руб. в месяц (+12,5 тыс. руб. в год). Однако такая линейность говорит не о росте производительности, а о выравнивании оплаты труда до социально приемлемого уровня и компенсации кадрового дефицита [2]. Показательно, что при этом зарплата в ДНР остаётся на уровне около 66% от среднероссийской [4].

Инвестиционный тренд занимает промежуточное положение. При оптимистичном сценарии (10,5% в год) инвестиции в основной капитал вырастут с 25,7 млрд руб. в 2022 г. до 57,3 млрд руб. к 2030 г. Но даже этот рост не обеспечивает простого воспроизводства фондов, а остановка динамики в первом полугодии 2026 г. показывает, что процесс пока не стал самоподдерживающимся [3; 6]. Сочетание этих трендов даёт картину, в которой доходы выравниваются, население сокращается, а инвестиции растут недостаточными темпами. Регион становится дороже для бюджета, но не становится привлекательнее для жизни [5]. Именно в этом разрыве между социальной компенсацией и структурным воспроизводством и лежат пределы восстановительной модели [6; 7].

Сравнение в целом с РФ, как видно из табл. 1, подтверждает мысль о том, что ДНР отстает не столько по зарплате, сколько по инвестициям и демографии [4; 6]. Противоречия между целями Указа №309 и фактическими трендами ДНР даны в табл. 2.

Таблица 1 – Сравнительные показатели ДНР и РФ

Показатель	ДНР	РФ
Зарплата 2025, тыс. руб.	65,8	100,4
Инвестиции на жителя, тыс. руб. (2024)	14,8	273
Рождаемость, на 1000 чел.	3,8 (2021)	8,4 (2024)
Смертность, на 1000 чел.	15,7 (2021)	12,5 (2024)

Таблица 2 – Противоречия между целями Указа №309 и фактическими трендами ДНР

Противоречие	Цель (Указ №309)	Фактический тренд
Население	Рост численности	Устойчивая убыль
Рождаемость	СКР 1,6 к 2030 г.	В 2,2 раза ниже РФ
Смертность	Продолжительность жизни 78 лет	Выше среднероссийской
Инвестиции	Рост не менее 60% к 2030 г.	Остановка роста в 1 пол. 2026 г.
ВРП	Удвоение за 5 лет	Требует роста 15% в год
Доходы	Бедность ниже 7%	Зарплата 66% от РФ

Разрыв по инвестициям (в 18 раз) и демографии серьезнее, чем разрыв по заработной плате. Именно он определяет пределы восстановительного роста и вступает в противоречие с целями национального развития, что следует из табл. 2 [1; 7].

Заключение. Цели национального развития вступают в противоречие с фактическими трендами ДНР [1; 7]. Без смены модели восстановления – от бюджетной к инвестиционной – достижение целевых показателей невозможно. Пока рост обеспечивается федеральными трансфертами и целевыми программами, он будет продолжаться [2; 3]. Но как только помощь стабилизируется на достигнутом уровне, регион столкнется с необходимостью самостоятельного финансирования социальных обязательств. Восстановительная модель имеет четкие пределы, и их преодоление требует не просто роста инвестиций, а смены логики развития [5; 6].

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения 06.10.2026).
2. Маркова, О.В. Поведенческая экономика в госуправлении ДНР: от цифровизации к человекоцентричности / О.В. Маркова, Т.А. Шпилькина // Экономика современности и будущих времён: наука, практика, образование, искусство: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвящённой 60-летию создания экономического факультета Донецкого государственного университета, Донецк, 2026 г. – Донецк: ДонГУ, 2026. – С. 531–533. – EDN: FSXCTQ.
3. Шпилькина, Т.А. Риск-ориентированный подход в менеджменте организаций в условиях качественных изменений в экономике / Т.А. Шпилькина, Н.Н. Филимонова // Экономика современности и будущих времён: наука, практика, образование, искусство: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвящённой 60-летию создания экономического факультета Донецкого государственного университета, Донецк, 2026. – Донецк: ДонГУ, 2026. С. 564–566. – EDN:WRCRNZ.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – Москва: Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 05.10.2026).
5. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026–2028 годы / Министерство экономического развития Российской Федерации. – Москва: Минэкономразвития России, 2025. – URL: https://economy.gov.ru (дата обращения: 08.10.2026).
6. Отчёты о работе Правительства Донецкой Народной Республики за 2024–2025 годы / Правительство ДНР. – Донецк, 2025. – URL: https://pravdnr.ru (дата обращения: 06.10.2026).
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Донецкой Народной Республике: официальный сайт. – Донецк. – URL: https://80.rosstat.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).

УДК 332.1

ДНР И ЛНР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ

Маркова О.В[1]., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-6419-3230,
Шпилькина Т.А.[2], канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0003-4591-8125
[1]АНО ВО «Московский международный университет», г. Москва, РФ,
[2]ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева», г. Москва, РФ
markovaolga@yandex.ru, luk-72@mail.ru

Введение. ДНР и ЛНР часто рассматривают как единый объект восстановления. Однако сравнительный анализ показывает, что траектории их развития существенно различаются. Возникает вопрос: какая модель восстановления является более устойчивой и какие уроки можно извлечь из сравнения двух республик?

Цель исследования – на основе сравнительного анализа восстановительных траекторий ДНР и ЛНР определить, какая модель восстановления является более устойчивой, и выявить уроки, применимые для обеих республик. Сравнение восстановительных траекторий ДНР и ЛНР целесообразно вести по трём направлениям: демография, инвестиции и бюджетная устойчивость.

Первое различие – демографическая динамика. ЛНР потеряла значительно большую долю населения: если в ДНР убыль за 2020–2024 гг. составила около 5,5%, то в ЛНР – более 23% [1]. В абсолютных цифрах это выглядит так: население ДНР сократилось с 2245 до 2121 тыс. чел., то есть на 124 тыс., тогда как население ЛНР – с 1820 до 1390 тыс. чел., то есть на 430 тыс. [6; 7]. Разрыв более чем четырёхкратный. Причины – как масштабы разрушений, так и менее диверсифицированная структура расселения. Следствие для ЛНР двойственное: с одной стороны, сужается рынок труда и потребительский спрос, с другой – именно на этом фоне республика демонстрирует более высокие темпы инвестиционной активности. Это делает сравнение двух регионов не столь однозначным.

Второе различие – инвестиционная динамика. ЛНР показывает кратный рост инвестиций: с 8 млрд руб. в 2020 г. до 60 млрд руб. в 2024 г. [2]. В ДНР инвестиции за тот же период выросли с 25,7 до 31,4 млрд руб., т.е., лишь в 1,2 раза, а в 2026 г. их рост остановился [2; 4]. По объёму инвестиций ЛНР к 2024 г. почти вдвое опережает ДНР (60 против 31,4 млрд руб.), хотя по населению уступает ей более чем на треть [6; 7]. Причина различий – структура экономики: в ЛНР выше доля обрабатывающих производств (28% ВРП), что делает регион привлекательнее для вложений; в ДНР доминирует угольная отрасль, убыточная в масштабах РФ [2]. Однако кратный рост в ЛНР в значительной мере объясняется эффектом низкой

базы. Это означает, что высокая отдача на начальном этапе ещё не гарантирует устойчивости модели в дальнейшем.

Третье различие – бюджетная устойчивость. В ЛНР доля федеральных трансфертов составляет около 66%, в ДНР - 61% [3]. Оба региона критически зависят от центра, но ЛНР – в большей степени. Это ограничивает возможности самостоятельной политики и делает республику уязвимой к изменениям в федеральных программах [3; 5]. Корреляционный анализ для ЛНР выявил высокую связь инвестиций с ВРП (r = 0,94) и обратную связь с безработицей (r = –0,91) [6]. Иными словами, инвестиции в ЛНР работают как главный драйвер и роста, и снижения безработицы. Подтверждение – динамика ВРП ЛНР, который к 2024 г. достиг 175 млрд руб. при безработице 3,5% и добыче угля 5,0 млн т. [6]. В ДНР такой связи не наблюдается: занятость там поддерживается преимущественно бюджетным сектором, а сопоставимые данные по ВРП и безработице в официальной статистике отсутствуют [7].

Для систематизации различий и выработки стратегий составим SWOT-анализ (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительный SWOT-анализ ДНР и ЛНР

Компонент	ДНР	ЛНР
Сильные стороны	Рост зарплаты, выход к Азовскому морю	Высокая доля обработки, профицитный бюджет
Слабые стороны	Убыль населения, низкие инвестиции	Глубокое падение населения, износ фондов
Возможности	260 млрд. руб. на опорные города	ФЦП, ТОР «Луганск»
Угрозы	Отток кадров, убытки угольной отрасли	Санкции, кадровый дефицит

При схожих возможностях и угрозах регионы имеют разные слабые стороны: для ДНР критична инвестиционная пассивность, для ЛНР – демографическая яма. Пересечение факторов SWOT задаёт 4 типа стратегий для каждого региона (табл. 2).

Таблица 2 – Матрица стратегий развития ДНР и ЛНР на пересечении факторов SWOT

Тип стратегии	ДНР	ЛНР
SO	Использовать рост зарплаты и выход к Азовскому морю для привлечения инвестиций в опорные города	Опираться на обрабатывающие производства и профицитный бюджет при реализации ФЦП и ТОР «Луганск»
ST	Противодействовать оттоку кадров через закрепление занятости в бюджетном секторе и инфраструктурных проектах	Использовать профицит бюджета для смягчения санкционного давления и компенсации кадрового дефицита
WO	Направить 260 млрд руб. на опорные города для компенсации низкой инвестиционной активности	Задействовать ФЦП и ТОР «Луганск» для частичного восстановления населения и обновления фондов
WT	Снижать зависимость от убыточной угольной отрасли, удерживая население	Преодолевать демографическую яму и износ фондов в условиях санкций и дефицита кадров

Таким образом, количественное сопоставление даёт противоречивую картину. ЛНР опережает ДНР по инвестициям (60 против 31,4 млрд. руб.), ВРП (175 млрд руб.) и уровню безработицы (3,5%), но достигает этого на

фоне более глубокого демографического спада [6; 7]. ДНР, напротив, демографически устойчивее, но отстаёт по инвестиционной динамике. Ключевое объяснение - структура экономики: ЛНР меньше зависит от угля и больше – от обработки, тогда как в ДНР инвестиционная модель немного отстает из-за доминирования убыточных отраслей.

Заключение. Необходимо учитывать, что ни одна из двух моделей не является устойчивой в полном смысле. ЛНР растёт за счёт эффекта низкой базы и более благоприятной структуры экономики, но теряет население катастрофическими темпами. ДНР демографически стабильнее, но не может разогнать инвестиции. Общая проблема обоих регионов – зависимость от федеральных трансфертов и отсутствие внутренних источников роста. Матрица стратегий показывает, что дифференциация мер должна идти по двум линиям: для ДНР приоритет - инвестиционная активизация и снижение угольной зависимости, для ЛНР – демографическое восстановление и обновление фондов. Без этого переход от бюджетной модели к инвестиционной останется декларацией.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения 05.10.2026)
2. Маркова, О.В. Поведенческая экономика в госуправлении ДНР: от цифровизации к человекоцентричности / О.В. Маркова, Т.А. Шпилькина // Экономика современности и будущих времён: наука, практика, образование, искусство: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвящённой 60-летию создания экономического факультета Донецкого государственного университета, Донецк, 2026 г. - Донецк: ДонГУ, 2026. – С. 531–533. – EDN: FSXCTQ.
3. Шпилькина, Т.А. Риск-ориентированный подход в менеджменте организаций в условиях качественных изменений в экономике / Т.А. Шпилькина, Н.Н. Филимонова // Экономика современности и будущих времён: наука, практика, образование, искусство : сборник научных трудов Международной научной конференции, посвящённой 60-летию создания экономического факультета Донецкого государственного университета, Донецк, 2026 г. – Донецк: ДонГУ, 2026. – С. 564–566. – EDN: WRCRNZ.
4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026–2028 годы / Министерство экономического развития Российской Федерации. – Москва: Минэкономразвития, 2025. – Текст: электронный. – URL: https://economy.gov.ru (дата обращения: 08.10.2026).
5. Стратегия социально-экономического развития Луганской Народной Республики до 2030 года. − Луганск, 2024. – URL: https://sovminlnr.ru (дата обращения: 06.10.2026).
6. Официальные статистические данные Луганской Народной Республики за 2023–2024 годы. – Текст: электронный // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Луганской Народной Республике. – URL: https://81.rosstat.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Донецкой Народной Республик: официальный сайт. – URL: https://80.rosstat.gov.ru (дата обращения: 06.10.2026).

УДК 332.053

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Морозова Е.А., д-р экон. наук, проф., ORCID 0000-0003-2215-9808,
Титаев Р.А., ORCID 0009-0001-8367-8655
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
г. Кемерово, РФ
morea@inbox.ru, ra-titaev@yandex.ru

Ведение. Сбалансированность развития регионов, как составляющих единой экономической системы, является важнейшим фактором успешного функционирования всей страны, достижения ее стратегических целей, перспективных трансформаций, повышения качества жизни населения. А в условиях политической и экономической нестабильности, которая характерна для современного периода, достижение баланса в социально-экономическом развитии территорий становится новым вектором региональной политики и актуальной темой исследования [1, с. 5981]. Несмотря на достаточно активное и продолжительное изучение различных аспектов сбалансированности регионального развития, в науке остается открытым вопрос о толковании данной категории.

Цель исследования**:** обзор и систематизация теоретических подходов к определению сбалансированности регионального развития.

Основная часть. В настоящее время не существует единого определения понятия сбалансированности регионального развития. Прежде всего, следует различать предметную область данного термина, поскольку можно вести речь о сбалансированном (равномерном) социально-экономическом развитии территориальных образований страны в целях ее стабильного, эффективного функционирования в настоящем и будущем; а можно говорить о сбалансированном развитии отдельных территорий, то есть внутрирегиональном балансе. В данной статье акцент делается на втором варианте.

Еще больше плюрализма прослеживается, когда объясняется содержательное наполнение исследуемой категории, так как ученые опираются на различные методологические основания. «Анализ работ авторов в данной проблемной области позволяет выявить дифференцированный подход в изучении отдельных аспектов сбалансированного развития регионов, что не позволяет выработать единую концепцию рассматриваемого явления» [2, с. 28].

Тем не менее, в обзорных статьях выделяются различные подходы к пониманию сбалансированности регионального развития. Так, М.С. Старикова и П. Овусу-Донкор называют следующие: соответствие

потребностей в ресурсах и их источников, а также человеческого капитала и потребности в трудовых ресурсах; соотношение показателей в региональных счетах; наращивание отдельных составляющих экономического потенциала или эффективности его использования; соразмеренность экологического и экономического циклов [3].

В работе Д.А. Игропуло названы и охарактеризованы следующие теоретические подходы к понятию «сбалансированность регионального развития»: пространственный, системный, структурный, функциональный, воспроизводственный, политико-экономический, отраслевой, динамический, комплексный, устойчивого развития. Сам автор ратует за формирование синтетической, многовекторной парадигмы понимания сбалансированности регионального развития, которая позволит более полно и глубоко раскрыть ее содержание [4].

А.В. Крохмалева, делая обзор трактовок сбалансированности регионального развития, фактически выделяет подходы, ориентированные на баланс ресурсов и потребностей; на пропорциональность экономического потенциала регионов и процессов воспроизводства; на согласованную динамику развития отраслей; на сбалансированность финансовых потоков; на оптимальное соотношение всех элементов системы. Особое внимание ею уделяется концепции устойчивого развития, однако автор убедительно доказывает более широкое содержание понятия сбалансированности регионального развития по сравнению с его устойчивостью [1].

Рассмотрение даже небольшого количества работ о подходах к трактовкам сбалансированности регионального развития демонстрирует их очень большое количество. Это объясняется, в первую очередь, тем, что сам термин «сбалансированность» объясняется неоднозначно. На наш взгляд, его более общее и полное определение дано в Энциклопедическом словаре: сбалансированность – соотношение взаимно обусловленных частей, элементов обеспечивающее нормальное существование, функционирование, работу чего-либо [5].

В работе Г.И. Немировой и Ю.В. Чайко приводятся трактовки понятия «сбалансированность», которые используются в экономических первоисточниках. Выясняется, что чаще всего авторы опираются на такие термины, как соответствие, согласованность, пропорциональность, равновесие, синхронность [6]. Подобные характеристики отмечены и в статье А.В. Ухановой, которая подчеркивает, что множество существующих в науке определений «сбалансированность» и «сбалансированное развитие», отсутствие их однозначных дефиниций приводит к немалым трудностям [7].

Заключение. Таким образом, в настоящее время не сформировался единый подход к пониманию сбалансированности регионального развития, исследователи продолжают поиск наиболее адекватного варианта

интерпретации этой важной для экономики категории. На наш взгляд, в данном случае больше перспектив у системной методологии, поскольку она является универсальной научной парадигмой и в определенном смысле объединяет иные подходы. В данном случае следует подчеркнуть, что сам регион является сложной многоэлементной, разноуровневой системой, что он входит в состав более глобальных систем, что его развитие зависит от системы факторов, что требуется системность для управления его сбалансированным развитием. В качестве теоретико-методологической базы системного понимания сбалансированности регионального развития могут служить труды Г.Б. Клейнера и его коллег, в которых обоснован тезис, что «сбалансированность экономической системы достигается в случае соразмеренности (пропорциональности) ее структурных компонент (подсистем) и является необходимым условием для успешного функционирования экономической системы в стратегической перспективе» [с. 311].

Список литературы

1. Крохмалева, А. В. Обзор подходов к сбалансированности региональной экономики / А. В. Крохмалева // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 9. – С. 5979-5994. – DOI https://doi.org/10.18334/epp.15.9.123635. – EDN BAUYXQ.
2. Гамидуллаева, Л. А. Сбалансированное развитие территории: подходы к определению и оценке / Л. А. Гамидуллаева, Е. С. Грошева, О. А. Белоградова, Д. Н Шевченко // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2022. – № 3. – С. 25–41. doi:10.21685/2227-8486-2022-3-2.
3. Старикова, М. С. Сбалансированное развитие региона: подходы к определению / М. С. Старикова, П. Овусу-Донкор // Вектор экономики. – 2019. – № 1(31). – С. 36. – EDN YWGCAH. https://elibrary.ru/download/elibrary_36914164_82208688.pdf (дата обращения: 24.09.2026).
4. Игропуло, Д. А. Сбалансированность регионального развития: генезис теоретических подходов и методологический плюрализм / Д. А. Игропуло // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 12(170). – С. 20-33. – DOI 10.26726/rppe2024v12srrgt. – EDN BKDJZH.
5. Сбалансированность // Словари и энциклопедии на Академике. – Текст: электронный. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/141635/сбалансированность (дата обращения: 22.09.2026).
6. Немирова, Г. И. Теоретические подходы к определению содержания категории «сбалансированность» / Г. И. Немирова, Ю. В. Чайко // Актуальные вопросы экономических наук. – 2011. – С. 186-191.
7. Уханова, А. В. Обзор методических подходов к оценке сбалансированности региональной экономики / А. В. Уханова // Human Progress. – 2023. – Т. 9, вып. 4. – С. 12. DOI 10.34709/IM.194.12. EDN WEOTUW.
8. Клейнер, Г. Б. Системная сбалансированность экономики России. Региональный разрез / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 2. – С. 309-323. doi 10.17059/2019-2-1.

УДК 338.48:332.1

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ И ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Надричный А.В.
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», г. Саранск, РФ
nadrichnyya@bk.ru

Введение. Туристский потенциал зависит от ресурсов территории и условий их использования. О.В. Рогач и Е.В. Фролова определяют его как «совокупность всех возможностей для привлечения туристов» [1, с. 386], относят к ядру «транспортную доступность и развитую инфраструктуру» [1, с. 386] и отмечают «проблему региональной неравномерности» [1, с. 387]. М.В. Морошкина и С.В. Кондратьева пишут: «все большее значение приобретает доступность регионов» [2, с. 63], используют методику, «комплексно анализирующую географическую, транспортную и инфраструктурную доступности» [2, с. 65], и связывают доступность с «конкурентными преимуществами» [2, с. 66]. Н.В. Капустина использует формулировку «катализатором экономического роста» [3, с. 3], указывает, что «развитие транспортной инфраструктуры стимулирует и туризм» [3, с. 3], а при ограничениях «потенциал туризма остается не до конца реализованным» [3, с. 4]. Х.Ш. Забураева показывает: «наиболее труднодоступными районами» оказываются «наиболее обеспеченные туристско-рекреационным потенциалом районы» [4, с. 38]. Для 66,8 % исследованной территории отмечен «низкий уровень обеспеченности транспортной сетью» [4, с. 38]. Противоречие означает, что дорожная сеть может давать конкурентное преимущество, не являясь мерой ресурсного потенциала.

Цель исследования состоит в оценке пространственной дифференциации транспортной обеспеченности субъектов ПФО и ее соответствия реализованному туристскому результату.

Основная часть. Использована официальная статистика за 2024 г. по 14 субъектам ПФО: плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием на 1000 км^2 [5, с. 206] и численность размещенных в КСР [6, с. 15]. Второй показатель характеризует реализованную часть туристского потенциала. Применены коэффициент вариации $V = \sigma/\bar{x} \times 100$ %, ранговая корреляция Спирмена ρs и разрыв рангов $D = |R_д - R_т|$, где $R_д$ означает место по плотности дорог, $R_т$ – место по размещениям.

Таблица 1 – Транспортная обеспеченность и реализованный туристский потенциал субъектов ПФО, 2024 г.

Субъект ПФО	Дороги, км/1000 км^2	Rд	Размещено в КСР, тыс. чел.	Rт	D
Республика Башкортостан	329	4	1462,9	3	1
Республика Марий Эл	228	10	207,9	13	3
Республика Мордовия	306	6	173,2	14	8
Республика Татарстан	484	1	2760,4	1	0
Удмуртская Республика	274	8	532,2	7	1
Чувашская Республика	478	2	369,2	11	9
Пермский край	149	13	967,0	5	8
Кировская область	117	14	424,0	10	4
Нижегородская область	318	5	1811,9	2	3
Оренбургская область	162	12	470,4	9	3
Пензенская область	279	7	366,5	12	5
Самарская область	354	3	1373,1	4	1
Саратовская область	184	11	681,8	6	5
Ульяновская область	264	9	471,2	8	1

Источник: составлено автором по данным Росстата [5, с. 206], [6, с. 15]

При средней плотности дорог 280,4 км на 1000 км^2 коэффициент вариации равен 38,2%, для числа размещенных лиц 83,0%. Разброс туристского результата более чем вдвое выше. Лидер по обоим показателям Татарстан: 484 км на 1000 км^2 и 2760,4 тыс. размещенных. Минимальная плотность дорог у Кировской области (117), минимум размещений у Мордовии (173,2 тыс.).

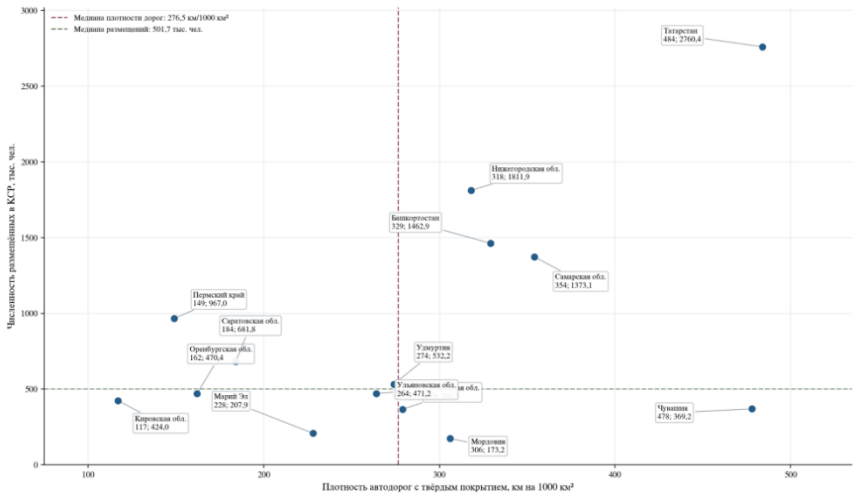

Рис. 1. Соотношение плотности автодорог и числа размещенных лиц в субъектах ПФО в 2024 г.

На уровне 5% статистически значимая связь не подтверждается. Наибольшие разрывы имеют Чувашия (D = 9), Мордовия (D = 8) и Пермский

край (D = 8): у первых двух плотная сеть сочетается с низким туристским рангом, у Пермского края наблюдается обратное соотношение.

Полученный результат уточняет роль транспортной доступности в реализации туристского потенциала. О.В. Рогач и Е.В. Фролова включают транспортную доступность в его структуру [1, с. 386]. Исследование Х.Ш. Забураевой показывает, что высокая обеспеченность территории туристско-рекреационными ресурсами может сочетаться с низкой густотой дорожной сети [4, с. 38]. Для субъектов ПФО ранговая корреляция между плотностью дорог и численностью размещенных лиц положительна, но невысока: ρs = 0,327 при p = 0,253. На уровне 5% статистически значимая связь не подтверждается. Положительное значение коэффициента указывает на однонаправленность ранговых изменений двух показателей в исследуемой выборке. Полученный результат позволяет рассматривать транспортную обеспеченность как один из факторов реализации туристского потенциала, влияние которого зависит от совокупности характеристик территории.

Заключение. Дифференциация туристского результата сильнее дорожной обеспеченности. Значение ρs = 0,327 при p = 0,253 не подтверждает статистически значимой монотонной связи. Плотность дорог характеризует одно из условий реализации туристского потенциала. Дальнейшая оценка может учитывать железнодорожную и авиационную доступность, время поездки и емкость КСР.

Список литературы

1. Рогач, О. В. Региональная специфика развития туристского потенциала: социологический анализ / О. В. Рогач, Е. В. Фролова // Регионология. – 2022. – Т. 30, № 2. – С. 383–404. – DOI 10.15507/2413-1407.119.030.202202.383-404.
2. Морошкина, М. В. Региональная доступность как фактор развития туристского направления / М. В. Морошкина, С. В. Кондратьева // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 60–81. – DOI 10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081. – EDN TOPVDO.
3. Капустина, Н. В. Влияние транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие сельской местности / Н.В. Капустина. – Текст: электронный // Вестник Евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № s5. – 9 с. – URL: https://esj.today/PDF/15FAVN523.pdf (дата обращения: 06.10.2026).
4. Забураева, Х. Ш. Транспортная инфраструктура как фактор развития туризма в Чеченской Республике / Х. Ш. Забураева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2025. – № 1. – С. 34–41. – DOI 10.17308/geo/1609-0683/2025/1/34-41. – EDN DQECJV.
5. Пензенская область в 2024 году : статистический сборник. – Пенза : Пензастат, 2025. – Текст: электронный. – URL: https://58.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ПЕНЗЕНСКАЯ%20ОБЛАСТ Ь%202024.pdf (дата обращения: 06.10.2026).
6. Основные показатели деятельности коллективных средств размещения за 2024 год. – Саратов : Саратовстат, 2025. – Текст: электронный. – URL: https://64.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KSR_2024.pdf (дата обращения: 06.10.2026).

УДК 330.341.2(470+571-32)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Овчаренко А.С., ORCID 0009-0001-9174-0113
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
antonina.ov4arenko@yandex.ru

Введение. Точкой отсчета для формирования четырех новых субъектов РФ стало 30 сентября 2022 года – дата подписания договоров о принятии в состав РФ Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей. Документы заложили правовую основу для поэтапной интеграции: с 1 января 2023 года в регионах введен российский рубль, а до 2028 года установлен переходный период для адаптации финансовой, правовой и управленческой систем.

Цель исследования – анализ ключевых аспектов экономической интеграции новых субъектов РФ.

Основная часть. Президент РФ указывает на принадлежность новых территорий к историческому наследию РФ и необходимость их органичного включения в общенациональные правовые и социальные институты. Путин В.В. формулирует главную задачу: обеспечить, чтобы к 2030 году ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области сравнялись со средними значениями по России в сферах, напрямую влияющих на уровень жизни населения [2].

В контексте тематики исследования следует отметить, что до 1 января 2026 г. действовал переходный период, в течение которого ставились вопросы урегулирования их интеграции в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, органов государственной власти Российской Федерации.

Однако, Президент РФ утвердил федеральный конституционный закон от 15.12.2025 № 4, который продлевает срок действия специальных временных правил, регулирующих интеграцию Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей в правовое, экономическое и административное пространство РФ до 1 января 2028 года [1].

Актуальность исследования обусловлена тем, что продление переходного периода интеграции новых субъектов РФ подчеркивает объективную потребность в комплексном научном анализе проблем и перспектив их экономического встраивания в единое пространство РФ.

Исследованию процесса экономической интеграции новых субъектов РФ посвятили свои работы такие ученые, как Митрофанова И.В., Синицына

И.В., Логутова Т.Г., Половян А.В., Уварова Г.Г., Мащенко Ю.А., Брюханова Н.В. и др.

Основу правового регулирования рассматриваемых вопросов составляет комплексная государственная программа по восстановлению и развитию четырех новых регионов. Она регламентирует целевые ориентиры интеграции, которые реализуются в рамках последовательных этапов (рис. 1).

Рис. 1. Этапы социально-экономического развития новых субъектов РФ (*составлено авторами на основании источника* [3])

На данный момент новые субъекты РФ находятся на первом этапе социально-экономического развития, характеризующийся экономической нестабильностью в связи с активной фазой специальной военной операции.

Ключевая задача мобилизационной экономики заключается в централизованном сосредоточении производственных ресурсов на приоритетных направлениях и актуальных хозяйственных целях. Основа данного процесса – восстановление промышленного потенциала на освобождаемых территориях и их последующей интеграции в единое экономическое пространство РФ.

В новых регионах исходная экономическая обстановка имеет отличия от экономического пространства РФ, а следовательно, требует особого адаптационного периода, который позволил данным регионам беспрепятственно войти в экономическое пространство страны и стать его полноправными субъектами.

Основными проблемами экономической интеграции новых субъектов РФ являются миграция населения, дефицит кадров, низкая производительность труда, низкий платежеспособный спрос населения, низкая конкурентоспособность, ограничения на экспорт продукции, экономическая блокада территории, сложности с импортом сырья, сокращение рынков. Следовательно, на новых территориях РФ отмечается разрушенная инфраструктура, резкий отток населения, социальные проблемы, уничтоженные хозяйственные связи, разрушенная транспортно-логистическая система, продолжение военных действий на части территорий.

К основным перспективам взаимодействия и слияния экономик России и ее новых субъектов относится рост использования промышленно-энергетическим комплексом угля; снижение дефицита энергоресурсов в южных регионах России; увеличение добычи железной руды предприятиям Курской магнитной аномалии за счет появления новых рынков сбыта; сокращение импорта труб магистральных газо-, нефтепродуктопроводов и замещение их продукцией Харцызского трубного завода; сокращение накладных расходов, связанных с поставкой бытовой техники, способной конкурировать по соотношению цена/качество; увеличение рынка сбыта продуктов первой необходимости и товаров массового спроса [3].

Заключение. Таким образом, исследованы и обоснованы ключевые аспекты экономической интеграции новых субъектов РФ. Проведенное исследование позволяет констатировать, что процесс их экономического встраивания носит объективно сложный и длительный характер, требующий пролонгации переходного периода до 1 января 2028 года в связи с разрушением инфраструктуры, оттоком населения и продолжающейся специальной военной операцией.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы: Федеральный конституционный закон от 15.12.2025 г. № 4-ФКЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521515/ (дата обращения: 25.09.2026).
2. Совещание по вопросам социально-экономического развития новых субъектов РФ 24 июля 2024 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/74634 (дата обращения: 24.09.2026).
3. Половян, А.В. Ключевые аспекты интеграции Донецкой Народной Республики в социально-экономическое пространство Российской Федерации / А.В. Половян, К.И. Синицына // Россия: общество, политика, история. – 2024. – № 2(11). – С. 146–172. – https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-2(11)-146-172.

УДК 338.24:37

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД В УПРАВЛЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ

Орлова Л.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
lv.orlova@donnu.ru

Введение. Финансирование образования занимает главное место в расходах местных бюджетов. По Бюджетному кодексу РФ, ассигнования на муниципальные программы закрепляются в решении о бюджете по целевой статье расходов (п. 2 ст. 179) [1]. Для органа управления образованием программа одновременно является документом развития и единицей бюджетной классификации. Это совмещение функций опасно подменой содержания: программа, ориентированная на бюджетный процесс, превращается в перечень затрат с индикаторами освоения, тогда как управлению образованием нужны ориентиры доступности мест в детсадах, числа смен в школах, кадрового обеспечения. **Цель** статьи – выявить условия, при которых программно-целевой подход реально обслуживает управление муниципальной образовательной системой, а не сводится к учету расходов.

Основная часть. Согласно п. 1 ст. 179 БК РФ, муниципальные программы утверждаются местной администрацией, а представительный орган лишь рассматривает их проекты и изменения; стратегический выбор в образовании закрепляет тот же орган, который затем отчитывается о его выполнении.

Научные работы понимают программно-целевой метод сходно – как подчинение мероприятий и ресурсов заранее выбранным целям, но изучают его на разных уровнях. Т.Н. Патрахина [2] предлагает переход от программно-целевого к проектно-целевому управлению образованием. Р.В. Коновалов [3] считает, что оценку эффективности муниципальных программ нельзя отождествлять с государственным финансовым контролем.

По характеру целей выделены три типа программ. Распределительная описывает расходы по подведомственным организациям и измеряет их освоение. Транслирующая повторяет цели и показатели государственной программы субъекта РФ и служит основанием для субсидий. Управленческая формулирует цели через состояние муниципальной сети (очередность в детские сады, сменность, кадровый дефицит) и подчиняет им расходы. Тип, поощряемый муниципальным порядком оценки, виден по составу показателей интегральной формулы.

Для муниципальной системы образования теоретический выбор сводится к тому, удастся ли удержать программу в управленческом типе при бюджетной процедуре утверждения и региональных субсидиях, тяготеющих к транслирующему типу.

В 2022–2023 гг. расходы росли в среднем примерно на 14% в год; это заметно быстрее, чем в 2021 г. Рост номинальный и сам по себе не расширяет управленческих возможностей муниципалитетов. Решающее значение имеет структура: на образование по состоянию на 01.01.2022 приходилось 47,9% расходов местных бюджетов [4], а по данным мониторинга 2024 г. основную долю по-прежнему составляют расходы на образование и ЖКХ [4]. При сохранении доли, близкой к 47,9%, расходы местных бюджетов на образование в 2023 г. составили бы около 3,4 трлн руб. (ориентировочная оценка).

В 2023 году удельный вес субвенции, направляемой на финансирование образовательного процесса, уменьшился до 68,8% [5]. Однако уменьшение доли само по себе не свидетельствует о сокращении объема выделяемых средств: при более быстром увеличении иных субвенций показатель снижается даже при сохранении прежнего размера финансирования. Для муниципальной программы принципиально другое обстоятельство: расходование субвенций задается региональными нормативами, а программа всего лишь фиксирует их в финансовом разделе. Поэтому управленческая суть муниципальной программы образования заключается в той части расходов, которая не покрывается субвенциями (содержание зданий, подвоз обучающихся, дополнительное образование детей, капитальный ремонт), и именно показатели этой части должны увязываться с поставленными целями.

Регион воздействует на муниципальную программу также посредством субсидий. В такой ситуации предпочтительным оказывается транслирующий тип программы: переписав региональные показатели, муниципалитет приобретает основание для софинансирования. Кроме того, распространилась практика изъятия переданных муниципальным образованиям полномочий: в 2023 году ее использовали 19 субъектов РФ, тогда как годом ранее – лишь 9 [5]. Таким образом, рамки программы определяются решениями региона в не меньшей степени, чем целями самой территории. Оценка реализации программы рассчитывается по интегральной формуле, общей для муниципальных программ районов [5]. В формуле с весами складываются степень достижения целей и решения задач (Cel) и два компонента, обозначенные Fin и Mer, которые по смыслу характеризуют финансовое исполнение и выполнение мероприятий. Среди целевых показателей программы развития образования того же района – доля руководящих и педагогических работников, своевременно прошедших повышение квалификации или переподготовку, и доля муниципальных образовательных организаций, использующих цифровые технологии в

административно-управленческой деятельности [5]. Оба показателя описывают работу системы управления, а не результаты для детей и семей. Компонент Cel, получивший половину веса, при таком наборе тоже измеряет активность администрации; результаты для обучающихся в него не попадают. При сохранении действующей формулы оценки около 100% будут повторяться независимо от доступности образования, а при расчете по результативным показателям часть программ получит оценки ниже 100%, и тогда оценка станет основанием для перераспределения несубвенционных расходов.

Заключение. Совершенствование оценки начинается с состава показателей, веса формулы вторичны. Для муниципальной системы образования результативны показатели состояния сети из ведомственной отчетности: охват детей дошкольным образованием, доля обучающихся во вторую смену, укомплектованность школ педагогами. Финансовое исполнение и выполнение мероприятий важны для контроля, но не должны компенсировать недостижение целей; при сложении компонентов компенсация неизбежна. Предлагается внести в муниципальные порядки оценки эффективности программ: разделение показателей на результаты для обучающихся и семей и показатели деятельности администрации и подведомственных организаций; интегральную оценку рассчитывать только по первой группе, а исполнение бюджета и мероприятий приводить в отчете отдельной справкой; если финансовый компонент сохраняется в формуле, ограничить его значение 100%.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // КонсультантПлюс: правовой сервер. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2026).
2. Патрахина, Т. Н. К вопросу о применении проектно-целевого подхода в стратегическом управлении системой образования / Т. Н. Патрахина. – Текст: электронный // Молодой ученый. – 2015. – № 16 (96). С. 291-293. – URL: https://moluch.ru/archive/96/21592 (дата обращения: 12.10.2026).
3. Данные об исполнении местных бюджетов на 01.01.2022 // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – Текст: электронный. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/03/main/Prezentatsiya_na_ 01.01.2022. pdf (дата обращения: 12.10.2026).
4. Коновалов, Р. В. Оценка эффективности использования бюджетных средств муниципальными образованиями / Р. В. Коновалов // Финансовое право. – 2023. – № 5. – С. 26-30.
5. Кравченко, Е. А. Государственные программы как инструмент программно-целевого подхода в управлении системой образования Самарской области / Е. А. Кравченко // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. – № 1 (64). С. 1134–1140.
6. Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: minfin.gov.ru (дата обращения: 12.10.2026).

УДК 332.14

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА

Потапенко В.Л.
ФГБОУ ВО «Ленинградский государственный университет»,
г. Пушкин, Ленинградская обл., РФ
vikaasedova@mail.ru

Введение. В данное время эволюция научных представлений об экономической устойчивости отражает изменения в экономической теории, социально-экономических условиях, глобальных вызовах и международном сотрудничестве. При этом, в современной науке экономическая устойчивость региона рассматривается как способность системы поддерживать стабильное состояние за счет эффективного использования ресурсов и факторов, обеспечивающих позитивные тенденции развития. Однако, в условиях современных экономических трансформаций, связанных с технологическими изменениями и геополитической нестабильностью, возникает крайняя необходимость переосмысления традиционных подходов к оценке экономической устойчивости регионов. В данной статье будет рассмотрена эволюция научных концепций экономической устойчивости регионов.

Цель – на основе теоретического аспекта обосновать эволюцию научных концепций экономической устойчивости регионов к условиям санкционного давления.

Основная часть. На сегодняшний день региональные экономические системы зачастую характеризуются высокой степенью нестабильности и низкой адаптивностью к изменениям, что ограничивает их гибкость и способность к саморегуляции. В связи с чем, оценка уровня экономической устойчивости регионов является ключевой задачей государственного управления, и данный факт обусловлен рядом причин, – это, и стимулирование экономического роста, и развитие социального статуса субъектов, и повышение благосостояния населения. Так, в мае 2024 года была утверждена стратегия развития РФ до 2036 года, определяющая приоритетные цели и механизмы формирования региональной системы, основные задачи которой на сегодняшний день включают комплексное развитие территорий, поддержку регионов с недостаточным уровнем экономического роста, стимулирование экономического роста, реализацию экспорта, развитие высокотехнологичных отраслей, повышение уровня комфортности жизни и решение проблем дефицита квалифицированных кадров [3].

Однако, данная стратегия не в полной степени разрешает проблемы экономической устойчивости, построенной на трёх позициях –

экономической, социальной и экологической. В связи с чем, для решения данной проблемы необходимо рассмотреть эволюцию научных концепций экономической устойчивости регионов.

Термин «устойчивое развитие» приобрел своё широкое распространение во второй половине XX века после публикации доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Далее по тексту - МКОСР) «Наше общее будущее» в 1987 году, в котором были сформулированы принципы и критерии устойчивого развития [2]. Доклад МКОСР, который зачастую называют докладом Брундтланд, действительно вызвал разные реакции со стороны научных деятелей и исследователей, которые восприняли его по-разному — одни развили идеи, другие указали на слабые места. В конечном итоге, доклад свел воедино социальные, экономические, культурные и природоохранные вопросы, предложив целостную модель, на базе которой были заложены основы оценки аналитической деятельности устойчивого развития. Таким образом, данный стратегический документ задал мощный «прорыв» для исследований, такого приоритетного направления, как «устойчивое развитие».

К примеру, в рамках исследований РАН, проведенных в Екатеринбурге и Вологде, устойчивость рассматривается как комплексное развитие на основе рационального использования ресурсов. В рамках исследований РАН, проведенных в Екатеринбурге и Вологде, устойчивость рассматривается как комплексное развитие на основе рационального использования ресурсов. В данном случае системный подход к устойчивому развитию региона был детально изучен в трудах А.Г. Гранберга [4, С. 34] и В.Е. Селиверстова [5, С. 39], которые акцентируют своё внимание на важности экономического роста и полной реализации потенциала территорий. Таким образом, региональная устойчивость представляет собой комплексную характеристику, включающую как восстановление экономики после негативных воздействий, так и её способность к структурным изменениям, направленным на адаптацию к новым условиям.

Стоит отметить, что с 2010 года концепция устойчивости получила своё широкое применение в международных организационных системах, таких как ООН, ОЭСР и ЕС, что свидетельствует о её высокой востребованности для решения проблем экономического развития. Также стоит дополнить, что оценка устойчивости региональной экономики позволяет не только проанализировать её способность адаптироваться к негативным последствиям, но и разрабатывать важные стратегические решения, направленные на обеспечение долгосрочного устойчивого развития. Экономическое развитие основывается на балансе трех ключевых компонентов (экономического роста, социальной ответственности и экологического равновесия) и, эволюция научных представлений об экономической устойчивости регионов включает в себя несколько этапов своего становления и развития, среди которых следует отметить (табл. 1).

Таблица 1 – Этапы становления экономической устойчивости

№ п/п	Этапы становления	Научные представления
1	Ранние этапы и формирование первичных концепций устойчивости	Античность и Средние века - Платон связывал стабильность государства с денежным обращением и натуральным хозяйством
		Классическая политэкономия [1, С. 14] - Томас Мальтус выдвинул гипотезу о геометрическом росте населения и арифметическом росте производства ресурсов
2	Вторая половина XIX — начало XX века	В странах Западной Европы термин «устойчивость» использовался в контексте устойчивости капиталистических отношений
3	XX век формирование базовых теоретических подходов	Первая половина XX века. Исследования устойчивости велись в трудах Л. Вальраса, П. Самуэльсона и А. Вальда. Концепцию устойчивости экономической системы разработал А.А. Богданов. Вторая половина XX века. Ключевое внимание уделялось динамическому равновесию. Теория перехода к экономическому росту была представлена У. Ростоу в 1960 году. Дж.М. Кейнс дополнил данную модель концепцией депрессивной экономики
4	Конец XX века формирование концепции устойчивого развития	Основное внимание уделялось экологическому аспекту экономического роста. Термин «устойчивое развитие» был введен в 1983 году комиссией по окружающей среде и развитию. После 1991 года российские регионы получили экономическую самостоятельность, что привело к нестабильности и ряду проблем в различных сферах. В начале 2000-х годов начался экономический рост, поддерживаемый ростом цен на нефть. Понятие «экономическая устойчивость региона» получило своё обоснование только в 2000-х годах, трактуясь как способность регионов адаптироваться к изменениям.

Таким образом, исследования экономической устойчивости в Российских регионах активизировались только после финансового кризиса 2008–2009 годов, которые и стали ключевым фактором для анализа неравномерного развития территорий и формирования стратегий, направленных на минимизацию негативных последствий кризисов.

Список литературы

1. Алексеев, Н. А. Экономические учения Платона и Аристотеля / Н. А. Алексеев // Вестник Таганрогского государственного педагогического института», 2008. – С. 14.
2. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. «Наше общее будущее: от единой Земли к единому миру - Приложение А/42/427 (Обзор - Документы ООН: сборник глобальных соглашений». – Текст: электронный. – URL: www.un-documents.ne (дата обращения: 07.09. 2026).
3. Указ Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.
4. Granberg, A. G. Osnovy regional’noy ekonomiki [Fundamentals of Regional Economy]. Moscow, HSU, 2001. – C. 34.
5. Seliverstov, V. E. Regional’noe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike [Regional Strategic Planning: From Methodology to Practice]. Novosibirsk, IEIE SB RAS, 2013. – C. 39.

УДК 332.1

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ПОТЕНЦИАЛ ВОССОЕДИНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Рагозина М.А., канд. экон. наук, доц., ***Карнаухова В.Ю.***
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», г. Красноярск, РФ
ragfil@mail.ru, karnauhovav216@gmail.com

Введение. Региональная экономика представляет собой сложную систему, развитие которой определяется совокупностью факторов: ресурсным потенциалом, отраслевой структурой, инфраструктурной обеспеченностью и институциональными условиями [1]. Воссоединённые исторические территории России – Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области – обладают значительным промышленным, аграрным и человеческим потенциалом, интеграция которого в общероссийское экономическое пространство является одной из приоритетных задач государственной политики.

Цель исследования – проанализировать актуальные тренды региональной экономики и оценить потенциал воссоединённых территорий в контексте их интеграции в экономическую систему Российской Федерации.

Основная часть. Промышленная база воссоединённых территорий исторически формировалась как крупный центр металлургии, машиностроения, угольной промышленности и химического производства. Восстановление и модернизация этих предприятий способны обеспечить значительный вклад в промышленный потенциал страны. Наряду с промышленностью, Запорожская и Херсонская области традиционно специализировались на выращивании зерновых, подсолнечника, овощей и плодово-ягодных культур, что создаёт предпосылки для укрепления продовольственной безопасности России. Существенным направлением является развитие транспортно-логистической инфраструктуры: выход к Азовскому морю открывает возможности для формирования новых логистических маршрутов и развития портовой инфраструктуры, что особенно актуально в условиях переориентации внешнеэкономических связей на восток и юг. Интеграция территорий сопровождается активной государственной поддержкой – реализуются программы льготного кредитования, субсидирования предприятий, развития свободных экономических зон, что формирует благоприятный инвестиционный климат.

Вместе с тем процесс интеграции сопряжён с серьёзными вызовами. Разрушение инфраструктуры и производственных мощностей в результате боевых действий требует значительных финансовых вложений и времени, а

ошибки в приоритизации восстановительных работ могут привести к неэффективному использованию ресурсов. Существенным риском остаётся дефицит квалифицированных кадров, вызванный миграционными процессами. Привлечение и удержание специалистов требует создания комфортных условий труда и жизни, а также развития системы профессиональной подготовки. Отдельного внимания требует адаптация законодательства, налоговой системы, стандартов бухгалтерского учёта и технического регулирования, поскольку переходный период может сопровождаться административными сложностями и снижением деловой активности. В условиях внешних ограничений особое значение приобретает обеспечение экономической безопасности, развитие импортозамещающих производств и защита критической инфраструктуры.

Заключение. Воссоединённые исторические территории России обладают значительным экономическим потенциалом, реализация которого способна внести существенный вклад в развитие национальной экономики. Промышленная база, аграрный сектор и транспортно-логистические возможности регионов создают предпосылки для их интеграции в общероссийское экономическое пространство. Однако успех интеграции будет определяться эффективностью государственной политики, активностью частных инвесторов и способностью регионов преодолеть структурные ограничения переходного периода.

Список литературы

1. Региональная экономика и управление: учебник для вузов. – Текст: электронный. – URL: https://urait.ru/book/regionalnaya-ekonomika-i-upravlenie-538279 (дата обращения: 13.09.2026).
2. Ибрагимхалилова, Т. В. Интеграция воссоединенных регионов в состав Российской Федерации: модель, этапы, специфика / Т. В. Ибрагимхалилова, Н. Е. Чижова // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16, № 10. – DOI 10.18334/epp.16.10.126690. – EDN RROAAR. – Текст: электронный. – URL: https://1economic.ru/lib/126690 (дата обращения: 13.09.2026).
3. Минэкономразвития: с начала года предприниматели получили почти 33 млрд рублей льготной финансовой поддержки. – Текст: электронный. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_s_nachala_goda_predprinimateli_poluchili_pochti_33_mlrd_rubley_lgotnoy_finansovoy_podderzhki.html (дата обращения: 13.09.2026).
4. Экономика и производительность труда: проблемы и решения в условиях цифровизации. – Текст: электронный. – URL: https://na-journal.ru/1-2024-ekonomika-menedzhment/8148-ekonomika-i-proizvoditelnost-truda-problemy-i-resheniya-v-usloviyah-cifrovizacii (дата обращения: 13.09.2026).

УДК 336.145.1:338.246.027(470.34/.44+470.51/.53+470.5

СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ВЫРАВНИВАНИЕ: КАК РЕФОРМИРОВАТЬ МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Романова А.А.
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, РФ
annaalekceevna10@mail.ru

Введение. Эффективное управление финансовыми потоками между уровнями бюджетной системы – определяющий фактор сбалансированного экономического роста территорий. От результативности распределения бюджетных ресурсов напрямую зависит уровень социально-экономического развития отдельных субъектов и государства в целом. В условиях глобальной экономической нестабильности и структурной трансформации экономики региональные диспропорции становятся более выраженными, что актуализирует поиск действенных механизмов межбюджетного регулирования.

Цель статьи – выявить системные дисфункции действующей модели межбюджетных отношений и предложить направления её реформирования, ориентированные на переход от пассивного выравнивания к стимулированию собственного экономического роста регионов.

Основная часть. Межбюджетные отношения представляют собой основанную на законодательно закреплённых принципах бюджетного федерализма систему финансово-правовых, экономических и организационных взаимодействий между публично-правовыми образованиями по поводу разграничения и закрепления расходных полномочий и доходных источников, а также предоставления финансовой помощи.

В мировой практике сформировались три основные модели межбюджетных отношений [5].

Централизованная (унитарная) модель характеризуется концентрацией большей части финансовых ресурсов на государственном уровне и минимальной фискальной автономией регионов.

Децентрализованная (конкурентная) модель предоставляет субнациональным уровням широкую фискальную автономию, что стимулирует региональное развитие, но создаёт риски усиления социально-экономического неравенства.

Кооперативная (интегрированная) модель представляет собой компромиссный вариант, сочетающий выравнивание территорий с сохранением стимулов для экономического развития.

Проанализировав модели межбюджетных отношений, можно сказать, что Российской Федерации присуще черты кооперативной модели, так и централизованной модели [4]. Регионы неавтономны, огромная роль принадлежит трансфертам, в частности, дотациям. Это приносит обратный эффект, так как подавляется мотивация регионов к формированию собственных доходов [2].

На основе этих проблем предлагается решение виде модели реформирования «Стимулирующее выравнивание». Основана она на принципе инвестирования федерального центра в результат.

Модель включает три взаимосвязанных блока.

Блок 1. Инструменты автономии и стимулов – предоставляет регионам реальные рычаги влияния на свои доходы через налоговые полномочия и гибкость в расходах через консолидированные субсидии.

Блок 2. Механизм финансирования и оценки – кардинально меняет принцип предоставления помощи. Вводится двухуровневая дотация: базовая (гарантированная), обеспечивающая социальный минимум, и стимулирующая (переменная), рассчитываемая на основе Индекса бюджетной и управленческой эффективности (ИБУЭ) [3].

Формула расчёта стимулирующей дотации:

$$V\ \text{стим} = V\ \text{база} + \text{К стим} \quad (1)$$

где $V_{база}$ – гарантированный объём дотации (например, 80% от среднего объёма дотаций региона за предыдущие 3 года);

$K_{стим}$ – коэффициент, определяемый в зависимости от прироста ИБУЭ.

Значение $K_{стим}$ может варьироваться от 0,8 (при падении эффективности) до 1,5 (при значительном росте).

Блок 3. Система открытости и зоны ответственности – включает цифровую платформу мониторинга, публичную отчётность по KPI и аудит эффективности.

Существующая система работает по логике «от дефицита»: чем хуже показатели региона, тем больше формульный расчёт помощи. Успех региона (рост доходов) может привести к сокращению дотаций в следующем году – это «наказание за успех». Предлагаемый механизм работает «от результата»: эффективно работаешь – получаешь бонус. Чем лучше динамика развития, тем больше стимулирующая часть.

Существующая система оценивает нуждаемость (уровень расчётной бюджетной обеспеченности). Предлагаемая модель оценивает эффективность (динамику ИБУЭ). Тип трансферта меняется с преимущественно безвозвратного и безусловного на условный: получение стимулирующей части возможно только при выполнении условий «контракта развития».

Для регионов-реципиентов модель создаёт чёткие и прозрачные условия для получения помощи и реальные возможности для скачка в развитии. Для регионов-доноров снижается постоянная финансовая нагрузка по поддержке слабых регионов. Для федерального центра происходит переход от роли «кризис-менеджера» к роли стратегического инвестора. Для граждан и бизнеса повышается качество и предсказуемость госуслуг, улучшается инвестиционный климат на местах.

Заключение. Существующая модель межбюджетных отношений обеспечивает краткосрочную бюджетную стабильность, но не дает регионам преодолевать разрыв между лидерами и аутсайдерами. Данная модель «Стимулирующее выравнивание» предполагает переход от пассивного покрытия дефицитов к активному инвестированию в результаты.

Таким образом, совершенствование межбюджетных отношений связано с переходом от компенсационной модели к стимулирующей. При этом финансовая поддержка федерального уровня является не инструментом временного решения финансовых проблем регионов, а становится драйвером инвестиционного развития на дальнейшую перспективу.

Список литературы

1. Антипов, В.Ю. Межбюджетные отношения в условиях трансформации: новые принципы и роль бюджетного кредитования / В.Ю. Антипов // Финансы. – 2025. – № 7. – С. 57-64.
2. Левина, В.В. Оценка эффективности регулирования межбюджетных отношений в субъектах РФ в условиях нестабильности / В.В. Левина, А.Л. Сабинина, А.С. Васин // Международный бухгалтерский учет. – 2025. – Т. 28. № 8. – С. 103-120.
3. Романова, А.А. Совершенствование межбюджетных отношений как финансовая основа развития регионов / А.А. Романова // Oeconomia et Jus. – 2025. – № 2. – С. 39-51.
4. Сериков, С.Г. Модели организации межбюджетных отношений: зарубежный опыт / С.Г. Сериков // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 4 (165). – С. 52-55.
5. Зарубежный опыт регулирования межбюджетных отношений / Д.М. Захрабов, А.П. Соколов, Р.Д. Махмудов, Д.Р. Махмудов // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2024. – № 1. – С. 81-88.
6. Официальный сайт iMonitoring. – Текст: электронный. – URL: https://www.iminfin.ru/.

УДК 339.186:332.1

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Савченко И.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0006-6227-5933
ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, РФ
savirwa@mail.ru

Введение. В условиях постконфликтного восстановления и трансформации экономической системы Донецкой Народной Республики (ДНР) вопросы оптимизации управления государством приобретают первостепенное значение. Одной из ключевых сфер, непосредственно влияющих на социально-экономическое развитие региона, является система государственных закупок.

Основной проблемой в сфере конкурсных тендерных торгов на территории ДНР является объективное отсутствие конкуренции и, как следствие, недостаточное количество участников, приводящее к невозможности проведения торгов и заключения государственных контрактов во многих сферах. Данная ситуация усугубляется тем, что покупатели, то есть государственные учреждения, для получения необходимых услуг, работ, товаров наряду с уже определившимся контрагентом вынуждены самостоятельно искать недостающих участников торгов на различных, зачастую невыгодных, условиях. Проблема обусловлена как ограниченностью деловой среды внутри Республики, так и игнорированием тендерных процедур организациями соседних регионов по ряду экономических и, вероятно, политико-экономических причин.

Целью исследования является разработка научно обоснованных предложений по преодолению дефицита участников и повышению эффективности тендерных процедур в системе государственных закупок ДНР.

Основная часть. Рынок государственных закупок в ДНР характеризуется умеренной концентрацией и низкой, но стабильной экономической активностью. Так по состоянию на 09.10.2026 актуальное состояние рынка госзаказа в ДНР оценивается в 2,1 млрд рублей, что соответствует 267 активным закупкам с участием 131 заказчика. Достаточно высокая динамика появления новых закупок (35 за последние сутки) указывает на стабильную активность рынка без признаков затишья. Вместе с тем, 42 завершающиеся в ближайшие дни три закупки показывают высокий уровень срочности, который требует оперативного реагирования со стороны поставщиков.

Относительно структуры закупок по отраслям, следует отметить, что бюджетный приоритет регионального государственного рынка закупок отдается препаратам противовирусной направленности (678 млн руб.) и противоопухолевым средствам (30 млн руб.). По массовому показателю лидируют услуги по перевозке пассажиров (8 закупок) и закупки бумаги для печати (также 8 закупок) [1].

Кроме того, доля ДНР в общем дорожном бюджете РФ составляет 0,0%, что подчёркивает незначительное присутствие республики в этой сфере и свидетельствует о низкой емкости ее актуального рынка госзаказа.

Правовой основой в сфере госзакупок РФ является Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд» [2]. Однако, применительно к новым регионам (включая ДНР), действует многоуровневая система особых норм, включающая:

44-ФЗ – для государственных и муниципальных заказчиков; применяется для государственных и муниципальных заказчиков в полном объёме там, где переходный период завершён;

223-Ф [3] – для закупок государственных корпораций, унитарных предприятий и организаций с государственным участием, работающих на территории новых регионов;

специальные правительственные постановления – устанавливают особый порядок закупок для нужд восстановления и жизнеобеспечения: упрощённые процедуры, расширенные основания для закупки у единственного поставщика, особые сроки (Постановление Правительства № 2559 от 31.12.2022 [4] с изменениями и дополнениями);

региональное законодательство – нормативные акты самих субъектов, регулирующие закупки за счёт региональных бюджетов в части, не противоречащей федеральным нормам.

Законы о госзакупках работают в новых регионах на особых условиях относительно смягчения требований к заказчикам и их квалификации. Главная особенность рынка для новых регионов является расширенные основания для закупки у единственного поставщика и упрощённых конкурентных процедур. Однако спецрежим относительно едпоставщика в госзакупках действует только в отношении контрактов в сфере строительства, ремонта, поставки товаров первой необходимости и восстановления коммунальной инфраструктуры. В отношении других объектов закупки действуют общие условия, закрепленные ФЗ-44. Таким образом, в ДНР наблюдается парадоксальная ситуация, когда заложенный в законодательстве механизм, целенаправленно стимулирующий конкуренцию и эффективность, из-за объективных и субъективных факторов, становится барьером для нормального развития экономики. Дефицит участников, обусловленный спецификой экономического положения региона и ограниченностью экономической среды, приводит к

тому, что тендеры зачастую признаются несостоявшимися, парализуя процесс закупок в целом.

Несостоявшиеся тендерные торги оказывают системное деструктивное воздействие на экономику и социальную сферу региона на нескольких уровнях:

бюджетная сфера – невыполнение государственных контрактов приводит к недообеспечению бюджетных учреждений, что прямо влияет на качество предоставляемых социальных услуг, препятствует поддержанию их функционирования и развитию;

производственный сектор – ограничение спроса со стороны государства на продукцию и услуги местных производителей снижает объемы их производства, препятствует развитию производственных мощностей и внедрению инноваций;

инвестиционный климат – неэффективность механизмов закупок и недостаточная прозрачность тендерных процедур могут снижать привлекательность региона для инвесторов;

трудовые ресурсы - срыв сделок может вести к сокращению рабочих мест или снижению загрузки трудовых ресурсов в затронутых отраслях;

экономическая диверсификация – зависимость от ограниченного числа поставщиков или невозможность привлечения сторонних исполнителей затрудняют диверсификацию экономики и повышают её уязвимость.

Решение данной проблемы в сфере государственных закупок ДНР, требует применения комплексного подхода, ориентированного на стимулирование участия в торгах и обеспечения непрерывности конкурентных процедур по следующим направлениям:

1. Упрощение и дифференциация процедур проведения конкурсных торгов (временно) – на период военных действий и полного восстановления экономики Республики):

снижение требований к минимальному числу участников – введение дифференцированного подхода к определению минимального количества участников в зависимости от начальной (максимальной) цены контракта. Для сделок с низкой стоимостью допустимо сокращение этого числа до одного или двух участников, с обязательным обоснованием;

упрощение документооборота – пересмотр объем и сложность предоставляемой тендерной документации для сделок с небольшой суммой, чтобы минимизировать административные барьеры для потенциальных участников.

2. Формирование пула предприятий-участников торгов:

создание реестра (пула) предприятий – формирование обязательного реестра участников тендерных торгов, включающего как государственные, так и частные предприятия, с классификацией по видам экономической деятельности. Причем предприятия, организации и учреждений

государственного сектора ДНР, обладающие соответствующими компетенциями, включаются в реестр на обязательной основе.

меры стимулирования частного бизнеса – разработка и внедрение системы преференций и стимулов для частных компаний, направленных на их мотивацию к участию в тендерных торгах (льготные условия кредитования для активных участников тендеров; гарантии своевременной оплаты по государственным контрактам; предоставление информации о планируемых закупках на ранних стадиях; возможное установление квот на долю привлечения частного бизнеса в государственных закупках).

3. Дополнительные меры:

информационная кампания – проведение разъяснительной работы с организациями соседних регионов о возможностях и преимуществах участия в тендерах ДНР (при наличии благоприятных внешних условий).

мониторинг и анализ – внедрение системы мониторинга проведения тендеров, анализа причин их несостоявшихся сделок и корректировки принимаемых мер.

Заключение. Внедрение в практику предложенного комплекса мер на временной основе, на период восстановления экономики и стабилизации ситуации в регионе, позволит повысить эффективность системы государственных закупок, обеспечить бесперебойное функционирование бюджетной сферы и стимулировать развитие предпринимательской активности в ДНР.

Список литературы

1. Закупки и тендеры в Донецкой Народной Республике. – Текст электронный. – URL: https://zakupkiassistant.ru/region/93 (дата обращения 09.10.2026)
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ. – Текст электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 01.10.2026).
3. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ. – Текст электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 01.10.2026).
4. О мерах по обеспечению режима военного положения и об особенностях планирования и осуществления закупок для обеспечения государственных нужд Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и муниципальных нужд муниципальных образований, находящихся на их территориях, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.12.2022 г. № 2559. – Текст электронный. – URL: https://base.garant.ru/406197979/ (дата обращения: 02.10.2026).

УДК 35.08

АТТЕСТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Севрюкова С.В., канд. экон. наук,
Соловьев Н.Н., ORCID 0000-0002-1388-3709
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.sevryukova@donnu.ru, g84@mail.ru

Введение. В современных условиях вопрос повышения качества оценки служебной деятельности государственных служащих в Российской Федерации позволяет решать многие социально-экономические проблемы развития общества т.к. обеспечение прозрачности и гибкости управленческих процессов взаимодействия органов государственной службы и социального благополучия населения, а также повышения качества государственных услуг. Однако следует отметить, что остаются актуальными проблемами, которые требуют дальнейшего исследования в сфере регулирования сфер деятельности института государственных служащих Российской Федерации в условиях трансформации национальной экономики Российской Федерации и прогрессивного развития общества.

Цель исследования: выявить роль аттестации государственных служащих в условиях трансформации экономики Российской Федерации.

Основная часть. Национальная экономика в современных условиях имеет многоуровневую структуру и особое значение приобретает компетентность и профессионализм государственных служащих, которые способны обеспечивать оперативно и эффективно регулирование экономических отношений и институциональной структуры, использовать гибкие подходы развития бизнес-среды и тем самым обеспечивать устойчивое развитие экономики, повышение благосостояния населения. Современный этап развития Российской Федерации подчеркивает тесную взаимосвязь национальной экономики и системы государственного управления, а человеческий капитал государственного сектора управления рассматривается как действенный инструмент управления экономическими, организационными, производственно-технологическими, социальными связями агентов государственного и муниципального уровней управления.

На современном этапе развития системы государственного управления Российской Федерации особое внимание уделяет правовым аспектам регулирования кадровых процедур оценки служебной деятельности государственных служащих – аттестации.

Аттестация государственных служащих – это кадровая обязательная процедура, призванная реализовать принцип профессионализма в осуществлении государственной службы [1].

Трансформация института государственных служащих в Российской Федерации в современных условиях основывается на формировании актуальных задач аттестации, которые направлены на обеспечение высокой степени профессионализма и эффективности служебной деятельности рис. 1.

Рис. 1. Систематизация задач аттестации государственных служащих в условиях трансформации экономики РФ (*составлено автором на основе* [1])

Регулирование процедурных вопросов оценки государственных служащих основывается на базе нормативно-правовых актов, которые регулируются на уровне федерального законодательства и Указов Президента Российской Федерации. В частности как основополагающий кадровый процесс оценивания эффективности системы государственной службы Российской Федерации рассматривается аттестация как основной критерий соответствия служащего замещаемой должности, а также делается акцент на ее целях, задачах, а также периодичности ее проведения [1, 2, 3] и регулируется нормативно-правовыми актами – Федеральным Законом от 27.05.2003№ 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [2] и ст. 48 Федерального Закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной службе гражданской службе Российской Федерации» [3].

Процедурные вопросы аттестации государственных служащих детализированы Постановлением Правительства Российской Федерации от

09.09.2020 № 1387 «Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» [4]. Утверждение единой методики и введение унифицированных подходов к оценке профессиональной служебной деятельности, профессиональных и личностных качеств, предусматривает применение стандартных методов оценки (тестирования, собеседования) и применения специализированных измеримых показателей результативности акцент на системной оценке компетенций и формализованных процедурах [4].

Заключение. Таким образом, роль аттестации государственных служащих формирует новые вызовы, которые должны учитывать глобальное влияние трансформации экономики не только на качество формирования и реализации потенциала служащего, но и повышения эффективности применения инструментария в сфере оценки профессионального соответствия компетенций служащих стандартам и это даст возможность использовать объективно результаты оценки специфических компетенций государственных служащих – способность служащих удовлетворять потребности государственного управления, степень его персональной ответственности и пр. А также особое внимание стоит уделять повышению качества процесса цифровизации документооборота аттестации государственных служащих и это позволит обеспечить эффективность управления кадровым потенциалом стимулирование инновационной активности служащих.

Список литературы

1. Сат, А. Э. Аттестация государственных служащих как эффективный способ повышения профессионализма и ответственности кадров / А. Э. Сат. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2024. – № 5 (504). – С. 316-318. – URL: https://moluch.ru/archive/504/110656 (дата обращения: 20.09.2026).
2. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный Закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ. – Текст : электронный // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/19524 (дата обращения: 27.09.2026).
3. О государственной службе гражданской службе Российской Федерации: Федеральный Закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ. – Текст : электронный // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL http://kremlin.ru/acts/bank/21210 (дата обращения: 27.09.2026).
4. Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации: Постановлением Правительства Российской Федерации от 09 .09 2020 г. № 1387. – Текст: электронный// Официальный сайт Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-09092020-n-1387 (дата обращения: 27.09.2026).

УДК 332.1:338.45

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНЫМ ПРОМЫШЛЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Середенко М.М.
НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
г. Москва, РФ
Seredenko_0510@mail.ru

Введение. В 2024–2025 гг. промышленный рост в России сместился в обработку – технологическую основу большинства региональных промышленных комплексов [3]. Национальная цель «Технологическое лидерство» требует к 2030 г. поднять индекс производства и реальную добавленную стоимость в обрабатывающей промышленности минимум на 40 % против уровня 2022 г. [2]. С июня 2025 г. действует Федеральный закон № 523-ФЗ, трактующий технологическую политику как «комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер по обеспечению технологического лидерства Российской Федерации и экономического развития на основе отечественных технологий» [1, ст. 3]. Полномочия субъектов РФ закон описывает отсылочно [1, ст. 8], и содержательную часть управления регион выстраивает сам.

Цель исследования – обосновать контур стратегического управления развитием регионального промышленного комплекса, в котором выбор инновационных технологий привязан к национальным целям и проверяется индикаторами. Методы – статистический, сравнительный и нормативно-правовой анализ.

Основная часть. Динамику промышленного производства по видам деятельности показывает рисунок 1 [3].

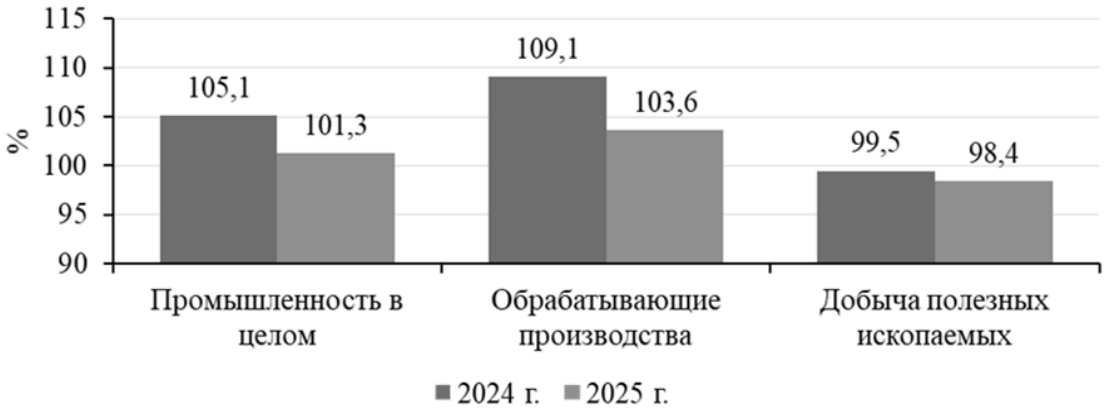

Рис. 1. Индексы промышленного производства в РФ, % к предыдущему году

Обработка опережает добычу оба года, а за 2024–2025 гг. её выпуск вырос в $1{,}091 \cdot 1{,}036 \approx 1{,}130$ раза. Данные ИСИЭЗ НИУ ВШЭ по инновационной продукции этой отрасли [6] сведены в таблицу 1.

Таблица 1 – Инновационная продукция обрабатывающей промышленности

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Объём в действующих ценах, млрд руб.	3802,5	4933,6	6043,4
Темп прироста объёма, %	–	29,7	22,5
Удельный вес в отгруженной продукции, %	7,0	8,0	8,3

Темп прироста объёма находят по формуле

$$T_t = \left(\frac{V_t}{V_{t-1}} - 1\right) \cdot 100\ \%, \qquad (1)$$

где T_t – темп прироста объёма в году t, %; V_t, V_{t-1} – объём инновационной продукции в текущем и предыдущем году, млрд руб.

$$T_{2024} = \left(\frac{6043{,}4}{4933{,}6} - 1\right) \cdot 100 = 22{,}5\ \%.$$

На первый взгляд, прирост в 22,5 % говорит о технологическом рывке. В действительности в постоянных ценах объём прибавил 12,1 % [6], остальное пришлось на рост цен – $\frac{1{,}225}{1{,}121} \approx 1{,}093$. Зато удельный вес инновационной продукции в 1,4 раза выше среднего по экономике [6].

В 11-м выпуске Рейтинга инновационного развития субъектов РФ (55 показателей) лидируют Москва (0,6490), Республика Татарстан (0,5928) и Томская область (0,5871), а разрыв лидера с пятым местом – всего 1,19 раза [4]. Иная картина внизу распределения (табл. 2).

Таблица 2 – Субъекты РФ по группам инновационного развития

Показатель	I группа	II группа	III группа	IV группа	Всего
Число субъектов	6	28	45	6	85
Доля, %	7,1	32,9	52,9	7,1	100,0

В III группу попали 45 из 85 субъектов, или 52,9 %, а вместе с IV группой – 60,0 %. Модель лидеров без сопоставимой научной базы здесь не воспроизводится. Рейтинг к тому же рассчитан без статистики ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей [4]. К. И. Синицына связывает низкую восприимчивость предприятий ДНР к инновациям с традиционными технологическими укладами и износом оборудования; по её оценке, «объективные сложности синхронизации документов стратегического планирования создают риски распыления ресурсов» [5].

С учётом сказанного в работе предложен контур стратегического управления из четырёх звеньев. Начинается он с технологического аудита комплекса по критическим и сквозным технологиям [1, ст. 3]. По итогам аудита регион составляет карту технологической кооперации – закреплённую законом схему, по которой внедряются технологии и

складываются собственные линии их разработки [1, ст. 3]. Карта связывает якорные предприятия с поставщиками, вузами и технопарками.

Инструменты (региональный фонд развития промышленности, специальные инвестиционные контракты, особые и свободные экономические зоны) подбираются под карту, а не наоборот. Так снимается риск распыления ресурсов. Замыкает контур мониторинг. В работе принято, что индикаторы региона повторяют показатели Указа № 309 и компоненты рейтинга ВШЭ; для ДНР до включения в рейтинг предложена панель по форме № 4-инновация.

Заключение. Рост 2024–2025 гг. обеспечила обрабатывающая промышленность (+13,0 %), а инновационная продукция достигла 6043,4 млрд руб., или 8,3 % отгрузки [6]. Вместе с тем 60 % субъектов остаются в двух нижних группах рейтинга, новые регионы в нём не представлены. Предложенный четырёхзвенный контур переводит нормы закона № 523-ФЗ на уровень субъекта. Апробация контура на данных ДНР оставлена за рамками статьи.

Список литературы

1. О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : официальный сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/ (дата обращения: 05.10.2026).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 05.10.2026).
3. О промышленном производстве в 2025 году : срочная информация № 13 от 06.02.2026. – Текст : электронный // Росстат : официальный сайт. – 2026. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/13_06-02-2026.pdf (дата обращения: 05.10.2026).
4. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 11 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Артёмов [и др.] ; под редакцией Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко. – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. – ISBN 978-5-7598-3119-8. – DOI 10.17323/978-5-7598-3119-8. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1184170104.pdf (дата обращения: 05.10.2026).
5. Синицына, К. И. Институциональные барьеры и факторы развития промышленности Донецкой Народной Республики в условиях технологической трансформации / К. И. Синицына // Прикладные экономические исследования. – 2025. – № S4. – С. 256–264. – EDN MMSGIO.
6. Фридлянова, С. Ю. Рост инновационной продукции в обрабатывающей промышленности : экспресс-информация / С. Ю. Фридлянова. – Текст : электронный // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ : сайт. – 2025. – 8 октября. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1091197394.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

УДК 005.74:332.1

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ИННОВАЦИЯМИ: АДАПТАЦИЯ AGILE-МЕТОДОВ В ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Скирневская Л.Н., ORCID 0009-0009-3914-7361,
Савостьянова А.С., ORCID 0009-0006-3336-6326
ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, РФ
luda.skirnevskaya@gmail.com, lawyer77a@mail.ru

Введение. Современная практика управления инновационной деятельностью характеризуется постепенным переходом от преимущественно последовательных моделей реализации проектов к более гибким формам организации работы. Проектный подход позволяет объединить стратегические цели предприятия, имеющиеся ресурсы и конкретные задачи инновационного развития в единую систему управления.

Основная часть. Для промышленного предприятия инновационное развитие связано не только с созданием новых продуктов или технологий. Оно предполагает изменение внутренних процессов, организационных механизмов, способов взаимодействия с партнёрами и подходов к работе с потребителями. Поэтому способность предприятия управлять изменениями становится одним из условий результативности инновационной деятельности. Проектный подход позволяет перевести инновационную инициативу из области общей стратегической задачи в систему конкретных действий с определёнными целями, сроками, ресурсами и ответственностью участников. Его применение в управлении уже получило практическое распространение. В условиях ориентации российской экономики на технологическое и инновационное развитие значение такого подхода возрастает, поскольку предприятия одновременно сталкиваются с изменением рыночных требований, усилением конкуренции и необходимостью обновления производственных процессов.

Особенность инновационного проекта заключается в высокой степени неопределённости. На начальном этапе далеко не всегда возможно точно определить конечный результат, объём необходимых ресурсов или последовательность всех работ. По мере проведения исследований, испытаний и получения обратной связи исходные представления о продукте или технологии могут корректироваться. Следовательно, система управления инновационным проектом должна предусматривать возможность изменения отдельных решений без разрушения общей логики проекта. В основу исследования положен анализ существующих и перспективных подходов к управлению инновационными проектами. Особое внимание уделено возможности применения Agile в промышленной

среде. Исходная гипотеза исследования состоит в том, что отдельные принципы и инструменты Agile могут использоваться не только в программной разработке, но и в управлении инновационными проектами промышленных предприятий. При этом их применение должно учитывать технологические, организационные и ресурсные особенности конкретного предприятия. В работе Астаповой Г.В., Маковецкого С.А., Новиковой Н.И. рассматривается методика перевода управления научно-исследовательской и опытно-конструкторской работой в филиале организации на проектные принципы. Предлагаемая программа включает три этапа: построение процессов с учётом технологии производства, формирование механизмов их реализации в проектной форме и принятие унифицированного механизма выполнения проектов [1].

Понятие инновационной среды имеет несколько интерпретаций. Й. Шумпетер рассматривает её через социальное пространство взаимодействия участников инновационного процесса [2]. В отечественной литературе инновационная среда также рассматривается как многоуровневая система, включающая внутренние и внешние факторы, определяющие возможности инновационной деятельности и характер взаимодействия её участников. Такой подход позволяет рассматривать предприятие не как изолированный объект, а как часть более широкой системы. Внутренняя среда определяет способность организации создавать и реализовывать новые решения, тогда как внешняя среда формирует доступ к технологиям, знаниям, компетенциям, партнёрским связям и рыночным возможностям. Поэтому результативность инновационной деятельности зависит не только от собственных ресурсов предприятия, но и от качества его взаимодействия с внешними участниками.

Существенной характеристикой инновационной среды является возможность получения синергетического эффекта. Его возникновение связано с взаимодействием различных ресурсов, компетенций и участников, результат которого не сводится к простой сумме отдельных элементов [3; 4]. В таких условиях сотрудничество предприятия с научными организациями, технологическими партнёрами, поставщиками и потребителями может становиться источником новых решений и сокращать время их практического освоения.

Инновационная среда, таким образом, включает внутренний и внешний потенциал. К внутреннему относятся организационная структура, компетенции сотрудников, корпоративная культура, доступные ресурсы и накопленные технологические знания. Внешний потенциал формируется за счёт взаимодействия предприятия с рынком, научно-технологической сферой, партнёрами и другими участниками инновационной экосистемы. Их сочетание определяет способность организации не только генерировать идеи, но и доводить их до практического результата. Важное значение в этой системе имеет организационная культура. Инновационная деятельность

требует условий, при которых сотрудники могут предлагать новые решения, обсуждать проблемы и получать обратную связь от других участников проекта. Именно здесь проектный подход приобретает значение не только как инструмент планирования, но и как способ организации взаимодействия. Проектная команда позволяет объединить специалистов различных подразделений и распределить ответственность за отдельные результаты. Для инновационного проекта это особенно важно, поскольку технологические, производственные, маркетинговые и экономические решения взаимосвязаны.

В инновационном проекте Agile целесообразно использовать прежде всего там, где требуется быстро проверять гипотезы, получать обратную связь и принимать решения на основе промежуточных результатов. Такой подход позволяет не переносить ошибки на завершающие стадии проекта и своевременно пересматривать решения, утратившие актуальность. Поэтому внедрение современных методов управления должно сопровождаться развитием проектных компетенций работников. Важным условием является наличие специалистов, способных работать в проектной команде. Гибкая организация проекта сама по себе не устраняет дефицит компетенций. Напротив, она повышает требования к способности сотрудников взаимодействовать между функциональными областями, самостоятельно решать возникающие задачи и принимать участие в обсуждении результатов.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что проектный подход создаёт организационную основу для управления инновационной деятельностью промышленного предприятия. Его значение связано с возможностью увязать цели инновационного развития с конкретными задачами, ресурсами, сроками и ответственностью участников.

Список литературы

1. Астапова, Г. В. Возможности использования нанотехнологий в промышленном производстве / Г.В. Астапова, С.А. Маковецкий, Н.И. Новикова // Вестник института экономических исследований. – 2020. – № 2(18). – С. 23–30.
2. Комарницкая, Е. В. Оценка степени удовлетворенности потребительских ожиданий в цифровой среде / Е. В. Комарницкая // Первый экономический журнал. – 2024. – № 1 (343). – С. 20-26.
3. Кравец, Е. О. Эволюция цифровизации экономики / Е.О. Кравец // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2021. – № 4. – С. 182-189.
4. Половян А. В. Стратегическое планирование развития экономики в условиях цифровизации: инструменты, способы, методы: монография / А. В. Половян, К. И. Синицына. – Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2023. – 304 с.

УДК 338.45:61

ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛОВ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Степанова Ю.Л., канд. экон. наук, доц. ORCID 0000-0003-4682-1413,
Крамаренко О.Н.
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
kramarenko89885301712@yandex.ru, batcukova@mail.ru

Введение. Устойчивость российского здравоохранения во многом зависит от возможности обеспечить медицинские организации необходимым оборудованием, изделиями и расходными материалами. Изменение внешнеторговых условий, рост стоимости продукции и сложности международной логистики показали риски высокой зависимости от зарубежных поставщиков. При этом, наличие российского производителя не всегда означает полную технологическую независимость, поскольку отдельные предприятия используют импортные компоненты, материалы и оборудование.

Целью работы является выявление основных рисков, связанных с импортозависимостью российского здравоохранения от зарубежных поставок медицинского оборудования и материалов, а также характеристика сильных и слабых сторон отечественного производства в сфере медицинского оборудования и материалов.

Основная часть. Российский рынок медицинской продукции в последние годы развивается достаточно активно. По данным Росстата, в 2024 г. производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии, выросло на 34,7% по сравнению с 2023 г. [1]. Этот рост свидетельствует о расширении отечественной производственной базы, однако, к сожалению, не означает полного отказа от импортной продукции. Российские предприятия могут увеличивать выпуск готовых изделий, одновременно сохраняя зависимость от зарубежного сырья, электронных компонентов, оборудования и технологий.

Отечественная медицинская промышленность неоднородна. В отдельных сегментах российские предприятия способны обеспечивать значительную часть производственного цикла, тогда как в производстве сложного медицинского оборудования зависимость от зарубежных технологий и комплектующих остается более высокой. Диагностическое и другое высокотехнологичное оборудование требует электронных компонентов, датчиков, программного обеспечения, специализированных материалов и точных комплектующих. Поэтому, оборудование,

произведенное в России, может содержать значительную долю импортных элементов.

К преимуществам отечественного производства относится возможность учитывать особенности российского рынка и быстрее адаптировать продукцию к потребностям медицинских организаций. Важным преимуществом также является возможность организации поставок, ремонта и сервисного обслуживания внутри страны. Для медицинского оборудования это имеет особое значение, поскольку длительное ожидание запасных частей или ремонта может нарушить работу медицинского учреждения.

Развитию отечественной промышленности способствует государственная поддержка. Повышение импортонезависимости и развитие производства востребованных медицинских изделий рассматриваются в государственной политике как важные направления развития отрасли [2]. Поддержка локализации и участие российских производителей в государственных закупках создают условия для расширения выпуска и формирования внутреннего спроса.

В то же время, сохраняется проблема недостаточной глубины локализации. Производство конечного изделия в России не гарантирует независимости, если ключевые компоненты закупаются за рубежом. Изменение их стоимости или доступности может привести к росту себестоимости и перебоям с поставками. Таким образом, зависимость от импорта может сохраняться внутри производственной цепочки даже при наличии российского производителя готового изделия.

Слабой стороной остается и технологический разрыв в отдельных сегментах. Создание сложного медицинского оборудования требует значительных инвестиций в исследования и разработки, испытания, современное производство и подготовку специалистов. Поэтому увеличение числа российских производителей само по себе не решает проблему технологической зависимости. Необходимым условием является развитие собственных технологий и производства ключевых компонентов.

Важным фактором является стоимость отечественной продукции. На начальных этапах локализации она может быть высокой из-за небольших объемов производства, затрат на разработку и приобретение специализированного оборудования. Увеличение серийности и расширение внутреннего спроса способны снизить себестоимость. В этом отношении государственные закупки могут способствовать формированию стабильного рынка для российских производителей.

Импортозависимость следует оценивать комплексно. Помимо доли российских изделий на рынке необходимо учитывать долю импортных компонентов, наличие собственных технологий производства материалов и комплектующих, а также возможность обеспечить ремонт и сервис внутри

страны. Только такая оценка позволяет определить реальную степень зависимости здравоохранения от внешних поставщиков.

По данным Росстата, в 2024 г. розничный оборот изделий, применяемых в медицинских целях, и ортопедических изделий составил 378,9 млрд. руб., увеличившись в сопоставимых ценах на 4,2% по сравнению с 2023 г. [1]. Эти данные подтверждают развитие внутреннего рынка, однако не позволяют определить единую долю импорта по всем видам медицинского оборудования и материалов. Для объективной оценки необходим анализ отдельных групп продукции и производственных цепочек.

Заключение. Россия постепенно снижает зависимость от зарубежной медицинской продукции, но процесс импортозамещения остается незавершенным. Сильными сторонами отечественного производства являются рост выпуска, развитие производственных площадок, государственная поддержка, возможность внутреннего сервисного обслуживания и ориентация на потребности российского рынка. К основным слабым сторонам относятся зависимость отдельных производств от зарубежных компонентов и технологий, недостаточная глубина локализации, высокая стоимость разработки сложной продукции и необходимость развития научной и кадровой базы.

В дальнейшем, важно не только увеличивать объем производства российских медицинских изделий, но и развивать отечественные технологии на всех этапах их создания. Особое значение имеют производство собственных электронных компонентов и материалов, разработка программного обеспечения, диагностических систем и оборудования. Это позволит перейти от замещения отдельных импортных товаров к формированию устойчивой отечественной производственной базы. Реальная импортонезависимость российского здравоохранения определяется не только происхождением конечного изделия, но и способностью отечественных предприятий самостоятельно обеспечивать его разработку, производство, поставку и сервисное обслуживание.

Список литературы

1. Росстат. Здравоохранение в России. 2025: статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2025. – 149 с.
2. Правительство Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.06.2023 № 1495-р «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 21.10.2024). – Текст: электронный. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1301897806?ysclid=mv18mookig655316562.

УДК 331.5:332.1

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Стрижиченко Н.А., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0003-9113-1849*,*
Шевченко Т.И., ORCID 0009-0001-8959-3273
Краснодонский факультет инженерии и менеджмента (филиал)
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, РФ
natashenka00@mail.ru, tima_shevchenko@vk.com

Введение. В условиях интеграции новых субъектов РФ в единое экономическое пространство развитие человеческого капитала приобретает ключевое значение. Новые регионы обладают значительным производственным потенциалом, однако его реализация сдерживается острым дефицитом трудовых ресурсов. Численность населения этих территорий сократилась с примерно 9 млн человек до 2014 года до 3,2 млн к началу 2024 года [7]. Отток населения, миграция трудоспособных граждан и разрушение инфраструктуры сформировали взаимосвязанные вызовы, требующие комплексного подхода.

Цель исследования заключается в анализе состояния человеческого капитала новых субъектов РФ и обосновании направлений его развития в условиях интеграции. Актуальность обусловлена прямой зависимостью социально-экономического развития новых регионов от накопления и удержания человеческого капитала. Федеральные власти направляют значительные средства на восстановление инфраструктуры: в 2025 году на госпрограмму развития новых регионов выделено 316,8 млрд рублей, общий объём финансирования составляет около 940 млрд рублей [4]. Однако без кадрового обеспечения инфраструктурные инвестиции не дадут эффекта.

Основная часть. Дефицит кадров является наиболее острой проблемой рынков труда новых регионов. Согласно исследованию Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), на нехватку работников указывают 80 % работодателей Херсонской области, около 70 % – Донецкой народной республики и 67 % – Луганской народной республики [6]. Ситуация характеризуется структурным дисбалансом: наиболее остро ощущается нехватка квалифицированных рабочих, а также специалистов кадровых, финансовых и маркетинговых служб. По данным органов труда и занятости ЛНР, наибольший дефицит наблюдается в обрабатывающем производстве (4,2 тыс. человек), государственном управлении и социальном обеспечении (2,9 тыс. человек), образовании (2,8 тыс. человек),

здравоохранении и социальных услугах (2,5 тыс. человек), транспортировке и хранении (1 тыс. человек) [6].

Проблема усугубляется несколькими факторами. Во-первых, молодые специалисты неохотно связывают свою карьеру с промышленными предприятиями: 47 % потенциальных работников в ДНР не заинтересованы в работе по своему профилю [6]. Во-вторых, многие предприятия не могут предложить конкурентные заработные платы, что снижает их привлекательность для молодёжи. В-третьих, медленная адаптация молодых работников и их незаинтересованность в долгосрочной работе на производстве создают дополнительную нестабильность на рынке труда. В-четвёртых, только около половины выпускников вузов трудоустраиваются по специальности, а в Запорожской области доля студентов, выбирающих иные вакансии, достигает 73 % [6].

Человеческий потенциал новых регионов обладает значительными резервами. По данным Международного исследования ценностей (2011–2020), более двух третей населения относят себя к счастливым людям, а главными ценностями для них являются семья, друзья, отдых и работа [1]. Жители отличаются развитыми трудовыми ценностями, а их ориентации близки к общероссийским, что облегчает интеграцию [1]. Однако уровень межличностного доверия варьируется: в ДНР он составляет 30,8 %, в ЛНР – 20 %, в Херсонской области – 12,6 % [1]. Низкое доверие затрудняет экономическую кооперацию.

Для преодоления кадрового дефицита уже применяется комплекс мер. С 2023 года действует программа льготной ипотеки под 2 % годовых, что в 10 раз ниже рыночных ставок. Выдано 4,4 тыс. жилищных займов, из которых 2,5 тыс. в 2025 году на сумму 12,8 млрд рублей [5]. Большая часть кредитов (2,4 тыс. на 10,8 млрд рублей) приходится на вторичный рынок. Однако ипотека не решает проблему полностью: необходимы инвестиции в социальную инфраструктуру предприятий, развитие целевого обучения и стимулирование работодателей, принимающих молодых специалистов.

Система образования является ключевым инструментом развития человеческого капитала. Вузы создают центры карьеры и мастер-классы для вовлечения студентов. Расширение целевого обучения и практико-ориентированного подхода с предприятиями сократит разрыв между подготовкой кадров и запросами экономики [2]. Приоритет следует отдать IT, инженерным и техническим специальностям с наибольшим дефицитом [3]. «Цифровые кафедры», позволяющие нетехническим студентам получить дополнительную квалификацию, могут быть адаптированы для новых регионов.

Перспективна межрегиональная координация рынков труда: перераспределение сотрудников между регионами эффективнее конкуренции за персонал [6]. Единая информационная площадка для вакансий и соискателей способствовала бы рациональному использованию

трудовых ресурсов. Привлечение работников требует развития социальной инфраструктуры – жилья, медицинских и образовательных учреждений, городской среды. Опыт шеф-регионов: в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях восстановлено почти 21 тыс. социальных объектов [4].

Заключение. Развитие человеческого капитала в новых субъектах РФ требует комплексного подхода: жилищные программы для молодых специалистов, модернизация профессионального образования с ориентацией на запросы предприятий, межрегиональная координация рынков труда и инвестиции в социальную инфраструктуру. Эти направления опираются на резервы человеческого потенциала регионов – высокий уровень трудовых ценностей и близость ценностных ориентаций к общероссийским – и одновременно учитывают структурные ограничения: острый кадровый дефицит, низкую конкурентоспособность зарплат, недостаток межличностного доверия. Их реализация обеспечит устойчивое социально-экономическое развитие новых регионов и их интеграцию в экономическое пространство РФ.

Список литературы

1. Белоконев, С. А. Состояние и перспективы развития человеческого капитала ДНР и ЛНР и его влияние на экономику Донбасса / С. А. Белоконев. – Текст : непосредственный // RUDN Journal of Public Administration. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 113–127.
2. Зимовец, А. В. Интеграция новых территорий в экономическое пространство России: вызовы безопасности и стратегии восстановления / А. В. Зимовец, С. В. Петренко. – Текст : непосредственный // Экономическая безопасность. – 2025. – № 11. – С. 15–28.
3. Новая кадровая эра: стратегии для рынка труда России : экспертное заключение по итогам сессии ПМЭФ-2025. – Москва : Росконгресс, 2025. – 32 с. – Текст : непосредственный.
4. Российская Федерация. Законы. О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов : Федеральный закон от 12.12.2024 № 463-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 ноября 2024 года : одобрен Советом Федерации 27 ноября 2024 года]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51411 (дата обращения: 03.10.2026).
5. Стало известно, сколько льготных ипотек получили жители новых регионов России : [сайт]. – Текст : электронный // Газета.Ru. – 2025. – 8 июля. – URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2025/07/08/26223386.shtml (дата обращения: 03.10.2026).
6. Тенденции и перспективы развития региональных рынков труда в контексте изменяющихся социально-экономических условий : аналитический доклад / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : Изд-во РАНХиГС, 2025. – 84 с. – Текст : непосредственный.
7. Шахов, О. А. Перспективы экономического развития Большого Донбасса: роль человеческого капитала / О. А. Шахов. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 45–62.

УДК 338.43:332.1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ

Сулейманова Т.А., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-7679-1767,
Малышенко Н.Б., ORCID 0009-0003-6397-9527
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный технический университет»,
г. Алчевск, ЛНР, РФ
sta2018-10@mail.ru, malishenko.2005@mail.ru

Введение. Интеграция Луганской Народной Республики (ЛНР) в российское экономическое пространство с 2022 года обусловила качественную трансформацию регионального агропромышленного комплекса (АПК). Сельское хозяйство выступает не только базовым источником продовольственной безопасности, но и стратегическим ресурсом социально-экономической стабилизации территории [1]. В условиях сохраняющихся внешних вызовов и необходимости импортозамещения особую актуальность приобретает научное осмысление динамики восстановления отрасли и обоснование стратегических ориентиров ее развития до 2030 года [5]. Цель исследования – анализ современного состояния сельскохозяйственной отрасли ЛНР, выявление динамики восстановления АПК по секторам, а также определение стратегических задач и механизмов государственной поддержки.

Основная часть. Теоретико-методологическую основу исследования составили положения региональной экономики, теории государственного регулирования АПК, стратегического планирования и импортозамещения. Использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, сравнительный и статистический анализ, элементы стратегического планирования. Информационная база – статистические данные 2024-2025 гг., плановые показатели на 2026 г., материалы органов государственной власти ЛНР и федеральных источников [1-7].

Проведенный анализ показал, что валовые показатели агропромышленного сектора ЛНР демонстрируют системное и поступательное наращивание производственных мощностей. По итогам 2025 года объём производства сельскохозяйственной продукции превысил 50 млрд руб., что на 18 % выше уровня 2024 года [1]. Растениеводческий сектор выступает локомотивом АПК: посевная площадь в 2025 году увеличена до 706,1 тыс. га (прирост 17,3 %), на 2026 год запланировано 715 тыс. га [2,3]. Валовый сбор зерновых и зернобобовых культур в 2025 году превысил 900 тыс. тонн, что почти на 35 % выше показателя 2024 года, с

запланированным ростом на 17 % в 2026 году [3]. Аграрии ЛНР практически полностью перешли на российские сорта семян: по зерновым культурам – 100 %, по остальным группам – свыше 70 %, что свидетельствует об эффективном уровне импортозамещения и повышении устойчивости отрасли [4].

В животноводческом секторе зафиксирована положительная динамика: производство молока выросло до 9,2 тыс. тонн (+1 %), мяса – до 24,5 тыс. тонн (+2 %), яиц – до 240 млн шт. (+2 %) [5]. Незначительный прирост отражает адаптационный период внедрения современных технологий кормления и содержания животных, что в перспективе обеспечит более выраженную положительную динамику.

Государственная поддержка отрасли носит комплексный характер и включает четыре ключевых механизма. Во-первых, прямые субсидии – широкомасштабный инструмент поддержки сельхозпроизводителей, объём которых в 2026 году увеличен на 23 % по сравнению с 2025 годом [6]. Во-вторых, грантовые программы для малых форм хозяйствования и фермерских кооперативов, покрывающие более 50 % стоимости проектов, что способствует диверсификации структуры производства [7]. В-третьих, льготное кредитование и лизинг: в 2024 году аграрии привлекли около 800 млн руб. кредитных средств и 860 млн руб. на приобретение техники в лизинг, что позволяет механизировать трудоемкие процессы и сократить потери при сборе урожая [7]. В-четвертых, федеральные проекты, участие в которых обеспечивает динамичную интеграцию в российское правовое поле; общий объём федеральной поддержки с 2022 года составил почти 7 млрд руб., а с момента вхождения ЛНР в состав РФ на эти цели выделено более 9,5 млрд руб [6].

Научная новизна исследования заключается в систематизации ключевых тенденций восстановления сельскохозяйственной отрасли ЛНР в условиях интеграции в российское экономическое пространство; выявлении особенностей государственной поддержки АПК региона, включающей прямые субсидии, грантовые программы, льготное кредитование и лизинг; обоснование стратегических задач развития отрасли до 2030 года с учетом импортозамещения и наращивания экспортного потенциала [4; 5].

Руководством Республики определены стратегические ориентиры восстановления экономики региона до 2030 года, одним из которых является развитие АПК [5]. Ключевые стратегические задачи включают: рост производства сельскохозяйственной продукции на 25 % (ежегодно на 5 %) в соответствии с поручением Президента РФ; развитие региональной переработки для создания добавленной стоимости, новых рабочих мест и снижения оттока населения из сельских районов; полный ввод в оборот всех пахотных земель; наращивание экспортного потенциала при обеспечении продовольственной безопасности; увеличение продукции животноводства и переработки [5].

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления ЛНР при разработке стратегий социально-экономического развития, программ поддержки сельхозпроизводителей, планировании мероприятий по восстановлению и модернизации АПК региона [1; 5]. Материалы полезны для дальнейших научных исследований в области региональной экономики и аграрной политики [2; 4].

Заключение. Сельскохозяйственная отрасль ЛНР уверенно восстанавливается, демонстрируя устойчивый рост. Выполняются задачи, поставленные государством до 2030 года: расширяются посевные площади, увеличивается сбор урожая, модернизируется животноводство, развивается перерабатывающая промышленность [1; 3; 5]. Внедрение инвестиционных проектов, льготного кредитования, региональной и федеральной поддержки способствует обеспечению продовольственной безопасности, стабилизации цен и долгосрочной экономической устойчивости региона [6; 7]. В стратегической перспективе ЛНР способна увеличить агропромышленный потенциал и стать одним из ключевых хабов сельскохозяйственного производства на южном агропродовольственном рынке России [1; 6].

Список литературы

1. Официальный сайт Администрации Главы Луганской Народной Республики. – Текст: электронный. – URL: https://aglnr.ru/novosti/586-leonid-pasechnik-predstavil-narodnomu-sovetu-respubliki-otchet-o-dejatelnosti-pravitelstva-lnr-za-2025-god.html (дата обращения: 01.10.2026).
2. Агропромышленный портал «АГРОXXI». – Текст: электронный. – URL: https://www.agroxxi.ru/amp/anonsy/v-luganskoi-narodnoi-respublike-proshel-selskohozjaistvennyi-forum-s-vystavkoi.html (дата обращения: 01.10.2026).
3. Официальный сайт Администрации Главы Луганской Народной Республики. – Текст: электронный. – URL: https://aglnr.ru/novosti/391-leonid-pasechnik-v-2026-godu-v-lnr-planiruetsja-zasejat-jarovymi-kulturami-porjadka-417-tysjach-gektarov-polej.html (дата обращения: 01.10.2026).
4. Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства. – Текст: электронный. – URL: https://фнтп.рф/news/202509/agrarii-lnr-polnostyu-pereshli-na-otechestvennuyu-selekciyu-zernovykh-kultur (дата обращения: 01.10.2026).
5. Об утверждении государственной программы Луганской Народной Республики «Развитие сельского хозяйства в Луганской Народной Республике: Постановление Правительства Луганской народной Республики от 16.10.2025 № 229/25. – Текст: электронный. – URL: https://sovminlnr.ru/docs/2025/10/27/229_25.pdf (дата обращения: 01.10.2026).
6. Официальный сайт Правительства Луганской Народной Республики. – Текст: электронный. – URL: https://sovminlnr.ru/novosti/36397-bolee-60-milliardov-investiciy-privlecheno-v-ekonomiku-lnr-v-proshlom-godu.html (дата обращения: 01.10.2026).
7. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия Луганской Народной Республики. – Текст: электронный. – URL: https://mshiplnr.lpr-reg.ru/gospodderzhka/ (дата обращения: 01.10.2026).

УДК 338.242:502.17(575.2)

ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: РЕГУЛИРОВАНИЕ И СИСТЕМНЫЕ БАРЬЕРЫ

Турсуналиева Д.М., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-8852-1315,
Муратбек уулу Максат
НИУ «Кыргызский экономический университет им. М. Рыскулбекова»,
г. Бишкек, Кыргызская Республика
dinaraxan@mail.ru

Введение. Глобальный кризис ресурсообеспеченности делает переход к циркулярной экономике ключевым условием устойчивого развития. В развивающихся странах Центральной Азии этот процесс имеет специфику, с одной стороны, он вызван высокой уязвимостью экосистем и дефицитом ресурсов, с другой – осложнен институциональной незрелостью, слабым правоприменением и дефицитом инвестиций. В Кыргызской Республике с 2018 года принципы замкнутого цикла последовательно интегрируются в государственную стратегию «зеленой» экономики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа сформированной правовой базы и причин имплементационного разрыва, сдерживающего развитие циркулярных бизнес-моделей.

Цель исследования – охарактеризовать процесс институционализации циркулярной экономики в Кыргызской Республике через призму эволюции государственной политики, анализа нормативно-правовых актов и систематизации барьеров, сдерживающих практическую реализацию реформ.

Основная часть. Формирование институционально-стратегических основ циркулярной политики в Кыргызской Республике охватывает три последовательных этапа: Концептуально-идеологический (2018 г.): принятие Концепции «Кыргызстан — страна зеленой экономики» [1] закрепило «зеленый» вектор в качестве высшего государственного приоритета. Секторальное целеполагание (2019–2023 гг.): Среднесрочная программа [2] выделила 7 приоритетных отраслей, связанных с циркулярностью (управление отходами, органическое сельское хозяйство, энергоэффективность, транспорт и др.). Технологическая модернизация (2025–2029 гг.): Программа развития «зеленой» экономики (ПРОЗЭ) от 1 сентября 2025 года [3] сместила фокус на прямое стимулирование зеленых инвестиций и установила верифицируемые целевые индикаторы к 2029 году: снижение энергоемкости ВВП на 20%; рост производительности в сельском хозяйстве на 25%; доведение доли «зеленых» государственных закупок до 30%.

Законодательные механизмы циркулярного регулирования. Практическое воплощение принципов круговой экономики в Кыргызской Республике базируется на трех профильных нормативно-правовых столпах, сформированных и обновленных в период 2023–2025 годов. Фундаментальный сдвиг в системе обращения с отходами произошел с принятием Закона КР «Об отходах производства и потребления» (в редакции 2023 года) [4]. Документ нормативно закрепляет принцип «загрязнитель платит», перенося финансовую и организационную ответственность за утилизацию продукции на этапе окончания ее жизненного цикла на производителей и импортеров. Главным правовым и финансово-экономическим механизмом реализации РОП выступает утилизационный сбор, поэтапно вводимый с 1 января 2025 года. Данный сбор охватывает 24 ключевые товарные группы и виды упаковки (включая автомобильную технику, электронику, шины, смазочные материалы и полимерную тару). Аккумулируемые средства имеют строго целевое назначение и направляются на создание национальной инфраструктуры раздельного сбора и переработки.

Стандартизация и институционализация органического сектора. Принятие Закона КР «Об органическом производстве» (2023 г.) [5] создало нормативную базу для развития циркулярных цепочек в агропромышленном комплексе. Законодательный акт институциализировал два ключевых инструмента: Системы коллективной гарантии**,** альтернативный механизм сертификации, основанный на активном участии фермеров, потребителей и местных сообществ. PGS снижает финансовый барьер прохождения дорогостоящей международной сертификации для мелких хозяйств; Модель «Органических аймаков», территориально-производственные кластеры, функционирующие на принципах замкнутого органического цикла (полный отказ от синтетических пестицидов и минеральных удобрений, использование биокомпостирования и возобновляемых источников энергии). Данный шаг позволил мелким сельхозпроизводителям легализовать экологический статус продукции на основе социального капитала и взаимного контроля, открыв им доступ к специализированным программам государственного и коммерческого льготного кредитования.

Законодательная депластификация экономики. В рамках борьбы с деградацией экосистем (в первую очередь озёрного комплекса Иссык-Куль) был принят Закон КР «Об ограничении оборота пакетов из полимерной пленки и пластиковых изделий» [6]. Нормативный акт устанавливает жесткий запрет на ввоз, производство, реализацию и использование одноразовой неперерабатываемой пластиковой тары и изделий на всей территории страны. Законодатель предусмотрел адаптационный период для субъектов предпринимательства: основные регуляторные ограничения

вступают в юридическую силу с 2027 года, что требует оперативного создания альтернативных производств биоразлагаемой упаковки.

Институциональная архитектоника и внешнее партнерство. Реализация циркулярной политики КР опирается на многоуровневую систему государственного управления: Координационный совет по зеленой экономике (под председательством Премьер-министра КР) – высший орган межведомственной синхронизации стратегий и климатических обязательств; Министерство экономики и коммерции КР – уполномоченный орган по стратегическому планированию и нормативному регулированию; ГП «Экооператор» – оператор средств РОП и утилизационного сбора, финансирующий создание перерабатывающей инфраструктуры; Центр климатического финансирования – секретариат совета, отвечающий за ведение «зеленой таксономии» и привлечение инвестиций [10]. Формирование институтов поддерживается международными партнерами: PAGE (экспертиза и аналитика ООН) [7], программа ЕС SWITCH-Asia (гармонизация законодательства) [8], а также Всемирный банк и ОЭСР (методология и оценка потребностей в климатическом финансировании) [9].

Системные барьеры и имплементационный разрыв. Несмотря на развитие нормативной базы, реальный переход к циркулярной модели сдерживается структурными ограничениями. Ключевые барьеры, формирующие разрыв между правовыми нормами и хозяйственной практикой, систематизированы в табл. 1.

Таблица 1 – Классификация системных барьеров институционализации циркулярной экономики в КР

Сфера возникновения	Зафиксированная проблематика / Системный барьер
Межведомственная координация	Высокая фрагментированность цепочек добавленной стоимости; преобладание изолированных точечных пилотных проектов над системными отраслевыми решениями; слабый уровень горизонтального взаимодействия министерств.
Инфраструктурный базис	Критический дефицит мощностей по глубокой переработке вторичного сырья; отсутствие аккредитованных лабораторий качества вторсырья и специализированных логистических центров для органической продукции.
Правоприменение (Implementation gap)	Отставание темпов разработки подзаконных актов от принятых законов; отсутствие утвержденных методик расчета экономических стимулов, систем субсидирования и налоговых преференций для «зеленых» предприятий.
Финансовая инклюзия	Низкий уровень институциональной и финансовой защищенности населения: более 80% домохозяйств не имеют постоянного доступа к современной банковской инфраструктуре, что исключает их из использования инструментов «зеленого» финансирования.

Анализ практики показывает, что наибольшую угрозу для реализации целей ПРОЗЭ (2025–2029 гг.) представляет инфраструктурный дефицит. В отсутствие собственных заводов по глубокой переработке полимеров и сложной бытовой техники введение утилизационного сбора рискует трансформироваться в дополнительный фискальный налог на бизнес и население, не приводя к реальному снижению объемов захоронения отходов на полигонах.

Заключение. Государственная политика Кыргызской Республики в сфере циркулярной экономики трансформировалась от деклараций к формированию нормативно-институциональной базы (система РОП, утилизационный сбор, PGS, депластификация, зеленые госзакупки). Однако успешность этапа 2025–2029 гг. зависит от преодоления имплементационного разрыва: развития перерабатывающей инфраструктуры, принятия подзаконной базы, повышения финансовой инклюзии и эффективной межведомственной координации.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции «Кыргызстан – страна зеленой экономики» и мерах по внедрению принципов зеленой экономики в Кыргызской Республике: Постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 28 июня 2018 года № 2532-VI. – Бишкек, 2018.
2. Об утверждении Программы развития «зеленой» экономики в Кыргызской Республике на 2019–2023 годы: Постановление Правительства Кыргызской Республики от 14 ноября 2019 года № 605. – Бишкек, 2019.
3. Об утверждении Программы развития «зеленой» экономики в Кыргызской Республике на 2025–2029 годы (ПРОЗЭ): Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 1 сентября 2025 года. – Бишкек, 2025.
4. Об отходах производства и потребления: Закон Кыргызской Республики от 15 августа 2023 года № 181. – Бишкек, 2023.
5. Об органическом производстве: Закон Кыргызской Республики от 23 марта 2023 года № 66. – Бишкек, 2023.
6. Об ограничении оборота пакетов из полимерной пленки и пластиковых изделий на территории Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 10 августа 2023 года № 172 (в ред. Закона КР от 10 июля 2025 года № 139). – Бишкек, 2025.
7. PAGE (Partnership for Action on Green Economy). Green Economy Progress in the Kyrgyz Republic: Policy Assessment and National Action Plan. – Bishkek: UN-PAGE / UNEP, UNDP, ILO, UNIDO, UNITAR, 2023. – 112 p.
8. EU SWITCH-Asia Programme. Circular Economy Policy Dialogues: Promoting Resource Efficiency and Sustainable Consumption and Production in Central Asia. – Brussels: European Commission / SWITCH-Asia Policy Support Mechanism, 2024. – 84 p.
9. World Bank & OECD. Financing Green Transition and Circular Economy in Central Asia: Country Institutional and Financial Review. — Washington, D.C. / Paris: World Bank Group & OECD Publishing, 2024. – 146 p.
10. Министерство экономики и коммерции КР / Центр климатического финансирования. Отчет о ходе реализации политики зеленой экономики и формировании национальной «зеленой таксономии». – Бишкек, 2025. — 58 с.

УДК 328.185

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Хромов Н.И., д-р экон. наук, доц., ORCID 0009-0004-7350-4119,
Пенина М.А.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nkhromov@bk.ru, mariya_penina@mail.ru

Введение. Коррупция остается одной из наиболее острых проблем для российской экономики, и в последние годы ее значение не снижается, а напротив, приобретает новые измерения. На этот факт указывает количество преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации, которое за период с 2020 по 2025 гг. выросло с 23,6 тыс. до 30,2 тыс., что составляет темп роста 128 % [1]. Статистика указывает на устойчивость негативного влияния коррупции, несмотря на многолетнее реформирование антикоррупционного законодательства в России. Особую остроту проблема приобретает в контексте интеграции новых субъектов в экономическое пространство Российской Федерации. Согласно данным Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина, в течение 2024 г. подразделения на новых территориях передали в суды 1,7 тыс. уголовных дел [2]. Коррупция укоренилась там задолго до вхождения в состав РФ, и ее искоренение требует не только правовых, но и глубоких экономических преобразований.

Целью настоящей работы выступает анализ институциональных механизмов противодействия коррупции в региональной экономике и обоснование направлений их совершенствования с учетом специфики новых субъектов Российской Федерации.

Основная часть. Правовую основу антикоррупционных механизмов составляет Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 25.04.2026). Именно в этой редакции был существенно расширен контроль за расходами супругов и несовершеннолетних детей должностных лиц – экономический по своей сути механизм, позволяющий отслеживать движение активов, приобретенных на средства неясного происхождения [3]. На региональном уровне принят Закон Донецкой Народной Республики от 29.02.2024 № 57-РЗ, закрепивший создание координационной комиссии и требования к декларированию доходов [4]. Однако, одного нормативного закрепления недостаточно, так как важно, насколько эти механизмы работают на практике.

Показательно уголовное дело в отношении главы Ясиноватского муниципального округа Донецкой Народной Республики, направленное в

Ворошиловский межрайонный суд 17 сентября 2025 г. [5]. Согласно материалам дела, в октябре 2024 г. чиновник через посредников получил 14 млн руб. за приемку работ по восстановлению улично-дорожной сети в Ясиноватой и обещание покровительства при заключении новых контрактов; в период с апреля 2021 г. по сентябрь 2023 г. он получил еще 1,6 млн руб. от первого заместителя генерального директора государственной корпорации за общее покровительство. Действия были квалифицированы по ч. 6 ст. 290 и ч. 4 ст. 291.1 УК РФ.

Также примечательно еще одно уголовное дело. Так, декабре 2025 г. в Донецке возбуждено уголовное дело о коммерческом подкупе [6]. Местный предприниматель передал 500 тыс. руб. первому заместителю управляющего филиала «Комсомольское рудоуправление» за беспрепятственный вывоз флюсового известняка. Сотрудник предприятия отказался от денег и сообщил в Федеральную службу безопасности. Дело возбуждено по пп. «б», «в» ч. 3 ст. 204 УК РФ. Из приведенных примеров следует, что коррупция на муниципальном уровне напрямую связана с расходованием бюджетных средств на восстановление инфраструктуры и подрывает экономическую безопасность региона.

Связь между коррупцией и теневым сектором экономики носит системный характер. Как отмечают А.А. Фатхутдинов и Е.Ю. Меркулова, участники теневого оборота нуждаются в покровительстве со стороны должностных лиц, а последние получают от этого стабильный нелегальный доход [1]. В результате образуется замкнутый круг, в котором теневая экономика подпитывает коррупцию, а коррупция обеспечивает условия для расширения теневого сектора. Касаемо новых регионов, где уровень теневой активности традиционно высок, эта взаимосвязь представляет особую опасность, поскольку препятствует нормализации хозяйственной жизни и притоку инвестиций.

Есть и удачные примеры. В Воронежской области по «Белой книге» проконкурентных региональных практик ФАС внедрен ЭКГ-рейтинг – индекс деловой репутации, применяемый при электронных конкурсах [7]. Результат за 2024 г. выразился в относительной экономии бюджетных средств на уровне 8,6 %, что на 3,6 процентных пунктов выше показателя без применения рейтинга. Количество жалоб в антимонопольный орган сократилось на 10 %, а обоснованных жалоб не осталось вовсе. Практика распространена на шесть муниципальных районов и планируется к тиражированию, что подтверждает способность институциональных механизмов давать измеримый экономический эффект.

Заключение. Обобщая изложенное, можно утверждать, что институциональные механизмы противодействия коррупции в региональной экономике нуждаются в адаптации к условиям новых субъектов Российской Федерации. Федеральное законодательство представляет собой достаточно развитую основу, но его применение на

территориях с высокой долей теневого сектора и дефицитом квалифицированных кадров требует дополнительных организационных решений. Перспективным направлением представляется поэтапное внедрение цифровых инструментов контроля за государственными закупками и расходами должностных лиц с учетом реальных возможностей региона. Однако, борьба с коррупцией не может быть сведена исключительно к техническим решениям: без укрепления доверия между государством и бизнесом, а также без формирования устойчивых институтов гражданского контроля, любые механизмы останутся лишь формальными процедурами.

Список литературы

1. Фатхутдинов, А.А. Масштабы коррупции и экономической преступности в теневой экономике / А.А. Фатхутдинов, Е.Ю. Меркулова // Теневая экономика. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 115–142. – DOI 10.18334/tek.9.2.123421.
2. Бастрыкин рассказал о работе подразделений СК на новых территориях России // Комсомольская правда. – 2025. – 5 февраля. – URL: https://www.kp.ru/online/news/6216140/ (дата обращения: 13.09.2026).
3. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://sudact.ru/law/federalnyi-zakonot-25122008-n-273-fz-o/ (дата обращения: 13.09.2026).
4. О противодействии коррупции в Донецкой Народной Республике : Закон Донецкой Народной Республики от 29.02.2024 № 57-РЗ (ред. от 02.09.2026) // Официальное опубликование правовых актов. – 2024. – № 8000202403010002. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/8000202403010002 (дата обращения: 13.09.2026).
5. Уголовное дело в отношении главы Ясиноватского муниципального округа Донецкой Народной Республики и двух посредников по ч. 6 ст. 290 УК РФ и ч. 4 ст. 291.1 УК РФ : обвинительное заключение, направление в суд // СУ СК России по ДНР. – 2025. – 17 сентября. – URL: https://dnr.sledcom.ru/news/item/2019065/folder/folder/1749338 (дата обращения: 15.09.2026).
6. Уголовное дело по пп. «б», «в» ч. 3 ст. 204 УК РФ в отношении предпринимателя, предложившего 500 тыс. руб. за беспрепятственный вывоз флюсового известняка // СУ СК России по ДНР. – 2025. – 4 декабря. – URL: https://dnr.sledcom.ru/news/item/2041490/ (дата обращения: 15.09.2026).
7. «Белая книга» проконкурентных региональных практик ФАС России за 2024 год / ФАС России. – М., 2024. – URL: https://fas.gov.ru/documents/white-book-2024 (дата обращения: 13.09.2026).

УДК 338.48

УСЛУГИ, ОКАЗЫВАЕМЫЕ РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Цепилова Е.С., д-р экон. наук, проф., ORCID 0000-0002-1982-4435,
Румас А.Л., ORCID 0009-0008-1350-022X
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», г. Сочи, РФ
tsepilovaes@sutr.ru, rsm-22@mail.ru

Введение. В статье рассматривается коммерческая (предпринимательская) деятельность религиозных организаций в части оказания ими платных услуг населению. Приведён разрешенный перечень таких услуг, в т.ч. религиозного и паломнического туризма. Сделан вывод, что услуги, оказываемые религиозными организациями актуализированы в соответствии с нуждами не только прихожан, но и всего населения.

Цель данной работы – актуализация перечня услуг, оказываемых религиозными организациями.

Основная часть. Для понимания предмета дискуссии обозначим, что религиозная организация – это «добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном законом порядке зарегистрированное в качестве юридического лица» [6]. В науке принято делить религиозные организации на четыре типа: церкви, секты, конфессии и культы. Необходимо понимать различие между церковью и религиозной организацией, поскольку оно важно, так как церкви как правило освобождены от ряда юридических требований, которые широко применяются к религиозным организациям. Религиозные организации, как правило, не имеют прихожан, регулярно посещающих богослужения. Обычно это внеконфессиональные объединения или группы, разделяющие общие религиозные убеждения или миссию и существующие для изучения или продвижения этих убеждений [1].

В России действует свыше 30 тыс. зарегистрированных религиозных организаций, представляющих более 60 направлений, включая православие (около 60%), ислам, буддизм и иудаизм. Основные услуги включают совершение богослужений, обрядов (крещение, венчание, никах), религиозное образование, паломничество, а также благотворительность, социальную помощь и продажу религиозной литературы. Остановимся более подробно на деятельности христианских некоммерческих организаций [4].

Русская Православная церковь в соответствии с духом времени расширяет свой спектр услуг, предоставляемых населению. Занимая доминирующее положение в нашей стране по количеству верующих, РПЦ имеет до 18550 зарегистрированных организаций, что составляет 60% от

общего числа религиозных НКО в стране. В конвенции Отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ Московского Патриархата говорится: «Задача церковной социальной работы – не дублировать систему государственных социальных учреждений, а помочь государству преобразовать эту систему, внести в общество дух любви, деятельной веры, жертвенного служения ближним, предложить новые технологии, новые формы работы» [1].

Религиозные НКО официально признаны социально ориентированными и имеют право на государственную поддержку и могут получать трансферты из бюджетов различных уровней.

Являясь инструментами социального воздействия православные проекты помощи, существующие преимущественно на средства частных жертвователей, оказывают поддержку различным категориям нуждающихся. Для привлечения благотворителей и популяризации религии, православные некоммерческие организации активно используют мерчандайзинг. И здесь особый интерес представляет растущая тенденция использования брендированной продукции православными организациями - она выступает и как источник дохода, и как инструмент укрепления связи с сообществом, привлекая новых сторонников, транслируя христианские ценности через материальные носители. Создавая сообщество единомышленников эффективный мерч в данном контексте, не только средство маркетинга, но и проводник духовной миссии.

Законодательно закреплено за религиозными организациями право на паломническую деятельность, под которой понимается «организация поездок к священным местам, включая планирование размещения, питания, транспортного обслуживания и сопровождения паломников, а также установление, поддержание и развитие международных связей и контактов для организации таких поездок» [7]. Закон даёт исключительное право заниматься такими поездками только религиозным организациям, регулирует особенности посещения туристами объектов показа, даёт право объединения религиозных организаций с туроператорами, турфирмами или индивидуальными предпринимателями – турагентами или экскурсоводами / гидами-переводчиками [5]. Такой подход способствует развитию региональной инфраструктуры, создавая дополнительные точки соприкосновения с туристским рынком, внося вклад в региональную и отраслевую экономику [2].

Религиозные организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность только для достижения целей, ради которых они созданы [3].

Православные товары пользуются спросом и в настоящее время выпускаются в промышленных масштабах, что напрямую способствует созданию рабочих мест, росту новых кадров, стимулируя развитие всей экономики. Ассортимент таких товаров соответствует запросам воцерковленных людей. В последнее время набирают популярность

трапезные и лавки при храмах, где продаются продукты питания, как правило выращенные и произведенные в подсобных хозяйствах при религиозных организациях.

Существует практика выставления Росимуществом на торги предметы церковного обихода, ставшие собственностью государства (иконы, кресты, различные скульптуры и церковные сувениры).

Заключение. Резюмируем, что услуги, оказываемые религиозными организациями актуализированы в соответствии с нуждами не только прихожан, но и всего населения нашей многоконфессиональной страны.

Список литературы

1. Агаджанян, А. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджаняна и др. – М.: Весь Мир, 2011. – 368 с.: ISBN 978-5-7777-0486-3. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1013793 (дата обращения: 08.10.2026). – Режим доступа: по подписке.
2. Колбасов, В. Религиозные организации – правовые основы / В. Колбасов // Некоммерческие организации в России. – 2011. – № 6. – URL: http://www.nkor.ru/articles/2011/6/5630.html (дата обращения: 02.10.2026).
3. Осавелюк, А. М. Особенности содержания и структуры церковного права / А. М. Осавелюк, Н. Д. Эриашвили // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11. – С. 31-36. – EDN RJLKZP.
4. Плынов, Д. Г. НКО с христианскими ценностями: статистический анализ российского некоммерческого сектора. – Текст: электронный / Д. Г. Плынов. – Партнер НКО, 2025. – URL: https://reg-nko.ru/smi/religioznye-nko-v-rossii-v-2025-godu-i-ih-uchastie-v-blagotvoritelnosti (дата обращения: 01.10.2026).
5. Румас А. Л. Различие и сходство религиозного, паломнического и духовного туризма / А. Л. Румас, Е. С. Цепилова // Креативные экосистемы и туризм. – 2026. – № 1(1). – С. 16-24. – DOI 10.7868/S3033960X26010022. – EDN ATPRVC.
6. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125–ФЗ. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 02.10.2026).
7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 03.07.2019 № 170-ФЗ. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328151/ (дата обращения: 02.10.2026).

УДК 332.1:330.35

ЭКОНОМИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: РОЛЬ ВОССОЕДИНЕННЫХ РЕГИОНОВ В РОСТЕ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чернявская Т.Г., ORCID 0009-0001-0966-8731
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vspro.go@mail.ru

Введение. В условиях перехода Российской Федерации (далее – РФ) к модели экономики предложения интеграция воссоединенных регионов приобретает двойное значение: как задача достижения среднероссийского уровня жизни к 2030 году и как фактор расширения совокупного предложения.

Цель данного исследования – определение роли воссоединенных регионов в экономическом росте РФ на основе принципов экономики предложения и пространственной интеграции.

Основная часть. Экономика предложения исходит из того, что драйвером роста является не стимулирование спроса, а расширение производства товаров и услуг [1]. Факторы производства должны быть доступны и эффективно использоваться. В этом контексте пространственная интеграция новых территорий приобретает значение не только как политическая задача, но и как экономический механизм: вовлечение простаивающих мощностей, рабочей силы и логистических активов в общероссийский оборот [2].

Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) обладает наиболее выраженным промышленным профилем: в промышленности занято более 30 % работающих, действуют более 200 предприятий из 475 зарегистрированных [3]. По итогам 2025 года объем отгруженной продукции в ДНР превысил показатель предыдущего года более чем на 25 %. Основу обрабатывающей промышленности составляет металлургия, развиты машиностроение для горнодобывающей отрасли и производство строительных материалов [4].

В Херсонской области статус резидента получило предприятие по выращиванию грецкого ореха, в Запорожской – сельхозпроизводитель, планирующий увеличить урожайность в 7–8 раз за счет новых систем орошения. Данные проекты, хотя и не сопоставимы по масштабу с промышленными, формируют основу для продовольственной самообеспеченности регионов и расширения предложения на общероссийском рынке [5].

Логистическая составляющая связана с развитием Приазовья. Стратегия устойчивого развития Приазовья до 2040 года охватывает

промышленность, транспортную инфраструктуру, рекреацию и экологию. Восстановление портов Мариуполя и Бердянска, развитие железнодорожной сети создают условия для интеграции регионов в общероссийские и экспортные цепочки поставок [6].

В текущем году экономический рост обеспечивается преимущественно потреблением, а не инвестициями или расширением предложения. Для воссоединенных регионов, чей вклад в рост завязан именно на производственные инвестиции, такая структура макроэкономической динамики создает неблагоприятный фон.

Можно утверждать, что в краткосрочной перспективе вклад воссоединенных регионов в рост ВВП России остается ограниченным (рис. 1).

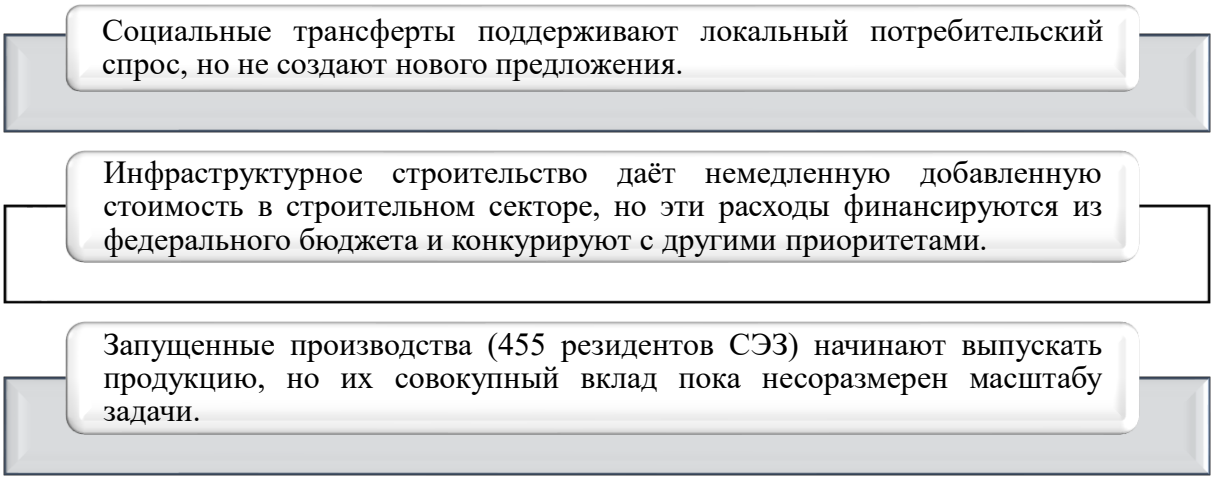

Рис. 1. Факторы, влияющие на процесс интеграции воссоединенных регионов в экономику предложения РФ

В среднесрочной перспективе роль регионов может существенно возрасти. При снижении ключевой ставки, запуске нового инвестиционного цикла и завершении формирования инфраструктуры воссоединенные регионы способны стать значимым фактором расширения предложения. Прогноз Минэкономразвития, предполагающий ускорение роста до 2,4 % к 2029 году, в значительной степени опирается на реализацию инвестиционного потенциала, в том числе в этих регионах.

Заключение. Интеграция воссоединенных регионов в модель экономики предложения – это долгосрочный процесс с отложенной отдачей. Институциональные инструменты созданы: СЭЗ действует, условия входа смягчаются, социальная инфраструктура восстанавливается. Промышленный и аграрный потенциал регионов реален и подтвержден конкретными проектами.

Однако текущая макроэкономическая конъюнктура – высокие ставки, слабый инвестиционный спрос, разрыв между динамикой спроса и предложения – ограничивает скорость реализации этого потенциала. В 2026

году регионы выступают скорее стабилизатором, не давая предложению сжаться сильнее, чем ускорителем роста. Их превращение в полноценный драйвер возможно при трех условиях: снижение стоимости финансирования, запуск нового инвестиционного цикла и решение кадровой проблемы. При выполнении этих условий воссоединенные регионы из статьи бюджетных расходов способны стать статьей прироста совокупного предложения России.

Информация о финансовой поддержке: работа выполнена в рамках государственного задания «Разработка механизма интеграции воссоединенных регионов России к новой экономической модели – экономике предложения» (№ FRRS-2026-0028).

Список литературы

1. Кошелева, Е. Г. PEST-анализ социально-экономического развития Донецкой Народной Республики / Е. Г. Кошелева, А. М. Зайцева, Е. М. Николайченко // Актуальные проблемы развития социально- экономических систем: теория и практика: Сборник научных статей 12-й Международной научно-практической конференции, Курск, 27 мая 2022 года. – Курск: Юго-западный государственный университет, 2022. – С. 203–208. – EDN AIENUG.
2. Зайцева, А. М. Маркетинговый подход к экономической и социальной безопасности / А. М. Зайцева, Л. В. Руднева // Инновационные перспективы Донбасса: Материалы международной научно-практической конференции, Донецк, 20–22 мая 2015 года. Том 6. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2015. – С. 95–98. – EDN SPKGWK.
3. Ибрагимхалилова, Т. В. Роль государственной поддержки технологического предпринимательства в переходе к новой экономической модели – экономике предложения / Т. В. Ибрагимхалилова // Инженерная экономика и технологическое предпринимательство: технологическое лидерство и стратегия инжинирингового прорыва: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Донецк, 31 марта 2026 года. Том 2. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2026. – С. 247–251. – EDN MGUCEF.
4. Ибрагимхалилова, Т. В. Институционально-экономические механизмы экономики предложения как фактор устойчивого развития России: систематизация и анализ / Т. В. Ибрагимхалилова, Д. В. Ибрагимхалилова // Вестник Сургутского государственного университета. – 2026. – Т. 14, № 2. – С. 42-56. – DOI 10.35266/2949-3455-2026-2-4. – EDN RGLTVH.
5. Ибрагимхалилова, Т. В. Свободная экономическая зона как драйвер развития воссоединенных регионов (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области) / Т. В. Ибрагимхалилова, Л. А. Гладкова // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 3 (72). – С. 46–53. – DOI 10.25683/VOLBI.2025.72.1401. – EDN FDKMLP.
6. Ибрагимхалилова, Т. В. Институциональная предпринимательская среда в контексте интеграции воссоединенных регионов в экономику Российской Федерации / Т. В. Ибрагимхалилова, Л. Ю. Луговая // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. – 2025. – № 3. – С. 77–85. – DOI 10.5281/zenodo.17665133. – EDN RVSKHD.

УДК 338.242:661.746

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА АЛЬГИНАТА НАТРИЯ В РОССИИ: РЫНОЧНЫЙ АНАЛИЗ И СЦЕНАРНАЯ ОЦЕНКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Шарова И.В., канд. биол. наук, ORCID 0009-0004-5133-5254,
Шаров В.И., канд. биол. наук, ORCID 0000-0003-0735-4453
ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)»,
г. Москва, РФ
sharovaiv@mgupp.ru, sharovvi@mgupp.ru

Введение. Альгинат натрия – водорастворимая соль альгиновой кислоты, получаемая преимущественно из бурых морских водорослей. Его технологическая ценность определяется способностью к гелеобразованию, загущению, стабилизации, плёнкообразованию и формированию биосовместимых матриц. Современные фармацевтические и биомедицинские применения предъявляют повышенные требования к молекулярно-массовому распределению, вязкости, содержанию примесей и воспроизводимости свойств [1]. Российский рынок альгинатов формируется преимущественно импортными поставками, а промышленное производство высокоочищенных марок в стране практически отсутствует, что повышает уязвимость цепочек поставок к валютным колебаниям и логистическим ограничениям [2]. Актуальность разработки отечественной технологии определяется также государственной политикой технологического развития – Стратегией научно-технологического развития РФ, Сводной стратегией развития обрабатывающей промышленности и национальным проектом «Новые материалы и химия». Цель исследования – маркетинговое и экономическое обоснование разработки отечественной технологии промышленного получения альгината натрия высокой степени очистки.

Материалы и методы. Методологическая основа включает структурный и сравнительный анализ рынка, PEST- и SWOT-анализ, сценарное моделирование, оценку TAM–SAM–SOM и интегрального индекса импортозависимости. Эмпирическая база – результаты маркетингового исследования российского рынка альгиновой кислоты и альгината натрия за 2024 г., официальные статистические материалы по внешней торговле и научные публикации..Для количественной оценки зависимости использован интегральный индекс импортозависимости – отношение остаточного импорта к расчётной ёмкости внутреннего рынка. Значения SAM, SOM и стоимостного объёма замещаемого импорта являются авторскими сценарными оценками.

Основная часть. По данным маркетингового исследования, объём импорта альгината натрия в РФ в 2024 г. составил около 1740 т на сумму

1698 млн руб. (средняя импортная цена – 0,976 млн руб./т). Поставки характеризовались высокой концентрацией: доля Китая – 36,4%, Индии – 26,4%, Чили – 18,0%, совокупная доля трёх крупнейших стран – 80,8% [4]. Основным потребителем является пищевая промышленность (96,7% объёма); на фармацевтику, производство медицинских изделий, косметику и биотехнологии приходится 3,3%, однако именно эти сегменты предъявляют наиболее жёсткие требования к чистоте и стабильности свойств. Рынок сочетает почти полную зависимость от импортной продукции высокой степени очистки с доминированием массового пищевого сегмента.

PEST-анализ показал, что наиболее значимыми являются технологические и политические факторы. Поддержка локализации создаёт благоприятные условия, но не устраняет технологическую неопределённость масштабирования. SWOT-анализ выявил, что сильные стороны проекта связаны с устойчивым внутренним спросом и возможностью формирования продуктовой линейки, а слабые – с технологическим трансфером и коммерческой готовностью. Критическим условием успеха является синхронизация технологической и коммерческой готовности.

На основе анализа разработана концептуальная модель импортозамещения, объединяющая рыночные вызовы, этапы НИОКР, создание производства и коммерциализацию. Программа НИОКР включает лабораторную отработку, формирование сырьевой базы, создание опытной установки, получение опытных партий и разработку технологического регламента.

Экономическая оценка выполнена с применением показателей TAM–SAM–SOM. TAM принят равным 1740 т (объём импорта 2024 г.). Базовая оценка SAM – 1044 т (60% TAM). Базовый SOM – 700 т/год (70% проектной мощности 1000 т/год). Сценарная оценка представлена в таблице 1.

В базовом сценарии при реализации 700 т/год интегральный индекс импортозависимости снижается с 1,00 до 0,598 (замещение 40,2% текущего рынка). При полной проектной мощности 1000 т/год потенциальная доля замещения достигает 57,5%, а индекс снижается до 0,425. Это подтверждает стратегическую целесообразность проекта.

Анализ рисков выявил, что наибольшее влияние имеют рыночный, технологический и регуляторный риски. Мероприятия по снижению включают предварительные соглашения с потребителями, поэтапное масштабирование, раннюю разработку регуляторной стратегии и диверсификацию сырьевых каналов. Успешная коммерциализация требует долгосрочного взаимодействия научной организации, промышленного партнёра, поставщиков сырья и институтов развития [3].

Таблица 1 – Сценарная оценка импортозамещения альгината натрия

Сценарий	Реализация, т/год	Загрузка, %	Доля рынка, %	Остаточный импорт, т/год	ИИИ	Стоимость замещения, млн руб./год
Пессимистичный	600	60	34,5	1140	0,655	585,5
Базовый	700	70	40,2	1040	0,598	683,1
Оптимистичный	800	80	46,0	940	0,540	780,7
Полная мощность	1000	100	57,5	740	0,425	975,9

Заключение. Результаты подтверждают стратегическую целесообразность разработки отечественной технологии производства альгината натрия высокой степени очистки. Базовый сценарий (700 т/год) обеспечивает замещение 40,2% текущего рынка и снижение импортозависимости на 40,2%. Предложенная концептуальная модель связывает маркетинговый анализ, формирование требований к продукту, программу НИОКР, промышленное масштабирование и коммерциализацию. Дальнейшие исследования должны быть направлены на сегментацию рынка по степени очистки, разработку полной финансовой модели и оценку экспортного потенциала.

Список литературы

1. Adamiak, K. State of innovation in alginate-based materials / K. Adamiak, A.Sionkowska // Marine Drugs. – 2023 – No. 6. Article 353. – DOI: 10.3390/md21060353. EDN: UVWTEW.
2. Круглова, Ю. В. Анализ проблемы импортозамещения в химической промышленности и её влияние на другие секторы экономики / Ю. В. Круглова // Управленческие науки. – 2023. – № 3. – С. 59–70. – DOI: 10.26794/2304-022X-2023-13-3-59-70. EDN: BBOTNI.
3. Jadach, B. Sodium alginate as a pharmaceutical excipient: Novel applications of a well-known polymer / B. Jadach , W. Świetlik, A. Froelich // Journal of Pharmaceutical Sciences. – 2022. – No. 6. – P. 1250–1261. – DOI: 10.1016/j.xphs.2021.12.024.

УДК 332.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Шахватова С.А.[1], канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-8730-1951,
Юшков М.А.[1,2], ORCID 0009-0005-0310-0933
[1]Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Липецк, РФ,
[2]ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, РФ
makaryushkov@bk.ru, shakhvatova-sa@ranepa.ru

Введение. Устойчивое развитие российских регионов остается актуальной задачей государственной пространственной политики. В текущих условиях обеспечение сбалансированного развития является одним из ключевых условий национальной безопасности, стабильности функционирования социально-экономической системы, ее способности к росту и адаптации к внешним и внутренним вызовам. Современная пространственная политика опирается на ряд взаимодополняющих подходов, предусматривающих использование моделей, способных учитывать особенности развития территорий разных типов. Однако межрегиональная дифференциация сохраняется, что указывает на необходимость анализа данных моделей в контексте их вклада в обеспечение устойчивого развития.

Цель настоящего исследования – рассмотреть текущие модели пространственной политики и оценить их вклад в обеспечение устойчивого развития регионов.

Основная часть. Обеспечение устойчивого пространственного развития является объективной задачей ввиду значительных размеров страны, ввиду чего характерна «асимметрия экономического пространства, возникающая благодаря различным темпам развития территорий» [6, с. 5].

Необходимо отметить, что в рамках федеративного устройства России невозможно рассматривать устойчивость развития региона изолированно от других. Это обусловлено межрегиональным взаимодействием, а также связью региональных экономик с государственным сектором. Авторами отмечается особое влияние госсектора на формирование ориентиров, «учитывающих интересы общества и направленных на устойчивое развитие социально-экономической системы, экономический рост и повышение уровня общественного благосостояния» [5, с. 11].

Важнейшим документом в рамках достижения национальных целей выступает Стратегия пространственного развития. Отмечается, что ключевым элементом модели управления реализацией Стратегии «является планирование на основе системы отраслевых и пространственных приоритетов и оценки эффективности реализуемых мероприятий» [1].

Основными проблемами пространственного развития выступают концентрация населения и экономической активности в крупных агломерационных центрах, а также сильная межрегиональная дифференциация. При этом, как отмечают авторы, агломерационная политика государства носит «фрагментарный характер: <…> отсутствует единая методологическая база ее формирования в регионах» [3, с. 311]. Ввиду сохранения данных диспропорций необходима разработки и реализация новых моделей устойчивого территориального развития. Данные модели должны опираться на укрепление экономических систем регионов.

Одним из пространственных приоритетов и ключевым механизмом реализации пространственной политики выступает система опорных населенных пунктов (ОНП). При этом значительную часть единого перечня ОНП (1548 из 2160, или 71,67%) составляют центры предоставления социальных услуг [7], являющиеся центрами муниципальных образований с низкой плотностью населения (муниципальных округов и районов). С одной стороны, система ОНП позволяет увеличить территориальный охват, способствовать развитию территорий данного типа, но с другой – противоречия, связанные с пространственным дисбалансом, сохраняются. Так, авторами отмечается, что модель пространственного развития все еще базируется «на первоочередной поддержке наиболее перспективных территорий, но с осознанием необходимости повышения качества жизни в малых городах и сельских территориях» [4, с. 85].

Также Стратегией продолжает оставаться актуальным применение кластерных моделей, в частности задачи «развития инструментов гибкой кластерной политики» [1]. При этом в совокупности с использованием специальных инструментов бюджетно-налоговой политики «должно привести к формированию территориальных комплексов пространственно-отраслевого развития» [2, с. 1276]. Кластерный подход способствует развитию территориально-отраслевых комплексов, в том числе в критически важных отраслях, однако эффекты кластеризации распределяются неравномерно, ввиду чего наряду с ростом комплексов возможно замедление развития прилегающих территорий. Таким образом, применение агломерационных и кластерных моделей сохраняет риски усиления дифференциации как между регионами, так и в пределах одного субъекта.

Также необходимо отметить, что мероприятия пространственной политики продолжают осуществляться преимущественно в рамках национальных проектов. Проектный подход позволяет обеспечить целевое финансирование приоритетных направлений, в том числе с использованием инструментов государственно-частного партнерства, оперативное планирование, мониторинг и корректировку мероприятий. Вместе с тем проектный подход не позволяет обеспечить непрерывность устойчивого

пространственного развития ввиду концентрации ресурсов на ограниченном наборе направлений в ограниченные сроки.

Заключение. Современные подходы, применяемые в Стратегии пространственного развития, отвечают национальным целям и в целом способны обеспечить устойчивое развитие регионов на современном этапе, однако приоритетным продолжает оставаться использование моделей, направленных на приоритетное развитие наиболее экономически активных территорий. Необходимо адаптировать данные модели к особенностям территорий разных типов, регулярно корректировать инструментарий в соответствии с изменениями внешней среды. В рамках реализации пространственной политики необходим поиск баланса между обеспечением устойчивого развития территорий и концентрацией экономической активности.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. – Текст: электронный. – URL: https://base.garant.ru/411243583/ (дата обращения: 30.09.2026).
2. Государственно-частное партнерство и кластерные образования в составе инструментария государственной политики управления мезосистемами / И. Н. Макаров, Е. В. Дробот, А. И. Володина [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 1271-1282. – DOI 10.18334/epp.14.4.120859.
3. Павлов, Ю. В. Концепция региональной агломерационной политики / Ю. В. Павлов, Г. А. Хмелева // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 297-316. – DOI 10.18334/epp.13.2.117169.
4. Рой, О. М. Опорные населенные пункты в условиях новой пространственной стратегии России / О. М. Рой, В. С. Бичун // Муниципальная академия. – 2025. – № 3. – С. 81-89. – DOI 10.52176/2304831X_2025_03_81.
5. Ромащенко, Т. Д. Институциональная структура государственного сектора экономики на современном этапе развития / Т. Д. Ромащенко, И. В. Герсонская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2021. – № 2. – С. 5-14. – DOI 10.17308/econ.2021.2/3462.
6. Финансовые проблемы регионов России в период экономической трансформации: дисбаланс бюджетов, зависимость от федеральных трансфертов и инвестиций / И. Н. Макаров, Ф. Х. Мамсурова, Т. Я. Александрова [и др.]. – Уфа : Аэтерна, 2025. – 158 с. – ISBN 978-5-00249-332-6. – EDN YUWUPV.
7. Единый перечень опорных населенных пунктов // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. – 2026. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b941182ed4b1c06707b31a18756689d1/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf.pdf (дата обращения: 30.09.2026).

УДК 338.48:332.1

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТУРИСТИЧЕСКОГО РЫНКА МАРИУПОЛЯ

Шикова Л.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-3941-1566,
Шерстюкова К.Ю., канд. экон. наук, ORCID 0000-0002-0562-4272
ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»,
г. Мариуполь, ДНР, РФ
Shykova-Liliya@yandex.ru, *sherstyukova_k@mail.ru*

Введение. В экономической литературе инновационный потенциал традиционно определяется как совокупность ресурсных, организационных и интеллектуальных возможностей хозяйствующих субъектов, обеспечивающих генерацию и внедрение нововведений, способствующих росту добавленной стоимости. Однако применение данной категории к городам, пережившим масштабные разрушения производственной и социальной инфраструктуры, требует концептуальной адаптации. Мариуполь с 2022 года выступает объектом глубокой городской трансформации, а утверждённый в 2024 году двадцатилетний генеральный план формирует институциональные рамки развития туристического сектора.

Цель статьи – исследовать современное состояние инвестиционного потенциала туристического рынка Мариуполя в условии глубоких трансформационных процессов.

Основная часть. Первоисточником инновационного потенциала туристического рынка Мариуполя выступает не спонтанная активность субъектов рынка, а институциональное предложение на уровне стратегического планирования. Утверждённый в 2024 году генеральный план охватывает более 24 тыс. га городской территории и предусматривает строительство свыше 5,8 млн кв. м жилья, а также десятков объектов социальной инфраструктуры [1; 2]. Указанный документ формирует нормативную основу пространственной организации туристической инфраструктуры.

Более непосредственное воздействие на туристический рынок оказывает механизм «масштабных инвестиционных проектов». По состоянию на июль 2025 года в официальном перечне присутствовало несколько жилых комплексов, косвенно связанных с потенциальным ростом туристической ёмкости [3]. В частности, проект «Дом с часами» (пр. Металлургов, 54а) предусматривающий 122 квартиры при объёме инвестиций 600 млн рублей; проект «Новое время-1» – 300 млн рублей [3]. Будучи преимущественно жилыми объектами, данные комплексы формируют коммерческие пространства, способные стать физической базой для рынка краткосрочной аренды и сопутствующих услуг.

В сегменте непосредственно туристических инвестиций в апреле 2024 года два гостиничных объекта – «Европейская» и «Чайка» – получили статус масштабных инвестиционных проектов с объёмами вложений 300 и 500 млн рублей соответственно [3; 4]. «Чайка» планируется к преобразованию в четырёхзвёздочный гостиничный комплекс на 36 номеров с SPA-зоной и конференц-залом; «Европейская» рассчитана на 40 номеров [4]. Институциональное значение указанных проектов превышает их текущий экономический эффект: они знаменуют включение туристической инфраструктуры в формальные рамки инвестиционного стимулирования [5].

Таблица 1 – Институциональные характеристики ключевых инвестиционных проектов, связанных с туристическим рынком Мариуполя

Категория проекта	Представитель	Объём инвестиций (млн руб.)	Институциональный инструмент	Связь с туризмом
Реконструкция гостиницы	«Чайка»	500	Масштабный инвестиционный проект	Прямая
Реконструкция гостиницы	«Европейская»	300	Масштабный инвестиционный проект	Прямая
Жилищный комплекс	«Дом с часами»	600	Масштабный инвестиционный проект	Косвенная
Жилищный комплекс	«Новое время-1»	300	Масштабный инвестиционный проект	Косвенная

Источник: *составлено автором на основе* [3; 4].

Так по состоянию на начало 2026 года в Мариуполе функционируют лишь 14 гостиниц с общим фондом около 300 номеров [5]. Эксперты отмечают, что в перспективе данного объема недостаточно для покрытия планируемых потребностей.

Согласно статистическим данным, в 2025 году зафиксировано около 100 тыс. туристов, посетивших «вновь воссоединённые регионы», при этом мариупольские пляжи после реконструкции оказались «полностью заполненными». [6] Однако достоверность указанного спроса требует осторожной оценки. Так как, данная ситуация может складываться под воздействием эффекта замещения, вызванного оперативной ситуацией на пляжах Краснодарского края. С другой стороны, инфраструктурные ограничения существенно снижают качество туристического опыта, например, проблемы с водоснабжение, когда имеет место нестабильная подача воды. Подобное несоответствие базовых бытовых условий и требований туристического сервиса носит принципиальный характер и может быть, в ближайшее время, одним из негативных факторов препятствующим реализации туристического потенциала и привлечения инвестиций.

Таким образом, в сложившейся структуре спроса и предложения ключевой дефицит инновационного потенциала заключается не в количественном расширении номерного фонда, а в качественном совершенствовании сервисных моделей. Все текущие инвестиционные проекты сосредоточены на восстановительном приросте числа номеров; ни один из них не затрагивает такие инновационные измерения, как технологии «умного отеля», системы онлайн-дистрибуции или проектирование иммерсивного обслуживания.

Заключение. Инновационный потенциал туристического рынка Мариуполя отличается выраженным «институционально-индуцированным» характером. Его основу составляют не технологические или организационные инновации рыночных субъектов, а условия доступа и механизмы концентрации ресурсов, создаваемые инструментами планирования и инвестиционного стимулирования.

Трансформация указанного потенциала сталкивается с тремя ключевыми условиями: 1) необходима синхронизация темпов восстановления и сроков инновационных вложений; 2) должен произойти сдвиг парадигмы от «восстановления номерного фонда» к «развитию сервисных компетенций»; 3) оценка инновационного потенциала должна выйти за пределы количественных показателей – объёма инвестиций и числа номеров – и включить такие измерения, как качество сервиса, технологическое применение и бизнес-модели.

Список литературы

1. ЕИПП РФ. Утвержден разработанный ЕИПП РФ генплан городского округа Мариуполя. – Текст: электронный // ЕИПП РФ. – 2024. – 9 августа. – URL: https://eipp.ru/news/2024/ (дата обращения: 05.10.2026).
2. Хуснуллин: утвержден генплан развития Мариуполя. – Текст: электронный // Смотрим. – 2024. – 4 февраля. – URL: https://smotrim.ru/article/3789182 (дата обращения: 05.10.2026).
3. Перечень масштабных инвестиционных проектов, реализуемых на территории городского округа Мариуполь Донецкой Народной Республики по состоянию на 14.07.2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://mariupol.gosuslugi.ru/ (дата обращения: 05.10.2026).
4. ДНР запускает обновление гостиниц Мариуполя стоимостью сотни миллионов рублей. – Текст: электронный // МК-Донбасс. – 2025. – 31 октября. – URL: https://www.mk-donbass.ru/economics/2025/11/01/ (дата обращения: 05.10.2026).
5. В Мариуполе запускают программу восстановления гостиничного фонда для развития туризма. – Текст: электронный // МК-Донбасс. – 2026. – 18 января. – URL: https://www.mk-donbass.ru/economics/2026/01/19/ (дата обращения: 05.10.2026).
6. Туристы этим летом ринулись на пляжи Мариуполя сразу после его восстановления. – Текст: электронный // Клопс. – 2025. – 29 сентября. – URL: https://klops.ru/other/2025-09-30/368213 (дата обращения: 05.10.2026).

УДК 330.15

БИОЭКОНОМИКА КАК НОВОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

***Школьникова М.Н.*[1],** д-р техн. наук, доц., ORCID 0000-0002-9146-6951,
***Чугунова О.В.*[1,2],** ORCID 0000-0002-7039-4047
[1]Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО « Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова», г. Бийск, РФ
[2]ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург, РФ
chugun.ova@yandex.ru

Введение. Современная экономическая система, основанная на линейной модели «добыча – переработка – потребление – утилизация», всё чаще демонстрирует свою неустойчивость. Рост издержек на добычу ресурсов, накопление отходов и возрастающая нагрузка на экосистемы формируют запрос на принципиально иную логику хозяйствования. Ответом на этот вызов становится биоэкономика – научно-практическое направление, которое переосмысливает саму природу экономического роста, переводя его в замкнутые циклы, основанные на возобновляемых биологических ресурсах [1].

Под биоэкономикой понимается совокупность научной, технологической и экономической деятельности, основанной на рациональном использовании, сохранении и возобновляемости биологического сырья для производства пищи, материалов, энергии и других продуктов с минимальными экологическими издержками. Это не просто сочетание слов «биотехнологии» и «экономика», а новая парадигма, где биологические ресурсы и процессы становятся основой создания добавленной стоимости [2].

В отличие от традиционной сырьевой экономики, где стоимость создаётся за счёт извлечения и первичной переработки невозобновляемых ресурсов, биоэкономика делает ставку на биомассу: сельскохозяйственные культуры, лесные ресурсы, водные организмы, микроорганизмы [3]. Эти ресурсы способны восстанавливаться, а их переработка может быть организована по принципу каскада – последовательного извлечения всё новых продуктов и материалов. Такой подход соответствует концепции экономики замкнутого цикла и позволяет одновременно решать задачи продовольственной безопасности, импортозамещения и снижения негативного воздействия на окружающую среду [1].

Для России переход к биоэкономике имеет особое значение. Отечественная экономика сохраняет сырьевой характер: добыча и переработка полезных ископаемых формирует более 70% ВВП, а доходная часть бюджета критически зависит от цен на энергоносители. Поддержка

экономики за счёт накопленных резервов не решает структурных проблем. В этих условиях развитие биоэкономики становится не просто экологическим трендом, а стратегической необходимостью – путём диверсификации экономики и формирования новых точек роста [4].

Цель исследования – изучить основные направления биоэкономики в пищевой промышленности.

Основная часть. Пищевая промышленность в этом контексте является одним из наиболее перспективных направлений. Она напрямую работает с возобновляемым биологическим сырьём, генерирует значительные объёмы побочных продуктов и обладает высоким потенциалом для внедрения циркулярных моделей. Биоэкономика в пищевой отрасли – это не только переработка отходов, но и создание принципиально новых цепочек добавленной стоимости.

Примером может служит глубокая переработка растительного белкового сырья [5]. Зерно гороха посевного после ферментативной модификации превращается в функциональный пищевой ингредиент с содержанием белка до 70%. Здесь проявляются сразу несколько принципов биоэкономики: вовлечение вторичного сырья в хозяйственный оборот, каскадное использование биомассы, ресурсосбережение (ферментативный гидролиз протекает в мягких условиях) и импортозамещение [5].

Биоэкономика – это системная трансформация, затрагивающая всю цепочку создания стоимости – от сырьевого обеспечения до потребления и утилизации. В пищевой промышленности она включает несколько взаимосвязанных направлений.

Во-первых, это комплексная переработка сырья, при которой каждый компонент биомассы находит применение. Например, из зерна гороха можно последовательно извлечь крахмал, белок, пищевые волокна, а из подсолнечного шрота – белок, клетчатку, полифенолы. Такой подход позволяет минимизировать отходы и максимизировать экономический эффект.

Во-вторых, это использование биотехнологических методов для модификации сырья. Ферментативный гидролиз, микробная ферментация, биокатализ – эти процессы позволяют целенаправленно изменять свойства биомассы, повышая её биодоступность и функциональность. В частности, гидролизаты растительного белка обладают улучшенными влагоудерживающей, жироудерживающей и эмульгирующей способностями, что делает их ценными ингредиентами для пищевых систем.

В-третьих, это интеграция пищевых производств в региональные биоэкономические кластеры. Пищевая промышленность может быть связана с сельским хозяйством, производством кормов, фармацевтикой, косметикой и энергетикой. Например, отходы пищевых производств могут использоваться для получения биогаза, а микробная биомасса – для

производства кормовых добавок. Такая интеграция соответствует принципам промышленной экологии и позволяет создавать конвергентные формирования, объединяющие науку, бизнес и государство.

В-четвёртых, это развитие национальной инфраструктуры биоэкономики. В России в 2026 году стартовал национальный проект «Технологическое обеспечение биоэкономики», целью которого является достижение технологического суверенитета в этой сфере к 2030 году. Проект предусматривает поддержку научно-технологических разработок, модернизацию производств, подготовку кадров и стимулирование сбыта биотехнологической продукции. Основные направления включают агропромышленный комплекс, фармацевтику, химическую промышленность и экологические решения.

Заключение. На современном этапе биоэкономика стимулирует развитие новых бизнес-моделей, вместо традиционной продажи сырья предприятия переходят к продаже функциональных ингредиентов, что повышает добавленную стоимость. Появляются специализированные биотехнологические производства, ориентированные на переработку конкретных видов отходов. Формируются рынки биопродуктов, включая биоразлагаемую упаковку, биотопливо, биоудобрения. Таким образом, биоэкономика представляет собой не просто новое направление в пищевой промышленности, а фундаментальный сдвиг в способах производства и потребления.

Список литературы

1. Нестеренко, М. А. Биоэкономика как новая парадигма развития / М. А. Нестеренко, Г. В. Комлацкий // Russian Journal of Management. – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 96-100. – DOI 10.29039/2409-6024-2021-9-4-96-100. – EDN WTIVGY.
2. Гордеева, И. В. Биоэкономика как одно из стратегических направлений устойчивого развития / И. В. Гордеева // Научное обозрение. Экономические науки. – 2019. – № 1. – С. 16-21. – EDN YZSOWT.
3. Эффективное использование растительных природных ресурсов для получения кормовых добавок как перспективное направление развития биоэкономики / В. И. Панфилов, Н. Б. Градова, И. В. Шакир, Т. В. Гусева // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 2(58). – С. 361-367. – EDN WXVZXO.
4. Биоэкономика и биотехнологии - драйверы развития АПК и сельских территорий : Сборник I Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 30 апреля 2026 года. – Новосибирск: ИЦ Университет биотехнологий «Золотой колос», 2026. – 645 с. – EDN ZHLBTJ.
5. Ресурсный потенциал сортов гороха Свердловской области для получения белковых гидролизатов / О. В. Чугунова, П. С. Бикбулатов, Д. И. Девяткин [и др.] // Индустрия питания. – 2025. – Т. 10, № 3. – С. 53-61. – DOI 10.29141/2500-1922-2025-10-3-6.

УДК 339.13:004.9

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Шульц А.С., ORCID: 0000-0002-6379-2741
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
annas_shults@mail.ru

Введение. Современный этап развития экономики характеризуется цифровой трансформацией отраслевых рынков. В ювелирной сфере, несмотря на ее консерватизм, цифровизация ускоряется из-за изменения потребительских предпочтений и регуляторного давления. В этих условиях особую актуальность приобретает оценка уровня цифровой зрелости региональных рынков, поскольку корректная диагностика позволяет выявлять структурные диспропорции, формировать обоснованные программы поддержки и прогнозировать траектории развития.

Цель исследования – разработка и научное обоснование методологического подхода к оценке цифровой зрелости регионального рынка ювелирных изделий.

Основная часть. Анализ научной литературы показал, что универсальные модели оценки цифровой зрелости не в полной мере учитывают специфику ювелирного рынка [1; 3]. Как отмечается в работах Азарян Е. М. [1], цифровая трансформация виртуальных рынков требует учёта институциональных особенностей, наиболее отчётливо проявляющихся в ювелирном сегменте. Уникальные характеристики ювелирных изделий (высокая стоимость транзакции, тактильное восприятие, верификация подлинности, особая роль доверия) при игнорировании искажают результаты, что подтверждают исследования в области цифрового маркетинга [2].

Цифровизация ювелирного рынка носит двойственный характер: цифровые каналы продаж и сервиса развиваются по рыночной инициативе, а ГИИС ДМДК с момента введения включает каждого участника в единый контур прослеживаемости, делая базовую цифровизацию обязательным нормативным требованием. Следовательно, методология оценки должна предусматривать декомпозицию общего уровня цифровизации на регуляторный и рыночный компоненты, что позволит выявить действительную степень цифровой зрелости предприятия. Данный подход согласуется с выводами Антошиной К. А. [3] о необходимости персонализации цифровых сервисов и учёта поведенческих факторов.

Кроме того, кластерная структура ювелирного рынка (Кострома – 30–35 % масс- и мид-сегмента, Москва и Санкт-Петербург – премиум и дизайн,

Якутия – бриллиантовое производство полного цикла) обусловливает необходимость дифференцированной оценки цифровой зрелости по специализации, инфраструктуре и кадрам регионов. Онлайн-продажи за 2020–2025 гг. выросли с 9,2 % до 29,0 %, маркетплейсы достигли 56 % e-commerce [4, 5]. Поляризация поведения (бимодальное распределение: ультракороткий импульсный и ультрадлинный исследовательский циклы, исчезновение среднего) свидетельствует о сегментационной перестройке рынка и требует дифференцированных стратегий.

С учётом изложенного целесообразно формирование авторского методологического подхода к оценке цифровой зрелости регионального ювелирного рынка, основанного на декомпозиции процесса цифровизации на пять взаимосвязанных контуров, представленных в таблице 1.

Таблица 1 – Контуры цифровой зрелости регионального ювелирного рынка

Контур	Содержание	Ключевые индикаторы
К1 – Регуляторно-инфраструктурный	отражает степень интеграции участников рынка в государственные цифровые системы прослеживаемости и уровень развития базовой цифровой инфраструктуры региона	подключение к ГИИС ДМДК, наличие электронной подписи, качество интернет-соединения, доступность цифровых платёжных сервисов
К2 – Коммерческо-сбытовой	характеризует развитие цифровых каналов продаж и глубину интеграции ювелирных брендов в экосистему платформенной торговли	наличие интернет-магазина, доля онлайн-продаж, представленность на маркетплейсах, количество SKU, средний рейтинг товаров, омниканальная интеграция
К3 – Операционно-управленческий	отражает степень внедрения цифровых технологий в производственные и управленческие бизнес-процессы предприятий отрасли	использование CAD/CAM-систем, 3D-моделирования, аддитивных технологий, CRM-систем, систем сквозной аналитики
К4 – Кадрово-компетентностный	характеризует обеспеченность отрасли специалистами, обладающими цифровыми компетенциями, и уровень развития системы подготовки кадров	доля сотрудников с цифровыми навыками, наличие программ обучения 3D-моделированию, уровень кадрового дефицита по цифровым специальностям
К5 – Экосистемно-сетевой	фиксирует степень развития партнёрских связей, кластерных образований и сетевых форм взаимодействия участников рынка в цифровой среде	наличие отраслевых цифровых платформ, участие в кластерных инициативах, развитие API-интеграций между участниками рынка

Как показано в табл. 1, каждый контур отражает сущностную сторону цифровой трансформации с учётом отраслевой специфики, что обеспечивает комплексность и релевантность оценок.

Апробация предложенного подхода на примере пятнадцати ювелирных брендов, представленных на платформах Ozon и Wildberries, выявила выраженную неоднородность цифровых компетенций участников рынка [7]. Однако, преодолев барьер цифрового входа (46,7 % предприятий на умеренной стадии зрелости, брендов на начальной – нет), региональный ювелирный рынок так и не перешёл к системной омниканальной интеграции, остающейся нереализованной для большинства участников.

Заключение. Таким образом, определение цифровой зрелости регионального ювелирного рынка требует учёта отраслевой специфики, разграничения регуляторной и рыночной компонент цифровизации и дифференциации подходов по регионам. Предложенный инструментарий служит методической основой для мониторинга цифровой трансформации и обоснования программ поддержки цифровизации предприятий малого и среднего бизнеса ювелирной отрасли.

Список литературы

1. Азарян, Е. М. Концептуальные основы развития виртуальных рынков в условиях цифровой бизнес-среды / Е. М. Азарян, А. А. Попова // Торговля и рынок. – 2023. – Т. 2, № 4(68). – С. 30-41. – EDN BXBTHA.
2. Шульц, А. С. Инструменты цифрового маркетинга и их влияние на развитие рынка ювелирных изделий / А. С. Шульц // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 30, № 12(147). – С. 135-142. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.30.015. – EDN OFLEDJ.
3. Антошина, К. А. Использование данных в персонализации услуг и улучшении клиентского опыта / К. А. Антошина // Индустриальная экономика. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 278-282. – DOI 10.47576/2712-7559_2022_1_4_278. – EDN JJMQEC.
4. Шульц, А. С. Ключевые векторы цифровой трансформации рынка ювелирных изделий в России / А. С. Шульц // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации (шифр - МКСТР) : Сборник материалов XXXVIII Международной научно-практической конференции, Москва, 26 декабря 2025 года. – Москва: АНО ДПО «Университет ИТБО», 2025. – С. 265-270. – DOI 10.26118/3717.2025.49.91.011. – EDN OVVKJI.
5. Шульц, А. С. Маркетинговые технологии в условиях цифровизации рынка ювелирных изделий / А. С. Шульц // Региональная и отраслевая экономика. – 2025. – № S3. – С. 264-272. – DOI 10.47576/2949-1916.2025.10.10.035. – EDN APXNNX.
6. Колчева, Д. В. Концептуальные основы формирования омниканальных маркетинговых моделей в региональной экономике / Д. В. Колчева, А. С. Шульц // Прикладные экономические исследования. – 2025. – № S4. – С. 284-291. – EDN UQOGGW.
7. Шульц, А. С. Методологические подходы к оценке цифровизации регионального рынка ювелирных изделий / А. С. Шульц // Индустриальная экономика. – 2025. – № S4. – С. 268-275. – EDN ADPSJY.

УДК 338.43: 631.115: 631.15 – 043.96 (470.13)

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И БАРЬЕРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРА

Юдин А.А., канд. экон. наук, ORCID: 0000-0003-3368-7497,
Тарабукина Т.В., канд. экон. наук, ORCID: 0000-0002-9738-0542
Институт агробиотехнологий им. А. В. Журавского Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Сыктывкар, РФ
audin@rambler.ru, strekalovat@bk.ru

Введение. Одним из регионов, расположенных в суровых северных широтах Российской Федерации, является Республика Коми, которая представляет собой уникальный пример адаптации аграрного сектора к экстремальным природным условиям. Сельское хозяйство региона обладает ярко выраженной спецификой: оно развивается не «вширь», за счет расширения посевных площадей, а «вглубь» – через интенсификацию производства и концентрацию ресурсов на наиболее жизнеспособных направлениях. Ведущей отраслью агропромышленного комплекса республики традиционно выступает животноводство, формирующее около 65% валового выпуска продукции. Именно эта сфера обеспечивает продовольственную безопасность северного края, где молочное скотоводство исторически стало основой экономики сельских территорий. Земледелие, несмотря на большую площадь территории – 416 тыс. кв. м., развито слабо: земли сельскохозяйственного назначения составляют лишь 1% всех земель республики, четверть из них приходится на пашни, что обусловлено коротким вегетационным периодом и преобладанием подзолистых почв с повышенной кислотностью [2].

Целью исследования является анализ факторов эффективности и барьеров инновационного развития сельского хозяйства северного региона.

Основная часть. Сельское хозяйство Республики Коми не является традиционной отраслью специализации из-за экстремальных условий Заполярья и Приполярья. Общая динамика развития отрасли остается крайне медленной, а по ряду направлений наблюдается регресс: сокращается поголовье скота и птицы, практически прекращено товарное производство зерна, наблюдается устойчивая тенденция к сокращению общей посевной площади сельскохозяйственных культур, соблюдается устойчивая тенденция к сокращению количественного состава парка основных видов техники.

Самообеспеченность овощами и бахчевыми составляет 43%, по мясу и мясопродуктам – 42%, по молоку и молокопродуктам – 27%, по яйцам и яйцепродуктам – 53%. Кроме того, потребление основных продуктов питания населением не соответствует научно обоснованным нормам [3, 4].

В настоящее время, в условиях геополитических вызовов и курса на обеспечение продовольственной безопасности России перед регионом поставлены амбициозные задачи: увеличение объемов производства овощей открытого грунта, модернизация перерабатывающих мощностей и вовлечение в оборот тысяч гектаров заброшенных земель. Однако достижение этих целей невозможно без преодоления накопленных системных противоречий, процесс модернизации агропромышленного комплекса Севера сдерживается комплексом взаимосвязанных препятствий, которые можно разделить на инфраструктурные, финансово-экономические, кадровые и природно-климатические (таблица 1).

Таблица 1 – Барьеры инновационного развития сельского хозяйства Республики Коми

Препятствия	Описание
1	2
Инфраструктурные и технологические ограничения	Крайне медленное развитие инженерной, рыночной и социальной инфраструктуры существенно ограничивает производственную эффективность предприятий. Нехватка современных дорожных сетей, складских комплексов с холодильным оборудованием и объектов сервисного назначения приводит к высоким логистическим издержкам и потерям продукции. Ситуация усугубляется высокой степенью износа материально-технической базы: недостаточное обновление парка техники и использование морально устаревшего оборудования не позволяют внедрять элементы автоматизации и точного земледелия.
Финансово-экономические барьеры	Низкая инвестиционная привлекательность сектора обусловлена высокими операционными расходами и длительным сроком окупаемости проектов в условиях Севера. Ценовой дисбаланс между стоимостью промышленных ресурсов (топливо, удобрения, техника) и закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию ведет к низкой рентабельности хозяйств. В Республике Коми свыше 50% сельскохозяйственных предприятий являются неплатежеспособными или финансово неустойчивыми, а около трети – убыточными. Применяемые инструменты субсидирования зачастую не учитывают специфику высоких северных затрат, что замедляет технологическое перевооружение. Кроме того, отсутствие развитых систем сельскохозяйственного консалтинга формирует дефицит компетенций по внедрению передовых практик управления.
Кадровые и социальные вызовы	Отток квалифицированных специалистов из арктических территорий создает острый кадровый голод. Трудности закрепления молодых работников обусловлены низким уровнем комфорта проживания и ограниченным доступом к социальным услугам, что делает невозможным эксплуатацию сложного цифрового оборудования без привлечения внешнего персонала.

Окончание табл. 1

1	2
Природно-ресурсные факторы	Неудовлетворительное состояние почвенных ресурсов (повышенная кислотность, низкое содержание органики) и суровые климатические условия выступают натуральными ограничителями. Республика Коми в территориальном плане делится на 4 зоны с разной тепловой обеспеченностью. В северной зоне, как часть первого аграрно-климатического района, активное земледелие почти невозможно. Здесь возможно только скотоводство и оленеводство. Лишь в южных районах (III–IV типы) возможно выращивание широкого спектра культур, однако общая доля пашни остается критически низкой (около 0,25% от площади республики). Отметим, что данные факторы обуславливают заброшенность больших угодий сельского хозяйства.

Преодоление указанных барьеров требует перехода от фрагментарных мер поддержки к системным механизмам взаимодействия государства и бизнеса. Одним из наиболее эффективных инструментов развития общественной и производственной инфраструктуры в данных условиях выступает государственно-частное партнерство (ГЧП) [5].

Практика реализации ГЧП-проектов демонстрирует ряд стратегических преимуществ:

1. Привлечение внебюджетных инвестиций для строительства капиталоемких объектов (овощехранилищ, селекционных центров, мелиоративных систем).
2. Соблюдение сроков и бюджета проекта за счет жесткой контрактной ответственности частного партнера.
3. Повышение качества услуг благодаря операционной эффективности частного сектора.
4. Грамотное распределение рисков: передача технологических и эксплуатационных рисков той стороне, которая способна управлять ими максимально эффективно.

Однако реализация таких проектов сопряжена с рисками низкого уровня оперативного контроля, сложностью долгосрочного финансового планирования и вероятностью форс-мажорных обстоятельств, характерных для Арктики. Важнейшим фактором повышения конкурентоспособности становится цифровая трансформация отрасли. Учитывая низкую плотность населения и огромные расстояния, именно цифровые технологии способны нивелировать инфраструктурную разобщенность. Формирование так называемых цифровых двойников полей, интеграция компонентов ИИ для анализа здоровья животных, переход на отечественное ПО – это базовые направления в развитии. Таким образом, практическую, а также теоретическую значимость обретает проработка оценочной методики по части выявления уровня цифровизации АПК региона.

По анализу имеющихся подходов выдвигается модель с оценкой 4 базовых компонентов:

базис технологический. Рассматривается степень оснащенности хозяйств умными датчиками, БПЛА, автоматизированными системами раздачи кормов и доения;

менеджмент данными: проверка наличия платформ на региональном уровне по части сбора информации, проверка уровня интеграции хозяйств с ГИС Министерства сельскохозяйственного развития РФ;

экономическая эффективность: увеличение производительности труда, понижение удельных затрат после интеграции цифровых решений.

состав кадров: часть работников, которые имеют опыт работы в сфере AgroTech.

На основе заявленной методики можно не просто констатировать наличие технологической базы, а измерять параметры вклада реально в аграрном секторе Севера. Тем самым, формируется обоснованная с научной точки зрения политика инновационного развития.

Заключение. В целях инновационного развития АПК Севера важно перейти на 2 стратегических направления. Первое из них – институциональное – посредством интеграции механизмов ГЧП. Второе направление – технологическое, через цифровую трансформацию АПК на базе заявленных методик оценивания цифровизации, в целом.

Данные о финансовой поддержке: *Анализ проводится в рамках государственного задания, № 1023032700053-8-4.2.1.*

Список литературы

1. Юдин, А.А. Развитие отрасли животноводства в условиях севера // Аграрная наука на Севере – сельскому хозяйству / А.А. Юдин, Т.В. Тарабукина // Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (26 апреля 2024 г., г. Сыктывкар). – 2024. – С. 160-166.
2. Баяндин, М.А. Современное состояние и тенденции развития рынка молока северных территорий России и Казахстана / М.А. Баяндин, А.Б. Бекмурзаева // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «Сельскохозяйственные науки». – 2021. – №1(47). – С. 69-74.
3. Агропромышленный комплекс Республики Коми: статистический сборник / Комистат. – Сыктывкар, 2025. – 63 с.
4. Сельское хозяйство в Республике Коми. 2024: стат. Сб. / Комистат – Сыктывкар, 2025. – 84 с.
5. Босикова, Б.Т. Сущность и значение ГЧП в социально-экономическом развитии региона / Б.Т. Босикова // Научные разработки: евразийский регион. Международная научная конференция теоретических и прикладных разработок (г. Москва, 16 марта 2019 года). – Уфа: Инфинити, 2019. – С. 55–59.
6. Инновационная модель ГЧП в развитии отрасли сельского хозяйства: региональный аспект (на материалах Республики Коми): монография / А.А. Юдин, Т.В. Тарабукина, И.А. Еремина, С.А. Ткачев, А.В. Облизов. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2022. – 241 с.

УДК 332.14

УСТОЙЧИВОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ВЫЗОВЫ И СЦЕНАРИИ АДАПТАЦИИ

Юрина Т.С., ORCID 0009-0004-9590-093
ФГБОУ ВО «Херсонский педагогический университет», г. Херсон, РФ
Yurina_tanya@mail.ru

Введение. Интеграция новых регионов (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей) – стратегический приоритет РФ, и ключевым инструментом здесь выступает Свободная экономическая зона (СЭЗ), действующая до 2050 года. За короткий срок в СЭЗ вошло более 400 участников, заявлено свыше 250 млрд руб. инвестиций, создано от 11 до 115 тыс. рабочих мест [3; 6]. Однако стартовый успех не гарантирует устойчивости в условиях макроэкономической неопределённости 2026 года.

Цель исследования – оценить устойчивость инвестиционной политики новых регионов к внешним шокам и предложить адаптационные сценарии. Задачи: выделить факторы неопределённости, выявить уязвимости и резервы прочности, разработать прогнозы и рекомендации. Методология – системный и институциональный анализ, сценарное прогнозирование.

Основная часть. Макроэкономический фон 2026 года складывается из трёх негативных трендов. Во-первых, спад инвестиций в основной капитал: в 2025 году – минус 2,3% (впервые за 4 года), прогноз на 2026 год ухудшен до –1,5% из-за падения прибыли и дорогих кредитов; восстановление ожидается лишь в 2027 году (+2%) [1]. Во-вторых, высокая волатильность ключевой ставки ЦБ: базовый сценарий предполагает средний уровень 14,5–14,6%, что резко сужает круг рентабельных проектов [2]. В-третьих, инфляционные ожидания: прогноз на конец года повышен до 6–7% (против 4,5–5,5%), что усиливает неопределённость долгосрочных вложений [2]. Все эти факторы осложняют реализацию инвестиционной политики, которая сильно зависит от бюджетных средств и льготного кредитования.

Институциональная база – СЭЗ, учреждённая по поручению Президента, регулируется Минстроем, управляется ППК «Фонд развития территорий». Предусмотрены налоговые льготы, пониженные страховые взносы, упрощённое землепользование, субсидирование ставок [5]. Динамика впечатляет: июнь 2025 г. – >350 участников, ~250 млрд руб. инвестиций, ~100 тыс. занятых; август – уже 400 компаний [4; 5; 6]. Однако отраслевая структура узка: из 340 участников (середина 2025 г.) 208 относятся к промышленности и строительству, причём доля строительного

и сельскохозяйственного секторов достигает 40% [4]. Общие результаты: привлечено более 55 млрд руб. прямых инвестиций, создано свыше 11 тыс. рабочих мест, за два года – 10 тыс. мест и 46,5 млрд руб. вложений, в ЛНР – более 100 млрд руб. [3; 6].

Анализ позволяет выделить четыре основные зоны уязвимости. Первая – бюджетная зависимость: падение инвестиций по РФ на 1,5% и возможный секвестр угрожают инфраструктурным проектам [1]. Вторая – чувствительность к ДКП: субсидирование ставок становится дорогим и малоэффективным при ключевой ставке 14,5–14,6% [2]. Третья – отраслевая концентрация: доминирование строительства и АПК при слабом притоке в обрабатывающую промышленность и высокие технологии консервирует сырьевую специализацию, снижая долгосрочную устойчивость [6]. Четвёртая – институциональные барьеры: не завершены разграничение земель и территориальное планирование, отсутствует прозрачность во взаимодействии с властями; самое серьёзное препятствие – отсутствие механизма компенсации военных рисков, что прямо отпугивает инвесторов [4; 7].

Наряду с этим есть и факторы устойчивости: долгосрочный характер СЭЗ (до 2050 г.), высокий стартовый интерес (более 400 участников), природно-ресурсный и географический потенциал, а также безусловный политический приоритет интеграции. Поэтому ключевой вывод: устойчивость определяется не столько макроэкономикой, сколько институциональным качеством – скоростью снятия барьеров, уровнем трансакционных издержек, наличием компенсационных механизмов. Чем выше издержки, тем хрупче модель.

Исходя из этого, выделяем три сценария. Оптимистический («институциональный рывок»): быстрое завершение земельно-планировочных процедур, создание страхового фонда по военным рискам, ускоренное снижение ставки, расширение господдержки – итог: высокие темпы инвестиций, диверсификация в обрабатывающую промышленность, рост занятости. Базовый («инерционный»): постепенное смягчение ДКП (ставка 14,5–14,6%), умеренное улучшение институтов, сохранение бюджетной поддержки – темпы сохраняются, но структура остаётся строительно-аграрной, барьеры снимаются медленно. Пессимистический («стагнационный»): пауза или рост ставки (>15%), затягивание реформ, сокращение бюджетного финансирования на фоне спада инвестиций на 1,5% – замедление притока, отток инвесторов, консервация специализации, социальная напряжённость.

Рекомендации по усилению устойчивости: 1) ускорить разграничение земель и территориальное планирование – самый быстрый и дешёвый способ снизить риски [4]; 2) создать прозрачный механизм компенсации военных рисков (страховой фонд) – это сняло бы главное препятствие [7]; 3) диверсифицировать инструменты (ГЧП, концессии, инфраструктурные

облигации) – уменьшить бюджетную зависимость; 4) целенаправленно стимулировать обрабатывающую промышленность и высокие технологии через дополнительные преференции; 5) повысить прозрачность взаимодействия с властями – ключевое условие для доверия инвесторов [4].

Заключение: инвестиционная политика через СЭЗ показала впечатляющий старт (>400 участников, >250 млрд руб.), но в условиях 2026 года (спад инвестиций на 1,5%, ставка 14,5–14,6%, инфляция 6–7%) её устойчивость не гарантирована. Решающим фактором является институциональное качество. Три сценария показывают, что траектория зависит от сочетания макроэкономики и управленческих решений. Самый эффективный и малозатратный путь – ускоренное устранение институциональных барьеров, что позволит компенсировать негативные шоки. В перспективе этот опыт может быть полезен для других макрорегионов как пример устойчивости при высокой неопределённости.

Список литературы

1. Минэкономразвития ухудшило прогноз по снижению инвестиций в РФ в этом году до 1,5% с 0,5%. – Текст: электронный // Финмаркет. – 2026. – 12 мая. – URL: http://www.finmarket.ru/news/6619299.
2. Банк России спрогнозировал снижение ключевой ставки до 8,5% // Общественная служба новостей. – 2026. – 5 авг. – Текст: электронный. – URL: https://www.osnmedia.ru/ekonomika/bank-rossii-sprognoziroval-snizhenie-klyuchevoj-stavki-do-8-5/.
3. Марат Хуснуллин: За два года участники свободной экономической зоны создали 10 тыс. новых рабочих мест и вложили свыше 46,5 млрд рублей // Правительство России. – 2025. – URL: http://government.ru/news/55499/.
4. На сессии Минстроя России в рамках ПМЭФ обсудили влияние СЭЗ на инвестиционную привлекательность Донбасса и Новороссии. – Текст: электронный // сэз.фрт.рф. – 2025. – 20 июня. – URL: https://xn--p1aee.xn--p1ai/news/.
5. Более 360 компаний стали участниками СЭЗ в новых регионах РФ // Интерфакс-Недвижимость. – 2025. – 30 июня. – URL: https://www.interfax-russia.ru/realty/news/.
6. Марат Хуснуллин: Предприятия сельскохозяйственного и строительного секторов вошли в число 400 участников СЭЗ. – Текст: электронный // Правительство России. – 2025. – 22 авг. – URL: http://government.ru/news/55499/.
7. Д. Ворона провел совещание о расширении механизма компенсации рисков. – Текст: электронный // Совет Федерации. – 2025. – 24 февр. – URL: http://www.council.gov.ru/events/news/161411/.

Мировая экономика и международные экономические отношения

УДК 338.3:001.86

ОЦЕНКА ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ В РОССИИ

Алексеева Н.А., д-р экон. наук, проф., ORCID 0000-0003-4220-0193,
Марковина Е.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-4385-9814
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет», г. Ижевск, РФ
497477@mail.ru, ekdekanat@mail.ru

Введение. Внешняя торговля выступает одним из основных элементов национальной экономики, поскольку через экспортно-импортные операции обеспечиваются движение товаров, доступ к зарубежным рынкам, расширение производственной кооперации и восполнение внутреннего спроса, поступление доходов в бюджет. Изменения международной экономической среды, трансформация логистических маршрутов, корректировка внешнеторговых ограничений и переориентация потоков поставок усиливают необходимость системного изучения структуры внешней торговли России. Многие исследователи считают актуальным рассмотрение проблем распределения внешнеэкономической активности среди территорий международных пространств, причем в качестве международных пространств необходимо рассматривать мир в целом, регионы, группы стран, интеграционные объединения, отдельные страны. Ученые актуализируют оценки текущей экономической ситуации с позиции показателей внешнеторгового оборота России, динамики экспорта и импорта в приоритетных отраслях национального хозяйства.

Цель исследования – рассмотреть различные научные точки зрения на проблему измерения состояния, динамики и тенденций, развивающихся в экспортно-импортных операциях в РФ, обосновать применение интегрального показателя оценки.

Основная часть. Белова Т. Н. рассмотрела ряд инструментов экономико-статистического анализа [2, с. 5]. Виноградова А. В., Гриневич Ю. А. рассмотрели направления внешнеторговых взаимодействий между Россией и Китаем [3, с. 93]. В работе Едроновой В. Н. выявлены направления реструктуризации внешней торговли в условиях санкций [4, с. 447]. Марченковой Л. М. рассмотрены показатели экспорта, импорта, торгового оборота [6, с. 330]. Авторы Нарбут В. В., Толмачев М. Н., Шнайдер О. В. разработали и применили показатель «относительной асимметрии экспорта для оценки расхождений в отражении экспортных и импортных операций» [7, с. 157]. Беляев С. А., Быстрицкая А. Ю., Болычева Е. А.,

Репринцева Е. В. провели корреляционно-регрессионный анализ показателей объема ВВП, экспорта и импорта в РФ за 2015–2021 годы [8, с. 23].

Проблемы оценки развития экспортного потенциала России, соотношения экспорта и импорта, степени достижения целей импортозамещения и других нуждаются в дальнейшем освещении с акцентом на структурные изменения во внешнеэкономических отношениях.

Цель настоящего исследования заключается в оценке уровня развития экспортно-импортных отношений России посредством адаптации индекса центральности системы к данным официальной внешнеторговой статистики.

В настоящей работе для оцени уровня развития экспортно-импортных отношений предлагается применить индекс центральности системы, который определяется по формуле (1) [1, с. 81]:

$$\delta = \frac{(p-1)(2Z_{i\max} - p)}{(p-2)Z_{i\max}}, \quad (1)$$

где:

δ – индекс центральности системы;

p_i – количество связей i-го элемента со всеми остальными, ед.;

$Z_{i\max}$ – число связей, устанавливаемых через центральный i-тый элемент.

Автор утверждает, что чем менее удален i-тый элемент от других элементов системы, тем больше его центральность и тем больше количество связей осуществляется через него, тем важнее его роль в управленческой системе.

Модифицируем данный индекс под специфику имеющейся официальной статистики по экспортно-импортным поставкам России. Формула сохранит свой вид, но показатели в этой формуле следует представить в виде следующих элементов:

p_i – сумма экспорта (импорта) продукции по совокупности изучаемых стран за отчетный год, млн. долл.;

$Z_{i\max}$ – сумма экспорта (импорта) РФ в конкретную i-тую страну, млн. долл.

Расчеты индекса проведены на примере 29 стран [5], которые официальными документами в РФ принято делить на два лагеря – дружественные и недружественные страны:

дружественные страны: Китай, Турция, Беларусь, Казахстан, Вьетнам, Индия, Бразилия, Узбекистан, Индонезия, Азербайджан;

недружественные страны: Нидерланды, Германия, США, Великобритания, Республика Корея, Италия, Франция, Япония, Польша, Финляндия, Бельгия, Украина, Чешская Республика, Испания, Швейцария, Австрия, Словакия, Швеция, Тайвань.

Объем экспорта из РФ в дружественные страны увеличился более, чем 2,76 раза в 2021 г. по отношению к 2006 г., в недружественные страны – только в 1,24 раза. Импортные поставки развивались более интенсивно: из дружественных стран – рост в 3,64 раза, из недружественных стран – в 1,56 раза.

Заключение. Таким образом, предложена авторская модификация индекса центральности системы применительно к анализу экспортно-импортных операций в РФ, что составляет научную новизну исследования. Определение торговых предпочтений к другим странам мира с помощью данного индекса показало приоритет сотрудничества с дружественными странами.

Список источников

1. Алексеева, Н. А. Введение в системный анализ: учебное пособие для направления подготовки «Прикладная информатика» / Н. А. Алексеева. – Ижевск: Удмуртский государственный аграрный университет, 2023. – 96 с. EDN: ZOKSRS.
2. Белова, Т. Н. Индексный метод оценки структурных сдвигов в экономике: вопросы теории и практики / Т. Н. Белова // Статистика и Экономика. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 4-14. DOI: 10.21686/2500-3925-2024-1-4-14 EDN: BFPOHI.
3. Виноградова, А. В. Влияние торговых отношений с Китаем на обеспечение экономической безопасности России / А. В. Виноградова, Ю. А. Гриневич // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 3(59). – С. 93-105. DOI: 10.26456/2219-1453/2022.3.093-105 EDN: SUZONO.
4. Едронова, В. Н. Внешняя торговля России в условиях санкций 2014-2022 гг / В. Н. Едронова // Экономический анализ: теория и практика. – 2023. – Т. 22. – № 3(534). – С. 445-464. DOI: 10.24891/ea.22.3.445 EDN: RBYXVC.
5. ЕМИСС. – Текст: электронный. – URL: https://www.fedstat.ru/indicators/ (дата обращения 15.09.2026 г.).
6. Марченкова, Л. М. Место и роль России в системе международных торговых отношений / Л. М. Марченкова // Бюллетень науки и практики. – 2025. – Т. 11, № 11. – С. 327-335. DOI: 10.33619/2414-2948/120/34 EDN: UQVOSK.
7. Нарбут, В. В. Российский экспорт и импорт: двусторонняя асимметрия в статистике торговых партнеров / В. В. Нарбут, М. Н. Толмачев, О. В. Шнайдер // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2022. – Т. 17, № 3(67). – С. 154-162. DOI: 10.12737/2073-0462-2022-158-166 EDN: JWRGWG.
8. Оценка динамики макроэкономического развития Российской Федерации в контексте импорта и экспорта товаров, сырья и материалов / С. А. Беляев, А. Ю. Быстрицкая, Е. А. Болычева, Е. В. Репринцева // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2023. – Т. 12, № 1(42). – С. 18-21. DOI: 10.57145/27128482_2023_12_01_03 EDN: KFHCBB.

УДК 339.9

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЕКТА И ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЕКТА РАЗВИТИЯ И ИХ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Власовец Е.Н., ORCID 0009-0001-7113-1804
Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь
e.vlasovets@unitsky.com

Введение. В современных условиях формирования новых моделей международного сотрудничества возрастает значение глобальных проектов, реализуемых в рамках международных инициатив, как инструмента стратегических преобразований. В научной литературе и практике управления все чаще используются категории «глобальный проект» и «глобальный проект развития». Несмотря на широкое распространение указанных терминов, их содержательная интерпретация остаётся двойственной. Отсутствие единых теоретических подходов к определению данных понятий обусловливает неоднозначность их применения в научных исследованиях и практике управления сложными социально-экономическими системами.

Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа понятий «глобальный проект» и «глобальный проект развития», выявлении их общих и отличительных признаков, а также оценке целесообразности их терминологического разграничения в современной теории и практике управления проектами.

Основная часть. В научной литературе понятие глобального проекта определяется через реализацию масштабных программ, характеризующихся высокой степенью организационной, технологической и финансовой сложности, значительным количеством участников, длительным жизненным циклом и транснациональным характером воздействия. Согласно подходу И.И. Мазура и В.Д. Шапиро, глобальные проекты представляют собой комплекс взаимосвязанных мероприятий, реализация которых оказывает существенное влияние на развитие отраслей экономики, отдельных государств либо мирового сообщества в целом [1]. В зарубежной литературе B. Flyvbjerg рассматривает глобальные проекты как масштабные стратегические инициативы, оказывающие системное влияние на экономическое развитие и международные процессы взаимодействия, обеспечивая долгосрочное воздействие на мировую экономическую систему [2].

В отличие от глобального проекта, глобальный проект развития может рассматриваться как категория, в рамках которой основное внимание сосредоточено не на масштабе реализуемых мероприятий, а на

целевой направленности и характере достигаемых результатов. Данная категория определяется как совокупность взаимосвязанных действий и инициатив, ориентированных на обеспечение устойчивых качественных изменений в социально-экономических системах, выражающихся в повышении уровня благосостояния населения, развитии человеческого капитала, совершенствовании институтов управления, внедрении инноваций и достижении экологической устойчивости. При этом сущностной характеристикой данной категории выступает ориентация на долгосрочный общественный эффект, что предполагает учёт ESG-критериев как системы оценки экологических, социальных и управленческих параметров развития.

Следовательно, ключевым критерием разграничения рассматриваемых категорий выступает целевая направленность: глобальный проект ориентирован на создание крупномасштабного инфраструктурно-технологического результата, тогда как глобальный проект развития – на достижение комплексного социально-экономического эффекта и повышение устойчивости функционирования мирохозяйственной системы. Сравнительная характеристика понятий «глобальный проект» и «глобальный проект развития» представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика понятий «глобальный проект» и «глобальный проект развития»

Критерий	Глобальный проект	Глобальный проект развития
Масштаб реализации	Международный	Международный
Продолжительность реализации	Долгосрочная	Долгосрочная
Количество участников	Значительное	Значительное
Ресурсное обеспечение	Высокая капиталоёмкость	Высокая капиталоёмкость
Основная цель	Создание масштабного инфраструктурного, технологического или организационного результата	Обеспечение долгосрочного социально-экономического развития системы
Доминирующий эффект	Инфраструктурно-технологический	Социально-экономический, экологический

Однако, несмотря на различия по критерию доминирующего эффекта, категории «глобальный проект» и «глобальный проект развития» характеризуются высокой степенью взаимосвязи и содержательного пересечения.

Так, глобальный проект стратегической инициативы «Один пояс – один путь», реализуемый Китаем, первоначально был ориентирован на формирование международной транспортно-логистической инфраструктуры. Однако его реализация также обеспечивает расширение торгово-экономических связей, рост инвестиционной активности и развитие промышленного производства, что оказывает положительное влияние на социально-экономическое развитие участвующих стран. Следовательно, данная инициатива одновременно обладает признаками как глобального проекта, так и глобального проекта развития.

В рамках глобального проекта развития по цифровизации образования в странах Юго-Восточной Азии, направленного на повышение доступности и качества образования, формируется масштабная инфраструктурная база, включающая цифровую образовательную инфраструктуру, онлайн-платформы обучения и техническое оснащение образовательных учреждений. Таким образом, в данном проекте одновременно прослеживаются признаки «глобального проекта», обусловленные технологически-инфраструктурным характером реализации, и признаки «глобального проекта развития», связанные с его долгосрочной социально значимой направленностью.

Заключение. Таким образом, проведённый сравнительный анализ свидетельствует, что выявленные различия, представленные в таблице 1, носят преимущественно функциональный характер и обусловлены особенностями формулирования целей проекта, а не его сущностными характеристиками. Полученные результаты позволяют уточнить соотношение рассматриваемых категорий и сделать вывод о том, что понятие «глобальный проект развития» может рассматриваться как разновидность глобального проекта, характеризующаяся преобладанием целей социально-экономического развития. В этой связи его выделение в самостоятельную категорию не является строго необходимым, поскольку не предполагает формирования принципиально новых методологических подходов и во многом дублирует содержание глобальных проектов. При этом данная трактовка может использоваться как уточняющая, не обладающая строго ограничивающим характером и допускающая вариативность интерпретаций в зависимости от контекста исследования.

Список литературы

1. Мазур, И.И. Управление проектами / И.И. Мазур, В.Д. Шапиро, Н.Г. Ольдерогге. – М.: Омега-Л, 2014.
2. Flyvbjerg, B. Megaprojects and Risk: An Anatomy of Ambition / B. Flyvbjerg, N. Bruzelius, W. Rothengatter // Cambridge: Cambridge University. – 2003. – PP. 215.
3. Administratio publica. – Текст: электронный. – URL: https://assadpam.net/sites/default/files/Administratio-Publica-Vol-32-No-1.pdf?utm_source=chatgpt.com. – Дата доступа: 30.06.2026.

УДК 339.92(575.1+470)

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ УЗБЕКИСТАНА С РОССИЕЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исмаилов Ж.Б., ORCID 0009-0004-5368-7229
Институт макроэкономических и региональных исследований
при Кабинете Министров Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Республика Узбекистан
Jakhongiri@gmail.com

Введение. Россия остается для Узбекистана вторым после Китая торговым партнером и крупнейшим рынком сбыта: в январе–августе 2026 г. на нее пришлось 14,0 % узбекского экспорта [1]. По оценке А. А. Мигранян и А. И. Литвинова, после 2022 г. Центральная Азия превратилась для России из периферийного направления в стратегически значимое, причем торговля с Узбекистаном расширялась во многом за счет промышленной кооперации [2]. Вместе с тем по мере роста оборота доля России во внешней торговле республики снижается, а дефицит увеличивается.

Цель исследования – по официальной статистике 2022–2026 гг. оценить динамику экономических связей Узбекистана с Россией, выделить основные ограничения их развития и определить наиболее перспективные направления сотрудничества.

Основная часть. По данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике, товарооборот двух стран за 2022–2025 гг. увеличился на 43,7 % и достиг 13,48 млрд долл. (таблица 1).

Таблица 1 – Торговля Узбекистана с Россией, млн долл. США (рассчитано по [1])

Показатель	2022	2023	2024	2025	янв.–авг. 2026
Товарооборот	9 381,8	10 156,3	11 974,1	13 483,7	9 193,2
Экспорт в Россию	3 151,1	3 495,7	3 869,6	4 552,1	3 194,0
Импорт из России	6 230,7	6 660,6	8 104,5	8 931,6	5 999,2
Сальдо	–3 079,6	–3 164,9	–4 234,9	–4 379,5	–2 805,2
Доля России в обороте, %	18,6	16,0	17,8	16,3	16,0

Из таблицы следуют три вывода. Во-первых, общий внешнеторговый оборот Узбекистана за те же годы вырос на 63,9 %, поэтому доля России сократилась с 18,6 до 16,3 %. Первое место с 2023 г. занимает Китай, почти удвоивший оборот с республикой. Во-вторых, динамика замедляется: в январе–августе 2026 г. оборот прибавил 9,7 % против 12,6 % по итогам 2025 г. В-третьих, сохраняется дисбаланс: экспорт покрывает лишь половину импорта (51,0 % в 2025 г.), а дефицит за три года вырос в 1,4 раза. Экспорт и импорт при этом росли почти одинаково – на 44,5 и 43,3 %, но при вдвое большей базе импорта равные темпы только расширяют разрыв:

чтобы дефицит хотя бы не увеличивался, экспорт должен расти примерно вдвое быстрее импорта. В январе–августе 2026 г. на Россию приходилось 24,0 % всего отрицательного сальдо внешней торговли страны. Оставаясь первым среди стран покупателем узбекских товаров, в импорте Россия (17,4 %) почти вдвое уступает Китаю (32,4 %).

Причина дисбаланса – в товарной структуре. Узбекистан поставляет в Россию главным образом текстиль и плодоовощную продукцию, а ввозит металлы, нефтепродукты, древесину, оборудование и продовольствие. Б. А. Исламов и М. М. Турдибаева показали, что узбекский экспорт в Россию в долгосрочном периоде определяется ростом российской экономики и ценовой конкурентоспособностью поставок [3]; первый из этих факторов от экспортера не зависит. К этому добавляются нетарифные барьеры (техническое регулирование, санитарные и фитосанитарные меры) и регуляторные ограничения, связанные со статусом наблюдателя в ЕАЭС [4]. Так, в мае–июле 2026 г. Россельхознадзор временно запретил ввоз продукции пятнадцати узбекских поставщиков.

Второй вызов связан с трудовой миграцией. Из России поступает около трех четвертей денежных переводов в республику, и эта доля снижается: в I квартале 2026 г. общий объем переводов вырос на 13 %, до 3,8 млрд долл., а доля России сократилась с 77,6 до 72,4 %. Центральный банк объясняет это удорожанием патентов, ослаблением рубля и расширением географии миграции; по патентам в России работали 1,34 млн граждан Узбекистана – на 1,8 % меньше, чем годом ранее [5]. Доходы многих домохозяйств, следовательно, зависят от внешних факторов – российских миграционных правил и курса рубля.

Третий вызов – санкционные и валютные риски. Вторичные санкции в 2023 г. осложнили рост торговли стран региона с Россией [2], а в 2023–2026 гг. в списки США и ЕС попал ряд узбекских компаний. Перевод расчетов в национальные валюты (по официальным заявлениям, более 70 % оборота) снижает эти риски, но усиливает зависимость от курса рубля.

Инвестиционное присутствие России широко, но неглубоко. На 1 сентября 2026 г. в Узбекистане действовало 3 589 предприятий с российским капиталом (16,7 % всех предприятий с иностранным капиталом), но в январе–сентябре 2025 г. на Россию пришлось лишь 7,8 % освоенных иностранных инвестиций и кредитов против 39,9 % у Китая [1].

Перспективы, на наш взгляд, связаны с тремя направлениями. Первое – энергетика. С октября 2023 г. российский газ поступает в Узбекистан транзитом через Казахстан, и в 2025 г. поставки достигли примерно 6,5 млрд куб. м. В июне 2026 г. в Джизакской области залит первый бетон интегрированной АЭС (два блока ВВЭР-1000 и два реактора РИТМ-200Н, более 2,1 ГВт). Эти проекты рассчитаны на десятилетия, но увеличивают импорт и торговый баланс сами не выправят. Второе направление – локализация производства. Наибольший потенциал кооперации отмечается

в автомобилестроении, химии, электротехнике, металлургии и фармацевтике [4]; это заместило бы часть импорта и расширило экспорт с высокой добавленной стоимостью. Третье – снижение барьеров для экспорта: взаимное признание фитосанитарных сертификатов, электронные накладные, переработка плодоовощной продукции на месте.

В апреле 2026 г. на заседании совместной комиссии глав правительств названа цель – 30 млрд долл. товарооборота к 2030 г. По нашему расчету, для этого оборот должен расти в среднем на 17,3 % в год, тогда как в январе–августе 2026 г. он вырос на 9,7 %. При сохранении нынешнего темпа оборот к 2030 г. составит около 21 млрд долл.

Заключение. Экономические связи Узбекистана с Россией растут в абсолютном выражении, но доля России во внешней торговле и инвестициях республики снижается, а дефицит углубляется. Основные ограничения – узкая структура узбекского экспорта, зависимость доходов населения от российского рынка труда, санкционные и валютные риски. Цель в 30 млрд долл. достижима, если прирост обеспечат не только энергоносители, но и совместное производство и поставки переработанной продукции; иначе рост оборота лишь увеличит отрицательное сальдо. Отдельного изучения требует товарная структура взаимной торговли: открытая официальная статистика не приводит ее в разрезе стран, что затрудняет оценку потенциала кооперации.

Список литературы

1. Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике: официальный сайт. – Ташкент. – Текст: электронный. – URL: https://stat.uz (дата обращения: 08.10.2026).
2. Мигранян, А. А. Центральная Азия в системе внешнеэкономических связей России: тенденции и перспективы (2020–2024 гг.) / А. А. Мигранян, А. И. Литвинов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2026. – Т. 34, № 1. – С. 7–23. – DOI 10.22363/2313-2329-2026-34-1-7-23. – EDN UHZDET.
3. Исламов, Б. А. Основные тенденции и перспективы развития экспорта Республики Узбекистан в Российскую Федерацию / Б. А. Исламов, М. М. Турдибаева // Экономика Центральной Азии. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 317–334. – DOI 10.18334/asia.7.4.119668. – EDN NQSMIF.
4. Определение перспективных направлений торгово-промышленной кооперации России и Узбекистана на основе анализа отраслевых потребностей узбекской промышленности с целью реализации российского экспортного потенциала / В. Н. Живалов, Т. М. Алиев, Н. С. Могучев, О. В. Пономарева // Современная мировая экономика. – 2026. – Т. 4, № 1 (13). – С. 50–74. – DOI 10.17323/2949-5776-2026-4-1-50-74. – EDN GFMEDK.
5. Mehnat bozori sharhi, 2026 yil I chorak / O‘zbekiston Respublikasi Markaziy banki. – [Ташкент], 2026. – 10 с. – Текст : электронный. – URL: https://cbu.uz/upload/iblock/789/2p21t0slnrb1selfp0hrs1hmvv72n272/Mehnat-bozori-sharhi-2026_yil-I-chorak.pdf (дата обращения: 08.10.2026).

УДК 339.923

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА ОСНОВЕ БРИКС

Клочкова О.В. [1], канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0003-6144-0819,
Агаркова Н.В. [2], канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0005-1155-3932
[1]ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
[2]Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Донецк, РФ
o.klochkova@donnu.ru, agarkova_natali@mail.ru

Введение. Трансформационные процессы, происходящие в мировой экономической архитектуре, напрямую отражаются на действии стран и объединений в сфере международных отношений. Налицо классические революционная ситуация, которую можно применить к экономики, когда мировые экономические лидеры не могут удержать свои позиции, а развивающиеся страны не хотят следовать указки слабеющих гегемонов.

Целью исследования является анализ развития БРИКС и оценка потенциала объединения по формированию новой экономической реальности в мире.

Основная часть. БРИКС за последние годы активно объединяет страны Глобального Юга и выходит на передовые экономические позиции в мире. На БРИКС приходиться 30% мирового номинального ВВП и эта цифра продолжить расти. В таблице 1 приведен сравнительный анализ макроэкономических показателей объединения БРИКС и группы G7.

Таблица 1 – Макроэкономические показатели БРИКС и G7 в 2025 году [2; 3]

Показатель	БРИКС (расширенный)	G7
ВВП по ППС	$77 трлн	$57 трлн
Доля в мировом ВВП (ППС)	39,2%	28,3%
Номинальный ВВП	$31 трлн	$52 трлн
Средний темп роста ВВП	3,8%	1,0%
Население	4,4 млрд (более 55% мира)	800 млн (~10% мира)
Доля в мировом экспорте	~21,6% ($5,67 трлн)	~30% (оценка)

Анализ тенденций, происходящих в мировой экономике, показывает, что разрыв экономических показателей имеет тенденцию в росту доли БРИКС. Проходивший в сентябре 2026 года в Дели XVIII саммит БРИКС показал, что экономическое сотрудничество стран-членов выходит на новый уровень. Присутствие первых лиц государств стран-членов БРИКС, в том числе руководителей России, КНР, Индии и их итоговые заявления показывают, что создание новых институтов объединения является

логическим продолжением формирования новой экономической реальности в мире. Именно на базе БРИКС в современных условиях происходит не только создание новой экономической архитектуры, но формируется многополярность международных отношений. Стоит отметить, что БРИКС объединяет ведущие экономики мира, причем динамично растущие, такие как Китай, Индия, Бразилия, Россия.

Ряд стран объединения обладают значительными природными, энергетическими и технологическими ресурсами, что способствует укреплению экономического потенциала и снижению внешних рисков в виде санкций и экономических ограничений. Торговля играет важную роль в экономике и укреплении позиций стран БРИКС в мировом хозяйстве. Развитие торговых отношений позволяет формировать справедливые правила игры на рынках, формировать новые экономические центры, проводить расчеты в национальных валютах и способствовать развитию национальных экономик. Взаимный экспорт и импорт между странами БРИКС демонстрируют рост и достигает значительных объемов (данные таблицы 2).

Таблица 2 – Динамика экспорта и импорта ведущих стран БРИКС, млрд долларов США [2; 3]

Страна	Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Россия	Экспорт	333,5	494,2	592,1	424,7	433,6	422,1
	Импорт	240,1	301,0	276,5	303,1	301,5	305,0
Китай	Экспорт	2 740	3 560	3 720	3 510	3 790	4 080
	Импорт	2 410	2 780	3 166	3 280	3 280	3 292
Индия	Экспорт	484,7	643,1	767,6	773,2	822,0	939,5
	Импорт	493,0	548,0	613,0	720,0	925,0	1 080
Бразилия	Экспорт	238,2	281,2	280,4	279,9	283,6	454,2
	Импорт	227,2	241,7	272,0	274,0	274,0	425,4
Египет	Экспорт	40,1	58,3	76,3	68,2	64,5	76,5
	Импорт	75,4	91,2	115,3	102,5	91,2	115,1

Исключением является Россия из-за объективных причин и немыслимого санкционного давления на ее экономику [4]. Все страны-члены объединения имеют разную структуру внешней и взаимной торговли. Например, КНР можно выделить как технологического лидера и доминирующую силу в торговле блока. Его доля в совокупном товарном экспорте БРИКС выросла с 56% в 2022 году до 66% в первой половине 2026 года. Бразилия – крупнейший поставщик сырья в рамках объединения: 85 % экспорта это поставки нефти, железной руды, сои, мяса и сахара. Россия, помимо традиционных поставок энергоносителей (нефть, газ), наращивает экспорт несырьевых товаров в страны БРИКС (удобрения, продукция металлургии и машиностроения. Индия имеет наиболее асимметричную торговлю с блоком. Страны БРИКС обеспечивают 41,5% всего импорта Индии, но покупают лишь 21,7% ее экспорта.[6] Страны БРИКС находятся

на пути к укреплению своих позиций в мировой экономике, и позитивные тренды, наблюдаемые в макроэкономических показателях, создают основу для дальнейшего экономического сотрудничества и интеграции. Особое внимание заслуживает создание и развитие финансовых институтов БРИКС. Новый банк развития (ключевой институт финансового сотрудничества БРИКС), созданный в 2014 году, перерос в целую экосистему, включающую, как традиционные банковские услуги, так и формирование цифровой и социальной среды. Расчеты между странами в национальных валютах и дедолларизация экономик- новая экономическая реальность стран-членов БРИКС.

Заключение. Последние мировые события показывают, что противостоять нарастающему экономическому давлению «Коллективного Запада» можно и повышает эффективность данного процесса именно объединения стран. Страны БРИКС прошли путь от декларативной политики к реальным экономическим и геополитическим шагам формирования сотрудничества и партнерства, что позволит в дальнейшем создать не только новые институты, но и обновить архитектуру мировой экономики. Такая трансформация отражает тренды по формированию многополярности мира и развитие во многих сферах жизни отдельных стран и регионов.

Список литературы

1. БРИКС и Новый банк развития: отчет за 2024 год и потенциальное расширение. – Текст: электронный // Поворот России в Азию: [сайт]. – 2024. – 23 окт. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/briks-i-novyj-bank-razvitiya-otchet-za-2024-god-i-potenczialnoe-rasshirenie/ (дата обращения: 23.09.2026)
2. Всемирная торговая организация: официальный сайт. – Женева, [б. г.]. – Текст: электронный. – URL: https://www.wto.org/ (дата обращения: 23.09.2026).
3. Доля стран БРИКС в мировой экономике обновила рекорд // МИР 24. – 2026. – 17 апреля. – URL: https://mir24.tv/news/16667342/dolya-stran-briks-v-mirovoj-ekonomike-obnovila-rekord (дата обращения: 23.09.2026).
4. Клочкова, О.В. Влияние группы БРИКС на мировую экономику в условиях нестабильности / О.В. Клочкова // Экономика современности и будущих времён: наука, практика, образование, искусство: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвящённой 60-летию создания экономического факультета Донецкого государственного университета (г. Донецк, 25-26 февраля 2026 г.) / под общей редакцией д-ра экон. наук, доц. Ю.Н. Полшкова; ФГБОУ ВО «ДонГУ». – Донецк: ДонГУ, 2026. – С. 287
5. Международный торговый центр (ITC): официальный сайт. – Текст: электронный. – URL: https://intracen.org/ (дата обращения: 23.09.2026).
6. Пилигримова, К. И. Аналитическая записка о тенденциях внешней торговли Бразилии / К. И. Пилигримова, Т. С. Медведкин. – Текст: электронный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 331–337. – URL: https://journals.rcsi.science/2411-0450/article/view/372828 (дата обращения: 28.09.2026). – DOI: 10.24412/2411-0450-2025-12-331-337 EDN: UWQXTW

УДК 339.9:330.101

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ НА МИРОВОМ РЫНКЕ

Кравченко В.А., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-6329-8524,
Исмаилова К.А., ORCID 0009-0008-6911-1899
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
vkravchenko@donnu.ru, ekaterina.ismailova.05@mail.ru

Введение. Современная мировая экономика характеризуется высокой взаимозависимостью национальных хозяйств и постоянной трансформацией международных торговых связей. На динамику мировой торговли влияют изменения спроса, ценовой конъюнктуры, логистических условий и внешнеэкономической политики государств. Особое значение в международной торговле имеют сырьевые товары, экспорт которых определяет значительную часть внешнеэкономических показателей стран, располагающих значительными природными ресурсами. Изменение мирового спроса и торговых потоков обусловливает необходимость адаптации экспортных моделей к новым условиям [3].

Цель исследования – выявить основные тенденции изменения российского экспорта энергетических ресурсов и определить факторы, повлиявшие на его стоимостную динамику в 2018–2025 гг.

Основная часть. Энергетический сектор является одной из значимых составляющих российского экспорта и внешней торговли страны. В последние годы условия торговли энергетическими товарами заметно изменились, что потребовало корректировки направлений и механизмов экспортных поставок. Поэтому целесообразно рассмотреть изменение объёмов экспорта основных энергетических товаров и проследить их динамику в рассматриваемом периоде. Для анализа рассмотрены сырая нефть, нефтепродукты, природный газ, сжиженный природный газ (СПГ) и уголь. Их совокупный экспорт имеет существенное значение для внешней торговли Российской Федерации [1].

Для наглядного представления динамики рассмотрим изменение совокупного стоимостного объема экспорта основных энергетических товаров Российской Федерации в 2018–2025 гг. В рассматриваемый показатель входят основные энергетические товары, составляющие значительную часть российского экспорта: сырая нефть, нефтепродукты, природный газ, сжиженный природный газ (СПГ) и уголь. Их совокупный стоимостный объём позволяет проследить основные изменения российского энергетического экспорта под воздействием внешних экономических и геополитических условий [2].

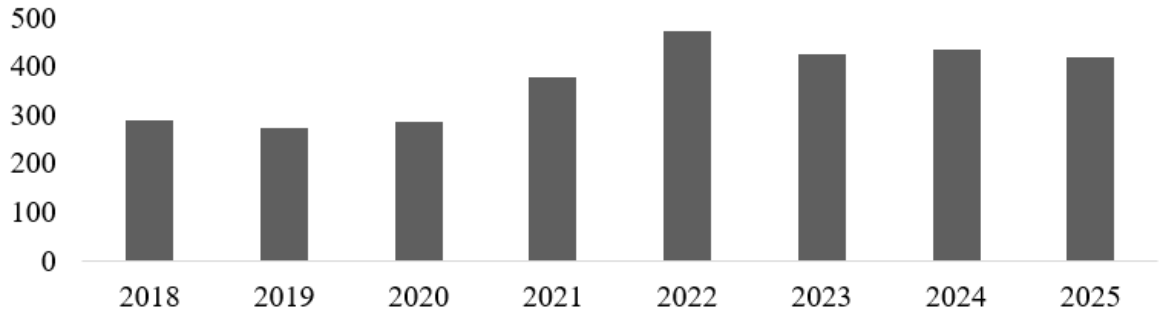

Рис. 1. Динамика совокупного стоимостного объёма экспорта основных энергетических ресурсов из России в 2018–2025 гг.

В 2018–2020 гг. совокупный стоимостный объём экспорта колебался в диапазоне 273–289 млрд долл. США, оставаясь относительно стабильным, несмотря на некоторое снижение в 2019 году и постковидные шоки 2020 года. В 2021 году показатель вырос до 378,8 млрд долл., а в 2022 году достиг пикового значения – 472,4 млрд долл., что более чем в 1,6 раза превысило уровень 2020 года. Данный скачок был обусловлен беспрецедентным ростом мировых цен на нефть и газ на фоне постковидного восстановления спроса и начала геополитического кризиса [5].

Важно отметить, что динамика по отдельным товарным группам в 2023–2025 гг. была крайне неравномерной. Если экспорт сырой нефти, нефтепродуктов и угля смог не только сохранить, но и нарастить физические объёмы за счёт переориентации на рынки Азии, то экспорт трубопроводного природного газа столкнулся с беспрецедентным падением из-за сокращения поставок в Европу и отсутствия мгновенной альтернативной инфраструктуры. Частичная компенсация этих потерь произошла за счёт гибкости рынка СПГ, который смог перенаправить потоки с европейских хабов на азиатские спотовые рынки [6].

В 2023 году объём экспорта снизился до 424,5 млрд долл., а в 2024 году незначительно восстановился до 433,9 млрд долл. В 2025 году вновь зафиксировано сокращение – до 418,3 млрд долл., что отражает адаптацию рынков к новым условиям, действие ценовых ограничений и постепенное выравнивание ценовой конъюнктуры [4].

Ключевым фактором адаптации стала не только географическая переориентация, где доминирующими покупателями в 2024–2025 гг. стали Китай, Индия и Турция, но и кардинальная перестройка логистических цепочек. Российский экспорт был вынужден адаптироваться к условиям ценовых ограничений через формирование альтернативного танкерного флота, развитие восточной инфраструктуры (расширение трубопровода ВСТО, газопровода «Сила Сибири») и предоставление ценовых дисконтов новым партнёрам, что частично нивелировало эффект от высоких мировых цен 2022 года.

Заключение. В 2018–2025 гг. российский экспорт энергетических ресурсов характеризовался значительными колебаниями под воздействием изменения мировых цен, спроса и внешнеторговых условий. Наиболее заметный рост пришёлся на 2021–2022 гг., после чего началось снижение показателей.

Основной тенденцией исследуемого периода стала переориентация экспортных потоков на альтернативные направления, прежде всего азиатские, а также адаптация логистики к изменившимся условиям международной торговли. В целом российский энергетический экспорт сохранил значительный объём, однако его структура и направления поставок существенно трансформировались.

Список литературы

1. Банк России. Статистика внешнего сектора. Внешняя торговля Российской Федерации товарами. – Текст: электронный. – Москва, 2026. – URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/etg/ (дата обращения: 29.09.2026).
2. Шаркова, А.В. Анализ экспорта продукции из России в 2020 году / А.В. Шаркова, О. Н. Васильева. – Текст: электронный // Экономический научный журнал «Оценка инвестиций». – 2021. – 21 января. – URL: https://www.esm-invest.com/ru/Analysis-of-exports-of-products-from-Russia-in-2020 (дата обращения: 29.09.2026).
3. Кравченко, В.А. Анализ влияния глобальных вызовов на развитие экономических систем / В. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия В, Экономика и право. – 2022. – № 2. – С. 128-138. EDN: GFLXYK
4. Кравченко В.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию экономических систем в условиях глобальных вызовов / В.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Новое в экономической кибернетике. – 2023. – № 3. – С. 142-159. EDN: EFWXNW
5. Statistical Review of World Energy. – Текст: электронный // Energy Institute. – 73rd ed. – London: Energy Institute, 2024. – 68 p. – URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (дата обращения: 29.09.2026).
6. Russia Energy Tracker 2024: The Impact of Sanctions on Russian Energy Exports. – Текст: электронный // International Energy Agency. – Paris: IEA, 2024. – 85 p. – URL: https://www.iea.org/reports/russia-energy-tracker (дата обращения: 29.09.2026).

УДК 332.14, 330.101

ДИСБАЛАНС РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Кравченко В.А., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-6329-8524,
Кацель К.В., ORCID 0009-0004-9951-9167
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
katsel2003@mail.ru, vkravchenko@donnu.ru

Введение. В многополярном мире, при жестких санкциях и необходимости технологического суверенитета Российской Федерации, вопрос дисбаланса регионального развития приобретает стратегическое значение. Несмотря на один из самых высоких темпов экономического роста за последнее десятилетие страны в 2023-2024 годах (совокупный рост составил 8,4%, а ВВП достиг отметки в 200 трлн. рублей), этот успех распределяется крайне неравномерно. Разрыв между столицей и периферией угрожает социальной стабильности, препятствует развитию Арктики и Дальнего Востока и снижает глобальную конкурентоспособность экономики.

Цель – исследование теоретических основ и определение основных барьеров на пути к выравниванию социально-экономического статуса регионов в условиях глобальной неопределенности.

Основная часть. Модель «центр-периферия» Джона Фридмана дает фундаментальное объяснение региональному неравенству, которое применяется к национальным экономикам. Согласно этой парадигме, экономическое пространство имеет иерархическую структуру. Капитал, высокие технологии, управленческие решения и квалифицированная рабочая сила сосредоточены в центре. Периферийные регионы играют подчиненную роль, предоставляя сырье и дешевую рабочую силу, а также выступая в качестве рынков сбыта для основных продуктов [4].

Особую ценность для современного анализа представляет монография доктора экономических наук, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Гранберга «Основы региональной экономики». Автор утверждает, саморегулирование рынка приводит к поляризации: капитал течет в регионы, где уже существует инфраструктура и персонал, создавая мультипликативный эффект. Гранберг вводит понятие «региональная квазирента», которая возникает у лидеров в силу их географического положения, и предлагает создание межрегиональных цепочек создания стоимости вместо прямого субсидирования отстающих [1].

Для оценки настоящего дисбаланса регионального развития в исследовании был использован коэффициент вариации валового

регионального продукта (ВРП) на душу населения. По данным Росстата и Минэкономразвития, несмотря на рост, дисперсия остается критической.

Таблица 1 – Концентрация экономической активности в регионах РФ на 2024 г.

Регион	ВРП на душу населения, млн. руб.	Инвестиции в основной капитал на душу населения, млн. руб.
Ненецкий автономный округ	14,25	2,97
Ямало-Ненецкий АО	12,20	3,43
Ханты-Мансийский АО – Югра	5, 61	1,13
Сахалинская область	3,66	0,54
г. Москва	3,1	0,89
Среднее значение по РФ	1,28	0,31
Республика Тыва	0,449	0,12
Республика Ингушетия	0,205	0,03

Составлено авторами по источнику [3].

Согласно данным таблицы, первые две строчки рейтинга занимают автономные округа Западной Сибири (НАО и ЯНАО). Их сверхвысокие показатели обусловлены не диверсифицированным развитием или инновациями, а крайне низкой численностью населения при колоссальных объемах добычи углеводородов. Это создает иллюзию благополучия, которое практически не транслируется на смежные отрасли внутри самих регионов.

Разрыв между лидером (НАО) и отстающими регионами по объему инвестиций на душу населения составляет почти 28-кратный размер. Средние показатели по РФ находятся значительно ближе к значениям депрессивных регионов, чем к лидерам, что математически доказывает наличие огромной группы «середняков» и отстающих, которые тянут общестрановую статистику вниз.

Опираясь на методологию профессора А.Г. Гранберга, были выделены четыре системных барьера сбалансированности регионального развития, которые представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Системные барьеры сбалансированности регионального развития (*составлено авторами*)

Дополнительным индикатором диспропорций выступает рынок труда. Согласно данным сервиса ЮKassa, число самозанятых в 2024 году выросло на 43% по сравнению с 2023 годом. Однако география этого роста подтверждает теорию централизации. Максимальный прирост зафиксирован в Москве (+26%), Московской области и Санкт-Петербурге (+33%). Региональные центры демонстрируют высокую динамику лишь точечно (Курганская обл. +82%, Амурская и Иркутская обл. +78%), но это происходит от низкой базы и часто связано с уходом бизнеса в тень или реструктуризацией рабочих мест после ухода иностранных корпораций.

Тем не менее есть и позитивные примеры. В Краснодарском крае прогнозируется достижение ВРП почти в 7 трлн. рублей к 2027 году со средним ежегодным приростом в 500 млрд. рублей, что свидетельствует о возможности прорывного роста в регионах с благоприятным климатом и логистикой.

Заключение. Рыночные механизмы сами по себе не способны преодолеть пространственную поляризацию российской экономики. Напротив, теория минимизации издержек, лежащая в основе рыночных механизмов, усугубляет эту поляризацию. Нынешняя модель бюджетного выравнивания исчерпала себя. Простое перераспределение налоговых доходов консервирует отставание депрессивных регионов. Необходим переход к модели «целевого инфраструктурного авансирования» под конкретные инвестиционные проекты резидентов.

Сокращение диспропорций требует смены парадигмы, от управления субъектами РФ к управлению системой макрорегионов и созданием межрегиональных экономических коридоров. Ключевым фактором сбалансированности должно стать развитие транспортной связности Дальнего Востока и Арктики с индустриальными центрами Урала и Поволжья, что позволит превратить недостатки отдаленных районов в транзитные преимущества.

Список литературы

1. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики: учебник / А.Г. Гранберг; Гос. университет. – Высшая школа экономики. – 5-е изд. – Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2021. – 495 с.
2. Кацель, К.В. Ключевые аспекты инновационного развития регионов России / К.В. Кацель // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях: сборник трудов XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 09 апреля 2026 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2026. – С. 65-67. – EDN JRVNVI.
3. Официальный портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Раздел «Регионы России. Социально-экономические показатели». – Текст: электронный. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 25.09.2026).
4. Фридман, Дж. Региональное развитие: кейс Венесуэлы / Дж. Фридман; MIT Press. – 1966. – 279 с. – ISBN 0-262-06013-2.

УДК 339.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Переломова И.Г., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0009-0369-9009,
Корнов Д.В., ORCID 0009-0001-4063-1996
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»,
г. Ярославль, РФ
kornov_danya@mail.ru, perelomovair@yandex.ru

Введение. В современной экономической литературе понятие глобальных дисбалансов трактуется достаточно широко. Обычно под глобальными дисбалансами понимаются различные несоответствия в мировой экономике. При этом изменение предмета анализа не всегда сопровождается уточнением содержания понятия, что затрудняет разграничение собственно дисбалансов, причин их возникновения, форм и последствий проявления.

Цель: уточнить содержание понятия глобальных дисбалансов на основе сопоставления трактовок российских исследователей и привести авторскую формулировку.

Основная часть. В работах А. В. Холопова приводится относительно узкая трактовка. Опираясь на определение Международного валютного фонда, автор характеризует глобальные дисбалансы «как феномен, при котором ряд ведущих государств имеют большой и постоянный дефицит счета текущих операций платежного баланса, отражающийся в большом профиците у других стран» [1, с. 19]. В данном случае предмет анализа сформулирован определенно: рассматриваются внешние текущие операции стран, а глобальный характер явления связан с устойчивым противопоставлением сальдо крупнейших экономик.

В более общем изложении В.К.Бурлачков определяет дисбалансы «как несоответствия взаимосвязанных элементов глобальной и национальных экономических систем» [2, с. 5]. Во внешнеэкономической сфере автор связывает глобальные дисбалансы с устойчивыми торговыми сальдо, направлениями движения капитала и внешней задолженностью. При таком подходе понятие глобальных дисбалансов выходит за рамки анализа сальдо текущего счета и приобретает системный смысл. По нашему мнению, применение такого определения требует уточнения элементов, между которыми существует несоответствие, и оснований признания его дисбалансом.

А. Р. Кильметова и В. А. Носков характеризуют глобальные дисбалансы в широком смысле как «проявление диалектических противоречий мирового развития между целями и задачами современного общества и сложившимися инструментами и механизмами рыночной

экономики» [3, с. 246]. Авторы разграничивают широкое понимание глобальных дисбалансов и их конкретизацию во внешнеэкономических отношениях, связывая данную категорию с противоречиями мирового развития, охватывающими экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические процессы.

В. В. Попов трактует понимание глобальных дисбалансов через сочетание положительных сальдо текущего счета Китая и ряда развивающихся стран с дефицитами США и некоторых развитых государств, сопровождаемое перемещением финансовых ресурсов [4]. Рассмотрение автором возможной роли этих потоков в сокращении разрыва в доходах позволяет разграничить содержание дисбалансов и оценку их экономической оправданности.

В рамках внешнеэкономической трактовки содержание категории глобальных дисбалансов, по нашему мнению, может быть раскрыто на двух взаимосвязанных уровнях. Потоковый уровень охватывает текущие операции и финансовые операции за определённый период. Запасы – накопленный уровень – характеризует внешние активы и обязательства стран на момент времени. Это разграничение позволяет систематизировать рассмотренные трактовки.

Положительное сальдо текущего счета предполагает предоставление ресурсов остальному миру за период, но само по себе не означает, что страна уже располагает положительной чистой внешней позицией. Аналогично дефицит текущего счета не равнозначен наличию накопленной позиции чистого должника. Для характеристики накопленных позиций используется чистая международная инвестиционная позиция, то есть разность внешних финансовых активов и обязательств страны.

Следует также различать чистую внешнюю позицию и внешний долг. Обязательства перед нерезидентами включают как долговые инструменты, так и участие в капитале. Поэтому отрицательная международная инвестиционная позиция не равна величине внешнего долга.

Чистые и валовые финансовые потоки также не являются взаимозаменяемыми характеристиками. Страна может одновременно привлекать иностранный капитал и приобретать зарубежные активы. Умеренная чистая величина не показывает полного масштаба этих операций. Однако крупные валовые потоки сами по себе еще не доказывают наличие дисбаланса: необходимо определить, какое устойчивое несоответствие они выражают.

Обобщая рассмотренные подходы отечественных ученых, определим глобальные дисбалансы как устойчивую структуру взаимосвязанных внешнеэкономических асимметрий между странами и группами стран, которая проявляется в длительном воспроизводстве значительных дефицитов и профицитов текущих счетов и связанных с ними различий в чистом предоставлении и привлечении финансовых ресурсов, а также в

структуре накопленных внешних активов и обязательств. Глобальный характер структуры определяется ее масштабом и значением для взаимосвязей мировой хозяйственной системы.

В данном определении объединены значимые признаки глобальных дисбалансов: устойчивость внешних асимметрий, взаимосвязанность национальных позиций и системный масштаб. По нашему мнению, в такой трактовке понятие охватывает внешнеэкономическую сущность явления и не распространяется автоматически на все социальные, экологические или технологические различия между странами.

Заключение. В российских исследованиях понятие глобальных дисбалансов имеет различный охват. Узкая трактовка, как правило, означает устойчивое распределение дефицитов и профицитов текущего счета между странами. Широкая внешнеэкономическая трактовка включает финансовые потоки и накопленные позиции. Широкое системное понимание глобальных дисбалансов относится к несоответствиям и противоречиям мирового развития и требует дополнительной конкретизации предмета исследования.

Главное понятийное различие рассмотренных определений связано с тем, какой объект обозначается термином «глобальный дисбаланс», а не только с оценкой его последствий. Наличие устойчивых внешнеэкономических асимметрий само по себе не означает их экономической неоправданности. Предложенный подход, на наш взгляд, учитывает внешнеэкономическую природу и системный характер глобальных дисбалансов, разграничивает текущие потоки и накопленные позиции и служит основой их классификации и оценки.

Список литературы

1. Холопов, А. В. Глобальные дисбалансы: эволюция подходов / А. В. Холопов // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 9. – С. 19–28. – DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-9-19-28. – EDN GVRPVY.
2. Бурлачков, В. К. Глобальные дисбалансы: причины и последствия проявлений в современной экономике / В. К. Бурлачков // Экономический анализ: теория и практика. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 4–22. – DOI 10.24891/ea.21.1.4. – EDN JMEUJX.
3. Кильметова, А. Р. Глобальные дисбалансы в мировой экономике: причины и пути их преодоления / А. Р. Кильметова, В. А. Носков // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвузовский сборник научных трудов. – 2017. – № 1. – С. 246–250.
4. Попов, В. В. Глобальные дисбалансы – нетрадиционная трактовка / В. В. Попов // Вопросы экономики. – 2013. – № 1. – С. 69–80. – DOI 10.32609/0042-8736-2013-1-69-80.

УДК 338.24:004.9

АВТОМАТИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТЕРМИНАНТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЭКОНОМИКИ РФ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сокрутенко О.-А.С., ORCID 0009-0009-9313-8482
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
osokrutenko@donnu.ru

Введение. В современных условиях хозяйствования конкурентоспособность национальной экономики всё в большей степени определяется не столько масштабами располагаемых природных ресурсов или капитала, сколько способностью хозяйствующих субъектов к быстрой адаптации, технологическому обновлению и повышению производительности труда. Новая технологическая революция формирует принципиально иной уклад производственных процессов. В этих условиях автоматизация перестаёт быть локальным управленческим решением и превращается в системный фактор, определяющий позиции государства на мировой экономической арене.

Актуальность исследования обусловлена тем, что развёртывание нового технологического уклада происходит на фоне усиливающегося внешнего санкционного давления на российскую экономику, что придаёт вопросам технологического суверенитета и ускоренной автоматизации экзистенциальное значение.

Цель исследования – выявление роли автоматизации в системе детерминант конкурентоспособности российской экономики в контексте развёртывания новой технологической революции, а также количественная оценка динамики и структурных особенностей процесса автоматизации в РФ.

Основная часть. Конкурентоспособность в условиях новой технологической революции приобретает многомерный характер. Традиционные факторы сохраняют значимость, однако их вклад перераспределяется в пользу технологических и институциональных детерминант. Автоматизация занимает центральное место, связывая технологический потенциал с его практической реализацией.

По данным Росстата, в 2024 году уровень автоматизации в обрабатывающей промышленности России достиг 64,8 % [7] против 58,2 % в 2020 году и 61,5 % в 2022 году. Несмотря на положительную динамику темпы прироста умеренны. Дифференциация по отраслям является значительной: в высокотехнологичных производствах уровень автоматизации превышает 78 %, а в среднетехнологичных колеблется в диапазоне 55–62 % [7].

Инвестиции в автоматизацию демонстрируют устойчивый рост. В 2024 году объём вложений в машины, оборудование и транспортные средства составил 4 892 млрд рублей, что на 12,4 % выше уровня 2023 года [7]. Однако преобладают затраты на замену устаревшего оборудования, а не на новые автоматизированные решения. Доля инвестиций в роботизацию и промышленный интернет вещей оценивается в 7–9 % [3].

Влияние автоматизации на конкурентоспособность реализуется через несколько каналов. Первым каналом является рост производительности труда: в отраслях с долей автоматизированных рабочих мест выше 40 % производительность в 2022–2024 годах росла на 4,8 % ежегодно против 1,9 % в слабо автоматизированных отраслях [5]. Повышение качества выступает в роли второго канала: автоматизированный контроль снизил долю дефектной продукции на 22–28 % [6]. Третьим каналом выступает адаптивность производственных систем, позволяющая быстрее реагировать на рыночные изменения и переходить к мелкосерийному производству.

Процесс автоматизации сталкивается с ограничениями. Ключевым барьером является дефицит квалифицированных кадров: 47 % предприятий указывают на нехватку специалистов по промышленной автоматизации [5]. Второй барьер – высокая стоимость внедрения: 39 % предприятий отмечают недостаток финансовых ресурсов [5].

Санкционные ограничения 2022–2023 годов временно замедлили внедрение автоматизированных систем, но стимулировали развитие отечественных решений. Доля российского ПО в системах автоматизации достигла 42 % в 2024 году против 27 % в 2021 году [4].

Автоматизация всё теснее интегрируется с искусственным интеллектом и машинным обучением. Современные системы способны к адаптивному поведению и самообучению, что знаменует качественный сдвиг: на первый план выходят не масштабы мощностей, а их интеллектуальная составляющая. Доля предприятий, использующих ИИ в производстве, в 2024 году составила 12,3 % против 8,7 % в 2022 году [7], что существенно ниже уровня стран-лидеров (30–35 %).

Региональная дифференциация усиливает межрегиональное неравенство и формирует кластер регионов-лидеров: Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Свердловская и Новосибирская области. Как отмечает С. П. Земцов, «цифровое неравенство и региональное развитие в России» приобретает устойчивый характер, требуя выравнивания технологических возможностей территорий [2].

Государственная политика включает субсидирование НИОКР, льготное кредитование модернизации, создание инжиниринговых центров. Однако, как показывает В. И. Абрамов, «эффективная экосистема снижает издержки взаимодействия и стимулирует инновации», но её формирование требует институциональных изменений [1].

Заключение. Автоматизация выступает системным фактором конкурентоспособности, воздействующим на производительность, качество и адаптивность. Положительная динамика подтверждается ростом уровня автоматизации, инвестиций и плотности роботизации. Вместе с тем сохраняется отставание от стран-лидеров по роботизации использованию ИИ, что требует решения структурных проблем в области дефицита кадров и ограниченного доступа к технологиям. Санкционное давление стимулирует развитие отечественных решений и технологическую независимость. Региональная дифференциация усиливает неравномерность развития, требуя целенаправленной политики выравнивания. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку количественных моделей оценки вклада автоматизации в конкурентоспособность и анализ институциональных условий ускоренного внедрения автоматизированных систем.

Список литературы

1. Абрамов, В. И. Цифровая экосистема региона: практические аспекты реализации и структурные компоненты / В. И. Абрамов, В. Д. Андреев // Ars Administrandi. – 2023. – № 2. – С. 184-201. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekosistema-regiona-prakticheskie-aspekty-realizatsii-i-strukturnye-komponenty (дата обращения: 20.09.2026). DOI: 10.17072/2218-9173-2023-2-251-271 EDN: JURIGW.
2. Зёмцов С. П. Цифровое неравенство и региональное развитие в России /С.П. Земцов// Журнал новой экономической ассоциации. – 2025. – № 67. – С. 225-233. DOI: 10.31737/22212264_2025_2_225-233 EDN: LTTPEZ.
3. Коротина, Н.Ю. Методология «умной специализации» в преодолении пространственной асимметрии отношений экономического федерализма в России / Н.Ю. Коротина // Journal of New Economy. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 107-121. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-1-6 EDN: UXCMYU.
4. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. Итоги работы промышленности в 2024 году. – URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news (дата обращения: 28.09.2026).
5. Наука. Технологии. Инновации: 2025: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир [и др.]; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 112 с.
6. Победин, А.А. Инновационная трансформация регионов на основе умной специализации: методика анализа стратегий социально-экономического развития / А.А. Победин // Муниципалитет: экономика и управление. – 2025. – № 2 (51). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-transformatsiya-regionov-na-osnove-umnoy-spetsializatsii-metodika-analiza-strategiy-sotsialno-ekonomicheskogo (дата обращения: 17.09.2026). EDN: RIGTTG
7. Федеральная служба государственной статистики. Использование цифровых технологий в организациях. Текст: электронный. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistic (дата обращения: 20.09.2026).

УДК 339.7; 339.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В СТРАНАХ АФРИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

***Туралина А.Г.*,** канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-6619-2506,
***Калиниченко А.И.*,** ORCID 0009-0001-4297-7579
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
turalina.ana@yandex.com, k-alyona-th@yandex.ru

Введение. Взаимодействие Китая с африканскими странами в финансовой сфере уже многие годы включает предоставление кредитных ресурсов, направляемых преимущественно на инфраструктурное строительство и развитие стратегически важных секторов национальных экономик. Вместе с тем в последние годы характер китайского кредитования Африки претерпевает заметные изменения. Снижается объем новых займов, одновременно увеличивается объем выплат по ранее привлеченному финансированию, а приоритет постепенно смещается от масштабных инфраструктурных проектов к более компактным и экономически устойчивым направлениям. Данные процессы отражают трансформацию подходов Китая к финансовому взаимодействию с африканскими странами и обусловливают необходимость изучения современных тенденций китайского кредитования Африки.

Цель исследования – проанализировать трансформацию кредитной политики Китая в странах Африки на современном этапе, а также выявить основные изменения в динамике кредитования.

Основная часть. В течение последних двадцати лет Китай активно участвовал в финансировании развития африканских государств, направляя значительные объемы заемных средств на реализацию транспортных, энергетических и промышленных проектов. Существенная часть такого сотрудничества осуществлялась в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Китайские государственные финансовые институты предоставляли кредитные ресурсы для строительства железнодорожных линий, портовой инфраструктуры, электростанций и автомобильных дорог. Однако после 2020 года кредитная политика Пекина начала существенно изменяться.

Главной тенденцией стало сокращение объемов новых кредитов при одновременном росте выплат по уже существующим долговым обязательствам. В 2020 году объем новых китайских кредитов странам Африки составил около 1,9 млрд долл. США. В 2024 году новые выдачи увеличились до 5,1 млрд долл. США, однако этот показатель остается значительно ниже уровней середины 2010-х годов, когда ежегодные объемы кредитования превышали 25-30 млрд долл. США [1].

Одновременно существенно увеличились выплаты африканских государств по ранее полученным займам. В 2024 году объем обслуживания долга достиг 17,4 млрд долл. США, а в 2025 году вырос до 25,2 млрд долл. США. Таким образом, выплаты Китаю почти в пять раз превысили объем новых кредитов. Динамика указанных показателей за 2020-2025 гг. отражает изменение характера китайского финансового присутствия в Африке: при сохранении относительно невысоких объемов новых выдач возрастает значение погашения ранее накопленных долговых обязательств.

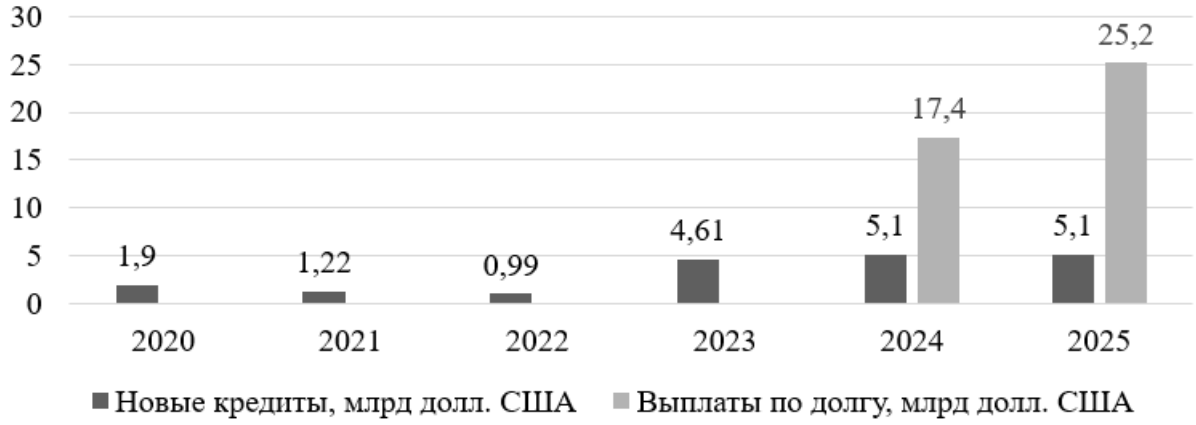

Рис. 1. Динамика новых кредитов и выплат по долгам Китая странам Африки (*составлено авторами на основе данных* [1])

Данные, представленные на рисунке 1, позволяют отметить существенное изменение характера китайского кредитного финансирования африканских стран. В 2021-2022 гг. предоставление новых займов достигло наиболее низких значений за рассматриваемый период. В последующие годы объем кредитования начал увеличиваться, однако темпы его восстановления не обеспечили возвращения к масштабам, характерным для предыдущего десятилетия. При этом в 2024-2025 гг. величина платежей по ранее привлеченным кредитам многократно превышала объем нового финансирования. Это указывает на сокращение масштабов притока китайских кредитных ресурсов и усиление роли погашения ранее накопленной задолженности.

В 2020-2024 гг. совокупное превышение выплат африканских государств над объемом полученного нового финансирования сформировало чистый отток денежных средств в направлении Китая, оцениваемый в 22,1 млрд долл. США. За этот период выплаты африканских стран Китаю превысили объем новых китайских займов [1].

Изменения затронули не только объемы кредитования, но и структуру финансируемых проектов. В настоящее время китайское финансирование в Африке постепенно смещается в сторону небольших по масштабу инициатив с более обоснованной экономической отдачей, тогда как прежде приоритет отдавался крупным инфраструктурным проектам.

Приоритетными направлениями становятся цифровая инфраструктура, проекты в сфере «зеленой» энергетики, индустриальные парки и производственные кластеры [2].

Существенно изменился и механизм финансирования. Китайские государственные банки все чаще используют региональные банки развития и компании специального назначения (SPV), создаваемые для реализации отдельных проектов. Такой подход позволяет снизить финансовые риски и обеспечить более эффективный контроль за использованием заемных средств.

Кроме того, аналитики отмечают постепенное изменение условий предоставления китайского капитала. Новые кредиты становятся менее льготными и в большей степени ориентируются на коммерческие принципы финансирования. Для африканских государств это означает ужесточение требований к долговой устойчивости и повышенное внимание к эффективности реализуемых инвестиционных проектов [3].

Несмотря на сокращение новых кредитов, Китай сохраняет статус крупнейшего двустороннего кредитора Африки. При этом финансовое сотрудничество переходит в новую фазу, где ключевую роль играет управление сформированным кредитным портфелем, реструктуризация задолженности и финансирование проектов, способных обеспечить более высокую экономическую отдачу [4].

Заключение. Кредитная политика Китая в Африке на современном этапе характеризуется переходом от масштабного кредитования к более избирательному финансированию и управлению накопленным долгом. Основные тенденции – сокращение новых кредитов, рост выплат по долгам и изменение структуры проектов. Китай сохраняет значительную роль в кредитовании африканских стран, однако сотрудничество постепенно ориентируется на более устойчивые и экономически обоснованные проекты. Это повышает значение долговой устойчивости и эффективности использования заемных средств.

Список литературы

1. SCMP раскрыла, как Китай стал коллектором Африки. – Текст: электронный // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/economics/07/08/2026/6a75f3c59a79471e79b1e96a (дата обращения: 20.09.2026).
2. Политика Китая в Африке в условиях растущей конкуренции за критические и редкоземельные металлы. – Текст: электронный // Африканский журнал. – Текст: электронный. – 2026. – № 1. – URL: https://www.afjournal.ru/2026/1/development-trends-and-risks/chinas-policy-in-africa-in-the-face-of-growing-competition-for-critical-and-rare-earth-metals (дата обращения: 19.09.2026).
3. Африка стала платить Китаю больше, чем получать от него. – Текст: электронный. – 2026. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8379089 (дата обращения: 18.09.2026).
4. Китай выделил $51 млрд на сотрудничество с Африкой в 2025–2027 годах. – Текст: электронный // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/politics/06/09/2024/66db19529a (дата обращения: 15.09.2026).

УДК 336.64

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭНДАУМЕНТ-ФОНДОВ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шибаршина О.Ю., канд. соц. наук., доц., ORCID 0000-0002-8843-9661
Филиал ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» в г. Рязани,
г. Рязань, РФ
oshibarshina@mail.ru

Введение. Эндаумент-фонды (иначе именуемые фондами целевого капитала согласно российскому законодательству) в мировой истории встречаются достаточно часто. Некоторые из них имеют внушительную и давнюю историю становления, что подтверждает их способность выполнять свое главное предназначение – обеспечивать стабильное финансирование поставленных целей – на протяжение долго периода времени. Крупнейшие эндаументы, которые в современном мире в основном преобладают в сфере образования, подтверждают наши гипотезы, выдвинутые в данной работе.

Цель исследования – проанализировать зарубежный опыт функционирования эндаумент-фондов в сфере высшего образования и рассмотреть их подходы к формированию инвестиционного портфеля.

Основная часть. Говоря о зарождении эндаумент-фондов, стоит обратится к истории Великобритании XVI века. Леди Маргарет Бюфорт, бабушка короля Великобритании Генри VIII, в 1502 году внесла пожертвования в университеты Оксфорд и Кэмбридж на создание кафедр богословия. Таким образом, институт эндаумента в мировой практике развивается уже как минимум порядка 500 лет, что, несомненно, доказывает пользу для общества и подтверждает его роль как эффективного инструмента реализации долгосрочных целей и стабилизационного элемента в реализации задачи устойчивого финансирования.

Другим примером предпосылок создания таких фондов является факт создания в 1649 году первого эндаумента в США. Тогда выпускники Гарвардского университета пожертвовали учебному заведению маленький участок земли, что дало старт развитию эндаумента. Рокфеллер осуществил в свое время пожертвования Университету Чикаго, а известный Стэнфордский университет был основан промышленником Леландом Стэнфордом и его супругой Джейн в 1885 году, в эндаумент которого они пожертвовали около 3 тысяч гектаров земли. Но пик формирования различных эндаумент-фондов в этой стране произошел на рубеже XX века, что объясняется желанием людей, получить одобрение со стороны общества и оставить свой след в истории. Именно тогда и зарождалась альтернативная, параллельная система финансирования образования и социальной сферы через создание и разрастание сетей ассоциаций и фондов.

Самым известным в мире эндаументом является Нобелевский фонд, созданный еще в конце XIX века. Согласно завещанию Альфреда Нобеля, деньги, вырученные с продажи его собственности после его смерти, следовало вложить в надежные ценные бумаги и доход от их размещения (от использования целевого капитала) направлять на выплату премий ученым. То есть поощрять научные достижения с процентов от прибыли.

Эти примеры наглядно демонстрируют принцип вечности, которого придерживаются эндаумент-фонды и подчеркивают ту немаловажную роль, которую они играют в улучшении социально-экономической жизни общества.

Изучив мировой опыт становления эндаумент-фондов, мы выяснили, что этот социально-экономический институт начал развиваться хоть и не так давно по историческим меркам, но уже имеет свою историю становления длиною в несколько столетий. Достаточно продолжительное время эндаументы считались единичным явлением, позже с течением времени их количество росло постепенно и зачастую они преобладали в странах Западной Европы и в США. Так продолжалось долгое время. Эндаумент-фонды при университетах в Соединенных Штатах Америки, основанные много лет назад, занимали лидирующие позиции по объемам капитала, однако ситуация поменялась пару лет назад, а именно в 2022 году, когда японское правительство создало Японский университетский эндаумент-фонд (JUF) для развития академической науки в ведущих вузах. Причиной этому послужило осознание японскими властями факта отставания страны в сфере фундаментальной науки и научных исследований. Истоком такого отставания является все та же нестабильность финансирования.

Еще одним фондом, имеющим продолжительный период функционирования, является эндаумент Гарвардского университета. Он состоит из более чем 14 тысяч мелких фондов. Объем средств гарвардского эндаумента растет на протяжении всего времени. Часть целевого капитала эндаумента вложена в инструменты фондового рынка, в акции преимущественно двух секторов – технологии и биофармацевтика, и составляла порядка 1 млрд. долларов.

Особенность Йельского университета заключается в том, что примерно 75% всего объема средств фонда целевого капитала были сформированы за счет пожертвований, а оставшиеся 25% составляет так называемый «квази-эндаумент», формирующийся исключительно за счет активов самого университета и обеспечивающий большую гибкость в принятии решений. На момент 2021 года из суммарной капитализации фонда в 31.2 млрд. долларов 27.5 млрд. долларов составил инвестиционный доход за 20 лет (в период с 2001 по 2021 г.г.), что является весьма достойным результатом. В основе финансового успеха лежит долгосрочная инвестиционная политика, основанная на приверженности акциям и диверсификации активов. Анализируя вложения университета Стэндфорда

и Принстонского университета, приходят к выводу, что в структуре портфелей этих эндаументы также преобладает такой класс активов, как акции.

Эндаументы-фонды в современной России являются относительно новым и молодым социально-экономическим институтом. Регулирование этой сферы сейчас активно развивается, также растет интерес к интеграции эндаумент-фондов в повседневную деятельность отечественного образования.

Заключение. В заключение отметим, что одним из вариантов стимулировании деятельности, прежде всего, региональных ВУЗов путем развития технологического предпринимательства и диверсификации источников финансирования нам видится активное развитие эндаументы с ориентацией на опыт ведущих зарубежных университетов.

Сравнивая российский и зарубежный опыт, можно сказать, что российские эндаументы используют преимущественно консервативные стратегии, реализуемые управляющими компаниями, аккредитованными Минфином РФ. С одной стороны, это повышает надежность вложений, но с другой – ограничивает доходность, в отличие от Американской модели, основанной на мультиактивных портфелях. Европейский опыт в этом плане меньше внимания уделяет диверсификации в альтернативные активы, «однако важную роль играет прямое управление недвижимостью, включая исторически закрепленные земельные участки. Заслуживающим внимания фактом является наличие в структуре каждого крупного эндаумента независимого инвестиционного комитета и штата квалифицированных портфельных управляющих.

Список литературы

1. Кострова, Ю. Б. Эндаумент-фонды и фонды целевых капиталов как инструменты устойчивого развития / Ю. Б. Кострова, О. Ю. Шибаршина // Искусственный и естественный интеллект: алгоритмы, мышление и образовательные технологии: Материалы XXI международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых, Москва, 27–28 марта 2025 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2025. – С. 1542-1553. – EDN URCAPR.
2. Афанасьева, Ю. С. Тенденции развития фандрайзинга в России и за рубежом / Ю. С. Афанасьева // Russian Economic Bulletin. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 81-87. – EDN THPBMX.
3. Афанасьева, Ю. С. Современные подходы к финансовому планированию в бюджетных организациях / Ю. С. Афанасьева, И. В. Саттарова // Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты: Материалы XIX Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 30–31 марта 2023 года. Том 1. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. – С. 40-47. – EDN PAUWDR.

УДК 339.9

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

Шилец Е.С., д-р экон. наук, проф. ORCID 0000-0002-7454-3353,
***Жолоб В.А.*,** ORCID 0009-0000-6993-7879
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.shylets@donnu.ru, zh05022002@yandex.ru

Введение. Энергоёмкость ВВП России, несмотря на тенденцию к снижению, остаётся выше показателей большинства развитых стран, а в ряде секторов – энергетике и транспорте – с 2022 года фиксируется рост удельных энергозатрат. Для разработки адресных мер энергосбережения необходимо разграничить вклад целенаправленных технологических улучшений и внешних факторов (экономической активности, климата, структурных сдвигов), что позволяет сделать факторный анализ.

Цель исследования – оценить количественный вклад ключевых факторов в динамику энергопотребления и энергоёмкости ВВП России для обоснования направлений повышения энергоэффективности субъектов Российской Федерации.

Основная часть. Факторный анализ позволяет декомпозировать совокупное изменение энергоёмкости на отдельные составляющие и количественно оценить вклад каждой из них. Это даёт возможность отделить эффект целенаправленных энергосберегающих мероприятий – модернизации оборудования, оптимизации процессов, утепления зданий – от влияния внешних условий: экономической конъюнктуры, климатических колебаний, структурных трансформаций и изменений в загрузке мощностей. Такое разграничение необходимо для корректной интерпретации динамики показателей и обоснованного планирования мер энергосбережения.

В 2025 году, как и годом ранее, ведущим драйвером роста потребления первичной энергии по 16 основным секторам экономики оставалась экономическая активность. Расширение промышленного производства, активизация строительства, увеличение транспортной работы и развитие сервисных направлений напрямую сопряжены с ростом спроса на энергоресурсы – при неизменных технологических параметрах это неизбежно повышает совокупное энергопотребление [3].

Суммарный прирост потребления ТЭР под действием всех факторов в 2025 году составил 28,4 млн т у. т. относительно 2024 года. Эта величина – результирующий эффект разнонаправленных тенденций: наряду со стимулирующим воздействием экономической динамики ряд факторов оказывал сдерживающее влияние.

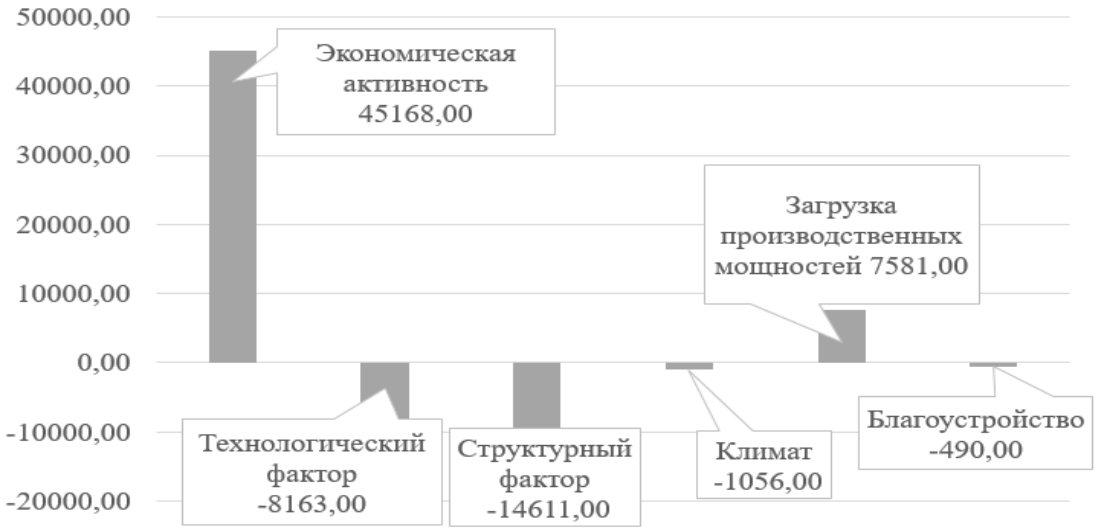

Рис. 1. Вклады отдельных факторов на структуру потребления, тыс. т у.т. (*составлено автором на основании данных министерства экономического развития РФ* [1])

Климатический фактор внёс существенный ограничивающий вклад: на большей части страны температуры превысили среднемноголетние значения, что сократило отопительный период и снизило потребность в тепловой энергии. В регионах с высокой долей тепловой нагрузки эффект оказался наиболее ощутимым. Однако климатический фактор нестабилен по своей природе – его вклад варьируется из года в год в зависимости от метеоусловий, поэтому он не может рассматриваться как устойчивый инструмент управления энергопотреблением (рис. 1).

Структурные сдвиги в отраслевой структуре экономики также обеспечили значимый сдерживающий эффект. Увеличение доли менее энергоёмких видов деятельности – сферы услуг, цифровых отраслей, высокотехнологичных производств – частично компенсировало давление растущего спроса. Эти изменения формируются под влиянием как рыночных механизмов, так и мер государственной политики по диверсификации экономики. Эффект проявляется постепенно, но в среднесрочной перспективе способен задавать устойчивый тренд на снижение энергоёмкости.

Фактор благоустройства, как и в предшествующем периоде, практически не повлиял на динамику энергопотребления. Плавный рост обеспеченности населения энергосервисами – подключение к централизованному теплоснабжению, увеличение парка бытовой техники, развитие городской инфраструктуры – происходит без резких скачков нагрузки. Одновременное внедрение энергоэффективных решений, таких как автоматическое регулирование подачи тепла, бытовая техника высоких

классов энергоэффективности, дополнительно сглаживает потенциальный рост.

Технологический фактор стал ключевым драйвером снижения энергоёмкости: под его влиянием показатель сократился на 0,66 % относительно 2024 года. Результат отражает эффект от программ модернизации, внедрения энергосберегающих технологий и повышения операционной эффективности. В энергетике вклад обеспечен вводом мощностей с более высоким КПД, в обрабатывающей промышленности – оптимизацией технологических цепочек и снижением удельных расходов топлива и электроэнергии. Помимо прямого сокращения затрат, технологический фактор улучшает управляемость энергопотреблением: автоматизация, диспетчеризация и системы учёта позволяют выявлять и устранять нерациональные потери, повышая общую эффективность использования энергии [4].

Вывод. Формирование динамики энергопотребления в последние годы происходило под воздействием комплекса разнонаправленных факторов. Доминирующую роль в увеличении объёмов потребления сыграла экономическая активность, тогда как сдерживающее влияние оказали климатические условия, структурные сдвиги в экономике и технологические улучшения. Совместное действие этих факторов позволило не только обеспечить растущий спрос на энергию, но и добиться постепенного снижения энергоёмкости ВВП – что служит важным индикатором повышения экономической эффективности и ресурсной устойчивости национальной экономики.

Список литературы

1. Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации за 2024 год. – Текст: электронный // Минэкономразвития России. – Электрон. дан. – Москва, 2026. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/1139ee24962318d136cb064273db9a41/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyani_energosberezheniya_v_rf_za_2024_god.pdf (дата обращения: 23.09.2026).
2. Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации за 2023 год. – Текст: электронный // Минэкономразвития России. – Электрон. дан. – Москва, 2025. – URL: https://sro150.ru/images/docs/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_energosberezheniya_v_rf_za_2023_god.pdf (дата обращения: 12.09.2026).
3. О Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2042 года: распоряжение Правительства РФ от 30 дек. 2024 г. № 4153-р. – Текст: электронный // Гарант.ру: справ.-правовая система. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411153731/ (дата обращения: 20.09.2026).
4. Потребление электроэнергии в ЕЭС России в 2024 году увеличилось на 3,1%. – Текст: электронный / АО «Системный оператор Единой энергетической системы». – Электрон. дан. – Москва, 2025. – URL: https://www.so-ups.ru/news/press/press-release-view/news/26552/ (дата обращения: 26.09.2026).

УДК 339.9

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В МИРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ?

Щербанин Ю.А., д-р экон. наук, проф., ORCID- 0000-0002-1050-7898
ФГБУН «Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН»,
г. Москва, РФ
shcherbaninya@mail.ru

Введение. Международное экономическое и научно-техническое сотрудничество России переживает не лучшие времена: на целый ряд физических и юридических лиц наложено более 31500 различных экономических санкций. Однако, как показывает мировая история, конфликты рано или поздно заканчиваются, а дело науки – дать стране, по возможности, верные ориентиры. Ниже представлены авторские соображения о том, на какие меры, предпринимаемые за рубежом в технологическом сегменте следует обращать внимание с целью последующего выстраивания сотрудничества.

Основная часть. В мире движение к технологическому суверенитету началось в конце 1990-х гг., но пока, его строгого общепринятого определения, нет. В процессе обновления форм реализации суверенитета постоянно возникает противоречие между самими принципами и вопросом о формах. Среди авторов, в частности экономистов, наблюдается тенденция выдавать формы за принципы, справедливо утверждалось в одном из материалов ИНП РАН.[1]. В последнем десятилетии прошлого века возникло понятие «цифровой суверенитет». Интернет стал оказывать самое непредсказуемое влияние на многие стороны жизни, по существу, генерировать проблемы, которые не поддавались управлению/влиянию в международном формате, на межгосударственном уровне и т.д. В 2001 г. в США был принят «Патриотический акт», расширивший возможности государства в таких сферах, как слежка и прослушка (массовый сбор данных, тайные обыски, блуждающие прослушки); доступ к личным данным (доступ спецслужб к банковским, медицинским и др. документам без ордера); межведомственный обмен (упрощение обмена секретной информацией между ЦРУ, ФБР и АНБ для координации действий) и др. Это весьма озаботило мировое сообщество, поскольку через интернет стало возможным «перечеркнуть» суверенные права государств.

К середине 2010 гг. стало очевидным, что ЕС не только теряет контроль над «цифровым форматом», но достаточно быстро утрачивает конкурентоспособность в ведущих промышленных секторах на фоне доминирования США и развивающегося Китая. Во Франции эксперты ввели в научный оборот понятие *Souveraineté Technologique*, а в Германии

закрепился аналог *Technologiesouveränität*. В статье Алекса Аше «La souveraineté technologique» [2] исследуется концепт независимости от глобальных цифровых монополистов через развитие свободных программных продуктов и децентрализованных сетей. Автор подчеркивает роль технологического суверенитета в обеспечении гражданской автономии и защите частной собственности. На VII Международной конференции «Киберконфликты: Архитектура в киберпространстве (CyCon) в 2015 г. выступила группа ученых с аналитическим отчетом «Технологический суверенитет: упускаем ли мы главное?» [3]. В частности отмечалось, что после сообщений о начале слежки со стороны иностранных правительств в июне 2013 г. высокопоставленные чиновники и общественные деятели в Европе выдвинули предложения по достижению «технологического суверенитета».

ЕС в целом придерживается концепции «Открытая стратегическая автономия» (ОСА) и регуляторного суверенитета. ОСА трактует технологический суверенитет не как стремление к полной автаркии или изоляционизму, а как способность ЕС принимать независимые решения в цифровой и технологической сферах, минимизируя критические зависимости от третьих стран (прежде всего от США в области облачных технологий и платформ, и от Китая в области редкоземельных металлов и телекоммуникационного оборудования). Регуляторный суверенитет «делает ставку» на то, что ее суверенитет заключается в способности устанавливать глобальные правила игры путем принятия законодательный и нормативно-правовых актов, таких, как Digital Markets Act (DMA)[1] - Закон о цифровых рынках, Digital Services Act (DSA)[2] – Закон о цифровых услугах, AI Act[3] – Закон об искусственном интеллекте и European Chips Act[4] – Европейский закон о микросхемах и др. Подчеркнем, что ЕС всегда старается строго действовать в рамках принятых документов и данное обстоятельство всегда следует учитывать. Со временем были выдвинуты и такие инициативы, как De-risking (снижение рисков), суть которой сводится к идее диверсификации цепочек поставок. Пример закупки СПГ-это и есть практическое внедрение данной инициативы, кроме этого, можно отметить и проект GAIA-X для создания суверенной европейской облачной инфраструктуры.

США придерживаются технологической гегемонии, национальной безопасности и контроля над «узкими местами».

На американском дискуссионном вместо «технологического суверенитета» чаще «технологическое лидерство», «устойчивость цепочек поставок» и «экономическая безопасность». В 2023 г. Администрация США

[1] https://digital-markets-act.ec.europa.eu/index_en
[2] https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act
[3] https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng
[4] https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-chips-act

выдвинула Доктрину «нового Вашингтонского консенсуса», по существу это отказ от глобализации свободной торговли в пользу государственного вмешательства, защита национальной безопасности и обеспечение технологического суверенитета в условиях американо-китайского противостояния. Ключевые элементы следующие: протекционизм и промышленная политика для стимулирования внутреннего производства (Закон о чипах и науке – CHIPS Act[5], например); решоринг (перенос в США критически важных производств и цепочек поставок – полупроводники, электроника, фармацевтика для снижения зависимости от стратегических соперников, в первую очередь Китая); ограничение доступа геополитических конкурентов к передовым технологиям (ИИ, квантовые и биотехнологии) посредством экспортного контроля и инвестиционных ограничений. Как видим, США твердо позиционируют себя в качестве «мирового доминанта».

Азиатский регион не монолитен, и трактовка технологического суверенитета здесь варьируется от радикального импортозамещения до прагматичного балансирования между сверхдержавами.

Заключение. В 2024 г. в России был принят федеральный закон «О технологической политике в РФ», определяющий цели, участников и механизмы поддержки инноваций. [4]. Правительство выделило 13 ключевых направлений (включая микроэлектронику, станкостроение, авиастроение, медицину, нефтегазовое машиностроение и ИТ) с уровнем локализации не менее 50%. Запущены механизмы финансирования масштабных проектов и реестр малых технологических компаний. Современная международная обстановка реально диктует России проводить независимую политику в области науки, техники и технологий. Конечно, предстоит вносить корректировки и в наших подходах к международному разделению труда, к интеграционной проблематике, да и в части переосмысления многих глобальных проблем.

Список литературы

1. Сапир, Ж. Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации / Ж. Сапир // Проблемы прогнозирования, 2020. – № 2. – С. 11.
2. Haché A. La souveraineté technologique //Mouvements, La Découverte, 2014, № 79, pp. 38-48.
3. Tim Maurer, Isabel Skierka, Robert Morgus, Mirko Hohmann. Technological sovereignty: Missing the point? Conference: 2015 7th International Conference on Cyber Conflict: Architectures in Cyberspace (CyCon). DOI: 10.1109/CYCON.2015.7158468. https://www.researchgate.net/publication/308495661.
4. О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ (последняя редакция). – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/.

[5] https://www.chipsact.com/

Международный бизнес и деловое администрирование

УДК 330.34

ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Брыль Е.А., канд. экон. наук, ORCID 0009-0004-5370-1561
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.bryl1023@mail.ru

Введение. В современном мире институциональные изменения представляют собой сложный, нелинейный и исторически обусловленный процесс трансформации формальных и неформальных правил, которые структурируют взаимодействие экономических агентов. В отличие от простых административных реформ, затрагивающих лишь верхушку нормативной пирамиды, институциональные изменения проникают в глубинные слои социально-экономической системы. Поэтому, процесс институциональных изменений приобретает особую специфику, обусловленную исторической инерцией, геополитической трансформацией и необходимостью адаптации национальной экономики к новым глобальным вызовам.

Целью исследования является изучение процесса институциональных изменений в условиях современных трансформаций.

Основная часть. В современном обществе, процесс институциональных изменений приобрел беспрецедентную скорость. Если исторически трансформация правил игры в обществе могла занимать столетия, то в эпоху глобализации и цифровизации, институциональные сдвиги происходят на глазах одного поколения. Поэтому, особое значение имеет изучение самого процесса институциональных изменений.

Один из величайших представителей неоинституциональной школы Д. Норт определяет институты как «правила игры», механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, структурирующие взаимодействие между людьми. Тремя измерениями институтов по Норту являются: официальные правила, неофициальные правила и процедуры выполнения этих правил и ограничений [1, с. 7]. В свою очередь, институциональные изменения – это сложный процесс, поскольку он затрагивает не только формальные правила (законы, конституции, регламенты), но и неформальные ограничения (традиции, обычаи, кодексы поведения), а также способы и эффективность принуждения к исполнению этих правил [2, с. 21]. Таким образом, под институциональным изменением следует понимать изменение содержания компонентов формальных правил

и неформальных ограничений, которые, с одной стороны, помогают субъектам принимать решения, а с другой – ограничивают их действия.

Поэтому контроль за изменением институтов – это хлопотный процесс, требующий постоянного вмешательства государства, которое само по себе проявляется в качестве одного из важнейших институтов в процессе фундаментальных институциональных изменений. Следовательно, государство должно способствовать созданию институтов, отвечающих реалиям хозяйственной жизни систем, трансформирующихся и активизирующих хозяйственную деятельность. Такие институты должны создавать стимулы, которые пробудили бы активность участников рынка, позволили каждому агенту реализовать свой экономический интерес. Таким образом, основной проблемой создания нормальных условий для проведения процесса институциональных изменений, в первую очередь, выступает фундаментальная разработка и последовательное проведение государством долгосрочной институциональной политики. В свою очередь, институциональная политика должна опираться на концепцию адаптации желаемых институциональных новаций (введение соответствующих формальных правил) в соответствии с реально действующими формальными и, главным образом, неформальными правилами, которые создавались веками .

Таким образом, в процессе институционального изменения, сопровождаемого созданием институтов, выработкой и использованием норм, правил в обществе, созданием с помощью институциональной политики соответствующей институциональной среды, происходит переход трансформированной системы в новое состояние равновесия. Институциональная система претерпевает качественные изменения.

Представим процесс институциональных изменений в виде схемы (см. рис. 1).

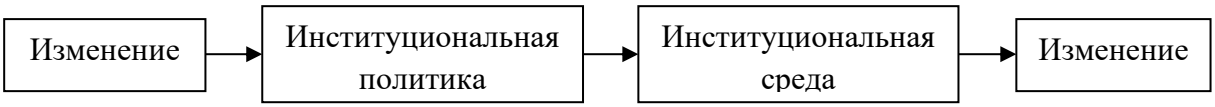

Рис. 1. Процесс институциональных изменений

Так, постоянное возникновение и разрешение противоречий является основой для перехода от одного уровня развития к другому качественно новому состоянию. Процесс институциональных изменений приобретает очень важное основное свойство: постоянно воспроизводится и имеет качественно новый уровень развития. Поэтому, каждое звено процесса институциональных изменений на определенном этапе выполняет свою функциональную роль.

В современном мире формируются уникальные предпосылки для трансформации институтов. Так, ключевыми двигателями институциональных изменений сегодня выступают [3]:

Цифровизация и технологические уклады. Внедрение искусственного интеллекта, блокчейна и платформенных решений требует пересмотра базовых правовых и экономических институтов. Традиционное трудовое право сталкивается с феноменом гиг-экономики, а институт интеллектуальной собственности – с возможностями нейросетей генерировать контент. Происходит концептуальная трансформация институциональной среды под давлением цифровизации.

Глобализация и ее кризис. Долгое время глобальные институты (ВТО, МВФ) унифицировали правила мировой торговли и финансов. Однако сегодня мы наблюдаем процесс фрагментации – регионализации экономических блоков и формирования альтернативных институциональных контуров, что приводит к сосуществованию конкурирующих наборов правил.

Экологический переход. Климатическая повестка (ESG-принципы) принудительно меняет институты корпоративного управления, финансового регулирования и энергетического права. Экологические нормы из добровольных стандартов превращаются в жесткие институциональные рамки.

Смена моделей экономического развития. Изменения институтов часто связаны с переходом от одной экономической модели к другой (например, от экспортно-ориентированной к внутренне ориентированной), что требует перестройки всей системы стимулов и ограничений.

Заключение. Таким образом, процесс институциональных изменений в современном мире носит нелинейный и ускоренный характер. Главная проблема XXI века заключается не в отсутствии новых идей, а в колоссальном разрыве между скоростью технологических инноваций и скоростью адаптации неформальных норм. Формальные институты (законы) меняются быстро под давлением технологий и глобальных кризисов, в то время как неформальные (культура, доверие) остаются инертными. Успех адаптации государств и обществ к условиям «хрупкого мира» будет зависеть от их способности не просто принимать новые законы, но и находить способы синхронизации формальных правил с глубинными культурными кодами, а также выстраивать гибкие сетевые механизмы управления вместо жестких иерархических структур.

Список литературы

1. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6-17.
2. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт // Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
2. Лев, М. Ю. Институциональная перестройка экономики: управленческий аспект и приоритет национальной экономической безопасности / М.Ю. Лев // Экономическая безопасность. – 2025. – Т. 8, № 9. – С. 2495-2520. – DOI 10.18334/ecsec.8.9.123895. – EDN TPTHDP.

УДК 005.5:332

РОЛЬ И МЕСТО ДЕЛОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Воробьева Ю.С., ORCID 0009-0000-8990-0782
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
u.vorobyova@donnu.ru

Введение. С точки зрения системного анализа пространственную организацию региональной системы можно рассматривать как устойчивую конфигурацию размещения элементов социально-экономического ядра и обеспечивающих подсистем в пределах региона, структуры меж- и внутрирегиональных потоков, образующих порядок регионального пространства. Вместе с тем без управляющего влияния и координирования эффективная организация пространства труднодостижима, что непозволительно, с учётом её влияния на реализацию национальных ориентиров развития [1; 2].

Администрирование трактуется как деятельность органов управления и их должностных лиц, связанная с реализацией управленческих решений [3], как ключевой элемент в структуре государственного управления и крупных бизнес-структур. Это связано с необходимостью эффективного распределения ресурсов и принятия стратегических решений, влияющих на функционирование организации в целом. Зарубежные источники трактуют понятие «администрирование» через акцент на особенностях государственного управления и контроля [4].

Тем не менее, в правовой, академической среде сформировались устойчивые понятия налогового, бюджетного, таможенного, публичного, государственного администрирования и пр. Использование «делового администрирования» чаще ассоциируется с управленческими практиками в бизнесе, апеллируя к различиям по целям деятельности и базовым принципам работы. Однако управленческая мысль и наука движется вперёд. В противовес мнений прошлого века о том, что государственное и частное управление принципиально одинаковы во всех незначительных отношениях, а «сфера администрирования – это сфера бизнеса [5], уже в течение нескольких десятилетий развивается, а также внедряется и апробируется в практике государственного управления концепция нового государственного менеджмента [6 – 8], основная цель которого элиминировать недостатки привычной бюрократической модели.

Цель – выявить возможности применения инструментов делового администрирования для совершенствования пространственной организации региональных систем в условиях нового государственного менеджмента.

Основная часть. Раскроем роль делового администрирования в пространственной организации региональных систем через связку: внедряемые инструменты, акторы, целевые агенты и бенефициар (табл. 1).

Таблица 1 – Инструменты делового администрирования в региональном управлении пространственной организацией

Инструменты	Актор	Целевой агент	Эффекты для региональной системы (бенефициар)	Региональная подсистема
Цифровые платформы; клиентоориентированные регламенты; CRM-системы обратной связи	Региональные власти; бизнес	Госслужащие; население; бизнес	Повышение качества и доступности услуг; экономия времени; прозрачность процедур	Институциональная; социально-культурная
Инициативное бюджетирование, краудсорсинг, общественные слушания	Региональные власти; НКО; бизнес; население, научное сообщество	Население; региональные власти	Учёт местных приоритетов; легитимность решений; рост доверия к власти	Социально-культурная; финансовая
Регуляторная гильотина	Региональные власти	Региональные власти, бизнес	Снижение административных барьеров; предсказуемость правил; ускорение процедур; рост инвестиций	Институциональная; финансовая
Программно-целевое управление	Региональные власти; бизнес, научное сообщество	Региональные власти; бизнес; НКО, др. исполнители	Развитие инфраструктуры, повышение качества среды, эффективное использование ресурсов; достижение целевых показателей	Институциональная; научно-инновационная; инфраструктурная; социально-культурная; природно-ресурсная
Стратегическое планирование	Региональные власти; бизнес; научное сообщество; население	Региональные власти; бизнес	Рост инвестиционной привлекательности; эффективное использование ресурсов; сбалансированное пространственное развитие	Финансовая; институциональная; научно-инновационная; природно-ресурсная; производственная
Государственно-частное партнерство, концессии	Региональные власти; бизнес	Бизнес; региональные власти	Развитие инфраструктуры; привлечение инвестиций; создание рабочих мест	Инфраструктурная; финансовая; производственная
Управление рисками; внутренний контроль и аудит	Региональные власти	Госслужащие	повышение устойчивости системы; эффективное расходование средств; снижение коррупционных рисков	Институциональная; финансовая
HR-менеджмент	Региональные власти; научное сообщество	Госслужащие	Рост профессионализма и компетентности госслужащих; мотивация на результат; снижение текучести кадров; повышение качества управленческих решений	Социально-культурная; институциональная
Межрегиональный бенчмаркинг; форсайт	Региональные власти; бизнес; научное сообщество; население	Региональные власти	Внедрение лучших практик; адаптация инноваций; стратегическое целеполагание	Научно-инновационная; институциональная

Акторы являются субъектами управления, которые инициируют, внедряют и контролируют имплементацию инструментов делового администрирования. На целевых агентов направлено управляющее воздействие акторов через используемые инструменты, с прицелом на изменение практики их функционирования в интересах бенефициара.

Бенефициаром же выступает региональная система, через проявляющиеся для её пространственной организации положительные эффекты от внедрения инструментов делового администрирования.

Заключение. Освоение инструментов делового администрирования позволяет улучшить результаты пространственной организации мезоуровневых систем хозяйствования. Получаемые выгоды включают, но не ограничиваются: в краткосрочной перспективе: цифровой трансформацией гос- и муниципального управления, социальной сферы, формированием благоприятной и безопасной среды для населения и бизнеса; в долгосрочной перспективе: устранением межрегиональных диспропорций и организацией эффективной и сбалансированной системы расселения населения.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 01.09.2026).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309. – Текст: электронный // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 01.09.2026).
3. Мальгинова Ю.Н. К вопросу о понятии «администрирование» // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 12А. – С. 316-323. DOI: 10.34670/AR.2022.51.52.035 (дата обращения: 06.09.2026).
4. Ельшова, Е. В. Особенности делового администрирования на современном этапе / Е. В. Ельшова // Научный вестник Крыма. – 2024. – № 6(52). – EDN DVBWKY.
5. Joyce, Ph. The Enduring Myth That Government Should Be Run Like a Business. – Текст: электронный. – URL: https://www.governing.com/archive/col-enduring-myth-government-should-be-run-like-business.html?utm_source=December%202016&utm_campaign=December%202016&utm_medium=email (дата обращения: 14.09.2026).
6. Hasiru R., Panigoro M. The Role of New Public Management in Enhancing Regional Budget Efficiency and Public Service Effectiveness in Gorontalo City // Jurnal Manajemen Pelayanan Publik. – Vol 10, No 1 (2026). DOI: https://doi.org/10.24198/jmpp.v10i1.67827 https://jurnal.unpad.ac.id/jmpp/article/view/67827/0.
7. Waromi J., Rofingatun S., Karubaba J. K. Implementation of Performance-Based Accounting on Good Financial Governance in Local Governments in Papua Province Amkop // Management Accounting Review. – Volume 5 Issue 2 (2025). – Pp. 1146-1160.
8. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector. N.Y., 1993.

УДК 339.9

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ворошкевич С.А., Романович А.Д., Ланкевич М.В.
Международный университет «МИТСО», г. Минск, Республика Беларусь
stas.voroshkevich.120@mail.ru

Введение. Республика Беларусь относится к числу малых открытых экономик: внешнеторговый оборот устойчиво превышает объем ВВП, а экспортно-сырьевая и сборочная модель производства делает устойчивость национальной экономики напрямую зависимой от конъюнктуры внешних рынков, состояния логистических коридоров и доступности механизмов международного экономического регулирования.

Цель исследования – анализ современной внешнеэкономической политики Республики Беларусь как субъекта международной торговли и участника глобального экономического регулирования.

Основная часть. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, внешнеторговый оборот товаров в 2024 году составил 86,02 млрд. долл. США, что на 3,7% больше, чем в 2023 году. Экспорт вырос на 1,2% и достиг 40,32 млрд. долл., импорт увеличился на 6,1% и составил 45,69 млрд. долл., а отрицательное сальдо товарной торговли достигло 5,37 млрд. долл. [5]. В 2025 году дисбаланс усилился. Экспорт составил 41,39 млрд. долл. и вырос на 2,6%, импорт составил 48,37 млрд. долл. и вырос на 5,8%, дефицит приблизился к 7 млрд. долл. Основные итоги представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Внешняя торговля Республики Беларусь товарами [5]

Показатели	2024 г.	2025 г.
Внешнеторговый оборот товаров, млрд. долл. США	86,02	89,76
Экспорт товаров, млрд. долл. США	40,32	41,39
Импорт товаров, млрд. долл. США	45,69	48,37
Сальдо товарной торговли, млрд. долл. США	–5,37	–6,97

Со странами СНГ сальдо сохраняется положительным. В 2025 году оно составило 2,33 млрд. долл. при экспорте 30,46 млрд. долл. [5]. Со странами вне СНГ сальдо отрицательное и равно минус 9,31 млрд. долл. [5]. Товарный дефицит частично компенсируется торговлей услугами, прежде всего транспортной и компьютерной.

Под давлением санкций, введенных после 2020 года и расширенных с 2022 года, география экспорта кардинально изменилась. Доля России в 2020 и 2021 годах составляла от 41 до 45 процентов, а по итогам 2025 года

достигла 66,5 процента [4]. Одновременно промышленный блок осваивает рынки «дальней дуги». В 2024 году экспорт предприятий Минпрома в страны Африки увеличился на 50 процентов, в страны Азии на 40 процентов, в целом по «дальней дуге» на 36 процентов. Поставки велись в 67 стран, включая возобновление работы на 15 рынках [3]. Вместе с тем по оценке председателя Белстата И. Медведевой, прирост экспорта в 2025 году на 1,1 млрд. долл. обеспечен преимущественно ценовым фактором, а физический объем поставок сократился на 6 процентов [4].

Институциональный каркас внешнеэкономической политики определяется членством в Евразийском экономическом союзе. В торговле с третьими странами таможенно-тарифное и нетарифное регулирование передано на наднациональный уровень Евразийской экономической комиссии: применяются Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, Единый таможенный тариф ЕАЭС, единые правила происхождения и единые нетарифные меры [1]. С 1 января 2025 г. Беларусь третий раз возглавила органы ЕАЭС. Особый статус имеет союзный контур с Российской Федерацией, на который приходится основная часть товарооборота.

Ключевая особенность современного этапа связана с изменением позиции Республики Беларусь в системе глобального экономического регулирования. Заявка на присоединение к ГАТТ/ВТО была подана в 1993 году. Переговоры активизировались в период с 2016 по 2019 год, однако после событий 2020 года работа приостановилась. В марте 2022 года группа из 14 членов ВТО заявила о прекращении рассмотрения белорусской заявки. Постановлением Совета Министров от 15 февр. 2024_г. № 105 задача присоединения к ВТО исключена из Программы деятельности Правительства на период с 2021 по 2025 год [2]. Республика Беларусь остается единственным государством, входящим в ЕАЭС и не являющимся членом ВТО.

В качестве альтернативы страна наращивает участие в объединениях «глобального большинства». В июле 2024 года Республика Беларусь стала десятым полноправным членом ШОС. В октябре 2024 года она получила статус государства-партнера БРИКС. 15 января 2025 года были утверждены стратегии участия в обеих организациях до 2030 года [6]. Постановлением Совета Министров от 25 февр. 2025 г. № 113 запущен пилотный проект по консолидации экспортных грузов для поставок в страны Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Оператором проекта выступает «Белтаможсервис» [3].

Стратегический вектор закреплен в установках на новую пятилетку: доля стран «дальней дуги» в торговле должна вырасти до 30% [7]. Глава государства подчеркнул, что сегодня в Азию, Африку, Латинскую Америку и на Ближний Восток поставляется лишь пятая часть экспорта, что является главным резервом его наращивания [4]. При этом доминирование одного

рынка (66,5% экспорта) повышает уязвимость экономики и осложняет диверсификацию.

Заключение. Таким образом, за пятилетку внешнеэкономическая политика Республики Беларусь прошла путь от ориентации на вхождение в многостороннее торговое регулирование в рамках ВТО к регионально-двусторонней модели. Базовыми контурами такой модели выступают ЕАЭС и Союзное государство, а глобальной альтернативой становятся ШОС, БРИКС и рынки «дальней дуги». К главным вызовам относятся хронически отрицательное сальдо товарной торговли, ценовой характер роста экспорта при сокращении физических объемов поставок и концентрация на одном рынке. Приоритетными направлениями являются качественная диверсификация географии экспорта, повышение доли высокотехнологичной продукции, цифровизация таможенного администрирования и сопряжение евразийской интеграции с механизмами взаимодействия стран «глобального большинства».

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // Евразийская экономическая комиссия: [официальный сайт]. – URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 30.09.2026).
2. Беларусь окончательно отказалась от вступления в ВТО. – Текст: электронный // Национальная экономическая газета. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/belarus-okonchatelno-otkazalas-ot-vstupleniya-v-vto/ (дата обращения: 30.09.2026).
3. Предприятия Минпрома Беларуси наращивают экспорт по дальней дуге. – Текст: электронный // Национальная экономическая газета. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/predpriyatiya-minproma-belarusi-narashchivayut-eksport-po-dalney-duge/ (дата обращения: 30.09.2026).
4. Время почти военное: экономика стала реальным полем боя. – Текст: электронный // СБ. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/vremya-pochti-voennoe-ekonomika-stala-realnym-polem-boya.html (дата обращения: 30.09.2026).
5. Отрицательное сальдо – почти $7 млрд. Как сработала внешняя торговля Беларуси в 2025. – Текст: электронный // Myfin.by. – URL: https://myfin.by/article/rynki/otricatelnoe-saldo-pocti-7-mlrd-kak-srabotala-tovarnaa-torgovla-belarusi-v-2025-43395 (дата обращения: 30.09.2026).
6. Для Беларуси деятельность в рамках ШОС и БРИКС – это возможность реализации своих национальных интересов в глобальном масштабе. – Текст: электронный // Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь: официальный сайт. – URL: https://sovrep.gov.by/ru/interview-ru/view/dlja-belarusi-dejatelnost-v-ramkax-shos-i-briks-eto-vozmozhnost-realizatsii-svoix-natsionalnyx-interesov-v-2508/ (дата обращения: 30.09.2026).
7. На ВНС о будущем: как диверсификация экспорта и энергетики укрепит экономику. – Текст: электронный // Mlyn.by. – URL: https://mlyn.by/18122025/na-vns-o-budushhem-kak-diversifikacziya-eksporta-i-energetiki-ukrepit-ekonomiku/ (дата обращения: 30.09.2026).

УДК 311.313

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ПО ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Забавина Е.Ю., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-6556-2691,
Ермоленко Н.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
natasha_lashenko@mail.ru

Введение. Информационно-аналитическая деятельность (ИАД) органов государственной статистики является важным элементом информационного обеспечения государственного управления. Статистические данные используются для оценки социально-экономических процессов, выявления проблемных направлений развития территорий, подготовки управленческих решений и контроля их результатов. Федеральная служба государственной статистики осуществляет свою деятельность непосредственно и через территориальные органы, обеспечивая формирование и распространение официальной статистической информации. [1] В ДНР такую деятельность осуществляет Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Донецкой Народной Республике – Донецкстат. Орган действует в структуре Росстата и обеспечивает проведение федеральных статистических наблюдений, обработку статистической информации и предоставление пользователям данных о социально-экономическом положении региона [2]. В контексте формирования и развития статистической системы в новых субъектах Российской Федерации, ИАД Донецкстата выступает как сфера, требующая особого внимания.

Цель: исследовать особенности информационно-аналитической деятельности Донецкстата в переходный период.

Основная часть. Правовой основой деятельности Донецкстата является Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации», а также нормативные акты [3], регулирующие деятельность Росстата и его территориальных органов. Вместе с тем, в условиях переходного периода практическая реализация функций Донецкстата имеет некоторые ограничения. Существенным препятствием для анализа социально-экономической ситуации в новых субъектах Российской Федерации остается ограниченный доступ к официальной статистике. Правовые основания для применения специального порядка статистического учета были закреплены Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 55-ФЗ. В соответствии с установленным порядком

распространение отдельных статистических сведений, относящихся к ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям, ограничено до 1 января 2027 г. [4] При этом статистическая работа на территориях новых регионов не прекращается полностью. Информация продолжает поступать в органы государственной статистики. Проблема заключается в том, что результаты такого учета не могут в полном объеме использоваться как открытый источник информации и получить актуальные сведения о ряде показателей развития региона внешнему пользователю значительно сложнее.

Отдельной проблемой остается доступность статистической информации на уровне муниципальных образований. Несмотря на формирование Территориальным органом Росстата по ДНР ряда показателей по республике в целом, необходимые для муниципального анализа сведения не всегда представлены в требуемом территориальном разрезе. В материалах по прогнозированию социально-экономического развития городского округа Донецк отмечается, что часть показателей формируется на уровне ДНР без детализации по отдельным городским округам, а по некоторым направлениям отсутствуют необходимые исходные данные. Ограниченность исходной статистической базы затрудняет расчет отдельных прогнозных показателей и снижает возможности сопоставления данных между муниципальными образованиями. В этих условиях органы местного самоуправления вынуждены использовать имеющиеся региональные данные, запрашивать дополнительную информацию у органов государственной статистики либо применять расчетные методы.

Особые трудности возникают при формировании демографической статистики. В настоящее время отсутствует возможность регулярно рассчитывать официальную численность населения ДНР по методологии, применяемой Росстатом. В связи с этим соответствующая оценка не проводится с мая 2023 г. Сложившаяся ситуация ограничивает возможности анализа демографической динамики. Восстановление полноценной оценки численности населения связано с завершением переходных процедур и приведением используемых методов статистического наблюдения и обработки информации в соответствие с действующими методологическими требованиями.

Кроме того, до 1 января 2027 г. (согласно последним изменениям законодательства) респонденты в ДНР имеют право предоставлять первичные статистические данные на бумажном носителе, тогда как для остальной территории России обязательна исключительно электронная форма с использованием квалифицированной электронной подписи. Это создает дополнительную нагрузку на аппарат Донецкстата при обработке бумажных отчетов и замедляет процесс цифровой трансформации статистического учета в регионе.

При формировании статистической базы новых регионов возникает еще один важный вопрос – возможность сопоставления получаемых показателей с данными за предыдущие периоды. Изменение территориальных границ само по себе нарушает однородность статистических рядов: изменение значения показателя может быть связано как с реальными социально-экономическими процессами, так и с изменением территории, на которой производится расчет. В отношении новых регионов сохранение сопоставимости имеет практическое значение не только для анализа текущего состояния экономики, но и для оценки ее динамики в долгосрочном периоде. Формирование сопоставимых временных рядов позволит более точно интерпретировать изменения социально-экономических показателей и избежать смешения территориального эффекта с реальной динамикой развития экономики.

Для Донецкстата актуальна и проблема кадрового обеспечения - дефицит усугубляется оттоком специалистов, связанным с последствиями боевых действий, и необходимостью одновременной переподготовки сотрудников, ранее работавших по методологии, отличной от федеральной.

Заключение. Переход Донецкстата на методологию Росстата является важным элементом интеграции региональной статистики в общероссийскую систему поскольку обеспечивает сопоставимость данных и единые правила расчета показателей. При этом следует учитывать естественные ограничения первых лет работы – уровень детализации и точности данных пока уступает показателям по другим регионам страны.

Список литературы

1. Об утверждении Положения о Территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Донецкой Народной Республике: Приказ Росстата от 14.12.2022 № 940. – Текст: электронный. – URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-14122022-n-940-ob-utverzhdenii-polozhenija/(дата обращения 08.09.2026).
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Донецкой Народной Республике – О Донецкстате. – Текст: электронный. – URL: https://80.rosstat.gov.ru/about (дата обращения 07.09.2026).
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Донецкой Народной Республике – Нормативные документы. – Текст: электронный. – URL: https://80.rosstat.gov.ru/folder/237271 (дата обращения 07.09.2026).
4. О внесении изменения в статью 5 и приостановлении действия части 7 статьи 8 Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» и об особенностях осуществления официального статистического учета на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 55-ФЗ. – Текст: электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48978 (дата обращения 08.09.2026).

УДК 338.4

ИНДУСТРИЯ ГОСТЕПРИИМСТВА: НОВЫЕ ФОРМЫ И ТРЕНДЫ

Завгородняя Ю.В., канд. экон. наук, ORCID 0009-0004-2991-9296
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.zavgorodnyaya@donnu.ru

Введение. Индустрия гостеприимства переживает глубокую трансформацию: классические форматы изменяются, появляются новые бизнес-модели, а потребительские ожидания эволюционируют в сторону гиперперсонализации и цифрового комфорта. В условиях растущей конкуренции и меняющихся запросов путешественников бизнесу приходится оперативно реагировать на эти вызовы, внедряя инновации и переосмысливая традиционные подходы к организации проживания.

Цель: проанализировать новые формы и тренды в индустрии гостеприимства, выявить ключевые тенденции их развития, оценить влияние на рынок и предложить рекомендации по адаптации бизнеса к меняющимся условиям.

Основная часть. Для достижения этой цели могут быть поставлены следующие задачи:

изучить теоретические основы индустрии гостеприимства и эволюцию её форм и форматов;

охарактеризовать современное состояние индустрии и ключевые тренды (цифровизация, персонализация, экологичность, гибридные форматы вроде Work & Rest, акцент на аутентичность и здоровье);

рассмотреть конкретные новые формы (например, глэмпинги, коворкинги в отелях, тематические и иммерсивные пространства);

проанализировать кейсы внедрения инноваций и оценить их эффективность;

выявить проблемы и барьеры, с которыми сталкиваются новые форматы на рынке;

спрогнозировать перспективы развития новых форм и трендов с учётом глобальных изменений и локальных особенностей [1].

Что же сегодня наиболее актуально для развития индустрии гостеприимства.

1. Персонализация сервиса: современные гости ожидают индивидуального подхода. Использование технологий для анализа предпочтений гостей и предложения персонализированных услуг представлены в таблице 1.

2. Экологичность и устойчивое развитие: увеличение интереса к экологически чистым и устойчивым практикам. Внедрение энергосберегающих технологий и использование экологически чистых

материалов. Инструменты достижения: энергосберегающие технологии, экологичные материалы, локальные продукты

Таблица 1 – Использование технологий для анализа предпочтений гостей и предложения персонализированных услуг

Основные аспекты	Анализ данных по основным аспектам персонализации сервиса
Ожидания гостей	По данным исследования 2025 года, 71% гостей ожидают, что отель будет учитывать их уникальные предпочтения, а 76% испытывают разочарование, если этого не происходит. При этом 61% путешественников готовы платить больше за проживание, адаптированное под их личные нужды.
Экономический эффект	Внедрение Big Data для подбора индивидуальных услуг повышает общую удовлетворённость гостей в среднем на 15%. Лояльные клиенты с персонализированным опытом тратят на 22,4% больше и остаются в отеле на 28% дольше, чем случайные гости.
Инструменты.	Для реализации персонализации используются CRM-системы (для хранения истории визитов и предпочтений), чат-боты и ИИ-консьержи (для мгновенного взаимодействия), системы «умного дома» в номерах (управление освещением, температурой через приложение), а также pre-arrival-письма для сбора пожеланий до заезда.

Составлено на основе источника [3].

3. *Гибкие форматы размещения*: рост популярности нестандартных вариантов размещения, таких как капсульные отели, коворкинг-пространства и гибкие тарифные планы.

4. *Цифровизация и технологии*: внедрение мобильных приложений и онлайн-платформ для бронирования, управления аккаунтами гостей и предоставления дополнительных услуг Мобильные приложения для бронирования, управления аккаунтом, заказа услуг. Искусственный интеллект для анализа больших массивов данных, прогнозирования потребностей и персонализации предложений. Чат-боты для обработки рутинных запросов (перенос времени уборки, заказ такси). Виртуальные консьержи для организации трансфера, экскурсий.

5. *Здоровье и безопасность*: усиленное внимание к вопросам гигиены и здоровья. Внедрение бесконтактных технологий, улучшение систем вентиляции и санитарии. Бесконтактные технологии (например, бесконтактные замки или термостаты). Улучшенные системы вентиляции и санитарии в номерах и общественных зонах.

6. *Локальные и уникальные впечатления*: гости хотят испытывать уникальные и аутентичные культурные моменты. Развитие программ, включающих местные традиции, кухню и мероприятия. Программы с акцентом на местную культуру: тематические вечера, мастер-классы по традиционным ремёслам, дегустации локальных блюд. Интеграция с

локальными достопримечательностями для создания запоминающихся маршрутов.

7. Экономичность и доступность: введение новых тарифных планов и пакетов услуг, ориентированных на разные сегменты рынка, включая бюджетные варианты. Гибкие опции (например, возможность докупить услуги в пути).

8. Многофункциональные пространства: создание пространств, которые могут выполнять несколько функций (например, рабочие зоны в отелях для удаленной работы с доступом к Wi-Fi, зарядными станциями, принтерами и сканерами для удалённой работы).

9. Социальная ответственность: усиление роли корпоративной социальной ответственности, поддержка местных сообществ и благотворительных инициатив через партнёрства с НКО, участие в благотворительных инициативах.

10. Инновации в питании: разработка новых концепций ресторанов и баров, предлагающих уникальные гастрономические впечатления и здоровое питание вегетарианское, безглютеновое меню). Локальная кухня в меню или тематические гастрономические сеты. Возможность кастомизации блюд (например, исключение отдельных ингредиентов по запросу гостя).

Заключение. Индустрия гостеприимства активно трансформируется, адаптируясь к меняющимся запросам путешественников и технологическому прогрессу.

Успех в индустрии сегодня зависит от способности гибко сочетать технологическую оснащённость, экологическую ответственность, персонализированный подход и умение создавать запоминающиеся впечатления. Бизнесу важно постоянно анализировать тренды и адаптировать под них свои услуги, чтобы оставаться конкурентоспособным.

Список литературы

1. «Контур. Отель». Тренды гостиничного бизнеса 2026: технологии, экология, новые форматы. – Текст: электронный. – URL: https://kontur.ru/hotel/spravka/83499-trendy_gostinichnogo_biznesa (дата обращения: 13.10.2026).
2. Рубцова, Н. В. Инновации в индустрии гостеприимства / Н. В. Рубцова // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т.10. – №1. – С. 457–466. – DOI: 10.18334/vinec.10.1.100664.
3. Domina Group. Тренды 2025 в индустрии гостеприимства: что важно для отелей. – Текст: электронный // Domina Group: [Блог]. – URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/pro-trendy-v-industrii-gostepriimstva/?ysclid=mv6ol7me6988351539 (дата обращения: 13.10.2026).

УДК 336.71

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ТРАНЗАКЦИОННОГО БИЗНЕСА (НА ПРИМЕРЕ ПАО «СБЕРБАНК»)

Завгородняя Ю.В., канд. экон. наук, ORCID 0009-0004-2991-9296,
Бурко А.Р.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
burkoa280@gmail.com

Введение. В условиях глубокой цифровой трансформации, усиления конкуренции со стороны финтех-компаний и геополитических вызовов транзакционный бизнес эволюционирует от стандартных расчётно-кассовых операций к экосистемным решениям. Внедрение искусственного интеллекта (ИИ), API-интеграций, роботизации процессов (RPA) и переход на суверенную ИТ-инфраструктуру становятся ключевыми факторами устойчивости и конкурентоспособности кредитных организаций, что делает данную тему актуальной для современного этапа развития цифровой экономики.

Теоретические и практические аспекты развития электронных и транзакционных банковских услуг, а также цифровых трансформаций на финансовом рынке нашли своё отражение в трудах З.В. Атлас, И.Т. Балабанова, Г.Г. Коробовой, А.С. Горды и других исследователей [2; 4]. Однако вопросы адаптации передовых ИИ-технологий и алгоритмов динамического ценообразования в условиях необходимости импортозамещения критической ИТ-инфраструктуры требуют дальнейшего прикладного изучения.

Цель работы – проанализировать влияние инновационных технологий на эффективность транзакционного бизнеса и разработать практические рекомендации по совершенствованию стратегии его развития на примере ПАО «Сбербанк».

Основная часть. Транзакционный бизнес трансформируется из утилитарной функции расчётов в стратегический экосистемный актив, формирующий бесшовный клиентский опыт и основу для кросс-продаж. В условиях геополитических вызовов и санкционного давления ключевым императивом становится технологический суверенитет. Анализ деятельности ПАО «Сбербанк» демонстрирует успешное завершение масштабной миграции на суверенную процессинговую платформу. Банк полностью отказался от проприетарных зарубежных решений (Oracle, IBM) в пользу собственных разработок на базе СУБД Platform V DataGrid и Pangolin DB. Данная архитектура, аккумулирующая более 5 петабайт данных и обрабатывающая до 50 000 транзакций в секунду, обеспечивает

обслуживание более 200 млн. банковских карт и 110 млн. розничных клиентов при высочайших стандартах отказоустойчивости 99,9% [1].

Однако главным драйвером дальнейшей маржинализации и операционной эффективности выступает не просто импортозамещение, а глубокая, системная интеграция искусственного интеллекта (ИИ) и роботизации процессов (RPA). Сбербанк фактически перешел к модели agentic first, где ИИ-агенты берут на себя рутинные операции. Прямой финансовый эффект от внедрения генеративного ИИ (GigaChat) в 2025 году составил 30 млрд. рублей [2]. Алгоритмы машинного обучения стали фундаментом ключевых бизнес-процессов: более 90% решений по оборотному кредитованию корпоративных клиентов (на сумму свыше 5 трлн. рублей) принимаются автономно, а предиктивные модели антифрод-платформы в 2025 году защитили от мошенников более 360 млрд. рублей клиентских средств. Мультиагентные системы, такие как «Кибераналитик», автономно закрывают до 70% киберинцидентов, сократив время реагирования на угрозы в 6 раз.

Для систематизации предложенных решений и оценки их влияния на архитектуру бизнес сформирована Матрица инновационной трансформации транзакционного бизнеса ПАО «Сбербанк».

Таблица 1 – Матрица инновационных решений и их стратегический эффект для ПАО «Сбербанк» (*авторская разработка*)

Блок инноваций	Технологический базис и инструменты	Ожидаемый операционный эффект	Финансово-рыночный результат
Тарифная модель	ML-алгоритмы динамического ценообразования	Персонализация условий для 3,5 млн. корп. клиентов с учетом сезонности и риска	Прирост комиссионных доходов на +9,6 млрд. руб./год
Клиентский путь (B2B)	Развитие API-платформы (Embedded Finance, Payments API)	Бесшовная интеграция банковских сервисов в ERP-системы клиентов	Рост доли API-транзакций до 40% к 2027 г.
Операционная среда	Роботизация процессов (RPA) и ИИ-агенты	Автоматизация 88,5% рутинных операций (верификация, реестры)	Экономия трудозатрат: 46,1 млн. руб./год
Инфраструктура	Предиктивный процессинг на базе нейросетей	Снижение транзакционных издержек, умная маршрутизация (Smart Routing)	Снижение операционных затрат на обработку на 8-12%

Несмотря на достигнутые успехи, транзакционный бизнес сталкивается с новыми макроэкономическими и регуляторными вызовами. Введение с 1 января 2026 года НДС на эквайринг по ставке 22% создает дополнительное давление на маржинальность, особенно в сегменте МСБ. Параллельно усиливается конкуренция со стороны финтех-компаний и маркетплейсов, перехватывающих инициативу в создании клиентских интерфейсов. В этих условиях для дальнейшего укрепления лидерства и удержания доли рынка (которая по прогнозам должна вырасти до 46% к 2028 году) в работе проведены исследования и намечен комплекс инновационных мероприятий.

Реализация данного инновационного контура требует единоразовых инвестиций в размере 8,5 млрд. рублей, однако формирует мультипликативный экономический эффект. Совокупный положительный результат оценивается в 45,27 млрд. руб. в год (за счет роста комиссий и снижения издержек), что обеспечивает рекордный ROI первого года на уровне 432%. Стратегическим итогом внедрения предложенных технологий станет не только оптимизация, но и качественный скачок в клиентском опыте: прогнозируется рост индекса лояльности (NPS) корпоративного сегмента на 16 п.п. и увеличение общей доли рынка транзакционных услуг до 46% к 2028 году, что гарантирует банку устойчивость в условиях современных экономических вызовов.

Заключение. Развитие транзакционного бизнеса в современных условиях невозможно без опоры на суверенные технологии и инструменты искусственного интеллекта. Переход к предиктивной обработке платежей, API-экосистемам и динамическому ценообразованию позволяет банку не только минимизировать операционные издержки и риски, но и формировать новый стандарт клиентского опыта. Реализация предложенной стратегии обеспечит ПАО «Сбербанк» устойчивый рост комиссионных доходов и укрепление лидерских позиций на рынке в условиях внешних вызовов.

Список литературы

1. Пресс-релиз МСФО за 12 месяцев 2025 года. – Текст: электронный. – URL: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults (дата обращения: 12.10.2026).
2. Горда, А. С. Fintech и цифровые трансформации на мировом финансовом рынке / А. С. Горда. – Текст: электронный // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. – 2023. – №2. – С. 106-114.
3. Финансовый эффект от внедрения GigaChat в процессы Сбера составил 30 млрд. рублей. – Текст: электронный. – URL: https://myseldon.com/ru/news/index/332907818 (дата обращения: 12.10.2026).
4. Как Сбер построил новую процессинговую платформу на российских СУБД для обслуживания 113 млн. клиентов. – Текст: электронный. – URL: https://www.audit-it.ru (дата обращения: 12.10.2026).

УДК 338.23

ЛОКАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ РОССИИ И ЕАЭС

Козаченко Ж.Н., ORCID 0009-0000-6022-8267
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
zh.kozachenko@donnu.ru

Введение. По итогам 2025 года российский фармрынок достиг 3,1 трлн. руб. Доля отечественных препаратов в натуральном выражении – около 70%, но в стоимостном – лишь порядка 46%. Этот разрыв отражает структурную особенность: отечественные препараты в среднем дешевле импортных и концентрируются преимущественно в сегменте дженериков, тогда как дорогие оригинальные лекарства, особенно биотехнологические, по-прежнему импортируются. За формальными цифрами локализации стоит существенная уязвимость – большинство отечественных препаратов производится из импортных активных фармацевтических субстанций (АФС), и именно здесь сосредоточены главные риски.

Цель – провести комплексный анализ локальных вызовов и возможностей в фармацевтической деятельности на пространстве ЕАЭС (с фокусом на Россию) в современных условиях.

Основная часть. Стратегия «Фарма-2030» ставит целью доведение доли отечественных препаратов до 66,6%, а доли стратегически значимых лекарственных средств (СЗЛС) полного цикла – до 80% [2].

Насколько достижимы эти ориентиры, зависит от того, как отрасль справится с локальными барьерами и какие ресурсы сможет задействовать в рамках единого регуляторного пространства ЕАЭС. Единый фармацевтический рынок ЕАЭС предполагает, что препараты, зарегистрированные по правилам союза, обращаются во всех пяти странах без повторной регистрации. На практике структура рынков сильно дифференцирована: на Россию приходится 89% совокупного производства союза, на Беларусь – 7%, на Казахстан – 4%. Сравнительные данные представлены в таблице 1.

По данным ЕЭК, собственное производство фармсубстанций покрывает лишь 10-20% совокупного спроса ЕАЭС. В России доля отечественных субстанций оценивается в 25-30%; география поставок концентрируется в ограниченном круге стран: около 50% приходится на Китай, 29% – на ЕС, 17% – на Индию. Из 2016 торговых наименований, формально классифицируемых как «полный цикл отечественного производства», лишь 1020 (51%) действительно имеют отечественную субстанцию; остальные представляют собой юридическую конструкцию, а

не производственную независимость. При этом 117 жизненно важных препаратов из перечня ЖНВЛП не имеют ни одного отечественного производителя.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика фармацевтических рынков стран ЕАЭС (2024-2025 гг.)

Показатель	Россия	Беларусь	Казахстан
Объём рынка, млрд. $	~31,0	~1,1	~2,5
Объём производства, млрд. $	~9,1	~0,7	~0,4
Доля отечественных ЛП (натур.), %	~70	~65	~40
Доля отечественных ЛП (стоим.), %	~46	50,1	~15
Доля импортных АФС, %	~75	~93	~100

Источники: Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

С 1 января 2026 года национальная регистрация лекарств в странах ЕАЭС закрыта – действует только единая регистрация Союза. Препараты, зарегистрированные по национальным правилам, могли обращаться не позднее 31 декабря 2025 года; далее национальные удостоверения аннулируются. Однако Решением Совета ЕЭК № 34 от 22 мая 2025 года предусмотрено продление: если производитель подал заявление до конца 2025 года, национальное удостоверение в референтном государстве продлевается на срок до трёх лет, в государствах признания до двух лет. Постановлением Правительства РФ № 2202 от 29 декабря 2025 года действие национальных удостоверений препаратов, обращавшихся на рынке не менее трёх лет и не прошедших перерегистрацию, продлено до 1 января 2027 года. Готовность к переходу различается: к апрелю 2025 года Россия перевела в союзный формат около 87% ранее зарегистрированных препаратов, Беларусь – 15%, Казахстан – 5%. Доля непризнания отчётов со стороны государств признания составила 2,7% (69 заявлений о непризнании из 1704 рассмотренных. По данным мониторинга Минфина, доля несостоявшихся закупок лекарств в 2025 году выросла до 83% в количественном выражении; снижение конкуренции привело к росту расходов медицинских организаций. Нехватка специалистов с компетенциями в биотехнологиях, контроле качества и цифровых процессах остаётся серьёзным препятствием. По данным отраслевых экспертов, до 95–97% производимой в России продукции – дженерики. Доля выручки от оригинальных препаратов составляет около 5%, и Стратегия «Фарма-2030» ставит цель довести её до 15% к 2030 году. Исполнительный директор Upside Development С. Теплов отмечает, что переход к инновационным разработкам сдерживается высокой стоимостью и длительностью (10-12 лет от идеи до препарата), дефицитом специализированной инфраструктуры и лабораторий [3]. 53% российских предприятий не видят отечественных альтернатив импортному оборудованию и материалам [3].

Ставка на дженерики вместо инноваций критикуется в профессиональном сообществе как «копирующая» модель.

В Беларуси для решения кадровой проблемы Борисовский завод медпрепаратов запустил совместные программы подготовки с Могилёвским университетом и местными колледжами. В Казахстане ставится задача создания около 1200 рабочих мест на новых производствах.

Интеграция ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в правовое поле РФ создаёт специфические условия. Согласно закону, утверждённому в феврале 2023 года, переходный период был установлен до 1 января 2026 года, в течение которого в новых регионах допускалось обращение лекарств, зарегистрированных по прежним правилам. В регионе работают предприятия с производственным потенциалом – например, ООО «Стиролбиофарм»с портфелем из 23 лекарственных препаратов и 42 биологически активных добавок, ГУП ДНР «Лекарства Донбасса».

Однако для реального роста требуется модернизация мощностей, приведение производств в соответствие с правилами GMP ЕАЭС и кадровое усиление. В контексте ЕАЭС эти предприятия теоретически могли бы стать площадками для производства субстанций, учитывая наличие унаследованной химической инфраструктуры, но пока речь идёт преимущественно о готовых формах.

Заключение. Доля отечественных препаратов на российском рынке выросла с 24% в 2009 году до ~46% в 2025 году в денежном выражении, в Беларуси достигла 50,1%. Но реальный суверенитет требует контроля над сырьевой базой: без собственного производства АФС локализация готовых форм остаётся уязвимой, и это общий вывод для всех стран ЕАЭС, где импорт субстанций превышает 70-100%.

Список литературы

1. Фармацевтический рынок России: аналитический обзор / DSM Group. – Москва: АО «Группа ДСМ», 2026. – Текст: электронный. – URL: https://dsm.ru/news-reports/ (дата обращения: 02.09.2026).
2. Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 июня 2023 г. – №1495-р (в ред. от 21 октября 2024 г.): [с изменениями и дополнениями] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449976/ (дата обращения: 12.09.2026).
3. Доржиева, С. Е**.** Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития / С.Е. Доржиева. – Текст: электронный. – URL: https://www.eijournal.ru/jour/article/view/1075?ysclid=mv589a6jn9437154343 (дата обращения: 12.09.2026).
4. Козаченко, Ж. Н. Современный фармацевтический рынок: проблемы и пути развития / Ж. Н. Козаченко // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05-07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 353-355. – EDN OCFEUU. ID: 83222676.

УДК 332.1:004.9:502.131

SMART-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ЭФФЕКТЫ

Костина Т.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0005-2655-281X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
t.kostina@donnu.ru

Введение. Устойчивое развитие регионов сегодня невозможно рассматривать вне контекста цифровой трансформации: именно цифровые и «умные» (SMART) технологии становятся ключевым рычагом для синхронизации экономических, социальных и экологических целей.

Цель исследования заключается в уточнении стратегических приоритетов интеграции SMART-технологий в систему регионального управления и оценки их вклада в достижение ключевых показателей устойчивого развития.

Основная часть. Актуальность темы обусловлена ростом нагрузки на региональные системы (инфраструктуру, экологию, занятость) и одновременным повышением ожиданий граждан к качеству услуг и скорости реакции власти. В России цифровая повестка закреплена в национальных проектах и стратегических документах: в частности, в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и стратегий социально-экономического развития субъектов РФ.

Сегодня данной проблематикой занимаются следующие российские ученые и исследователи, такие как Лыщикова Ю.В., которая исследует концепцию «умного устойчивого развития» (Smart Sustainable Development), Семячков К.А. – разрабатывает модели устойчивого развития территории, опираясь на концепцию «умного города». Исследования Шнайдера_В.В. сфокусированы на том, как инициативы «умного города» через цифровые технологии способствуют устойчивому развитию: повышают качество жизни, улучшают благоустройство, обеспечивают безопасность и вовлекают жителей в управление территорией. Лясковская Е.А. и Григорьева К.М. изучают, как цифровые инструменты (сквозные технологии) встраиваются в стратегии и программы развития регионов, и предлагают методики оценки этого влияния на устойчивое развитие [1].

На региональном уровне целесообразно выстраивать приоритеты по принципу «от наиболее осязаемых эффектов к системным изменениям» (см. табл. 1).

Таблица 1 – Ключевые приоритеты цифровизации региона:
содержание и измеримые эффекты [2]

Приоритет	Содержание
Умная инфраструктура и ЖКХ	Внедрение IoT-датчиков и систем диспетчеризации позволяет сократить потери ресурсов. Например, пилотные проекты «умных сетей» и учёта воды в ряде городов показали снижение потерь воды на 15-25% и электроэнергии – на 10-18% за первые 12-18 месяцев эксплуатации. Это напрямую влияет на ЦУР 7 (доступная и чистая энергия) и ЦУР 11 (устойчивые города и населённые пункты).
Цифровые платформы обратной связи и госуслуг	Перевод массовых услуг в электронный вид и внедрение платформ для взаимодействия с гражданами повышает прозрачность и снижает административные барьеры. По данным Минцифры России, доля массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, в 2023 году превысила 95%, а среднее время оказания услуги сократилось на 35% по сравнению с 2024 годом.
Транспорт и мобильность.	Системы умного транспорта (адаптивное светофорное регулирование, мониторинг пассажиропотока, оптимизация маршрутов) способствуют снижению пробок и выбросов. В крупных агломерациях внедрение таких решений позволило уменьшить среднее время в пути на 12-20% и снизить выбросы CO_2 от автотранспорта на 5-10% в пределах пилотных зон.
Экологический мониторинг и управление отходами	Датчики качества воздуха, воды и автоматизированные системы учёта ТКО позволяют перейти от эпизодического контроля к непрерывному мониторингу. Это усиливает достижение ЦУР 6 (чистая вода и санитария) и ЦУР 13 (борьба с изменением климата).
Аналитика и сценарное моделирование	Использование предиктивных моделей на базе больших данных помогает регионам заранее выявлять риски (дефицит мощностей, рост нагрузки на инфраструктуру, сезонные пики потребления) и принимать упреждающие меры.

Эмпирические оценки эффектов SMART-решений опираются на отраслевые отчёты и пилотные проекты:

Энергоэффективность и ЖКХ. В ряде пилотных муниципалитетов внедрение автоматизированных систем учёта и диспетчеризации позволило сократить потребление тепловой энергии на 8-14% за счёт устранения перерасхода и оптимизации графиков.

Качество городской среды. Индекс качества городской среды (Минстрой России) показывает, что города с развитой цифровой инфраструктурой и сервисами обратной связи демонстрируют более высокие темпы роста индекса – в среднем на 2-4 пункта в год выше, чем у городов без таких решений.

Транспорт. В городах с внедрёнными системами интеллектуального управления движением среднее время ожидания на остановках

общественного транспорта сократилось на 15-25%, а регулярность рейсов выросла на 10-15%.

Экология. Данные Росгидромета и региональных экологических служб свидетельствуют, что зоны с развёрнутыми сетями датчиков качества воздуха позволяют быстрее реагировать на превышения ПДК и сокращать продолжительность неблагоприятных периодов.

Важно учитывать, что эффекты зависят от зрелости цифровой среды, квалификации кадров и качества данных. Так, регионы с низким уровнем цифровизации могут не получить ожидаемого эффекта без параллельного развития ИТ-инфраструктуры и компетенций.

Однако не стоит забывать про риски и ограничения, которые включают цифровое неравенство (разрыв между городами и сельскими территориями); зависимость от импортных технологий и вендоров; кибербезопасность и защита персональных данных; сопротивление изменениям со стороны персонала и стейкхолдеров.

Для минимизации рисков необходимо выстраивать поэтапную дорожную карту, начиная с пилотных проектов, и обеспечивать обучение сотрудников и вовлечение граждан.

Заключение. SMART-технологии в регионах – это не просто софт, а инструмент управления, который превращает устойчивое развитие из абстракции в конкретные цифры и планы. Начинать лучше с того, что даёт быстрый результат: коммунальные сервисы, транспорт, госуслуги. А уже потом подключать аналитику и экологический мониторинг. Дальше – подстройка под регион: город это или сельская местность, какая промышленность, какой климат. Успех держится на трёх вещах: общая база данных, работа ведомств в связке и механизм, который позволяет сверять фактические эффекты с ожиданиями и вовремя править курс. В долгой перспективе «умные» решения должны работать на ESG-цели – это не только повышает качество управления, но и делает регион привлекательным для инвесторов, которым важна устойчивость.

Информация о финансовой поддержке: *Исследования проводились в рамках инициативной темы (номер госрегистрации ФВ-22/19).*

Список литературы

1. Лыщикова, Ю.В. «Умное» устойчивое развитие: пространственные аспекты концепции и модели имплементации в России и за рубежом – Текст: электронный. – URL: https://rscf.ru/project/23-28-01636/ (дата обращения 11.09.2026).
2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Официальный сайт Минцифры России. – Текст: электронный. – URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения 11.09.2026).

УДК 005.21:336.6

РОЛЬ ФИНАНСОВОГО АНАЛИЗА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМПАНИЕЙ

Костина Т.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0005-2655-281X,
Попов Я.В.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
tv.kostina@mail.ru, yaros.popov@gmail.com

Введение. Международные компании сегодня работают в условиях постоянной нестабильности: валютные скачки, санкции, конкуренция за пределами одного рынка. Управлять в такой среде «на глаз» слишком рискованно. Финансовый анализ перестаёт быть формальностью и становится инструментом стратегического управления.

Цель исследования – определить роль финансового анализа в системе стратегического управления международной компанией и обосновать направления повышения эффективности управления на основе его результатов.

Основная часть. Актуальность темы обусловлена тем, что международные компании работают в условиях высокой нестабильности: валютные колебания, санкционные ограничения, различия в стандартах отчётности и усиление глобальной конкуренции. В таких условиях стратегические решения без опоры на финансовый анализ становятся слишком рискованными. Финансовый анализ позволяет не только оценить текущее положение компании, но и выявить угрозы заранее, а также обосновать выбор направлений развития. Именно поэтому его роль в системе стратегического управления международной компанией постоянно растёт.

Сегодня данной проблематикой занимаются следующие российские ученые и исследователи, такие как Бланк И. А. в своих работах раскрывает значение финансовой стратегии как функциональной составляющей общей стратегии организации, Гениберг Т.В., Иванова Н. А., Полякова О. В. разрабатывают комбинированные подходы к стратегическому финансовому моделированию, методики анализа финансового состояния предприятия Савицкой Г. В. широко применяются в практике стратегического управления, Бочаров В. В. исследует вопросы оценки денежных потоков, финансовой устойчивости и платёжеспособности, Гиляровская Л. Т. развивает принципы комплексного и динамичного финансового анализа, подчёркивая необходимость учёта внешних и внутренних факторов, что важно для компаний, работающих в разных экономических и регуляторных средах [1, 2].

Стратегическое управление международной компанией представляет собой многоуровневый процесс, в котором финансовый анализ выполняет функции информационно-аналитического обеспечения принятия стратегических решений. В условиях глобализации рынков, диверсификации деятельности по юрисдикциям и усложнения корпоративных структур роль финансового анализа существенно возрастает: он становится не просто инструментом ретроспективной оценки, а активным элементом стратегического планирования и контроля.

Как отмечает И. А. Бланк, финансовая стратегия предприятия представляет собой систему долгосрочных целей финансовой деятельности, определяемых прогнозом развития компании, и наиболее эффективных путей их достижения [3]. Финансовый анализ, таким образом, выступает связующим звеном между стратегическим замыслом и его ресурсным обеспечением.

В современной отечественной науке сложился ряд самостоятельных подходов к пониманию роли финансового анализа в стратегическом управлении.

Финансовый анализ выполняет в международной компании несколько функций одновременно. Во-первых, он даёт объективную картину текущего состояния – ликвидность, устойчивость, рентабельность. Во-вторых, служит базой для прогнозирования последствий стратегических решений. В-третьих, помогает сравнивать эффективность разных направлений бизнеса внутри группы.

Исследования показывают, что традиционные одномерные подходы к оценке финансового состояния международных корпораций не дают достаточно надёжной картины. Более эффективны интегрированные модели, учитывающие конкурентное позиционирование, динамику показателей и причинно-следственные связи между ними. В таблице 1 систематизированы основные направления финансового анализа и их связь с управленческими решениями.

Таблица 1 – Направления финансового анализа и их связь с управленческими решениями [2, 3]

Направление анализа	Что оценивается	Управленческое решение
Ликвидность и платёжеспособность	Способность отвечать по обязательствам	Управление оборотным капиталом
Финансовая устойчивость	Зависимость от заёмных средств	Корректировка структуры капитала
Рентабельность	Эффективность использования ресурсов	Пересмотр инвестиционных программ
Деловая активность	Скорость оборота средств	Оптимизация операционных процессов
Риск банкротства	Вероятность кризисных ситуаций	Антикризисные меры

Оценка вероятности банкротства – важная часть финансового анализа в стратегическом управлении. Однако российские исследователи отмечают, что зарубежные модели (Альтмана, Бивера, Дюрана) требуют адаптации к российским условиям и отраслевой специфике. В частности, Федорова Е. А. с соавторами на основе анализа отчётности более 85 тысяч российских компаний разработали десятифакторную модель с отраслевыми пороговыми значениями [4]. Ушаков В. М. указывает, что применение зарубежных качественных моделей к российским компаниям даёт значительное количество неточностей и требует учёта отраслевых особенностей [5]. Несмотря на развитость методической базы, применение финансового анализа в стратегическом управлении международной компанией сталкивается с рядом нерешённых проблем, таких как проблема консолидации данных, проблема сопоставимости, проблема стратегической ориентации анализа, проблема учёта качественных факторов. Страновые, политические и репутационные риски плохо поддаются формализации в рамках традиционных коэффициентных методов, что требует интеграции качественных оценок в аналитические модели.

Заключение. Таким образом, финансовый анализ в международной компании – это не просто оценка прошлого, а инструмент стратегического выбора. Он позволяет руководству видеть риски до того, как они станут критическими, и обосновывать решения, а не действовать интуитивно. При этом важно использовать адаптированные методики, учитывающие специфику международного бизнеса и страновые различия.

Информация о финансовой поддержке: Исследования проводились в рамках инициативной темы (номер госрегистрации ФВ-22/19).

Список литературы

1. Сущность и методические основы разработки финансовой стратегии фирмы. – Текст: электронный. – URL: https://nsuem.ru/science/publications/science_notes/issue.php?ELEMENT_ID=3344 (дата обращения 10.09.2026).
2. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности: учебное пособие / Г. В. Савицкая. – 6-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 284 с. – (Вопрос – ответ). – ISBN 978-5-16-005225-0. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/1858212 (дата обращения: 10.09.2026).
3. Бланк, И. А. Финансовая стратегия предприятия / И. А. Бланк. – Киев: Ника-Центр: Эльга, 2006. – 711 с. – (Б-ка финансового менеджера). – ISBN 5-901620-60-7.
4. Модели прогнозирования банкротства российских предприятий: отраслевые особенности. –Текст: электронный. – URL: http://library.volnc.ru/article/view?id=2095 (дата обращения 10.09.2026).
5. Ушаков, В. М. Сравнительный анализ зарубежных качественных моделей прогнозирования кризисных ситуаций и вероятности банкротства. – Текст: электронный. – URL: https://www.inesnet.ru/rus_author/ushakov-vladislav-maksimovich/ (дата обращения15.09.2026).

УДК 338.24

РОЛЬ ИИ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЯХ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Костина Т.В., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0005-2655-281X,
Шмидт И.И.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
tv.kostina@mail.ru, mipuzyrev2003@mail.ru

Введение. Управленческие решения все чаще принимаются на стыке профессионального опыта и машинного интеллекта, но если первые дают нам контекст, то вторые – статистическую точность. Однако именно здесь возникает главная дилемма: алгоритмы безупречно считают вероятности, но не понимают последствий своих рекомендаций для корпоративной культуры и репутации. На примере текущей практики мы видим, что ИИ становится мощным, но крайне требовательным к контролю помощником. В данной статье нам предстоит выяснить, как минимизировать риски, не отказываясь от преимуществ автоматизации.

Цель исследования – выявить критическую точку баланса между вычислительной мощью ИИ и человеческим суждением, которая позволяет принимать более взвешенные решения, не теряя при этом гибкости и ответственности.

Основная часть. Актуальность темы продиктована тем, что ИИ сегодня внедряется в управление повсеместно, но делает это часто хаотично – в погоне за трендом, без понимания границ его применимости. Руководители тратят миллионы на технологии, но не всегда понимают, какую именно управленческую задачу они решают, а какую – усложняют. Поэтому важно сейчас, на этапе массового внедрения, отделить реальные возможности от маркетинговых обещаний и выработать внятные критерии для принятия решений с участием ИИ.

Сегодня данной проблематикой занимаются следующие российские ученые и исследователи, такие как Михненко П.А. (изучает трансформацию управленческих практик под влиянием интеллектуальных систем поддержки принятия решений), Садковкин А.А. (разрабатывают архитектуру интеллектуальных агентов для автоматизации управленческих процессов в корпоративной среде), Мамонтов С.А. (занимается вопросами формирования ИИ-компетенций у студентов-менеджеров), Савин С.В. и Мурзин А.Д. (провели форсайт-исследование применения ИИ в бизнес-управлении с привлечением более 300 экспертов) [1; 2].

Внедрение технологий искусственного интеллекта кардинально меняет подходы к стратегическому управлению. Согласно эмпирическим данным глобальных консалтинговых компаний (McKinsey Global AI Survey

2024-2025, Deloitte CEO Survey 2024), использование систем поддержки принятия решений на основе ИИ приводит к существенным изменениям ключевых управленческих метрик (см. табл. 1).

Таблица 1 – Влияние ИИ на показатели эффективности управления [3]

Показатель	Диапазон улучшения	Источник
Сокращение времени принятия стратегических решений	40-60%	McKinsey Global AI Survey 2024-2025
Повышение точности прогнозирования	35-50%	Deloitte CEO Survey 2024
Рост операционной эффективности	до 26%	Boston Consulting Group 2024

Исследования показывают, что традиционные системы бизнес-аналитики, построенные на описательной и диагностической аналитике («Что произошло?» и «Почему это произошло?»), уже не отвечают потребностям управления в условиях динамичной рыночной среды. На смену им приходят интеллектуальные системы, способные предоставлять прогнозную и предписывающую аналитику, что подтверждается практикой внедрения гибридных ИИ-архитектур в российских компаниях [4].

Исследование 40 эмпирических кейсов российских и зарубежных компаний из энергетики, финансового сектора, промышленности, розничной торговли, телекоммуникаций и здравоохранения позволило выявить ключевые параметры успешности ИИ-проектов (см. табл. 2).

Таблица 2 – Параметры успешности внедрения ИИ в управление [4]

Параметр	Значение	Доля компаний
Средний уровень успешности внедрения	68%	-
Полный успех (достижение всех целей)	-	45,5%
Частичный успех	-	22,5%
ROI ИИ-проектов (средний)	15-25%	-

При этом критическими факторами успеха выступают: выбор гибридной архитектуры (cloud, on-premise, hybrid), модель управления ИИ-инициативами (централизованная, децентрализованная, федеративная) и наличие центров компетенций по ИИ (AI CoE).

Сравнительный анализ традиционных методов многокритериального принятия решений (MCDM) и ИИ-подходов демонстрирует существенные различия в точности и надежности решений. Результаты показывают, что ИИ-системы обеспечивают более точные и надежные решения по сравнению с традиционными методами, при этом их рекомендации коррелируют с реальными решениями организаций (см. табл. 3) [4; 5].

Таблица 3 –Параметры успешности внедрения ИИ в управление [4; 5]

Метод	Точность решений	Примечание
Fuzzy AHP-TOPSIS (традиционный)	Базовый уровень	Исследование проведено на задачах подбора персонала
ChatGPT (ИИ-подход)	Выше точность, близка к фактическим выборам организации	Продемонстрирована высокая прогностическая способность

Заключение. Искусственный интеллект реально трансформирует управление: сокращает время принятия решений на 40-60%, повышает точность прогнозов на 35-50%, увеличивает операционную эффективность до 26%. Это подтвержденные данные глобальной практики, а не маркетинговые обещания. Таким образом, ИИ – мощный инструмент, но он усиливает компетенции руководителя, а не заменяет их. Финальное решение всегда за человеком. Ключевая задача – не делегировать алгоритмам ответственность, а научиться задавать правильные вопросы и критически осмысливать ответы. Технологии готовы, вопрос в готовности людей и организаций.

Информация о финансовой поддержке: Исследования проводились в рамках инициативной темы (номер госрегистрации ФВ-22/19).

Список литературы

1. The impact of intelligent decision support systems on the transformation of management practices. – Текст: электронный. – URL: https://upravlenets.usue.ru/en/issues-2025/1764-2026-01-12-03-49-56 (дата обращения 05.09.2026).
2. Садковкин, А.А. Трансформация управленческих процессов в корпоративной среде: внедрение интеллектуальных агентов для повышения эффективности принятия решений / А.А. Садковкин, Д.Р. Гуляк // Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник. – 2025. – Т. 8. – №6. – С. 185-195.
3. Трансформация Процессов Принятия Стратегических Решений В Эпоху Искусственного Интеллекта. Формирование Новой Парадигмы Корпоративного Управления. – Текст: электронный. – URL: https://upravlenets.usue.ru/en/issues-2025/1764-2026-01-12-03-49-56 (дата обращения 05.09.2026).
4. Machine Learning-Enhanced Management Information Systems for Strategic Management Decision-Making. – Текст: электронный. – URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/11383102#1 (дата обращения 05.09.2026).
5. От нейросетей к новой операционной системе компании: гибридные ИИ-архитектуры и управленческие модели будущего. – Текст: электронный. – URL: https://ecsn.ru/wp-content/uploads/202512_800.pdf#4#1 (дата обращения 05.09.2026).

УДК 338.47

ПРОЕКТ «АЗОВСКОЕ КОЛЬЦО» КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА ВОССОЕДИНЁННЫХ РЕГИОНОВ

Некрасова О.Л., д-р экон. наук, доц., ORCID 0000-0001-5422-4657,
Третьяков М.П., ORCID 0009-0006-8590-9097
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ol.nekrasova@donnu.ru, *tretyakov.mikhail7@mail.ru*

Введение. В условиях проведения Россией специальной военной операции обострились отношения со странами ЕС, возникли санкционные барьеры и обострились разного рода угрозы транспортно-логистической инфраструктуре. В подобных обстоятельствах традиционные торговые пути и налаживаемые годами цепочки доставки грузов из России и в неё подвержены масштабным вызовам [1]. Данные обстоятельства потребовали от руководства России актуализировать «отстающие» и начать поиск и разработку новых маршрутов экспорта и импорта грузов в страны Глобального Юга.

В этой связи, а также с учётом ряда барьеров дальнейшего развития международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг», подспорьем, в совокупности с рядом других инфраструктурных и транспортно-логистических решений, должна стать реализация проекта «Азовское кольцо». Он включает в себя создание транспортного маршрута вокруг Азовского моря, объединяющего Ростовскую область, Краснодарский край, Крым, Донбасс и Новороссию, а также перераспределить перегруженные направления (Крымский мост, трассу М-4 «Дон», маршруты МТК «Север – Юг») и обеспечить полноценную экономическую интеграцию воссоединённых регионов.

Цель исследования – выявление ключевых возможностей и барьеров развития проекта «Азовское кольцо», способного обеспечить долгосрочное устойчивое развитие юга России.

Основная часть. До 2022 года российские морские порты Балтийского и Азово-Черноморского бассейнов, будучи технологически развиты, обеспечивали внешнеэкономические связи России со странами Европы, Северной, Латинской Америки и Азии. Однако рост санкционных ограничений ограничил их функционал. Отказ европейских партнёров от сотрудничества и разрушение логистических цепочек создали барьеры для экспортно-импортных потоков через Балтийское и Чёрное моря [1, 2].

Однако по данным отчётности о грузообороте морских портов России, опубликованной Министерством транспорта РФ [3], начало СВО и атаки БПЛА на гражданскую инфраструктуру не привели к критическим

последствиям: общий грузооборот морских портов в 2025 году вырос почти на 6% (49,3 млн. тонн) к уровню 2021 года. При этом пропускная способность Азово-Черноморского бассейна по итогам 2025 года превысила довоенный уровень на 3,3% (на 8,6 млн. тонн), а её пик в 291,4 млн. тонн (2023 г.) был выше результата 2021 года на 13,4% (на 34,6 млн. тонн).

Иными словами, несмотря продолжающиеся боевые действия на территории Донецкой Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей целесообразно развивать транспортную инфраструктуру, которая, обладая широкой пропускной способностью, обеспечит подъездные пути к портам Азово-Черноморского бассейна. Это создаст альтернативу международному транспортному коридору «Север – Юг», который на сегодняшний день имеет ряд барьеров, ограничивающих его дальнейшую модернизацию, обеспечивающую рост объема грузоперевозок.

Кроме того, по оценкам аналитического агентства N.TransLab, пропускная способность существующих южных маршрутов МТК исчерпана на 85–90% [4]. Важно также отметить, что порты в Каспийском море с 2021 по 2025 гг. показали рост всего на 1,6 млн. тонн (с 7 до 8,6 млн. тонн) по сравнению с ростом на 8,6 млн. тонн российских гаваней, находящихся в Азово-Чёрноморском бассейне [3].

Исходя из вышеизложенного, реализация проекта «Азовское кольцо» должен стать одним из ключевых факторов развития транспортно-логистического потенциала воссоединенных регионов, в том числе благодаря следующим элементам [5]:

1) обеспечение роста пропускной способности (увеличение пропускной способности южных дорог в 3 раза; сокращение времени в пути вокруг Азовского моря на 5 часов);

2) диверсификация торговых маршрутов (разгрузка Крымского моста и порта Новороссийск; создание альтернативы маршрутам через Азербайджан и Казахстан в рамках МТК «Север – Юг»);

3) расширение экспортных возможностей (прямые маршруты экспорта российской продукции (металл, зерно, удобрения) в Турцию, страны Африки, Иран, Индию, Юго-Восточную Азию);

4) экономическая интеграция (объединение экономических кластеров Донбасса, Запорожья, Крыма, Кубани; развитие агропромышленного комплекса освобождённых территорий);

5) инвестиционный потенциал (благоприятный инвестиционный климат, которому способствует СЭЗ во всех четырёх воссоединенных регионах посредством привлечение частных инвестиций в портовую и дорожную инфраструктуру);

6) геостратегическая устойчивость (снижение зависимости от транзитных стран Кавказа в рамках маршрутов МТК «Север – Юг»; укрепление транспортного суверенитета России в условиях санкционного давления; развитие транспортной сети в воссоединенных регионах).

Среди барьеров реализации проекта «Азовское кольцо» следует выделить [5]: инфраструктурные ограничения (недостаточная пропускная способность дорожной сети, терминалов и железнодорожных подходов; слабое развитие портового комплекса); угроза безопасности (перманентная террористическая угроза объектам инфраструктуры; риски диверсий и кибератак на логистические узлы; международно-правовая неопределённость (отсутствие международного признания нового статуса территорий ограничивает возможности привлечения иностранных инвесторов и использования международных финансовых инструментов; сложности со страхованием грузов и транспортных средств на маршрутах).

Заключение. «Азовское кольцо» становится стратегическим инфраструктурным проектом, который способен стать мощным драйвером социально-экономического развития юга России, обеспечив транспортную связанность, экономическую интеграцию воссоединённых регионов и рост их логистического потенциала. Однако его реализация сопряжена с серьёзными вызовами: рисками в сфере безопасности, финансовыми затратами, необходимостью преодоления инфраструктурной отсталости и сохраняющимися геополитическим давлением. Успех проекта будет зависеть от последовательной государственной политики, эффективного управления ресурсами и способности нивелировать внешние угрозы.

Список литературы

1. Лузянин, С.Г. Международный коридор «Север – Юг»: транспортный проект или большая геополитика? / С.Г. Лузянин, Н.К. Семенова // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 12. – С. 5–14. – DOI 10.31857/S032150750029003-5. – EDN SJKGLM.
2. Диалоги о коридоре Север-Юг – Текст: электронный // Информационно-аналитическое агентство SeaNews. – 2022. – URL: https://seanews.ru/2022/05/11/ru-dialogi-o-koridore-sever-jug/ (дата обращения: 08.09.2026).
3. Доклад о реализации транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Отчетный период: 2025 год. – Текст: электронный // Министерства транспорта Российской Федерации: официальный сайт. – 2026. – URL: https://mintrans.gov.ru/documents?type=11 (дата обращения: 07.09.2026).
4. Из варяг в персы: перспективы развития МТК «Север–Юг» – Текст: электронный // Аналитическое агентство N.TransLab. – 2024. – URL: https://ntranslab.ru/analytic/doklady/iz-varyag-v-persy-perspektivy-razvitiya-mtk-sever-yug/?ysclid=mtq4ulrcf4798906004 (дата обращения: 05.09.2026).
5. Навасарьян, Е.И. Модернизация Мариупольского порта в рамках проекта «Азовское кольцо»: стратегии развития, геополитические вызовы и экономические перспективы / Е.И. Навасарьян, С.С. Зубенко. – Текст: электронный // Современные научные исследования и инновации. 2025. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2025/03/103144 (дата обращения: 14.09.2026).

СОДЕРЖАНИЕ

Управление персоналом и экономика труда

Балтачеева Н.А., Андреев С.С. Ключевые детерминанты человеческого капитала организации в условиях цифровой трансформации 7

Бельчик Т.А. Экономические аспекты преждевременного выгорания молодых специалистов 10

Брюхина Н.Г., Тимошенко В.С., Баранникова А.А. Преодоление структурного дисбаланса регионального рынка труда: меры государства и практики бизнеса . 13

Бунтовская Л.Л. Удаленная работа как форма нестандартной занятости 16

Важинская В.В. Наставничество как инструмент адаптации молодых специалистов: анализ практики российских работодателей 19

Васильев А.С. Современные проблемы в сфере оплаты труда в регионе 22

Васильев А.С., Еверзов Н.М., Белякович Е.А. Социально-психологическая адаптация работников в трудовых коллективах в условиях постконфликтного развития 25

Волошина Е.И., Вагнер А.Б. Кадровый потенциал органов власти как фактор своевременности антикризисной поддержки предприятий в условиях «идеального шторма» 28

Гайдай И.Ю., Бондин В.В., Гайдай Р.Р. Планирование рабочего времени в условиях развития цифровых технологий 31

Гальдикас Л.Н., Гусева А.В. Влияние искусственного интеллекта на организационное поведение персонала 34

Ганич Л.В. Сравнительный анализ жизненных ценностей и профессиональных планов молодежи в городских и сельских условиях 37

Елисеева Н.А., Демиденко О.И. Занятость молодежи и граждан старшего поколения: современные вызовы и перспективы 40

Елисеева Н.А., Мартынова А.Е. Влияние уровня цифровых компетенций населения на состояние занятости в условиях цифровизации экономики 43

Захаров В.Ю., Щелкунова П.И. Анализ и сравнение моделей управления человеческими ресурсами 46

Калмамбетова А.Э., Донченко О.А. Управление персоналом в условиях внедрения искусственного интеллекта и цифровых технологий в Кыргызстане 49

Коваленко Н.В., Тимошенко А.Г. Искусственный интеллект как фактор институциональных изменений в сфере экономики труда 53

Курганская М.Я., Сунь Хаоян Корпоративная социальная ответственность как инструмент социально-экономического развития региона 56

Курганская М.Я., Чжан Юэхан Пути преодоления барьеров трудоустройства китайских выпускников российских вузов 59

Кушелева Т.Е. Актуальные проблемы управления персоналом и экономика труда. 62

Литвин Р.И., Пьяникова М.Д. Предиктивная трансформация HR-бенчмаркинга в управлении человеческим капиталом новых регионов российской федерации ... 65

Лукашевич Н.С. Рациональный режим труда в системе гуманистического управления: многокритериальный подход 68

Лукьянова Е.Ю., Негра Н.А. Применение программного комплекса Ramus Educational для DFD-моделирования бизнес-процесса обработки обращений граждан в учреждении социального обслуживания населения 71

Мингалеева Г.А. Анализ состояния и перспектив кадрового ресурса научно-исследовательских организаций республиканского подчинения Донецкой Народной Республики 74

Осадчий И.С., Кухтова Ю.И. Комплексное обеспечение психологического здоровья производственного персонала авиастроительного предприятия 77

Осадчий И.С., Усманов Б.М. Карта компетенций как инструмент подбора производственного персонала 80

Окрестина О.Р., Киндякова Е.В., Тараськина А.А. Наставничество и профессиональная адаптация кадров в государственном и муниципальном управлении: проектный подход 83

Петенко А.В. Оценка экономических последствий сверхурочных работ в системе управленческого учета 86

Потоцкий Я.А. Место Минобрнауки России в системе нормативно-правового регулирования трудовой и образовательной миграции 89

Псарева И.С., Велегура З.В. Разработка и особенности формирования стратегии управления персоналом в условиях конкурентных экономических отношений... 92

Сардак Е.В., Черняк И.Н. Актуальные аспекты адаптации персонала в условиях человекоцентричной ориентации предприятия 95

Сердюк О.Ю., Исмаилова К.А. Искусственный интеллект в управлении персоналом: перспективы и ограничения 98

Сердюк О.Ю., Калиниченко А.И. Управление удержанием молодых специалистов в условиях дефицита кадров 101

Солдаткина О.В., Шестакова Е.В. Практико-ориентированные методики в развитии карьеры студентов ВУЗа 104

Старовойтова Я.Ю., Чугунова О.В. Платформенная занятость в креативных индустриях малых и средних городов России 107

Чанов А.Ю. Семейно-ориентированные программы в системе привлечения и удержания персонала 110

Шпилькина Т.А., Филимонова Н.Н. Повышение качества жизни населения как фактор привлечения кадров в регионы страны 113

Прикладная экономика, математические методы и модели

Абдужаббаров А.А. Эконометрическая оценка факторов развития производства и экспорта строительных материалов в Узбекистане 116

Анохина И.Ю., Бердянский А.А. Природа биржевых временных рядов и роль агрегации как механизма преобразования сырых данных биржи в аналитический объект 119

Галиева Г.М., Артемьев Д.А. Методы математической логики: возможности применения в управлении ресурсами АПК 122

Гладкова Л.А., Гуреева А.С. Факторный анализ рентабельности продаж с применением эконометрических методов 125

Гладкова Л.А., Кутаева А.Р. Эконометрическая оценка взаимосвязи дебиторской и кредиторской задолженности с финансовым результатом организаций в регионах России 128

Гладкова Л.А., Чернощек А.Б. Эконометрическая оценка факторов риска существенного искажения бухгалтерской отчетности 131

Горчакова И.А., Демиденко О.И. Современный информационно-математический инструментарий в HR-прогнозировании 134

Горчакова И.А., Исмаилова К.А. Количественная оценка рисков при цифровой трансформации предприятия 137

Горчакова И.А., Резниченко Л.А. Математическое моделирование инфляционных процессов 140

Маевский А.И. Оценка результативности внедрения механизма повышения эффективности управления развитием бизнес-процессов в отечественном машиностроении 143

Молоковский И.А. Использование цифровых платформ в бизнес-моделях 146

Пелашенко А.В., Лисянский П.И. Прикладные методы формирования регионального человеческого капитала в системе инновационного развития экономики труда 149

Петренко О.Е. образование, автоматизация и технологическая экспозиция профессий в России 152

Полуянов В.П., Роговенко Д.Н. Мобильное приложение для центра передержки животных с цифровым мониторингом 155

Полшков Ю.Н. Управление региональными логистическими системами с помощью прикладных инструментов экономико-математического моделирования 158

Полшков Ю.Н., Гарибов Г.Г. Прикладное математическое моделирование процессов управления экономическими рисками государственных субъектов хозяйствования 161

Рузимурадов Ш.Х. Координация межотраслевых денежных потоков в системе безналичных расчётов 164

Сероштанова К.В. Перспективы использования отдельных направлений интегральной геометрии в задачах прикладной экономики 167

Скалецкий М.А. Экономико-математическая модель оценки эффективности цифровизации бизнес-процессов предприятия 170

Сухинина О.А., Скидан Ю.В. Математическое моделирование бюджетных потоков государственного предприятия: методы, инструменты и перспективы внедрения 173

Титов А.Б., Стройкина А.Д. Прогнозирование жизненного цикла продукта на основе моделей искусственного интеллекта 176

Национальная и региональная экономика

Абакумов Р.Г. Адаптивный алгоритм поддержки принятия решений по воспроизводству основных средств на основе многофакторной оценки и оптимизационных моделей 179

Больдясов А.И. Государственные закупочные и товарные интервенции как инструмент политики стабилизации рынка зерна в современных условиях 182

Букулова В.М. Государственная поддержка и механизмы финансирования инвестиционных проектов в Российской Федерации 185
Бурлуцкий Б.В. Механизм региональной системы управления интеллектуальной собственностью 188
Быкова М.В. Актуальные проблемы инновационной экономики в условиях трансформации современного общества 191
Вода И.С., Диденко Е.В. Мониторинг рынка коммерческой недвижимости 194
Грузан А.В. Инновационная деятельность как стратегическое направление развития туристического бизнеса в регионе 197
Грушенко Э.Б. Анализ развития туризма в Западной Арктике в современных геополитических условиях 200
Демидов С.С. Теоретико-методологические основания исследования сферы услуг в контексте современной экономики 203
Демьянкова В.И. Взаимосвязь факторов инновационного развития региона с интеллектуальной собственностью 206
Джансыз И.Н. Современное состояние сферы здравоохранения Донецкой Народной Республики 209
Дубель В.М. Приоритеты устойчивого развития Донецкого региона 212
Дубель В.М., Агеева Е.В. Реализация государственной политики в условиях цифровой трансформации 215
Журавлева К.В. Размещение результатов интеллектуальной деятельности и доступ к ним на цифровых платформах: вопросы регулирования прав пользователей и полномочий операторов 218
Загоруйко Т.Н. Теоретические основы формирования энергетической политики региона в условиях цифровизации экономики 221
Зайцева А.М., Лохманова Е.Н., Горяний М.В. Соэволюционный подход в модели муниципального управления 224
Зотиков Н.З. Особенности налогообложения в Донецкой Народной Республике.... 227
Ибрагимхалилова Д.В. Детерминанты рыночного механизма «экономики предложения» 230
Камнева В.В. Управление цифровой трансформацией экономики Российской Федерации на мезоуровне 233
Капыльцова В.В., Назаренко А.И. Направления совершенствования управления в чрезвычайных ситуациях 236
Конев А.В. Ресурсная эффективность патентной деятельности медицинских вузов России 239
Кошелева Е.Г. Пространственная дифференциация регионов как результат неравномерности социально-экономического развития 242
Кошелева Е.Г., Петрунько А.В. Нормативно-организационное и информационное обеспечение антикоррупционной политики в образовательных организациях высшего образования Донецкой Народной Республики 245
Кужелева А.А. Хозяйственный механизм: сущностные характеристики и роль в экономической системе общества 248
Кузьменко В.В. Инструменты устойчивого развития Запорожской области 251

Лохман Н.В., Самусенко Я.В. Трансформация туристического пространства новых территорий Российской Федерации: перспективы развития туристического рынка Мариуполя 254

Львова Г.Н. Рост доходов населения как показатель развития регионов 257

Макарова М.В. Тенденции изменения индикаторов политики импортозамещения в Российской Федерации 260

Маковецкий С.А., Скирневская Л.Н. Инновационная инфраструктура в системе регионального промышленного развития 262

Макогон Ю.В. Теоретическое обоснование использования факторов производства туристского продукта: региональный аспект 265

Маркова О.В., Филимонова Н.Н. Донецкая Народная Республика: логика восстановительного роста и его структурные пределы 268

Маркова О.В., Шпилькина Т.А. ДНР и ЛНР: сравнительный анализ восстановительных траекторий 271

Морозова Е.А., Титаев Р.А. О теоретических подходах к определению сбалансированности регионального развития 274

Надричный А.В. Пространственная дифференциация транспортной доступности и туристического потенциала регионов Приволжского федерального округа 277

Овчаренко А.С. Экономическая интеграция новых субъектов Российской Федерации: проблемы и перспективы 280

Орлова Л.В. Программно-целевой метод в управлении муниципальной системой образования 283

Потапенко В.Л. Эволюция научных концепций экономической устойчивости региона 286

Рагозина М.А., Карнаухова В.Ю. Актуальные тренды региональной экономики: потенциал воссоединенных территорий 289

Романова А.А. Стимулирующее выравнивание: как реформировать межбюджетные отношения для устойчивого развития регионов 291

Савченко И.В. Институциональные вызовы и пути повышения эффективности государственных закупок в условиях ограниченной конкуренции в Донецкой Народной Республике 294

Севрюкова С.В., Соловьев Н.Н. Аттестация государственных служащих как инструмент государственного регулирования и трансформации экономики Российской Федерации 298

Середенко М.М. Стратегическое управление развитием региональным промышленным комплексом на основе использования инновационных технологий 301

Скирневская Л.Н., Савостьянова А.С. Проектный подход в управлении инновациями: адаптация Agile-методов в промышленной деятельности 304

Степанова Ю.Л., Крамаренко О.Н. Импортозависимость российского здравоохранения в сфере медицинского оборудования и материалов: риски и возможности 307

Стрижиченко Н.А., Шевченко Т.И. Развитие человеческого капитала в новых субъектах Российской Федерации: региональные вызовы и пути решения 310

Сулейманова Т.А., Малышенко Н.Б. Государственная поддержка и стратегические императивы развития агропромышленного комплекса Луганской Народной Республики в условиях интеграции 313

Турсуналиева Д.М., Муратбек уулу Максат. Циркулярная экономика в Кыргызской Республике: регулирование и системные барьеры 316

Хромов Н.И., Пенина М.А. Институциональные механизмы противодействия коррупции в региональной экономике и перспективы их совершенствования 320

Цепилова Е.С., Румас А.Л. Услуги, оказываемые религиозными организациями 323

Чернявская Т.Г. Экономика предложения и пространственная интеграция: роль воссоединенных регионов в росте экономики Российской Федерации 326

Шарова И.В., Шаров В.И. Перспективы локализации производства альгината натрия в России: рыночный анализ и сценарная оценка импортозамещения 329

Шахватова С.А., Юшков М.А. Актуальные вопросы устойчивого развития регионов в контексте пространственной политики 332

Шикова Л.В., Шерстюкова К.Ю. Исследование состояния инновационного потенциала туристического рынка Мариуполя 335

Школьникова М.Н., Чугунова О.В. Биоэкономика как новое и перспективное направление в пищевой промышленности 338

Шульц А.С. Особенности определения цифровой зрелости регионального рынка ювелирных изделий 341

Юдин А.А., Тарабукина Т.В. Факторы эффективности и барьеры инновационного развития сельского хозяйства Севера 344

Юрина Т.С. Устойчивость инвестиционной политики новых регионов РФ в условиях макроэкономической неопределенности: вызовы и сценарии адаптации 348

Мировая экономика и международные экономические отношения

Алексеева Н.А., Марковина Е.В. Оценка экспортно-импортных операций в России 351

Власовец Е.Н. Концептуальное соотношение понятий глобального проекта и глобального проекта развития и их сравнительный анализ 354

Исмаилов Ж.Б. Развитие экономических связей Узбекистана с Россией: вызовы и перспективы 357

Клочкова О.В., Агаркова Н.В. Формирование новой экономической архитектуры на основе БРИКС 360

Кравченко В.А., Исмаилова К.А. Трансформация российского экспорта энергетических ресурсов на мировом рынке 363

Кравченко В.А., Кацель К.В. Дисбаланс регионального развития Российской Федерации в условиях глобальной неопределенности 366

Переломова И.Г., Корнов Д.В. Теоретические подходы к определению глобальных дисбалансов мировой экономики 369

Сокрутенко О.-А.С. Автоматизация в системе формирования детерминант конкурентоспособности экономики РФ в условиях новой технологической революции 372

Туралина А.Г., Калиниченко А.И. Трансформация кредитной политики Китая в странах Африки на современном этапе 375

Шибаршина О.Ю. Анализ зарубежного опыта функционирования эндаумент-фондов в сфере высшего образования 378
Шилец Е.С., Жолоб В.А. Факторы повышения энергоэффективности субъектов Российской Федерацией 381
Щербанин Ю.А. Технологический суверенитет в мировом измерении: новые вызовы? 384

Международный бизнес и деловое администрирование

Брыль Е.А. Процесс институциональных изменений в современном мире 387
Воробьева Ю.С. Роль и место делового администрирования в пространственной организации региональных систем 390
Ворошкевич С.А., Романович А.Д., Ланкевич М.В. Внешнеэкономическая политика государства в системе международной торговли и глобального экономического регулирования 393
Забавина Е.Ю., Ермоленко Н.В. Информационно-аналитическая деятельность территориального органа федеральной службы государственной статистики по Донецкой Народной Республике в переходный период 396
Завгородняя Ю.В. Индустрия гостеприимства: новые формы и тренды 399
Завгородняя Ю.В., Бурко А.Р. Инновационные технологии в развитии транзакционного бизнеса (на примере ПАО «Сбербанк») 402
Козаченко Ж.Н. Локальные вызовы и возможности в фармацевтической деятельности: опыт России и ЕАЭС 405
Костина Т.В. SMART-технологии как инструмент достижения целей устойчивого развития региона: стратегические приоритеты и эффекты 408
Костина Т.В., Попов Я.В. Роль финансового анализа в системе стратегического управления международной компанией 411
Костина Т.В., Шмидт И.И. Роль ИИ в управленческих решениях: преимущества и потенциальные проблемы 414
Некрасова О.Л., Третьяков М.П. Проект «Азовское кольцо» как один из ключевых факторов развития потенциала воссоединённых регионов 417

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2026: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
XI Международной научной конференции,
10–12 ноября 2026 г.,
г. Донецк

ТОМ 5
Экономические науки
Часть 2

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*В. Дёмина*
Технический редактор	*М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*А.А. Кужелева, Ю.С. Воробьева*

Адрес оргкомитета:
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2026 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 24,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 26окт121/5б.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: donnu.izdatelstvo@mail.ru

